Г. Н. МОИСЕЕВА

Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Г. Н. МОИСЕЕВА

Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1980

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Ф. Я. ПРИЙМА

М $\frac{70202\ 575}{042\ (02)\text{-}80}$ 549-80.4603010101.

© Издательство «Наука», 1980 г.

От автора

Эта книга посвящена роли древнерусской литературной традиции в России XVIII в.

Естественно возникает вопрос: где проходит грань, отделяющая литературу Древней Руси от литературы нового времени? Внешним хронологическим барьером как будто бы является 1700 год — первый год, счет которого начинался по европейскому календарю с 1-го января. В историко-культурных процессах дело обстоит значительно сложнее.

Период 90-х гг. XVII—первых десятилетий XVIII в. принято называть Петровской эпохой, с которой связано представление о коренной ломке всех общественно-культурных традиций предшествующего времени. Между тем реальная Петровская эпоха к этой ломке не сводится. В этот период наиболее интенсивно и отчетливо нашли выражение те тенденции культурного развития, которые впервые определились в русской литературе 70-х гг. XVII в.

Академик Д. С. Лихачев в статье «Русская культура нового времени и Древняя Русь» пишет: «Для России XVIII—XX вв. одним из основных вопросов ее культурного своеобразия был вопрос об отношении русской культуры нового времени к культуре Древней Руси.

Это отношение новой России к древней прошло несколько этапов, каждый из которых оставил свой след в развитии поэзии, литературы, живописи, архитектуры и философии, а также в общественной мысли нового времени.

Первым этапом отношения к Древней Руси была сама Петровская эпоха. Всем своим существом Петровская эпоха была выражением отношения новой России к древней. Этап этот ждет еще своих исследований».[1]

Далее, кратко показав сложность проблематики, связанной с изучением восприятия древнерусской художественной традиции в XVIII—XX вв., Д. С. Лихачев намечает конкретные пути подхода к разработке этих вопросов: «...огромное значение, — указывает он, — имеет пристальное исследование того, как памятники культуры Древней Руси конкретно отражались в новой русской культуре.

---

[1] *Лихачев Д. С.* Русская культура нового времени и Древняя Русь. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 3.

Подлинное отношение новой русской культуры к Древней Руси лежит в продолжении тем, сюжетов, мотивов Древней Руси, в освоении ее художественных достижений, в художественном проникновении в древнерусскую жизнь, историю и культуру».[2]

Книга «Ломоносов и древнерусская литература»[3] была первым опытом разработки этой проблематики.

В настоящей работе с тех же позиций рассмотрены литературные и исторические произведения русских писателей XVIII в., в которых авторы обращались к древнерусским памятникам в поисках тем, сюжетов, а также исторических источников своих сочинений.

Значительное внимание в книге уделено анализу опубликованных в XVIII в. древнерусских памятников, сопоставлению рукописи с изданием, рассмотрению системы в передаче текста, типам археографического и исторического комментария. Так как издание древнерусских памятников было неразрывно связано с созданием исторических сочинений, эти вопросы исследованы в одной главе.

Новым в культурной жизни России XVIII в. был театр, генетически связанный с ранней русской драматургией конца XVII в. Первые пьесы русского театра XVII в. были явлением целиком светской литературы. В разработке сюжетов библейской и новозаветной истории русские драматические произведения следовали традициям западноевропейского театра.[4] В новых условиях, когда светский театр становится одной из важнейших сфер культурной жизни России XVIII в., эта особенность русской драматургии XVII в. продолжена в классицистической трагедии, получившей в России черты ярко выраженного национального своеобразия. Анализу связи этого жанра с древнерусской литературой посвящена отдельная глава настоящего исследования.

И, наконец, последняя глава — о поэзии XVIII в. в ее связях с традицией древнерусской литературы. Силлабическое стихотворство XVII в. не имело непосредственной преемственности в поэзии XVIII в.[5] Древняя Русь не знала стихотворства как отдельного жанра. Очевидно, что литературная традиция нашла в XVIII в. выражение в гражданской направленности, в воплощении в торжественной лирике тем и сюжетов древнерусской литературы, в попытке создания национальной героической эпопеи, в которой большое место должны были занять значительные события прошлого России.

Своеобразие эпохи потребовало рассмотрения материала с учетом художественного сознания XVIII в., когда господствующим было жанровое мышление, наложившее печать на восприятие древнерусских литературных произведений и их отражение в новых эстетических системах, обусловленных общеевропейским общественно-культурным движением.

---

[2] Там же, с. 7.

[3] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.

[4] *Робинсон А. Н.* Первый русский театр как явление европейской культуры. — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976, с. 8—27.

[5] *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, с. 236—241.

Древнерусская литература к концу XVII в. насчитывала семь веков непрерывного развития, поэтому рассмотреть отражение всей совокупности памятников Древней Руси на протяжении XVIII в. невозможно — это задача многих монографических исследований.

Безусловно специальной темой является конфессиональная литература: церковно-богослужебные, церковно-догматические и церковно-учительные памятники Древней Руси в XVIII в.

Самостоятельным исследованием было бы рассмотрение судеб литературы русского старообрядчества в XVIII в.

Плодотворной, но также отдельной темой мыслится изучение бытования произведений древнерусской литературы в рукописной традиции XVIII в., появление новых редакций и изводов этих памятников, анализ записей и переработок произведений народного творчества в эту эпоху.

Предлагаемая книга посвящена проблеме преемственности в развитии русской литературы, раскрытию роли древнерусских памятников в художественном сознании новой эпохи. Посредством источниковедческого исследования автор пытается определить тематическую общность произведений Древней Руси и XVIII в., выяснить круг памятников древнерусской литературы, известных в XVIII в. и активно использованных драматургами, поэтами и авторами исторических сочинений.

Материал, полученный в результате работы в 23 архивохранилищах нашей страны, оказался огромным. В монографию полностью его вместить невозможно. В книге уделено большее внимание менее разработанным (или совсем не разработанным) темам, например сочинениям по истории России Федора Поликарпова, Феофана Прокоповича, Екатерины II. Значительное место отведено собирательской и издательской деятельности А. И. Мусина-Пушкина — здесь приводятся новые материалы, которые позволяют подойти ближе к изучению истории рукописи «Слова о полку Игореве». Начало работы по этой теме положено книгой «Спасо-Ярославский хронограф и „Слово о полку Игореве“».[6] Творчество В. Н. Татищева-историка за последние годы достаточно полно исследовано в книгах и отдельных статьях советских и зарубежных ученых. Поэтому здесь дается свод в значительной части уже известных работ по данной теме.

Выражаю сердечную признательность сотрудникам рукописных отделов библиотек и архивохранилищ за их активное содействие моей работе над рукописными и печатными материалами XVIII в.

---

[6] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976.

Введение
От древнерусской литературы к литературе нового времени

17 октября 1672 г. в подмосковном селе Преображенском, в новопостроенной «комедийной хоромине» был поставлен первый в России спектакль — «Артаксерксово действо»,[1] пьеса на сюжет библейской «Книги Есфирь», в которой рассказывалось о том, что красавица Есфирь стала женой персидского царя Артаксеркса и спасла свой народ от истребления. На сцене в пышных «царских одеяниях» произносили речи, ссорились, мирились, признавались в любви хорошо известные лица «священной» книги Библии: Артаксеркс, персидский царь; его низверженная супруга, гордая Астинь; Мамурза, «оратор царев»; Мемухан — «канцлер», ближайший советник царя; Мардохей, «евреин, дядя Есфирин» и сама Есфирь, юная царица. Спектакль длился 10 часов без перерыва. Русский царь Алексей Михайлович и все его придворное окружение с неослабным интересом следили за действиями, развивающимися на сцене, несмотря на то что зрители хорошо знали содержание пьесы, отображающей широко известный библейский сюжет.

Д. С. Лихачев отмечает принципиальное новаторство для Руси ее начальной драматургии — «воскрешение прошлого».[2] Безусловно, иллюзия действительности перед зрителем — одна из важнейших особенностей драматургии как жанра.

А. С. Демин справедливо говорит о новом качестве драматических героев 1670-х гг. — их «живости», — которое ярко проявилось уже и в первой пьесе «Артаксерксово действо».[3] В целом автор исследования связывает возникновение этого «феномена подвижности» литературных героев второй половины XVII в. с изменившимся мировоззрением авторов того времени, с новыми требованиями к человеку.[4]

Но чем же вызвано в свою очередь это «новое отношение к человеку» в литературе второй половины XVII в.? Следует обратить внимание на

---

[1] Первые пьесы русского театра. Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.). Издание подготовили О. А. Державина, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская, под редакцией А. Н. Робинсона. М., 1972.

[2] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979, с. 284—286.

[3] *Демин А. С.* Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в. Новые представления о мире, природе, человеке. М., 1977, с. 27—57.

[4] Там же, с. 58.

всеобщность этих явлений, выраженных и в искусстве того времени (в творчестве Симона Ушакова, например), и в появлении деятельных людей — наиболее типичных представителей эпохи, даже принадлежавших к враждебным идеологическим течениям: патриарха Никона и протопопа Аввакума. На эту потребность в «энергичных» людях, проявившуюся и в литературе второй половины XVII в., более всего в драматургии, историческая действительность ответила личностью Петра I, с именем которого связана целая эпоха — Петровская эпоха. Сподвижники царя-преобразователя А. Д. Меншиков, Феофан Прокопович, А. В. Макаров, А. К. Нартов, И. И. Неплюев и многие другие «птенцы гнезда Петрова» характеризуют этот период.

Этот качественный сдвиг в отношении к человеку может быть понят в связи с общественно-экономическими и политическими явлениями в развитии общества.

В работе «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин, говоря об остатках феодальной раздробленности в Московском государстве, писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок».[5]

Русское государство в это время в результате экономического и политического развития начинало приобретать большее значение в международных отношениях Европы, чем в предшествующий период. Преобразование поместного войска в регулярную армию позволило русскому правительству вести более широкую внешнюю политику, одной из первоочередных задач которой было укрепление южных границ в борьбе против турецкой агрессии, урегулирование отношений с Польшей и попытка пробиться к Балтийскому морю. В войне 1676—1681 гг. Русское государство впервые выдержало единоборство с Турцией. В 1686 г. было достигнуто сотрудничество Польши и России — заключен «Вечный мир». Но борьба за выход к Балтийскому морю (отнятый шведами по Столбовскому договору) потерпела неудачу.

Внешнеполитические задачи, выдвинутые в последней трети XVII в., оказались своеобразно «запрограммированными» к разрешению их в Петровское время.[6]

В этот период в государственном строе России происходил ряд характерных изменений. Их общее направление — развитие самодержавия как такой формы правления, при которой царь осуществляет права верховной власти всецело и нераздельно.

Важнейшим завоеванием XVII века была эмансипация культуры. Церковь, всевластная в предшествующие столетия, подверглась серьезным ударам. Секуляризация общественной жизни, быта, сознания знаме-

---

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

[6] *Никифоров Л. А.* Россия в системе европейских государств в первой четверти XVIII в. — В кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 9—39.

нует кризис средневековья и зарождение новой культуры.[7] Стремление познать мир, раскрытие направленности и полезности знаний, обращение к человеческим чувствам — все это означало преодоление узких границ схоластики и создавало почву для формирования в России раннего Просвещения.[8]

Театр явился одним из наиболее типичных провозвестников этого нового этапа в идеологической жизни России, сблизившей ее с Западом.

Как и на Западе, в первых пьесах русского театра разрабатывались именно библейские сюжеты. Из «священной», «богодухновенной» книги Ветхого завета[9] Библия и в России становилась источником мирских литературных сюжетов. К 70—80-м гг. XVII в. относятся постановки в придворном театре пьес Симеона Полоцкого: «О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных», в основу которой положена библейская книга пророка Даниила и «Комидия притчи о блудном сыне» на сюжет евангельской притчи.

Общая эмансипация культуры, более гибкие формы церковной цензуры не замедлили сказаться на характере образования русских людей, в частности на их обращении к Западной Европе. Активные литературно-общественные и научные контакты наладились в первую очередь с Польшей. Посольский приказ — тогдашнее Министерство иностранных дел Русского государства, где были собраны переводчики, дьяки и подьячие, т. е. люди умственного труда, представители из среды московской интеллигенции того времени, — стал центром переводческой и своего рода «издательской» деятельности. Список научных и исторических сочинений, литературных произведений, книг по домоводству, астрономии, земледелию, политике и этике, переведенных с польского языка, в настоящее время заметно пополнен.[10] Выяснилось, что в России XVII в. были известны книги польских писателей и мыслителей XVI—XVII вв. (оригинальные труды и переводы важнейших европейских географических, математических, астрономических, врачебных, политических и церковно-исторических сочинений).

В 40-х гг. XVII в. в Киево-Могилянской академии в курсах философии излагается учение Коперника.[11] В середине XVII в. появляется на Руси первое изложение взглядов Н. Коперника в переводном четырехтомном труде Блеу «Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus, in quo tabulae et descriptiones omnium regionum» («Позорище всея вселенныя, или Атлас новый, в нем же начертания всея вселенныя и описание всех ее частей»). Епифаний Славинецкий (переводчик труда Блеу) во вводной

---

[7] *Краснобаев Б. И.* Русская культура XVIII века. Предмет и задачи изучения. — История СССР, 1976, № 6 (ноябрь—декабрь), с. 30—31.

[8] *Winter E.* Frühaufklärung. Berlin, 1966, S. 275—287.

[9] *Рижский М. И.* История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978, с. 3—6, 14; *Робинсон А. Н.* Первый русский театр как явление европейской культуры. — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976, с. 8—27.

[10] *Луппов С. П.* Книга в России в XVII в. Л., 1970, с. 194—203.

[11] *Ничик В. М.* Из истории отечественной философии конца XVII—начала XVIII в. Киев, 1978, с. 140—143.

части первого тома поместил содержание взглядов Н. Коперника, не указывая при этом, что система Коперника была осуждена католической церковью. О системе Коперника в России знали и из работы данцигского астронома Иоганна Гевелия «Селенография» («Описание Луны»), изданной по-латыни в 1647 г. и переведенной в 70-х гг. в Москве. В 50-е гг. XVII в. был составлен перевод 76-й главы «Космографии («Kosmografia») по Меркатору и Бельскому, в 80-х — труд Стефана Нивесского о кометах, «Herbarz» («Травник» — лечебник); «Алкоран», переведенный в 1683 г. И. Галятовским, «Chorografja albo topografja ziemie swiętej», переведенная в Польше с латинского А. Краковчиком, а с польского А. Рымшей, «Peregrynacja do ziemie swiętej» Н. Радзивила, сборник астрологических трактатов пророка Даниила, польский планетник (оригинал которого в Польше до настоящего времени не обнаружен), «Музыкальная грамматика» Дылецкого, «Экономика» («Домостроение») Аристотеля, переведенная в 1676 г. стольником Федором Богдановым, «Проблемата» Аристотеля, изданная Шлафенбергом в 1567 г. и переведенная в России в 1677 г., «Двор цезаря турецкого» С. Старовольского, замечательный политический трактат А. Моджевского «De emenande republica», в русском переводе 1678 г. названный «О исправлении гражданского жития», философско-исторический трактат «О причинах гибели царств», дидактическое сочинение Яна Жабзыца «Polytyka dworskie», в русском переводе названное «Выдание о добронравии». Не сохранился, к большому сожалению, переведенный Епифанием Славинецким рассказ о казни английского короля Карла I.

В культурных контактах Польши и России второй половины XVII—XVIII в. значительное место занимают труды польских историков. Наибольшая роль здесь принадлежит историческому сочинению М. Стрыйковского «Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi», изданному в Кенигсберге в 1582 г. и дважды (в 1673—1679 и в 1688 г.) переведенному на русский язык. «Хроника» Стрыйковского оказала огромное влияние на формирование украинской, белорусской и русской историографии конца XVII—XVIII в.[12] Достаточно напомнить, что материалы ее оказались включенными в «Синопсис» И. Гизеля — первый печатный труд по русской истории, в украинскую «Хронику» Сафоновича, в «Историческое учение» времени Федора Алексеевича, в «Скифскую историю» А. Лызлова и, наконец, не только материалы «Хроники» Стрыйковского, но методика работы ее автора над историческими источниками оказали влияние на исторические труды В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова.

«Kronika swiata» («Всемирная хроника») М. Бельского, польского историка и писателя конца XVI в., также была переведена в России. Влияние ее сказалось не только в исторических трудах, но, как установлено исследователями, послужило источником некоторых повествовательных сочинений («Повести о Скандербеге»,[13] «Истории о чешском коро-

---

[12] *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966, с. 5—308.

[13] Повесть о Скандербеге. Издание подготовили Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. М.—Л., 1957, с. 131—147.

левиче Брунцвике»). Такую же примерно роль сыграла «Kronika Sarmacji europejskiej» А. Гваньини, давшая материал для составления «Повести о Бохеме».[14] Переведены были в России исторические сочинения Горгина и Пясецкого, Длугоша и Кромера. «Annales eccleasiastici a Christo nato ad annum 1196» («Церковные анналы») Цезаря Барония, изданные в Риме в 1588—1607 гг., были опубликованы в 1603 г. в Кракове в сокращенном переводе на польский язык П. Скарги, а затем трижды переведены на русский язык: в начале XVII в.; позднее в 1678 г. И. Лакрецким и в начале XVIII в. А. Матвеевым, перевод которого был издан в Санкт-Петербурге в 1719 г.

Таким образом, сочинения польских историков эпохи Возрождения были хорошо известны в Московской Руси XVII в. Значительное количество рукописных списков (это относится прежде всего к «Хронике» Стрыйковского) раскрывает популярность этого произведения, показывает, что русский читатель конца XVII—начала XVIII в. смог полностью понять и оценить этот труд как исторический источник с большей ответственностью, чем некоторые исследователи XIX в., обвинявшие польского историка в «выдумках» и «баснословии».

Царь Алексей Михайлович и его ближайшие сподвижники проявляли большое внимание к русской истории. Было создано специальное учреждение — Записной приказ, целью которого было составление истории России с древнейших времен. Но реализация замысла не осуществилась.

В XVII в. в России получают большое распространение рукописные учебники, охватывающие самые различные области естественнонаучных и гуманитарных знаний. Название некоторых учебников мы узнаем из описи библиотеки профессора Ф. Г. Баузе, сгоревшей в московском пожаре 1812 г.: «О художестве риторическом. Вероятно, сочинение российское, второй половины XVII века. Рукопись отлично-чистая. В 4°»; «Риторика чистого письма XVII века в малый формат»; «Цветы риторики 1682-го года. В 4°»; «Примеры разных речей: в намерении увещания, возбуждения, прошения и проч. Половины XVII века, в 4°»; «Врачевница душевная. Собрание наставлений и повестей половины XVII века, в лист»; «О суете мира. Сочинение философическое с разными физиологическими примечаниями о рождении человека и проч., начало XVII века, в 4°»; «Цифирная счетная мудрость, другая систематическая Арифметика отличной чистоты, писанная в 1647 году, в 4°»; «Арифметика половины XVII века, в 4°»; «Арифметика российская... Достойная примечания рукопись половины XVII в., в 4°»; «Арифметика — практика или деятельная»; «Геометрия или землемерие. Любопытнейшая математическая рукопись XVII века. Отличной чистоты письмо, в лист»; «Геометрические записки конца XVII или начала XVIII века, в 4°»; «Сферическая тригонометрия, писанная в начале XVII века, в 4°»; «Геометрия или Геодезия, писанная не позже половины XVII века, в 4°»; «Подобная же книга, писанная в царствование Федора Алексеевича с прило-

---

[14] *Панченко А. М.* Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969, с. 46—83.

жением вышедших по сей части указов, в 4°»; «О сошном и о вытном письме, или рукопись, содержащая начала геодезии или землемерного искусства, в том виде, как оно у нас существовало в XVII в. Рукопись достойнейшая примечания для историка, в лист»; «Геодезия российская последней половины XVII века в лист».[15]

Из приведенных названий рукописных учебников XVII в. можно видеть, что от них был один шаг до печатных учебных книг первых десятилетий XVIII в.

Помимо расширения тематического книга в России второй половины XVII в. претерпевает и социальную эволюцию. Д. С. Лихачев связывает с этим явлением функциональное развитие литературы и появление новой системы жанров.[16] Так, книги появляются в придворной среде, в которой культивируют литературу русского барокко.[17] Борьба идей, освоение опыта официальной литературы посредством сатирического использования ее форм характеризуют творчество демократических писателей. «Служба кабаку», «Калязинская челобитная» — явление новой литературы, получившей развитие в русской сатирической журналистике 70—80-х гг. XVIII в. С большой долей вероятности можно считать, что и «Житие» протопопа Аввакума, убежденного защитника старых устоев, — также явление новой русской литературы, возникшей на сломе средневековых жанров. Иначе как было бы возможно представить себе написание жития — описания жизни святого, которое составляют после его смерти, с упоминанием чудес, происшедших над гробом святого? Ведь Аввакум не святой, а священник, представитель белого духовенства, живущий мирской жизнью. Он сам пишет свое «Житие», сам утверждает свое право на внимание к своей жизни. В 70-х гг. XVIII в., через сто лет после протопопа Аввакума, этот опыт повторит А. Н. Радищев, написавший «Житие» своего друга Федора Ушакова.

Новая литературная культура, как это убедительно показал А. М. Панченко, получила отражение в барочной силлабической поэзии XVII в.[18]

Большие изменения, совершившиеся в русской литературе в 1670—1720-х гг., были подготовлены всем предшествующим развитием культуры, но теснее всего они были связаны с новыми явлениями, явственно выступающими в литературных памятниках XVII в.

Характеризуя XVII век как особую эпоху в русском литературном процессе, Д. С. Лихачев показывает, что в обстановке антифеодальных движений и серьезных политических кризисов сформировалось новое общественное сознание демократических слоев населения, которое и определило «быстрое движение вперед», и обусловило существенные измене-

---

[15] *Моисеева Г. Н.* «Собрание российских древностей» профессора Баузе. — ТОДРЛ, т. XXXV (находится в печати).

[16] *Лихачев Д. С.* Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы. — В кн.: Славянские литературы XI—XIX вв. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. М., 1973, с. 173—177.

[17] *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974, с. 25—26.

[18] *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, с. 167—209.

ния литературы.[19] К числу принципиально новых явлений Д. С. Лихачев относит отход от средневекового историзма, рождение литературного вымысла и возникновение во второй половине XVII в. стиля барокко.

В литературе 1690—1720-х гг. эти изменения приобрели новые качества, которые в значительной степени объясняются исторической обстановкой Петровской эпохи, когда вопросы государственного устройства России решались в напряженной политической обстановке стрелецких восстаний и военных походов.

Литература первых десятилетий XVIII в. представляет собой удивительное смешение «старины» и «новизны», проявляющееся в острых идеологических столкновениях, в причудливом переплетении, сосуществовании различных стилистических форм.

Петровская эпоха в литературе — это эпоха смелых экспериментов, результаты которых сказались в последующий период в творчестве А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова — основоположников новой русской литературы XVIII в.

В понимании творческих процессов, происходивших в русской литературе 1690—1720-х гг., нельзя не учитывать ее «грунтового пласта» (выражение П. Н. Сакулина)[20] — прочных традиций древнерусской литературы, а также литературы второй половины XVII в., обладающей многими новыми чертами. Это культурное наследие было живым не только в Петровскую эпоху, но, как увидим далее, преемственность и одновременно борьба с ним будут проходить на протяжении всего XVIII века.

Огромные экономические и социальные преобразования, происшедшие в Русском государстве в начале XVIII в., послужили основой подъема в области культуры. Реформы высших и центральных органов государственного управления, создание военно-морского флота и регулярной армии нового типа, борьба с реакционной оппозицией способствовали созданию государства нового типа. Правительство Петра I проводило просветительские начинания: открывались школы, гимназии и университет при Академии наук, куда был объявлен прием не только детей дворян, но и выходцев из податных сословий. Правительству нужны были образованные люди, поэтому молодежь посылали в «чужие краи» для обучения наукам и «политическим нравам».

Новый взгляд на человека, на его место в системе государственного устройства был открыто декларирован в официальном документе — «Табели о рангах». Здесь подчеркивалось, что не происхождение, а личные заслуги, личные достоинства человека подлежат оценке с точки зрения общественной пользы.

Проникнутые просветительскими тенденциями реформы первых десятилетий XVIII в. утверждали новое мировоззрение, в котором живо ощу-

---

[19] *Лихачев Д. С.* 1) Человек в литературе Древней Руси. Изд. 2-е. М., 1970, с. 108—111; 2) Семнадцатый век в русской литературе. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 299—328.

[20] *Сакулин П. Н.* Русская литература, ч. I. М., 1928, с. 188.

щаются веяния Возрождения.[21] Господство светского начала и отказ от религиозного аскетизма — характерные черты Петровской эпохи — родственны и идеям раннего Просвещения.

Но наряду с ясно ощутимыми чертами гуманистического просветительства Возрождения для России Петровского времени характерно и осложненное мироощущение. Барокко нашло выражение в прикладном искусстве, в придворном декоративном убранстве, отчасти в архитектуре, в оформлении празднеств (триумфальные арки, надписи) и связанных с ними школьных «действ». Издание в 1705 г. книги «Символы и эмблемы» («Symbola et emblemata»), содержащей свыше восьмисот аллегорических эмблем и символов, наиболее употребительных в западноевропейской культуре, позволило русскому читателю освоить мир условных образов барокко и классицизма. Те же цели преследовало и издание книги «Библиотеки, или о богах» Аполлодора, в котором раскрывалось значение античной культуры.

Светский характер новой культуры требовал существенной перестройки всех ее сторон, включая и литературу. В переломную эпоху конца XVII—первых десятилетий XVIII в. происходил этот процесс, который занял более четверти века, прежде чем русская литература ознаменовалась качественными изменениями, явившимися результатом освоения жизнеспособных и преодоления обветшалых традиций.

Просветительская направленность Петровской эпохи, то большое внимание, которое уделял сам царь формированию нового общественного сознания, вызвала потребность в возобновлении театра, который, по мысли Петра I, должен был приобщить русских людей к новой светской западноевропейской культуре и способствовать правильному пониманию правительственных мероприятий.

В 1702 г. в Москве на Красной площади был построен общедоступный театр. Приглашенная немецкая труппа актеров во главе с Иоанном Кунстом должны были «царскому величеству всеми вымыслами, потехами угодить, и к тому всегда доброму, готовому и должному быти».[22]

После смерти Кунста (1703 г.) во главе труппы стал Отто Фюрст, продолживший традиции театра Кунста, который в свою очередь представлял собой ответвление труппы известного немецкого антрепренера Фельтена.

Театр был передан в ведение Посольского приказа. И это не случайно: Посольский приказ уже в XVII в. был важным центром литературной жизни Москвы. Здесь переводили «Вести—куранты», книги

---

[21] Г. А. Гуковский впервые отметил «черты ученого-гуманиста эпохи Возрождения с просветительскими стремлениями европейской мысли его времени» в характеристике Феофана Прокоповича (см.: *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII в. М., 1939, с. 15). Эту же мысль разделяет и В. В. Кожинов (см.: *Кожинов В.* Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк. М., 1963, с. 192—194). И. Иоффе относит «ранний Ренессанс» в России к XVII в., «высокий Ренессанс» — к XVIII в. (см.: *Иоффе И.* Русский Ренессанс. — Учен. зап. ЛГУ, № 72. Сер. филол. наук, вып. 9. Л., 1944, с. 263).

[22] *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, с. 422.

естественнонаучного содержания, литературные произведения. «Издательская» деятельность Посольского приказа была многосторонней и разнообразной.[23] Переводчики Посольского приказа были представителями московской интеллигенции XVII в., знатоками и ценителями книги. В их среде формировались составители русских литературных памятников.

14 декабря 1702 г. состоялся первый спектакль немецкой труппы Кунста с участием в нем русских актеров, набранных из подьячих и посадских людей. Позднее пьесы стали исполняться одними русскими актерами.

В делах Посольского приказа сохранилось «Описание комедиям, что каких есть в государственном Посольском приказе, мая по 30 число 1709 года».[24] Кроме «Описания» сохранился краткий перечень комедий, пополняющий его еще двумя названиями. Из пятнадцати поименованных здесь пьес до нас дошло только шесть; остальные известны лишь по названиям.

Основное место в театре Кунста—Фюрста занимают пьесы, написанные на темы античной истории: «О крепости Грубстона, в ней же первая персона Александр Македонский», «Два завоеванные городы, в ней же первая персона Юлий Кесарь», «Сципио Африкан». В последней пьесе русский зритель впервые увидел на сцене трагическую борьбу в героях между страстью и долгом, чувством и разумом, личным и общественным в духе классицизма. Масиниза провозглашает верность нравственному долгу «до смерти». Героиня пьесы Софонизба восклицает: «Всегда подобает отечеству пользу своей собинной представить». Пьеса о Софонизбе несет на себе отчетливый отпечаток трагедий эпохи Возрождения, но в то же время в ней чувствуется налет «галантности» (в поведении героев, и особенно в выражении ими своих чувств).

Наряду с пьесами, условно связанными с греко-римской историей, в театре Петровского времени разыгрывались спектакли на темы частной семейной жизни. Так была поставлена трагедия итальянского драматурга А. Чиконьини «Честный изменник, или Фридерико фон Поплей и Алоизия, супруга его», тема которой была отмщение поруганной супружеской чести. В московском театре шла также пьеса, представляющая переделку драмы Кальдерона «Сам у себя под стражей». В русском переводе не испанской драмы, а ее французской переделки Т. Корнелем пьеса называлась «Принц Пикель-Гяринг, или Жоделетт, самый свой тюрьмовый заключник». Русские зрители были знакомы с переделкой французского перевода итальянской пьесы о Дон-Жуане — «Комедия о Доне-Яне и Доне-Педре». Ставились и комедии Мольера: «Порода Геркулесова, в ней первая персона Юпитер» (это — «Амфитрион») и «Доктор принужденный» (это — «Лекарь поневоле»). Русские переделки пьес

---

[23] *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.). — В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. VIII. М., 1963, с. 179—244.

[24] *Тихонравов Н. С.* Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. II. СПб., 1872, с. 80.

Мольера, к сожалению, не сохранились, и известны по упомянутому выше «Описанию комедиям, что каких есть в государственном Посольском приказе 30 мая 1709 года».

Театр Кунста—Фюрста не смог оправдать надежд правительства Петра I. Предполагалось, что на сцене можно будет разъяснять государственную политику, особенно военные победы русских войск, но немецкая труппа могла представить лишь пеструю картину западноевропейских пьес, разнохарактерных по политическим тенденциям и по литературным направлениям (от барочных тенденций в переделках пьес Кальдерона[25] до классицистических проявлений в трагедии «Сципио Африкан» и в пьесах Мольера).

Неудовлетворенность публичным театром (который в 1707 г. был закрыт)[26] заставила Петра I обратить большое внимание на школьный театр, существовавший в Славяно-греко-латинской академии. Помимо него в Москве начала XVIII в. был другой центр, где развивалась русская драматургия, — Московский «гофшпиталь», основанный в 1706 г. Его директором, доктором Бидлоо, при госпитале была открыта медицинская школа (Московская госпитальная, или хирургическая школа), ученики которой набирались из разных сословий, причем значительную часть их составляли переходившие в школу ученики Славяно-греко-латинской академии. Их силами и был устроен школьный театр.

Театральные представления, разыгрывавшиеся учениками Славяно-греко-латинской академии («благородными великороссийскими младенцами»), опирались на традицию школьных спектаклей Киево-Могилянской академии. Школьная драма — религиозно-церковное произведение на библейские и житийные сюжеты, преследовавшие пропаганду христианской морали и религии.

В Петровскую эпоху бурная общественная жизнь внесла значительные изменения в характер школьной драматургии. Святых подвижников на сцене школьного театра сменили мирские лица, повествующие о мирских политически злободневных событиях. Если в первой пьесе, поставленной в Славяно-греко-латинской академии в 1701 г., была драма на сюжет евангельской притчи о богатом и Лазаре («Ужасная измена сластолюбивого жития с прискорбным и нищетным»), проводилась идея всеобщего мира, расходившаяся с политическими устремлениями правительства Петра I, то уже в следующей пьесе («Страшное изображение второго пришествия господня на землю») в апокалиптическую тематику включаются эпизоды, связанные с событиями современности. В пьесе были выпады против польского сейма и значительное место отведено панегирикам по адресу Петра I.

В дальнейшем публицистическая и панегирическая направленность школьной драматургии определяются все отчетливее, и спектакли Сла-

---

[25] *Балашов Н. И.* Славянская тематика у Кальдерона и проблема Ренессанс—Барокко в испанской литературе. — Изв. АН СССР, т. XXVI, вып. 3. М., 1967, с. 227—240.

[26] *Богоявленский С. К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. — ЧОИДР, М., 1913, кн. 2, с. 145—146.

вяно-греко-латинской академии, Московской хирургической школы и придворного театра сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны начинают выполнять ту функцию, осуществление которой было возложено на публичный театр Кунста.

С 1707 по 1711 г. в подмосковном селе Преображенском существовал театр при дворе царевны Натальи Алексеевны, переведенный затем в Петербург. Наталья Алексеевна — любимая сестра царя, разделявшая его взгляды и поддерживавшая его реформаторскую деятельность, ставила на сцене пьесы религиозно-церковные и светские, переводные и оригинальные. Наряду с драматизированными переработками житий святых из Четьих-Миней митрополита Димитрия Ростовского и театрализованными церковными службами — «Комедия о богородице», «Комедия Рождеству» — в подмосковном (а позднее в Петербургском) театре Натальи Алексеевны осуществлялись инсценировки популярных переводных любовно-авантюрных романов — «Комедия Олундина», «Комедия о прекрасной Мелюзине», «Комедия о Петре Златых Ключей», «Комедия о итальянском маркграфе и о безмерной уклонности графини его», представляющая переработку одной из новелл «Декамерона» Боккаччо.[27]

С школьным театром при Московском госпитале связаны несколько пьес. Большой интерес представляет собой комедия «Слава российская», разыгранная в мае 1724 г. по случаю коронации Екатерины I в присутствии Петра I и петербургского двора. Как установлено первым издателем пьесы М. И. Соколовым, ее автором является бывший студент Славяно-греко-латинской академии Ф. Журовский.[28]

Вскоре после смерти Петра I на сцене госпитального театра была поставлена пьеса «Слава печальная», посвященная памяти царя-преобразователя. Здесь дается общая оценка всей деятельности Петра I, говорится о победах на суше и на море, об основании Петербурга и Кронштадта, прославляются его заботы о просвещении страны.

С. А. Щеглова, опубликовавшая пьесу «Слава печальная», сопоставив ее с «Славой российской», пришла к выводу, что обе пьесы, близкие по времени, написаны одним автором — Федором Журовским.[29] В формировании идейных воззрений Журовского и его эстетических представлений большую роль, несомненно, сыграл Феофан Прокопович — горячий сторонник петровских преобразований, талантливый писатель, историк, и в печатных и в устных словах и речах запечатлевший образ новой России.

Творчество Феофана Прокоповича — писателя, публициста и теоретика литературы — до настоящего времени не получило еще всесторонней оценки.[30] Курс «Поэтики», написанный им в 1705 г. и прочитанный студентам Киево-Могилянской академии, является «первым значитель-

---

[27] *Шляпкин И. А.* Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. — Памятники древней письменности, т. CXXVIII. СПб., 1898.

[28] *Соколов М. И.* Слава российская. — ЧОИДР. М., 1892, кн. 2, с. III—XXVI, текст пьесы — с. 1—29.

[29] *Щеглова С. А.* Неизвестная драма о смерти Петра I. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 379—380.

[30] Превосходная вступительная статья И. П. Еремина к Сочинениям Феофана Прокоповича, изданным под его редакцией в 1961 г., к сожалению, очень кратка.

ным памятником русской теории поэзии».[31] В вопросе о вымысле как способе обобщения действительности, в характеристике жанров, родов литературы и их стилистического воплощения он близко подошел к теоретическим основам классицизма, учитывая при этом лучшие достижения искусства поэзии барокко (в произведениях Торквато Тассо и Яна Кохановского).[32]

Если можно характеризовать эпоху, называя писателя, в творчестве которого она нашла наиболее полное выражение, то для начала XVIII в. нужно назвать именно Феофана Прокоповича. В его трудах оказались протянутыми нити от древнерусской литературы к литературе нового времени, от средневековой религиозной идеологии к раннему Просветительству. Связи эти были еще очень слабы, но они дали стимул для развития новых качеств русской литературы, получивших выражение в творчестве Ломоносова и Сумарокова — основоположников русского классицизма.

Эстетические принципы классицизма, во многом связанные с воззрениями эпохи Возрождения, в то же время несли в себе принципиально иной взгляд на человека. Гуманизму Возрождения с его апологией свободы человеческой личности, утверждением ее неисчерпаемых возможностей классицизм противопоставил систему миропредставления, в которой оказалась запечатленной несвобода человека от его долга, трагизм конфликта разума и чувства.

Классицизм способствовал освоению русским искусством художественного опыта Запада. Он служил упорядочению литературной системы и выработке правил, которыми руководствовались русские писатели на протяжении всего столетия. Несмотря на появление новых литературных направлений в конце XVIII в. — сентиментализма и раннего романтизма, — основные жанры литературы русского классицизма и сохранили свое значение в течение длительного времени, оказав влияние на формирование литературы начала XIX в.

В условиях Русского государства классицизм получил своеобразное осмысление в соответствии с национальными традициями древнерусской литературы. Как показала В. П. Адрианова-Перетц, древнерусские авторы прибегали к прославлению исторических деятелей, к патриотическому описанию богатств России. Эта эстетическая традиция выражения гражданских лирических чувств оказалась унаследованной русским классицизмом. «Изучение древнерусской литературы со стороны этого ее качества, — писала В. П. Адрианова-Перетц, — создает правильную историческую перспективу для изображения места гражданской лирики XVIII в. в общем литературном процессе».[33]

---

[31] *Кулакова Л. И.* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в. Л., 1968, с. 7.

[32] Там же, с. 7—13; *Бояджиев Г. Н.* Вопрос о классицизме XVII в. Драматургия и театр. — В кн.: Ренессанс. Барокко. Классицизм. М., 1966, с. 314; *Łużny R.* Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejow związkow kulturalnych polsko-wschodnioslowianskich XVII—XVIII ww. Kraków, 1966, s. 58—76.

[33] *Адрианова-Перетц В. П.* О связи между древним и новыми периодами в истории славянских литератур. — ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, с. 447.

С восприятием классицизма русская литература XVIII в. освоила целый комплекс идей, которые в условиях Русского государства получили своеобразное осмысление в соответствии с собственными культурными и идеологическими традициями, унаследованными от предшествующих эпох исторического развития. Так, идея подчиненности человека надличностным силам, вообще свойственная эпохе абсолютизма, у русских авторов явилась источником утверждения высокого гражданственного назначения литературы. С национальной традицией связан и высокий патриотизм русской литературы того времени.

Классицизм как эстетическая система создал стройное учение о жанрах с формальной замкнутостью стилевого канона. Ведущее место в системе жанров заняли эпическая поэзия и драматургия. Исторические сочинения также имели художественную функцию. Не случайно их авторов называли «писателями истории». Н. М. Карамзин — автор «Истории государства российского» — завершил историографическую традицию XVIII в. Его грандиозное сочинение, основанное на привлечении огромного количества древнерусских и иностранных источников, является, как указывал еще В. Г. Белинский, одновременно и историческим трудом, и памятником русской литературы.

Своеобразие культуры изучаемой эпохи потребовало рассмотрения материала и через восприятие XVIII в. В. И. Ленин выписал из «Философских тетрадей» Гегеля следующее суждение, с которым он полностью согласился: «Каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние, что только исходя из него самого, основываясь на них, должно и единственно возможно судить о ней».[34]

Русская литература конца XVII—начала XVIII в. явилась своего рода «опытным полем», на котором осуществлялись первые контакты древнерусской культурной традиции с западноевропейской.

---

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 281—282.

Глава I

Памятники древнерусской литературы в изданиях и исторических сочинениях XVIII в.

Потребность в написании сочинения по истории России, осознанная в конце XVII в., в первые десятилетия XVIII в. приобрела еще большее значение.

Известно, что Петр I проявлял большой интерес к историческим наукам. При всем стремлении к преобразованиям в области политики, науки и культуры и внимании к западноевропейским образцам Петр I далеко не так однозначно, как это принято думать, относился к древнерусской книжности, к памятникам литературы и искусства. Достаточно напомнить некоторые факты, которые заставляют несколько иначе представлять культурную политику Петра I и его позицию в отношении к национальным традициям. Поэтому трудно согласиться с мнением Н. К. Никольского о том, что радикальные изменения, совершившиеся в укладе русской жизни в начале XVIII столетия, обесценили наследие старой русской культуры, списали значимость монастырских и церковных книжных собраний.[1]

По свидетельству П. Н. Крекшина (основанного, как он пишет, на рассказе воспитателя Петра I Н. М. Зотова), в 1684 г. Петр I (которому было тогда 12 лет) осматривал Патриаршую библиотеку и нашел, что рукописные книги в ней «в великом беспорядке разбросаны и многие истлевшие, за что крайне разгневался на патриарха и вышел, не сказав ни слова».[2] Тогда же он приказал Н. М. Зотову «оные книги разобрать, привести в порядок, сделать им опись и хранить ту библиотеку за царской печатью».[3] «Описание Патриаршей библиотеки», осуществленное в 1718 г., явилось реализацией указаний Петра I.

В личной библиотеке Петра I в числе книг по самым разнообразным отраслям знаний хранились и древнерусские рукописи.

---

[1] *Никольский Н. К.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. — В кн.: Памятники древней письменности и искусства, т. CXXVII. СПб., 1902, с. 27.

[2] Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого трудами и иждивением Федора Туманского, ч. V, Пб., 1787, с. 140.

[3] Там же, с. 141.

Проезжая в 1711 г. Кенигсберг, Петр I посетил Королевскую библиотеку, где увидел украшенную миниатюрами древнюю русскую рукопись, которую подарил библиотеке польский магнат Н. Радзивил. Петр I сразу заказал снять точную копию с рукописи и с рисунков для своей библиотеки. Так называемая Петровская копия Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, находившаяся с 1725 г. в Библиотеке Петербургской Академии наук, сыграла чрезвычайно важную роль в истории русской науки. До 1758 г. (когда в Петербург была привезена подлинная Кенигсбергская летопись) над Петровской копией работали: И.-В. Паузе (переведший ее на немецкий язык), Г.-З. Байер, В. Н. Татищев, Г.-Ф. Миллер (издавший отрывки из летописи в «Sammlung russischer Geschichte» в 1732—1735 гг.) и М. В. Ломоносов.

Придавая серьезное значение древнерусским памятникам, Петр I издал указы в 1720 и 1722 г. о сборе рукописей в церквах и монастырях и об отправке их в Синодальную библиотеку.

Безусловно, заботы Петра I о сохранении древнерусских рукописей были продиктованы тем, что он оценил значение памятников как источников сведений по истории России. По указанию Петра I намечалось подготовить новое издание первопечатного Апостола 1564 г.[4] Кроме того, он поставил цель — создать обширный труд по истории России.

В 1708 г. начальник Монастырского приказа А. И. Мусин-Пушкин передал директору Московской типографии Федору Поликарповичу Поликарпову-Орлову распоряжение Петра I о написании «Истории России» от древнейшей поры и до современных событий. Выбор Ф. Поликарпова был не случаен. Талантливый ученик братьев Лихудов в Славяно-греко-латинской академии, образованный справщик Печатного двора, хорошо знакомый с печатными и рукописными книгами, знаток латинского и греческого языков (он принимал самое деятельное участие в составлении «Лексикона треязычного», изданного в Москве в 1704 г.), Поликарпов, по мнению И. А. Мусина-Пушкина, обладал необходимыми данными для создания первого печатного труда по истории России.

10 октября 1708 г. И. А. Мусин-Пушкин писал Поликарпову: «Историю указал государь писать, почав от царства великого князя Василья Ивановича, даже и до днесь российских дел. И есть ли ты можешь делать, и ты делай с прилежанием; а будет тебе невозможно, и ты ко мне отпиши. А есть ли зделаешь, приимешь милость».[5]

Поликарпов, по-видимому, согласился, но просил И. А. Мусина-Пушкина сообщить о характере будущего исторического сочинения, готового образца которого не существовало. 26 октября того же года из Брянска Мусин-Пушкин ответил Поликарпову: «О летописании, каковым образом писать, аще повелит Бог быть мене на Москве, общим советом учиним; но твоя милость ныне напиши лет пять пространно и сокращенно,

---

[4] *Долгова С. Р.* Уникальный экземпляр Апостола 1564 года. — Книга, т. XXVII. М., 1973, с. 174—177.

[5] Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. VIII, вып. 2. М., 1951, с. 938.

и будет мы замешкаемся, пришли к нам. А есть ли труды твои будут угодны в совершенстве, уповаю не без доброго воздаяния быти».[6]

Сохранились две редакции сочинения Поликарпова. Анализ этих редакций позволяет не только представить этапы работы Поликарпова над «Историей России», но и увидеть процесс формирования исторического сочинения, которое, по замыслу Петра I, должно было отвечать требованиям современной науки и быть доступным широкому кругу читателей.

В ЦГАДА в фонде Посольского приказа хранится сборная рукопись конца XVII—первых лет XVIII в.[7] На обложке запись: «Книга Степенная часть 2-я». В начале сборника помещены хронографические известия (л. 1—220 об.), «Сказание и хождение великого храброго царя Александра великия Македонии самодержца наказание храбрым чудно и дивно послушати» (л. 221—265 об.), отрывки летописных известий под заглавием: «О летех, в них же киевское княжение и всея России самодержство под татарским пребысть игом» (л. 266—287 об.), «О начале государства полского и чешского» (л. 288—395 об.), «Книга о Троянском царстве и о разорении его» (л. 396—421 об.), «Сказание или повествование о Вавилонском царстве и о запустении его» (л. 422—425). Здесь помещены отдельные небольшие заметки о великом князе Василии Васильевиче, о княжении на Москве великого князя Иоанна Васильевича, известие о стрелецком восстании 1682 г.

Далее известия приобретают новый характер: они как бы фиксируют текущие события, их последовательность вызвана фактической взаимосвязью фактов. На л. 443 об. сообщено о том, что «посланы с Москве великие полномочные послы генерал Франц Яковлевич Лефорт, да боярин Федор Алексеевич Головин с товарищи за море». На л. 445 об. известие об их возвращении, на 471 — рассказ о результатах посольства Емельяна Украинцева. А внизу приписка: «А подлинная о всем о том записка явится в статейном их списку». На л. 472 «Список 3 договорного писма, каково дано в Констянтине поле на славенском языке турского салтана великому везирю и министром, которые были на конференции в нынешнем 1700 году июля в 6 день».[8] Выражение «в нынешнем 1700 году» позволяет вполне обоснованно полагать, что заметки, относящиеся к событиям последних лет XVII в. и к первым годам XVIII в., фиксируют текущие факты в их последовательности: «1706 марта в 11 день боярин и воевода Борис Петрович Шереметев с товарищи и с ратными людми пришел под Астрахань».[9] Подробно описан поход Шереметева. Далее выборочно освещены отдельные моменты Северной войны и вклеены печатные реляции, манифесты, реестры «взятых в полон шведских офицеров и рейтаров, и драгунов, и солдат».

Под 1708 г. помещено «объявление баталии меж его царским величеством российским и шведским генералом графом Левенгоптом при де-

---

[6] Там же, с. 938.
[7] ЦГАДА, ф. 181, № 849, л. 1—579.
[8] ЦГАДА, ф. 181, № 849, л. 472—485 об.
[9] Там же, л. 486.

ревне Лесной от Пропойска в дву милях».[10] Ниже сообщено об измене Мазепы: «1708 ноября гетман Ивашко Степанович Мазепа малороссийских городов великому государю изменил, отъехал к шведскому, а старшины к нему не пристали».[11]

Подробно описано сражение под Полтавой на основании «Обстоятельной реляции о главной баталии меж войск его царского величества российского и королевского величества свейского, учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня в 26 день 1709 лета».[12]

На л. 507 переписано с печатного «Изъявление фейрверка 1710 году генваря в 1 день». К л. 509—510 приклеены печатные реляции о взятии Выборга и «о поведении бывшему в армее его царского величества мая с тридесятого числа 1711 году о бою в турки и о постановлении вечного мира».[13]

Описание событий Северной войны перебивается заметками, в которых сообщено об отдельных происшествиях, случившихся в Москве в первом десятилетии XVIII в.: «Августа в 4 день в 3 часу ночи загорелось за Никитскими вороты в земляном городе у Вознесения и выгорело в земляном и в белом городе Никитская, Арбатская, Тверская, Дмитровская и Петровская улицы доле Тровтого кружала и Мучной ряд по Неглинну и во Знаменки много людей пригорело».[14] Автор делает запись и о пожаре в Троице-Сергиевом монастыре: «Августа в 28 выгорел Троицы Сергиев монастырь и церкви божии, и села и житницы, и колокола разбились, а иные растопились, и монахов сгорело человек с тридесят и болши».[15]

Под 1711 г. после сообщения о переходе русской армии под командой генерала-фельдмаршала Шереметева р. Днепр «под местечком Рашковым» и переписки «Манифеста или объявления о вероломном розрыве мира салтана турского Ахмета против его царского величества» помещена заметка: «божиим изволением грех ради наших в заокских и в украинных городех от Киева и в округе была саранча великая, хлеб весь, на лесях лист и траву всю поела».[16]

Летописные заметки снова перебиваются печатными материалами: «Реляции о разорении шведской армии, бывшей под командою фелдмаршала графа Штейнбока».[17] Последнее сообщение, которым заканчивается летопись, следующее: «Получена ведомость из двух нарочных свидетелей из Царяграда, а предана от 6 числа от верного криспондента, в которых пишет о освобождении барона Шафирова и генерала Шереметева. Из Санкт-Петербурха писано мая 26 дня 1713 года».[18]

С. Л. Пештич отметил известия о московских пожарах, перебивающие изложение событий Северной войны.[19] Это несомненная дань ста-

---

[10] Там же, л. 494.
[11] Там же, л. 499.
[12] Там же, л. 500—504 об.
[13] Там же, л. 510.
[14] Там же, л. 505.
[15] Там же, л. 505 об.
[16] Там же, л. 570.
[17] Там же, л. 574—577 об.
[18] Там же, л. 579—579 об.
[19] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961, с. 110—117.

рым формам повествования, когда в летопись вносились разнообразные факты в их естественной последовательности. Следует обратить внимание еще на одну особенность этого исторического сочинения: автор его достаточно подробно информирован о военной и дипломатической деятельности Б. П. Шереметева. Мы помним, как подробно он описывает поход Шереметева под Астрахань 1706 г., отмечает его роль во время сражения под Полтавой и заканчивает свою «Историю» сообщением об освобождении Шереметева из турецкого плена в 1713 г. Эта обстоятельность свидетельствует о том, что Ф. Поликарпов располагал материалами Б. П. Шереметева. Известно, что при Б. П. Шереметеве систематически составлялся журнал военных походов.[20] Ф. Поликарпов имел возможность пользоваться им, о чем он сообщил в предисловии к «Истории России», работа над которой была начата в 1708 г. по распоряжению Петра I.

Первоначальный вид основной редакции «Истории России» Поликарпова находится в Рукописном отделе Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина;[21] окончательный основной редакции — в Библиотеке АН СССР.[22]

Рукопись ГБЛ представляет собой чистовой вариант текста «Истории о владении российских великих князей вкратце», но не оформленный до конца. Так, оставлены ненарисованными гербы российских государей, на листах сделаны лишь подписи: «царя православна орел двоеглавный».[23] О «рабочем» состоянии рукописи свидетельствуют пометы, которыми обозначены места, где должны быть помещены копии документов: «копия с грамоты»,[24] а на следующих листах писцовым почерком переписана грамота об избрании Михаила Федоровича Романова, включая подписи.[25] Она хранилась в частных собраниях, о чем свидетельствуют владельческие приписки: «сию книгу читал весма полезная, а принадлежит Ивану Наликину»[26] «сия книга села Кохмы жителя Андрея Федорова Калачика».[27]

Рукопись сочинения Поликарпова, хранящаяся в Библиотеке Академии наук, переписана с рукописи, которая в настоящее время находится в Музейном собрании Ленинской библиотеки. Об этом свидетельствует отсутствие лакун в тексте, а также помет, обозначающих места, где следует поместить копии документов. В рукописи БАН имеются также гербы с подписями; в рукописи ГБЛ, как мы помним, изображения гербов отсутствуют.

Рукопись БАН, 32.6.30 поступила в Академическую библиотеку в 1739 г. из библиотеки Я. В. Брюса, одного из образованнейших сподвижников Петра I. О принадлежности рукописи Брюсу говорит приписка библиотекаря А. И. Богданова на экземпляре «Камерного каталога» —

[20] Военно-походный журнал 1711—1712 гг. СПб., 1898.
[21] ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 1—396.
[22] БАН, 32.6.30, л. 1—508.
[23] ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 246 об., 312а.
[24] Там же, л. 180 об.
[25] Там же, л. 181—245 об.
[26] Там же, л. 6 об.
[27] Там же, л. 377 об.

печатного описания рукописей, хранившихся в Академической библиотеке.[28] Я. В. Брюс проявлял интерес к древнерусским рукописям и историческим сочинениям. К нему обращался в 1712 г. за помощью Федор Борисов, оставленный в Кенигсберге для переписки летописи XV в., подаренной Радзивилом в Королевскую библиотеку.[29] Позднее Я. В. Брюс оказывал содействие В. Н. Татищеву в получении копии Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи из кабинета Петра I.[30] Поэтому нет ничего удивительного в том, что рукопись сочинений Поликарпова по истории России оказалась в руках Брюса, полученная, возможно, от Петра I.[31]

Таким образом, есть все основания полагать, что именно эта рукопись «Истории» Поликарпова была поднесена Петру I и отвергнута им по причинам, о которых мы ниже выскажем свои предположения.

«История о владении российских великих князей вкратце» состоит из трех частей, о чем сообщает сам автор: «в первой части положися о начале и произведении народа и языка словенска. О великих князех киевских и московских от перваго князя Рурика до перваго российскаго царя Иоанна Василевича по сокращению; во второй описано владетелство российских царей (начиная с Ивана IV и кончая Василием Шуйским, — *Г. М.*); в третией части вчинихом блаженную державу благочестивейшаго царя Михаила Феодоровича, а по нем... до сих же времен».[32]

Отдельные части различаются отбором источников и соответственно характером литературного изложения.

Основным источником первой части является печатный Синопсис, откуда Поликарпов черпает целые разделы, в которых описывается древнейшая история славян и первых киевских князей. Для составления второй части, в которой обрисованы события XVI—XVII вв., использованы: «Казанская история», «Степенная книга», «Никоновская летопись», «История о великом князе московском» А. Курбского, «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» А. Палицына, «Новая повесть о преславном российском царстве» и некоторые документальные источники («Настольная грамота» об избрании Михаила Романова).

В третьей части «Истории» Поликарпов освещает события конца XVII—начала XVIII в., в значительной степени ему современные. Безусловно, историко-литературные особенности этой части были в известной степени определены теми подготовительными материалами, которые нашли отражение в рукописи ЦГАДА при характеристике событий, относящихся к концу XVII—началу XVIII в.[33] Журнал военных походов Б. П. Шереметева как в рукописи ЦГАДА, так и в рукописях БАН и ГБЛ явился основой фактических сведений Ф. Поликарпова

---

[28] БАН, 45.13.22, л. 68.

[29] *Мурзанова М. Н.* Первые фонды рукописных книг академической библиотеки. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 5—118.

[30] *Татищев В. Н.* История российская, т. IV. М.—Л., 1964, с. 35—36.

[31] В «Обзоре собрания рукописных книг Петра I» рукопись БАН, 32.6.30 числится «условно». — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. 1, с. 99.

[32] БАН, 32.6.30, л. 2—2 об.

[33] ЦГАДА, ф. 181, № 849, л. 426—579.

о ходе военных действий русской армии во время Северной войны. Об этом он пишет в «Предуведомлении»: «Входя в сию военную историю, ведая буди, любезный читателю, яко о шведской войне еже имаши читати, токмо оное взято из реляций и из юрналов токмо единого господина фельдмаршала Шереметева, а поденных юрналов как его царского величества, так светлейшаго князя Меншикова и господина адмирала и протчих господ генералов особых действ в пополнение истории не мог улучити, от чего пространная история могла бы быть».[34]

Печатные реляции, вклеенные на отдельных листах в подготовительных материалах Поликарпова, в чистовой «Истории о владении российских великих князей» оказались включенными в текст. Но сделано это было подчас чисто механически. Сведения о событиях, выходящих за пределы военной истории, перемешались в подготовительных материалах с заметками о ходе войны. В чистовой «Истории» они находятся в примечаниях, помещенных на правом боковом поле, отделенном от основного текста перпендикулярной чертой. В этих примечаниях содержатся заметки о московских пожарах, о засухе, наводнениях и т. д. Они более кратки и даже лапидарны по сравнению с их источниками в подготовительных материалах.[35]

Несмотря на то что Ф. Поликарпов проделал огромную работу по сбору материалов, охватывающих «тридесятолетное самодержавство ... Петра Алексеевича (тем именем) первого, пространным описанием изъясненное», сведений о многих фактах ему явно не хватало. Так, например, описывая под 1706 г. Астраханский поход по военному журналу Б. П. Шереметева, Ф. Поликарпов говорит о недостаточности имевшихся в его распоряжении материалов: «Зде надлежит внесть всю экцию Астраханскую подробно».[36] Составитель «Истории» остро ощущал необходимость пополнения известий из других источников: «От сюду надлежит писать сь юрнала светлейшаго князя (А. Д. Меншикова. — *Г. М.*) о всех делах в Полше бывших и в Курляндии. А у меня о сем ведания нет».[37] Под 1708 г. на правом боковом поле помещена заметка: «Зде от сентября по генварь реляции не было, а юрналов ничьих не прислано и где что чинилось о том неизвестно». Такая же приписка и под 1710 г.: «От октября по генварь чем пополнить?»

Ф. Поликарпов ясно отдавал отчет в том, что даже при наличии официальных документов ему необходимы были дополнительные данные для всестороннего освещения исторического факта. Так, например, под 1708 г. он сообщает: «гетман войск запорожских Ивашка Мазепа (иже избран на место гетмана Ивана Самойловича, по навету изгнанного), забыв крестное целование, уничтожив царскую превысокую к себе милость, явися государю своему и всему российскому государству вторый

---

[34] БАН, 32.6.30, л. 6; ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 5 об.

[35] Ср., например, подробное известие о московском пожаре 1710 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 849, л. 505); в рукописях БАН и ГБЛ помещено на боковом поле реляций о взятии Выборга и Риги: «Никитская и все за Яузе выгорело» (БАН, 32.6.30, л. 507; ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 390 об.).

[36] БАН, 32.6.30, л. 438 об.

[37] Там же, л. 438 об.

Иуда предатель, согласясь с племянником своим Войнаровским и некоею старшиною, изменил великому государю, избрав множество богатства, ушел обманом из Батурина ко шведскому королю во армею».[38] На боковом поле приписка: «Зде надобна вся акция и фракция изменичья и универсалы его воровския (ежели угодно) вписать».[39]

Особенно ясно односторонность обрисовки исторического события вследствие неполноты фактических сведений можно наблюдать при описании Полтавской битвы 1709 г. — события, сыгравшего громадную роль не только в ходе Северной войны, но имевшего важное значение в политической жизни европейского континента. Не располагая широким кругом материалов даже для характеристики полной картины военных действий войны со Швецией, Поликарпов был лишен возможности связать это событие с анализом дипломатических отношений и хотя бы самым кратким описанием преобразовательных мероприятий правительства, решивших в конечном счете исход Северной войны. В «Истории», составленной Поликарповым, приведена печатная «Обстоятельная реляция о главной баталии меж войск его царского величества российского и королевского величества свейского, учинившейся неподалеку от Полтавы сего июня в 26 день 1709 лета». Далее помещено письмо Петра царевичу Алексею (также печатное), начинающееся словами: «Объявляю вам о зело превеликой и неначаемой виктории, которую господь бог нам чрез неописанную храбрость наших солдат даровати изволил...». Описано торжественное «вшествие в Москву» и приведена копия печатного «Изъявления фейрверка 1710 году генваря в 1 день».

Необходимо учесть, что «Гистория Свейской войны», составлявшаяся под руководством и при непосредственном участии Петра I, имеет, по определению С. Л. Пештича, 5 редакций,[40] и описание Полтавской битвы, подвергавшееся многократной переработке, даже в «третьем чернении», по указанию Петра, потребовалось переделать, чтобы «написать, где прилично, вечно достойной памяти: кто наши генералы и полковники при той баталии были и которые были полки, и кто чем за оную награжден, и сколько наших побито и ранено. Также из журналу не надобно ль прибавить некоторых разговоров».[41]

Очевидно, что отображение войны со Швецией в «Истории» Поликарпова не могло идти ни в какое сравнение с «Гисторией Свейской войны», которую готовили под руководством Петра I его соратники Феофан Прокопович, П. Шафиров, А. Макаров.

По замыслу Поликарпова, «История о владении российских великих князей вкратце» должна была представить правдивое повествование о деяниях Петра I. Краткая история допетровского времени рассматривалась им как необходимое введение к характеристике «Петра Алексеевича... иже издетска своего возраста даже и до дней сих как божиею десницею от премногих наветов домовных и внешних сохранен, колик

---

[38] БАН, 32.6.30, л. 458.
[39] Там же, л. 458.
[40] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. 1, с. 154—178.
[41] ЦГАДА, Кабинет Петра I, р. IX, отд. 1, № 2, л. 365.

путь по земле и по морю обыде и в колико-кратных со российскими и европъскими великими потентаты (паче же со свейскою короною) в различных преславных воинах лета свои препровождая всему кругу земному явлен бысть».[42] Поликарпов подчеркивает, что свою задачу он видит в описании истинных фактов: «О сем зде не риторскою хитроплетенного витийства пестротою, но правдивого слова простотою достоверными высоко почтенных лиц словесы и писмами уведомлен (еще и не весма подробну, но от многих малые собрав) писанию предати по должности моей не оставих, яко да таковая столь преславная дела божия в наш век соделанная поведятся и проповедятся в роде ином во вечное время».[43] Составитель «Истории» сообщает в «Предисловии любезному читателю», что он намеревается сосредоточить свое внимание на времени правления Петра I: «Яко древняя сократив, токмо тридесятолетную историю плодовитое написах, а именно от лета его царского коронования до лета господня 1710. Сего да не припишиши к моея лености, молю твое любомудрие... ибо Омир гречески оны острозрителны и стихотворец токмо на десятилетней Троянской воине бывшую Ахиллесову храбрость стихотворными повестьми описав, не токмо не обвинен, но и молодости и похвал от преимущих удостоен бысть».[44] Поликарпов говорит о важности литературного труда, благодаря которому сохраняются описания «преславных дел» великих людей. Он вспоминает Александра Македонского, не расстававшегося с книгой Гомера, ссылается на Квинта Курция, прославившегося своим повествованием о деяниях великого греческого полководца.

Ф. Поликарпов отделяет, однако, свое сочинение от описания «баснотворных повестей» и противопоставляет им правдивую историю «гражданских и ратоборных и иных великих дел, ибо зде не Язонское в Колхиду ради баснотворного златого руна хождение, но истинно претрудное разных азиатских и европейских стран и государств обхождение сухим и морским путем, много бедственное странствование (которым различных ратоборных морского плавания и протчих премудрых наук корысти далече златое руно превосходящие) описуется преобретение. Зде суть не предние оны велехвалныя Геркулесы, от живописных лвов кожу обдирающи, но самому живому (во Европе грозному и знаменитому) дву зубы искореняюще».[45]

В этих словах раскрывается не только характерная особенность труда Поликарпова, полемизирующего с традиционными правилами поэтики, восходящими к Аристотелю, когда для похвалы герою необходимо было соотнести его поступки с деяниями богов и античных героев, но намечается совершенно новая линия развития героического образа национальной русской литературы. Именно в этом направлении будет формироваться образ Петра I в литературе XVIII в. В 40—50-х гг. Ломоносов напишет: «...едва не до отвращения духа чрез многие веки...

---

[42] БАН, 32.6.30, л. 4.
[43] БАН, 32.6.30, л. 4.
[44] Там же, л. 4.
[45] БАН, 32.6.30, л. 5.

древния греческия и римския, по большей части баснотворныя деяния».[46] В своих литературных произведениях он обратится к темам и образам древнерусской литературы. В героической поэме «Петр Великий» он выразит свою литературную позицию в предисловии:

Хотя во след иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольного примеру.
Но вымышленных петь намерен я Богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.[47]

Ф. Поликарпов как бы предвосхитил эту мысль Ломоносова, сказав в своей «Истории»: «Зде не Македонского Александра дела, от них же дивляшеся древле страна Македонская и Афинская, но славныя провинции Финская, Ижерская, Лифляндская, Естляндская, Ингерманляндская, Ливонская, Корелская, Полская, Литовская, Саксонская, Померанская, Олсатская и протчие и протчие. Вкратце вся Европа и Азия каковых и коль преславных во храбрости и мудрости видели и уведали Александров сами и неволею проповедают, а яко не ложна суть глаголемая читати последующая благоволи и уверишася от написанных здрав буди».[48]

Эти линия исторически достоверной характеристики образа Петра I получит свое воплощение в творчестве Пушкина — автора стансов, поэмы «Полтава» и «Медный всадник».

Создавая «Историю», Поликарпов неизбежно столкнулся с проблемой литературного языка. Опытный переводчик и справщик Печатного двора, Поликарпов ясно сознавал, какие необыкновенные трудности его ожидают. Описание героических дел по правилам риторик конца XVII—начала XVIII в. требовало употребления книжно-славянских форм речи — «высокому роду глаголания»[49] (позднее сформулированного Ломоносовым как высокий стиль). Но в то же время в практике развивающейся разговорной речи и гражданской печати начала XVIII в. осуществлялись совершенно другие формы развития русского языка в сторону их взаимного сближения. Те многочисленные реляции и «изъяснения», которые Поликарпов вводил в свою «Историю», представляли образцы именно такого языка, сбивающегося подчас к бытовому просторечию, но наряду с этим широко применявшим варваризмы Петровского времени.

Пытаясь согласовать замысел своего произведения (героического по преимуществу) с литературным стилем, Поликарпов совмещает лексику высокой книжно-славянской речи с многочисленными кальками иностранных слов, отображающими новые явления общественной, военной и политической жизни того времени. Поэтому в языке его «Истории» слой варваризмов даже более значителен, чем в сочинениях, вышедших из круга Петра I в период работы над «Гисторией Свейской войны». Поли-

---

[46] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1959, с. 809.
[47] Там же, с. 696.
[48] БАН, 32.6.30, л. 5.
[49] *Вомперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, с. 30—54.

карпов, по-видимому понимая это, поместил в своей «Истории» «лексикон вокабулам новым по алфавиту», который должен был облегчить понимание отдельных слов, еще не вошедших в широкое употребление.

В марте 1715 г. была закончена работа Поликарпова над «Историей»,[50] а 2 января 1716 г., по сообщению И. И. Голикова, Петр I рассматривал «сочиненную для обрасца часть российской истории и треязычный лексикон и, хотя он не был этими трудами доволен, повелел дать трудившемуся 200 руб.».[51] О печатании «Истории» не могло быть и речи. Не удовлетворил Петра I и «Лексикон» Поликарпова. В БАН хранится отдельная рукопись этого «Лексикона» с многочисленными поправками и дополнениями Петра I,[52] которую безрезультатно просил вернуть ему в Москву Поликарпов.[53]

Опыт работы над «Историей» обогатил Поликарпова. В следующем своем труде — переводе в 1716 г. «Географии генеральной» Б. Варения он писал в Предисловии: «...употребих наречия и сочинения общенароднаго российскаго паче, неже славянскаго. Есть же, где обретается, в толиком количестве книги, речь и славянская, но оную внятно читающему мощно познати от предидущаго и последующаго во чтении разума, камо оная клонится и что знаменует».[54]

Рукопись «Истории» Поликарпова, как уже указывалось выше, после смерти Брюса попала в Академическую библиотеку и оказалась включенной в печатное описание «Камерный каталог» 1742 г. под № 17. Мы не располагаем свидетельствами о том, что с этим сочинением был знаком Ломоносов, широко использовавший фонды Академической библиотеки.[55] Но это не исключено, если принять во внимание большой интерес Ломоносова к сочинениям о Петре I его современников.[56]

Изучение «Истории о России» Ф. Поликарпова и анализ причин его неудач показывают трудности историко-литературного процесса начала XVIII в., когда на смену старым летописным приемам приходили исторические сочинения иного типа, в которых передовые просветительские идеи были выражены в новой литературной форме.

---

[50] Об этом свидетельствует приписка в конце списков БАН, 32.6.30, л. 508; ГБЛ, Музейн. ф. 178, № 4698, л. 396.

[51] *Голиков И. И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого, т. XI. М., 1794, с. 7.

[52] БАН, 32.6.14. — Приписка библиотекаря А. И. Богданова: «Приправа на листах собственной руки государя императора Петра Великого», л. 1а об.

[53] В письме от 22 апреля 1715 г. И. А. Мусину-Пушкину Ф. Поликарпов писал: «Лексикон мой, государь, латино-словенский моей руки прикажи ко мне прислать, потому что без него ни сей книги, ни иной возможно мне преводить» (Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715—1717. — Русский архив. 1868, № 7—8, стлб. 1042).

[54] БАН, Петровская галерея № 72, л. 9 об.

[55] *Коровин Г. М., Рысс Е. Б.* Ломоносов — читатель Библиотеки Петербургской Академии наук. — Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. т. III. М.—Л., 1958, с. 282—302.

[56] В письме к И. И. Шувалову в ответ на его предложение помочь Вольтеру материалами о Петре I Ломоносов сообщал: «У меня сколько есть записок о трудах великого нашего монарха, все для сего предприятия готовы». (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. X. М.—Л., 1957, с. 525).

По-видимому, неудача Поликарпова с составлением «Истории России» побудила Петра I обратиться к Феофану Прокоповичу, сподвижнику царя в его государственной и просветительской деятельности. Феофан Прокопович был известен как автор ораторских произведений — торжественных «слов», посвященных важнейшим политическим событиям начала XVIII в.

Обращение к русской истории не было случайным эпизодом в творчестве Феофана Прокоповича. Он много и плодотворно занимался изучением древнерусских литературных произведений, которые нашли отражение в его многочисленных публицистических сочинениях и в исторических экскурсах, предваряющих «Духовный регламент» и «Правду воли монаршей».

Библиотека Феофана Прокоповича, состоящая из 4000 книг, «была уникальным явлением как по числу книг, так и по своему составу».[57] В этой библиотеке, отразившей многообразные интересы ее владельца, были собраны сочинения античных и византийских историков: Геродота, Юлия Цезаря, Тацита, Плутарха, Саллюстия, Светония, Корнелия Непота, Ксенофонта, Иосифа Флавия, Диодора Сицилийского. Здесь же хранились «Анналы» Цезаря Бароння, труды С. Пуффендорфа («Введение в историю европейскую», «История Карла-Густава», «История великого курфюрста»), труды польских историков (М. Стрыйковского, Я. Длугоша, М. Кромера). Книг, относящихся ко всемирной и русской истории, насчитывалось 507.[58]

Кроме печатных исторических книг в библиотеке Феофана Прокоповича были собраны ценнейшие древнерусские рукописи, полученные им, как полагают исследователи, из собрания Петра I и царевича Алексея Петровича.[59] Даже краткое перечисление их дает представление о том, что Феофан Прокопович располагал основными источниками по истории Руси с древнейших времен:

Хронограф XVI в. (редакция 1599 г.) с прибавлениями выписок из Никоновской летописи, Киево-Печерского патерика и других памятников (БАН, 31.6.27).

Хронограф 1512 г. вместе с Псковской летописью особого состава, первой половины XVI в. (БАН, 34.4.32), который находился в собрании Петра I. На полях записи, сделанные позднее рукою В. Н. Татищева.

Хронограф XVII в. с выписками из «Просветителя» Иосифа Волоцкого (БАН, 16.12.13).

Хронограф особого состава XVIII в. (БАН, 34.4.15).

Хронограф Дорофея Монемвасийского XVII в., принадлежавший Петру I (БАН, 16.12.14).

Воскресенская летопись XVI в. с вкладной записью патриарха Никона 1658 г. в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь (БАН 34.5.24).

---

[57] *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время. (1725—1740). Л., 1976, с. 265.

[58] Там же, с. 261—262.

[59] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 211—212.

Симеоновская летопись с прибавлениями XVI в. (БАН, 16.8.24).

Никоновская летопись с прибавлениями XVI в. (БАН, 32.14.8).

Никоновская летопись в двух томах с вкладной записью 1661 г. патриарха Никона в Новоиерусалимский монастырь (БАН, 17.2.5). На полях имеются многочисленные записи, сделанные позднее В. Н. Татищевым.

Степенная книга в соединении с летописными статьями, принадлежавшая царевичу Алексею Петровичу (БАН, 32.8.3).

Степенная книга из собрания Петра I (БАН, 32.8.5).

Разрядная книга с 1557 по 1601 г. с летописными заметками (БАН, 14.6.5).

В собрании Феофана Прокоповича, вероятно, было значительно больше рукописей. Так, например, В. Н. Татищев, постоянно общавшийся с «премудрым священником» (как называл его Антиох Кантемир), видел у него древний список «Правды Русской», для которой Феофаном был приготовлен своего рода комментарий. В 23-м примечании к «Правде Русской» В. Н. Татищев пишет: «О счислении сих денег в истории весьма темно, помню, что у архиепископа Прокоповича видел присланную от его диака роспись, но не списал, и здесь по некоим обстоятельствам дознаюсь, что гривна 20 кун, куна 3 резани, следственно, 60 резан в гривне, начат в резане 2, в куне 6, в гривне 120».[60]

После смерти Феофана Прокоповича его книги были отданы частью в Новгородскую семинарию при монастыре Антония Римлянина, а частью в школу при Александро-Невском монастыре. Рукописи поступили в Библиотеку Академии наук, но, возможно, часть их попала вместе с книгами в названные школы.[61] Кроме того, некоторые рукописи Феофана Прокоповича после его смерти хранились в библиотеке Софийского собора в Киеве и в Киевской духовной академии. Но даже и те из перечисленных выше рукописей, которые поступили в Библиотеку Академии наук, представляют собой важный фонд авторитетнейших свидетельств по истории Древней Руси. Достаточно сказать, что Никоновская летопись, впервые изданная А.-Л. Шлецером в 1767 г. в восьми частях по списку XVII в. (БАН, 17.2.5), уже во второй половине XVIII в. была активно включена в научный оборот. Воскресенская и Симеоновская летописи также являются первоклассными источниками для воссоздания истории IX—XVII вв.

Очевидно, разрешив передать Феофану Прокоповичу ряд ценнейших рукописей, Петр I рассчитывал, что просвещенный архиепископ напишет историю России, которая будет напечатана. И Феофан Прокопович, как мы увидим ниже, взялся за подготовку краткой истории России.

В настоящее время мы располагаем возможностью восстановить историю составления этого труда. В составе Новгородской III летописи, находящейся в ЦНБ АН УССР, хранится первоначальный набросок этого труда, озаглавленный «Родословие великих государей царей и великих

---

[60] Продолжение Древней российской вивлиофики. Часть 1, содержащая Правду Рускую и Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича. С примечаниями г. тайного советника Василья Никитича Татищева. СПб., 1786, с. 18.

[61] *Луппов С. П.* Указ. соч., с. 258—259.

князей российских». Оно начинается с сообщения о брате «римского кесаря Августа» Прусе, которого он «постави владетеля в брезах реки Вислы и по реку, глаголемую Немонь, и по имени его зовется Пруская земля, а от Пруса 14 колено Рюрик. В лето 862 по прошению новгородцев приде из Прус на великое княжение Новгороцкое Рюрик с двема братома Синеусом и Тривором».[62] Заканчивается «Родословие» известием: «Петра Алексеевича дети благоверные царевичи и великие князи Алексей Петрович и Петр Петрович, царевича Алексея Петровича сын великий князь Петр Алексеевич».[63] Благодаря этой концовке мы имеем возможность достаточно точно определить время работы Феофана Прокоповича над этим первоначальным кратким вариантом. Внук Петра I Петр Алексеевич родился 12 октября 1715 г., сын Петра I царевич Петр Петрович родился 28 октября 1715 г. Мы знаем, что по случаю рождения Петра Петровича Феофаном Прокоповичем было составлено «Слово похвальное в день рождества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича»,[64] произнесенное в 1716 г. в Троицком соборе в день рождения царевича. В 1717 г. «Слово» было напечатано отдельной брошюрой. В 1717 г., еще до казни царевича Алексея Петровича, Петр Петрович был официально объявлен наследником престола. 25 апреля 1719 г. царевич Петр Петрович неожиданно скончался. Из этого краткого обзора становится ясным, что первоначальный набросок «Родословия» был написан до 1718 г. — года, когда после суда и следствия был казнен царевич Алексей Петрович.

В первоначальном варианте перечислены в хронологической последовательности имена великих князей и царей, но отсутствуют указания на даты их княжений, не названы важнейшие исторические события, происшедшие во время их жизни.

Мы помним, что Феофан Прокопович в трактате «О поэтическом искусстве» значительное место уделял характеристике исторических сочинений. Он считал важнейшими достоинствами «исторического повествования» «краткость, ясность и правдоподобие».[65] «Историк следует естественному порядку вещей, — писал Феофан, — и излагает сперва то, что совершилось раньше, а затем то, что совершилось позже»; «Цель историка — достоверно передавать потомству память о деяниях».[66]

Реализацией задач, поставленных Феофаном Прокоповичем перед историческим сочинением, явился печатный текст «Родословия» с портретами русских князей и царей, выполненными в 1717 г. известным гравером, учеником и приемным сыном Шхонебека Питером Пикартом. Здесь даны краткие и точные (в пределах исторических знаний начала XVIII в.) характеристики деятельности русских князей и царей, сообщены годы их рождения и смерти. Приведем некоторые из характеристик исторических лиц Феофаном Прокоповичем.

---

[62] ЦНБ АН УССР, № 116/527, л. 94.
[63] Там же, л. 95 об.
[64] *Феофан Прокопович.* Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, с. 38—48.
[65] Там же, с. 401.
[66] Там же, с. 401—407.

«1. Рюрик.
Первый великий князь российский от фамилии Пруса, которого по имени земля Пруская и доныне нарицается, прият самодержавства скипетр в Великом Новеграде в лето от Рождества Христова 862. И быв на княжении 17 лет, умре в лето 879.

2. Игорь.
Сын Рюриков, великий князь российский, храбростию славен, Льва Премудраго и Александра брата его, царей греческих, победив, дань с Царяграда даяти себе понуди. Престол из Великаго Новаграда в Киев пренесе 913. Сконча княжение с житием, убиен от древлян в лето 945».[67]

В известиях о происхождении Рюрика в «Родословии» Феофана Прокоповича очевидны отзвуки «августианской легенды» о родстве предка Рюрика с Прусом — братом римского императора Августа. Однако здесь, как мы видим, оказалась использованной только часть этой общественно-политической идеи, созданной в России XVI в.[68]

В характеристике деятельности Владимира Всеволодовича Мономаха Феофан Прокопович использовал рассказ о дарах греческого императора Мономаха, присланных Владимиру Мономаху. Это также влияние произведения, созданного в начале 20-х гг. XVI в., — «Сказания о князьях владимирских».[69]

«9. Владимер Мономах.
Сын Всеволодов, великий князь российский. Великою войною потрясе от греков всю Фракийскую область завоевал и от царя Константина Мономаха прошением и дарами утолен, и в дружбе призван. Между которыми дарами и царский венец получил, и с того времени наречеся Мономах, царь великия России. Преставися в лето 1127».[70]

«Родословие», подготовленное Феофаном Прокоповичем, раскрывает его как знатока древнерусских летописей, внимательно изучившего многочисленные исторические источники. Так, к примеру, он первый поместил известие о том, что великий князь Василий Дмитриевич (сын Дмитрия Донского) был женат на дочери литовского князя Витовта, а зятем его был греческий император Мануил Палеолог, женатый на Анне Васильевне.

Первый печатный труд по истории России, «Синопсис», впервые выполненный в Киеве в 1674 г., хотя и заканчивался изложением событий XVII в. (глава «О приходе множественных сил царских и войск запорозских в Киев в лето 1674»), но касается описания истории Южной Руси. Феофан Прокопович кратко изложил историю Российского государства с X по начало XVIII в., включив характеристику государственной деятельности Петра I. Им даны сведения о 34 русских государях. Крайне отрицательно сказано Феофаном Прокоповичем о Борисе Годунове: «Сей

---

[67] *Моисеева Г. Н.* Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978 г. Л., 1979, с. 44.
[68] *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 204—216.
[69] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, с. 81—82.
[70] БАН, РО. 419—420.

тиран паче нежели царь угашением царского наследия, убив Димитрия царевича, похити себе скипетро. Много мучительствовав, но и сам войною польскою от притворного Димитрия Ростриги удручен. Скончался в лето 1604».

Характеристика старшего брата Петра I царевича Иоанна Алексеевича показывает, что Феофан Прокопович внимательно изучил литературные «Сказания» конца XVII в., связанные с внутридворцовой борьбой Нарышкиных и Милославских. Об «Иоанне Пятом» в «Родословии» помещены следующие известия: «Царь и великий князь российский, второй сын Алексея Михайловича. Исперва за природную его немощь минуло было скипетро, возведену сущу на престол Петру, но за мятеж народный припряжеся и он к державе братней, и с ним согласне царствовав. Преставися в лето 1692».

Работа над «Родословием» дала Феофану Прокоповичу обширную подготовку как историку, и это в свою очередь определило его действенное участие в составлении ряда новых государственных историко-юридических узаконений, в числе которых была «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» (1722 г.). Здесь обосновывается право государя избирать себе наследника. Это право иллюстрируется примерами из истории и из церковных книг.

История печатания «Родословия великих князей и царей российских» в настоящее время представляется так. Феофан Прокопович приехал в Петербург по вызову Петра I в октябре 1716 г.[71] Петр I в это время находился за границей, и все государственные дела были поручены А. Д. Меншикову. По-видимому, Меншиков и передал Феофану Прокоповичу просьбу царя написать историю России. В конце марта—начале апреля 1717 г. Меншиков, регулярно оповещавший Петра I о делах, писал за границу: «При сем полагаю по прошению Прокоповича до Вашего величества лист здесь от него сложенной генеалогии вашей. И ежели что изволите на оном переменить, убавить или что прибавить, то прошу в тех листах отметить и сюды оный лист прислать, который уж бы не мере положа, велел текую доску сделать».[72]

Петр I вернулся в Петербург 10 октября 1717 г. «Родословие», роскошно отпечатанное, с гравированными портретами русских великих князей и царей с Петром I в центре, тогда же было ему поднесено.

Но Феофан Прокопович, видимо, не был удовлетворен этим кратким «Родословием» и продолжал работу над русской историей. В письме от 19 мая 1720 г. Феофан сообщал Я. А. Марковичу о том, что в 1719 г. он составил сочинение по истории России и что это стоило ему значительного труда, так как пришлось перечитывать польских историков и русских летописцев и критически сопоставлять их сведения.

Можно полагать, что этот третий, расширенный вариант исторического сочинения Феофана Прокоповича был назван им «Собрание от летописателей краткого ведения от начальства великих монархов россий-

---

[71] *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1861, с. 24—25.

[72] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого..., собранные из достоверных источников и расположенные по годам, т. VI. Изд. 2-е. М., 1838, с. 592.

ских на престолах государственных бывших, по степеням и по летам описуемым».[73] На л. 2—9 об. более подробно, чем в печатном «Родословии», раскрыта древнейшая история Руси начиная с основания Киева «от трех братьев Кия, Щека, Хорева, которой во свое имя ево создал лета 5938 или 430». В рассказ о древнем Новгороде была включена легенда о посещении города апостолом Андреем. Дополнительные сведения сообщены о княжении Владимира Святославича, Владимира Всеволодовича Мономаха, об Александре Невском, Дмитрии Донском, Иване III. Начиная с раздела «Цари российские» (л. 6 об.) Феофан Прокопович дает пространные характеристики деятельности Ивана IV, Федора Иоанновича, Бориса Годунова и, наконец, царей из рода Романовых: Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Иоанна Алексеевича.

Но самый большой раздел «Собрания от летописателей» занимает характеристика государственной деятельности Петра I (листы 10—11 об.). Это описание по идейным и литературным особенностям полностью совпадает с многочисленными «Словами», посвященными Феофаном Прокоповичем Петру I и его «Историей императора Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочине включительно» (изданной в 1773 г.). Так как о Петре I говорится в «Собрании от летописателей» как о живом, очевидно, что оно написано до 28 января 1725 г. — дня смерти Петра I. Последнее известие, которым заканчивается «Собрание от летописателей», это сообщение о коронации Екатерины I: «Государыня императрица Екатерина Алексеевна коронована бысть. А от начала царства царя Михаила Федоровича, до [1]725 года, 112 лет» (л. 11 об.).

Возможно, «Собрание от летописателей» предназначалось Феофаном Прокоповичем для публикации вместе с гравированным портретом Екатерины, окруженным медальонами с портретами русских князей и царей от Рюрика до Петра I. Такая гравюра была издана в 1725 г. Алексеем Зубовым. Но там нет текстового препровождения, как в гравюре Пикарта 1717 г. Можно полагать, что неожиданная смерть Петра I крайне осложнила положение близких к нему людей, в числе которых был Феофан Прокопович, его идейный сторонник, активный пропагандист преобразовательной деятельности царя. Но то, что в нашем распоряжении имеется рукописная копия конца XVIII в. с этого незаконченного сочинения, показывает, что труд Феофана Прокоповича был известен и распространялся в рукописных списках.

«Родословная роспись» Феофана Прокоповича, составленная им на основе многолетнего изучения русской истории и привлечения важнейших первоисточников — русских летописей, хронографов, степенных книг и т. п., была в России XVIII в. первым печатным трудом по истории Древней Руси и начала XVIII в. Значение трудов Феофана Прокоповича по истории Древней Руси отмечено в «Опыте исторического словаря о российских писателях» 1772 г. Н. И. Новиков характеризует Феофана Прокоповича как «философа остроумного и просвещенному разуму следую-

[73] ЦНБ АН УССР, 455/593, л. 2—11 об.

щему, политика проницательного, *искусного историка и трудолюбивого древностей испытателя»*[74] (курсив наш, — *Г. М.*).

Безусловный интерес представляет установление источников портретных изображений в «Родословии» русских князей и царей начиная с легендарного Рюрика. Сопоставление этих гравированных портретов с рисованными портретами князей и царей, помещенными в «Титулярнике», изготовленном в Посольском приказе в 1672 г., убеждает в том, что эта роскошная лицевая рукопись не была использована Пикартом.

К занятиям русской историей был привлечен и магистр Иоганн Вернер Паузе, приехавший в Россию в 1701 г. и до открытия Петербургской Академии наук (1725 г.) проживавший в Москве.[75]

По поручению Петра I в 1711 г.[76] Паузе написал «Историю Царьградскую», сохранившуюся в черновом[77] и чистовом[78] вариантах, переписанных рукою составителя.[79]

В библиотеке Паузе хранились некоторые древнерусские памятники, над которыми он работал. В. Н. Перетц называет в числе их «Повесть о Бове-королевиче», «Прение Живота и Смерти», «Калязинскую челобитную», «Повесть об осаде Азова» и «Историю о взятии Царьграда».[80]

Сочинение Паузе представляет собой большой интерес, так как очень выразительно раскрывает своеобразие восприятия и передачи в Петровскую эпоху произведений древнерусской литературы.

После 1453 г. — года падения Царьграда — в России стало известно сочинение Нестора Искандера «История о взятии Царьграда». В различных редакциях (сокращенных и расширенных) оно включалось составителями в Степенную книгу, в летописи и в хронографы и другие компилятивные сочинения XV—XVII вв. Сохранилась особая редакция «Повести об основании и взятии Царьграда», приписываемая Ивану Пересветову. В библиотеке Паузе хранилась рукопись древнерусской «Повести о взятии Царьграда».

Паузе представил новый вариант «Истории о создании и взятии Царьграда», основанный на древнерусских повестях с включением ряда материалов из западноевропейских и античных источников. Так, только у Паузе воссоздана древнейшая история будущей Византии, выросшей из небольшого селения Бизанц. Сведения об этом, как свидетельствует сам Паузе, он почерпнул из сочинения Плиния и «Церковной истории» Цезаря Бароция. Причем не случайно при ссылке на «Деяния церков-

---

[74] Опыт исторического словаря о российских писателях..., собранный Н. Новиковым. СПб., 1772, с. 88.

[75] *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы, т. III. СПб., 1902, с. 126—155, 256—269.

[76] Об этом свидетельствует запись И.-В. Паузе на л. 8 об.: «Extract der Historie von Constantinopol auf d[en] Hochmächtigster Z[aarischen] aufgeschrieb. 20.1711».

[77] БАН, 26.3.36, л. 1—8 об.

[78] БАН, 26.3.36, л. 9—22.

[79] На внутренней стороне обложки «Истории Царьградской» обозначен № 21, под которым она числится в «Камерном каталоге», а внизу рукописи на л. 9 рукою библиотекаря А. И. Богданова написано: *Паузе.*

[80] *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы, с. 246—250.

ныя и гражданския... из летописаний Кесаря Барония собранные» указываются листы («лист 288 и 740»),[81] а не страницы, так как публикация перевода сочинения Барония с сокращенного польского издания Петра Скарги была осуществлена в Москве лишь в 1719 г.[82] В древнерусских повестях история Царьграда начиналась с переселения на берег Босфора императора Константина.

Рассказывая историю «Нового Рима» — Константинополя, Паузе основывался на древнерусских повестях, в первую очередь на «Повести о Царьграде» Нестора Искандера, ранний список которой относится к XV в.[83] Автор этого произведения был участником осады и взятия Константинополя турецкими войсками и сообщил много важных сведений, которые использовал в своей «Истории Царьградской» Паузе. В то же время в рассказе об осаде Константинополя у Паузе приведено больше исторических подробностей (о «превеликой пушке», слитой итальянскими мастерами), почерпнутых, по-видимому, из иностранных источников. «Повесть о Царьграде» Нестора Искандера явилась одним из основных источников известий Паузе о сокровищах, привезенных императором Константином в «Новый Рим».

«Повесть о Царьграде» Нестора Искандера	История Царьградская И.-В. Паузе
...И назва град Новый Рим. Потом же созда церкви преславные: Софею Великую, святых Апостол и святыя Ирины... постави ж и пречюдный он столп багряный, его же из Рима принесе морем трею леты до Царяграда... и постави на нем кумир, еже принесе от солнечного града Фругийского, имеющего на главе семь луч, також и ины вещи предивны и достохвальны принесе из многих стран и градов.[84]	...повелением кесаря Константина Великого лета господня 331 в 11 день великим торжеством... освятися, Новый Рим именован... Чтобы и христианская вера тамо процветала в преславную новосозданную Софеннную церковь патриарха поставил. ...Все, еже преславно и художественно было, в Царьград велел отвезти. Троя град дал образ Паллада, Делф — преславное триножие, пана Аполлона с мусами своими, и с Рима художественный столп Фидии отвозан и поставлен бысть в Цареграде.[85]

В отличие от древнерусских повестей византийский император Константин показан неудачливым политиком, и ни разу не говорится о его религиозном рвении, многократно и ярко расписанном в предшествующих произведениях. Это очевидная дань новому времени, следствие секуляризации литературы. Мы увидим в дальнейшем, что и В. Н. Татищев, и

---

[81] БАН, 26.3.36, л. 9—9 об.
[82] Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689—январь 1725. Составители Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1968, с. 208—211.
[83] Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора Искандера. Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1884, с. 1—2.
[84] Повесть о Царьграде Нестора Искандера, с. 4.
[85] БАН, 26.3.36, л. 10—10 об.

М. В. Ломоносов прибегали к исключению летописных описаний чудес и знамений.

Близко к древнерусским повестям рассказано о гибели воеводы венецианца Июстиниана (у Нестора Искандера он назвал Зустенеем) и ранении в левое плечо и гибели императора Константина во время обороны Романских ворот. Красочно и натуралистично описано поведение турок, ворвавшихся в Царьград, и расправа с царицею и ее дочерьми.

Из сочинения польского историка М. Стрыйковского Паузе почерпнул рассказ о расправе Магомета с изменником греком Гертукой, который сообщил туркам слабые места обороны Царьграда, рассчитывая на щедрое вознаграждение султана. Источником являются известия о «Gertuke zdrajca», которого потом «Machmet cesarz miasto podarku dal ścwiertować, obrzydziwszy się jego zdrada» [86] («Гертука изменника... Магомет вместо подарка дал четвертовать, гнушаясь его измены»). Паузе, точно передав сообщение об измене Гертуки, переделал рассказ о его казни. В главе 13 «О наказании изменника» Паузе красочно обрисовал расправу Магомета: «При сем султан, не забыв изменника Гертука, велел к себе привезти его, показав ему едину из дщерей своих с великим приданым, а сказал ему: понеже ты християнин еси, а дочь моя магумедския веры, вы не можете по закону нашего Алкорана в брачное супружество вступить. А чтобы это учинилося, подобает тебе старую твою кожу скинуть и тогда, буде ты это потерпиш, обещанную мзду принимати. При сем тирани велел ему кому оттягнути, да окаянный муж в великом мучении изменнической свой дух в пеклу послал. Тако убо султан любил измену, а ненавидел изменника».[87] Заменив четвертование снятием с живого кожи, Паузе, по-видимому, счел, что рассказ об изменнике стал более выразительным.

Совершенно новым было включение рассказа о красавице-гречанке Ирене, покорившей сердце султана Магомета. «Егда бо Магумет в царскую палату вниде, она изрядно украсившася и будто безпечална в палата ходила с надеждою, что изрядная красота и возраст 16 лет на неприятелскую саблю себя крепким щитом будет. В том предлоге она не очень обманулася. Насилу бо противник Магумет сей красной образ видал, сердце его любовию яко град от него побежденно и взято бысть».[88] В главе 14 «О смерти дворовой девицы Ирены» Паузе описал, как любовное увлечение султана вызвало «великое неудовольствие» его подданных, которые говорили, что «иноплеменница великого султана своего в слугу и поданна соотворила и победителя победила». Магомет собрал «всех своих везиров и басши» в палату, где «Ирена в царской одежде и двойной красоте явилася сидяща возле него». Султан говорил своим подданным: «А смотрите, какое сильное оружие она на щеках и в глазах своих носит. Не осудите убо меня, что сердце мое им ранено». Потом он «закрытым ножиком... горло ея зарезал».[89]

---

[86] Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego, t. II. Warszawa, 1846, s. 235.
[87] БАН, 26.3.36, л .19 об.
[88] Там же.
[89] Там же, л. 20 об.—21.

Источником известия о любовном увлечении султана Магомета, вероятнее всего, явилась переводная рукописная повесть о княжне Иерониме, позднее переработанная Иваном Шишкиным и изданная им в Москве в 1752 г. под названием «История о княжне Иерониме, дочери Димитрия Палеолога, брата греческому королю Константину Мануйловичу». Но благополучный конец и рукописной и печатной повести Паузе заменил трагической развязкой, возможно, не без учета известного сюжета песен о Степане Разине и персидской княжне, утопленной в угоду казакам. Стилистическое оформление этого рассказа дает возможность ясно представить широкое знакомство Паузе с русской рукописной повествовательной литературой начала XVIII в. Достаточно вспомнить «Гисторию о российском дворянине Александре», где герой говорит пасторской дочери Элеоноре о своей «болезни» от любви, которую она «скоро исцелила». «Сердце побеждено» было любовью и «российского матроса Василия», увидевшего королевну Ираклию.

Паузе щедро использует типичные стилистические формулы любовной лирики начала XVIII в.[90]

Присутствие «деловой» фразеологии начала XVIII в. также встречается в сочинении Паузе. Магомет не дал «ауедиенцию» представителю греков Кир-Луке, а, взяв Царьград, «учинил банкет», Скандербек султану Амурату «компас превратил», германский «цезарь Фридрих... получил плачевную ведомость» о взятии Царьграда турками и «пошел в команду свою». Но вместе с тем, как уже говорилось выше, Паузе сохранил много стилистических формул древнерусских воинских повестей, особенно в описании осады города и битвы на ее стенах: «земля двигнулася», город «уравнен лицу земли». Исключив полностью описание сцен молитв Константина и патриарха Анастасия, Паузе оставил известие о знамении: ярком освещении Царьграда, сменившемся тьмою. Не преминул он использовать и эффектную концовку древнерусских повестей: «при сем памяти достойно есть, что восточное царство от Константина Великого, основателя сего города, начало свое взяло и с Константином несчастливым докончилося. И удивительно есть, что мать последнего царя, яко и первого, Елена, последний патриарх, яко первый, именем Грегорий был».

Пестрота источников, сплав различных стилистических пластов, «укрупненные», активные действия одного из главных героев повести — султана Магомета, — все это позволяет видеть в «Истории Царьградской» Паузе воздействие литературы барокко (через Польшу).

В 1725 г. после открытия Академии наук Паузе переезжает в Петербург, где его деятельность развернулась очень широко: он составляет грамматику российского языка и русско-немецко-латинский словарь, переводит на немецкий язык Кенигсбергскую (Радзивиловскую) летопись, используя Петровскую копию; хранившуюся в Академической библиотеке. Отрывки перевода Паузе издал в 1732—1735 гг. Г.-Ф. Миллер в «Sammlung russischer Geschichte». По этому переводу начал зани-

---

[90] *Перетц В. Н.* Очерки по истории поэтического стиля в России. — ЖМНП, 1907, июнь, ч. IX, с. 336—337.

маться русскими летописями приехавший в 1761 г. в Россию А.-Л. Шлецер.

В отчете о своей деятельности, составленном в 1732 г.,[91] Паузе говорит о том, что подробно занимался «Степенной книгой»; рукопись которой он редактировал и комментировал. Кроме того, им составлен «Хронологический обзор русской истории» и «Каталоги князей». К сожалению, ни перевода Паузе Кенигсбергской летописи, ни подготовленного издания «Степенной книги» и «Обзора русской истории» до настоящего времени разыскать не удалось. Поэтому о его занятиях древнерусскими литературными памятниками мы можем судить только по рукописям «Истории Царьградской» 1711 г., видимо, одного из ранних и еще недостаточно удачных опытов. В петербургский период, когда он был одним из первых членов Академии наук и общался с Феофаном Прокоповичем и профессором Байером, его успехи были, очевидно, более значительными, о чем свидетельствует зрелость постановки ряда исторических вопросов в отчете 1732 г.

В 1713 г. в Москве была издана книга под названием «История о разорении последнем святаго града Иерусалима от римскаго цесаря Тита сына Веспасианова, Вторая о взятии столичного града греческаго Константинополя иже и Царьград от турецкаго султана Махомета втораго. Напечатана повелением царского величества в Типографии московской». Первое произведение — «История о разорении Иерусалима» является кратким изложением 5-й, 6-й и начала 7-й глав «Иудейской войны» Иосифа Флавия.[92] Второе произведение — «О взятии столичного града греческого Константинополя» составлено на основе русских источников с дополнениями, почерпнутыми из сочинения историков Кальвизия и Готофреда. М. Н. Сперанский определил непосредственный источник, положенный в основу повести о взятии Царьграда. Это одна из глав «Скифской истории» стольника А. Лызлова, написанной им в 1692 г.[93]

«Скифская история» Андрея Лызлова была издана Н. И. Новиковым дважды: в Санктпетербурге в 1776 г. и в Москве в 1787 г. Очевидно, тот, кто готовил печатное издание 1713 г., пользовался рукописным списком этого сочинения, пополнив его известиями, почерпнутыми из западноевропейских исторических сочинений. Лызлов в «Скифской истории» широко использует сочинения польских историографов. В рассказе о взятии Царьграда турками в 1453 г. он приводит со ссылкой на Кромера и Стрыйковского рассказ о греческом изменнике Гертуке.

Мы не знаем, кто был составителем этих повестей. Возможно, и Паузе, проживавший до 1725 г. в Москве, где и вышло это издание, и составлявший по поручению Петра I «Историю Царьградскую», которая,

---

[91] *Винтер Э.* И.-В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732). — В кн.: XVIII век, т. 4. М.—Л., 1959, с. 313—322.

[92] Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725. Составители Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, с. 138—142.

[93] *Сперанский М. Н.* Повесть о взятии Царьграда турками в «Скифской истории» А. Лызлова. (Из истории русско-польско-болгарских связей на рубеже XVII—XVIII вв.). — В кн.: Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 211—224.

по-видимому, не удовлетворила царя значительным отступлением от исторических источников и излишней «романизированностью».

«История» о разорении Иерусалима и о взятии Царьграда издавалась при Петре I три раза, а в течение XVIII—начала XIX в. вышло 10 изданий. Кроме того, это издание оказалось переписанным во множестве рукописных копий XVIII—XIX вв. Популярность петровского издания «Историй» была громадной. Так, М. Н. Сперанский указывает, что к этой печатной книге 1713 г. восходит болгарский текст повести XVIII в.[94]

Интерес к истории России исходил не только из правительственных кругов. Иеромонах Кирилловского киевского монастыря Димитрий (Даниил) Туптало, впоследствии известный Димитрий Ростовский, приступил к составлению новой редакции Четьи-Миней, в основу которых, как это убедительно показал А. М. Державин, были положены рукописные Четьи-Минеи митрополита Макария, хранившиеся в Москве в Патриаршей библиотеке.[95]

В январе 1702 г. Димитрий был назначен архиепископом Ростовским и Ярославским. В Ростове он продолжил работу, начатую в Киеве. Кроме того, он приступил к составлению «Хронологии», или, как сам он называл свой труд, «Келейного летописца». С просьбой о доставлении источников он обращался к своим знакомым: к справщику московского Печатного двора Ф. Поликарпову, к монаху Феологу, к Г. Д. Строганову. Письма к этим лицам, опубликованные И. А. Шляпкиным, а также письма, найденные в рукописных собраниях А. М. Державиным и приведенные в его исследовании, позволяют нам представить в некоторых чертах характер его работы над «Хронологией».

В письме к Г. Д. Строганову в 1707 г. Димитрий Ростовский просил прислать ему «на малое время книгу, глаголемую Хронограф иже и Летописец... ибо мне ныне требе есть того, понеже с ростовских обителей все летописныя книги взяты суть в Москву, аз же желаю себе некая от хронографных летописаний списати».[96] С тою же просьбою Димитрий Ростовский обратился и к Феологу, повторив, что «все летописные книги с епархии Ростовской взяты к вам; а у меня только той (Дорофеев), иже списася с онаго, его же взимах на дворе Печатном, в нем же аще и довольни суть истории, но летоисчисления от создания мира не обретается».[97]

Димитрий Ростовский писал, что в его распоряжении имелась копия Хронографа Дорофея Монемвасийского, списанная им с рукописи, принадлежавшей московскому Печатному двору. Хронограф «Дорофеев» не удовлетворял Димитрия Ростовского тем, что в нем не было хронологи-

---

[94] Там же, с. 223—224.

[95] ГБЛ, Отд. ркп., ф. 218: *Державин А. М.* Четии-Минеи святителя митрополита Димитрия Ростовского как церковно-исторический и литературный памятник, с. 140.

[96] *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891. с. 416.

[97] Там же, с. 416.

ческих сведений. Поэтому в это же время он начинает изучение рукописных собраний, находившихся во вверенной ему епархии: Ростовской и Ярославской В письме к Феологу 1707 г., выражая ему благодарность за присланные книги, Димитрий Ростовский сообщил, что он «„Апокалипсис“ снискал в Ярославли... „Ключь разумения“ в Ярославли же снискал, но неполный».[98]

В Ярославле же им был найден сборник житий святых, названный им «Ярославской четьей».[99] В 1708 г. Димитрий Ростовский несколько раз бывал в Ярославле по делам раскольников-старообрядцев. Вероятно, в эти же годы Димитрий Ростовский, активно собиравший источники для «Хронологии», обратил внимание на Хронограф Спасо-Ярославского монастыря, свидетельства которого он привел в своем «Келейном летописце»: «Хронограф Спасский Ярославский пишет сице: По Иисусе бысть судия первый Иуда со старцы лет 18. Иныи Хронографы рускии Иуду того же и Халева быти мняше, сказуют его бывша перваго по Иисусе судию во Израили, и судивша лет 23... Семер по Аоду судия бе, но лет ему в Библиах не положено, и мнят того судивша малое время, токмо месяцей неколико. А Хронограф Спасский Ярославский тому Семегару положил лет 7».[100] В 40-х гг. XVIII в. ярославский купец Василий Крашенинников будет сопоставлять «Хронологию Димитрия митрополита Ростовского» со Спасо-Ярославским хронографом и подтвердит расхождение дат в рассказе о всемирном потопе.

Димитрий Ростовский (умерший 28 января 1709 г.) не успел закончить свою «Хронологию», но одновременно он работал над сочинением, которое названо им «О начале древнего славенскаго народа» (возможно полагая позднее включить его в «русскую часть» «Хронологии»). В главе «О первоначальных князех киевских и о создании града Киева, и о имени его» Димитрий Ростовский говорит, что «летописцы российские не пишут», «коего лета Кий основа и согради град... Един точию летописец описа основание града Киева, лета от Рождества Христова четыреста тридцатого».[101] Возможно, Димитрий Ростовский имел в виду свидетельство Спасо-Ярославского хронографа, так как именно там, как это передано В. Крашенинниковым, датой основания Киева назван 430 год.[102]

В своем сочинении «О начале древнего славенскаго народа» Димитрий Ростовский следует в основном «Синопсису» Иннокентия Гизеля и в расположении глав и в характере истолкования событий с христиански-провиденциальной точки зрения. Но новым по сравнению с «Синопсисом» было стремление привлечь возможно большее количество исторических источников и сличить их между собой с целью выявления более достоверных известий. Димитрий Ростовский особенно выделял свидетельства «преподобного Нестора Печерского» и «древние харатейные летописцы».

---

[98] Там же, с. 430.
[99] *Державин А. М.* Четьи-Минеи святителя митрополита Димитрия Ростовского как церковно-исторический и литературный памятник, с. 176.
[100] Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского, ч. IV. М., 1849, с. 44—45.
[101] Там же, с. 12.
[102] ГАЯО, 60 (1053), л. 333 об.

И несмотря на то что в письмах к Федору Поликарпову Димитрий Ростовский подчеркивал: «О начатом... нами летописании, хотящым ведати буди известно, яко намерение наше не толико в историях углублятися, елико в правоучениях и толкованиях святаго писания поучатися»,[103] характер его работы над древнерусскими летописями, поиски новых сведений объективно раскрывали его углубленное изучение исторических известий. Так, в письме к Феологу Димитрий спрашивал: «Что за страна варяги и где город Тмуторокань».[104]

Новым был и сам подход Димитрия Ростовского к обрисовке событий, происходивших в Древней Руси. Используя сведения древнерусских летописей, Димитрий Ростовский воссоздавал прошлое в свете новых исторических представлений, в которых паметилось уже движение к критической проверке источников. Так, в рассказе о «Мономаховых дарах» он изменяет имя греческого императора: не Константин, а Алексей Комнин передал Владимиру Мономаху царские регалии. Известия об Алексее Комнине, современнике Владимира Мономаха, Димитрий Ростовский почерпнул из сочинений византийских историков. А. И. Павленко отмечает, что, характеризуя деятельность княгини Ольги, Димитрий Туптало «стремится ввести... конкретные подробности и элементы нового представления о самодержце, которые складывались под влиянием „реализованного" идеала, нашедшего отражение в личности Петра I».[105]

Таким образом в творчестве Димитрия Ростовского, не помышлявшего писать «чином историографским», нашли отражение явления культурно-общественной мысли начала XVIII в. и новое понимание задач исторического труда.

В. Н. Татищев, один из ближайших сподвижников Петра I, участник взятия Нарвы, Полтавской битвы и Прутской кампании, в 1719 г., состоя в штабе Брюса, по предложению Петра I приступил к «землемерию Российского государства» и сочинению обстоятельной географии. Убедившись в необходимости одновременного исследования исторической географии, в 1820 г. приступил к розыску древних русских летописей и других исторических источников. К этому периоду относится начало работы Татищева над «Историей российской», которую он продолжал в течение всей остальной жизни.

Татищев начал занятия русской историей в первое пребывание в Сибири, в 1720—1721 гг., куда он был послан на строительство новых металлургических заводов. Еще в Петербурге он получил из личной библиотеки Петра I «древнюю Несторову летопись», копию которой он увез с собою в Сибирь. Она названа им «Кабинетным списком». Манускрипт был написан на большой глаженой бумаге «в десть» (в лист) с миниатюрами и продолжен до 1239 г. Летопись называлась: «Временник русских дел и како Русская земля и князи начаша княжити». Эту летопись, как написал

---

[103] *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время, с. 437—438.
[104] Там же, с. 443.
[105] *Павленко Г. І.* Зображення історичної постаті в оповідній літературі XI—початку XVIII ст. (Сюжети про Ольгу и Володимира). — Радянське літературознавство. Киев, 1978, № 6, с. 51—52.

Татищев в главе 7-й, «имел за начало и основание сего собрания».[106] В 1721 г. им была приобретена «от раскольника в Сибири» рукопись «весьма древняго письма на пергаменте». Но Татищев получил в свое распоряжение не подлинную рукопись, а копию, переписанную владельцем рукописи, который «ради лучшаго выразумения наречие переменил».[107] «Раскольничья» летопись кончалась 1197-м годом. Эту летопись Татищев «снес» с «Кабинетным» манускриптом. Третьей летописью, которая была привлечена им к созданию «Истории российской», была копия с Радзивиловской летописи, снятая в 1716 г. по поручению Петра I в Кенигсберге. Четвертая рукопись — из библиотеки Д. М. Голицына. Пятая — «из Белаозера Кириллова манастыря в Библиотеке сенатской». Шестая рукопись — Новгородская. Татищев пишет о том, что рукопись эта отличается от других тем, что «в ней единственно закон Ярославов точно находится».[108] Новгородская летопись отдана Татищевым в Библиотеку Академии наук, в которой хранится и доныне. Седьмая, Псковская летопись «начинается временем Ярослава, а кончится смертью великого князя Василья Васильевича». Псковская летопись также подарена Татищевым в Библиотеку Академии наук. Восьмая — Новгородская летопись, полученная от П. Н. Крекшина. Здесь, как пишет Татищев, он «о родословии князей руских много собрал».[109] Девятый — «Летописец Воскресенского монастыря, подписанный рукою Никона патриарха». Десятый, «Нижегородской» также отдан В. Н. Татищевым в Библиотеку Академии наук. Одиннадцатый, «купленный у посясчаго на плосчади, в полдесть...» подписан рукою Ярославского монастыря архимандрита Иосифа, «оной подарен мною Аглинскому королевскому собранию, а точная копия в Академию наук».[110]

Кроме этих манускриптов Татищев пользовался рукописными собраниями А. П. Волынского и П. М. Еропкина. Можно считать правильным вывод С. Л. Пештича о том, что А. П. Волынскому и П. М. Еропкину Татищев показывал первоначальную редакцию своего труда 1739 г., озаглавленного «Собрание из древних русских летописцев», и что они, ознакомившись с его работой, в «дополнение» дали материалы, которые он включил в новую редакцию своей «Истории российской».

Первоначальная редакция «Истории российской», как сообщает Татищев, была написана «на древнем наречии». Позднее в приготовленную к печати рукопись он внес материалы, почерпнутые из церковных книг — Четьих-Миней и Прологов, из Степенных книг и Хронографов.

В «Предъизвесчении о истории общественной и собственно о руской» Татищев обосновывает необходимость занятий русской историей. Он говорит о том, что «нас европские историки тем порицают, якобы мы историй древних не имели и о древности своей не знали».[111] Изучение националь-

---

[106] *Татищев В. Н.* История российская, т. 1. М.—Л., 1962, с. 123.
[107] Там же, с. 123.
[108] Там же, с. 124.
[109] Там же, с. 124.
[110] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. 1, с. 227—228.
[111] *Татищев В. Н.* История российская, т. 1, с. 81.

ной истории важно и с политической точки зрения. Татищев пишет: «Наипаче же нужна сия история не токмо нам, но и всему ученому миру, что чрез нея неприятелей наших, яко польских и других, басни и сучие лжи, к поношению наших предков вымышленные, обличатся и опровергнутся».[112]

В «Предызвещении» В. Н. Татищев говорит о большом внимании Петра I к изучению российской истории: «. . . сей государь был премудрый, а при том великое желание к знанию древности имел».[113] Свою «Историю российскую» Татищев писал «к славе и чести моего любезного отечества».[114]

Значительное число древнерусских памятников, не упомянутых в «Предызвещении», было использовано Татищевым для написания «Истории». Так, М. Н. Тихомиров отмечал, например, что в примечаниях к «Истории» неоднократно упоминается Ростовская летопись, по которой Татищевым было подготовлено издание «Русской Правды» и Судебники.[115]

Одним из источников «Истории российской» была так называемая Иоакимовская летопись, характеристике которой В. Н. Татищев отвел 4-ю главу: «О истории Иоакима епископа новгородского». Именно эта летопись вызывала наибольшее количество сомнений в подлинности. По мнению таких специалистов, как С. К. Шамбинаго[116] и М. Н. Тихомиров,[117] Иоакимовская летопись была сводом легендарных сказаний о начале Руси типа известной теперь Густынской летописи, достаточно ясно характеризующей русскую историографию XVII в.

В 1746 г. Татищев подготовил 1-ю редакцию «Истории российской» на «древнем наречии», т. е. сохранив лексические особенности летописных источников. И в том же году он приступил к переводу «Истории» на «настоящее наречие», т. е. на язык XVIII в.[118]

В 1748 г. им была получена Иоакимовская летопись, которая введена Татищевым во 2-ю редакцию «Истории». К концу 1748 г. Татищев считал свою работу над «Предызвещением» и 1-й частью в основном готовой к печати и послал ее Ломоносову, который по его просьбе написал «Посвящение» «Истории российской» наследнику Петру III, а также сообщил свои замечания на «Предызвещение» ко 2-й редакции «Истории». Над II, III и IV частями Татищев продолжал трудиться до конца своей жизни (до 1750 г.).

В эти же годы он подготовил к изданию «Русскую Правду» и Судебник,[119] вышедшие почти через 30 лет после окончания работы. Он же

---

[112] Там же.
[113] Там же, с. 87.
[114] Там же, с. 86.
[115] *Тихомиров М. Н.* Труды В. Н. Татищева по истории России. — В кн.: *Татищев В. Н.* История российская, т. 1. М.—Л., 1962, с. 49.
[116] *Шамбинаго С. К.* Иоакимовская летопись. — Исторические записки, № 21. М.—Л., 1947, с. 254—270.
[117] *Тихомиров М. Н.* Труды В. Н. Татищева по истории России, с. 50—52.
[118] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. 1, с. 232—236.
[119] Изданы впервые С. Я. Румовским; см.: Продолжение Древней Российской вивлиофики. Часть 1, содержащая Правду Русскую и Судебник. СПб., 1786.

впервые высказал мысль о необходимости издания комплекса древнерусских памятников под общим заглавием: «Библиотека российская».

Впервые Татищев провозгласил при издании и изучении древних памятников просветительский принцип «не надлежасчаго к светской летописи, яко жития святых, чудеса, явления и пр.» не впосить. Этот подход к пониманию древних памятников сближает Татищева и Г.-В. Лейбница.[120]

«История российская» Татищева — памятник передовой исторической и литературно-общественной мысли в России XVIII в.

Первое издание «Истории российской» было осуществлено через 18 лет после смерти Татищева в 1768—1784 гг. Г.-Ф. Миллером и А. В. Олсуфьевым в четырех книгах и было доведено до XV в. В 1847—1848 гг. в «Чтениях Общества истории и древностей российских» была опубликована по единственной рукописи пятая книга, доведенная до конца XVI в.

В 1962—1968 гг. вышло новое издание «Истории российской» под редакцией С. Н. Валка. «История» впервые издана по двум редакциям. Тома I—VI содержат историческое повествование (с «Предызвещения» до избрания на престол Михаила Федоровича Романова).

Новое издание «Истории российской» дает возможность исследователям всесторонне изучить и глубже оценить и новаторский труд В. Н. Татищева, впервые в XVIII в. создавшего на громадном материале историческое повествование о судьбах Русской земли начиная с древнейшей поры и кончая первыми десятилетиями XVII в., т. е. более чем за 700 лет.

«История российская» Татищева оказалась вовлеченной в историко-литературный процесс XVIII в. еще до выхода ее из печати. По рукописным спискам публиковал части этого труда в «Ежемесячных сочинениях» Миллер, будущий издатель «Истории». Широко привлекал «Историю российскую» Ломоносов, сводом татищевских известий пользовался А.-Л. Шлецер.

Так как не все древнерусские летописи, которыми располагал Татищев, сохранились до нашего времени (указанные С. Л. Пештичем составляют небольшую их часть),[121] «История российская» является сводом многих замечательных произведений Древней Руси, о которых мы можем получить представление только из этого труда.

И в настоящее время сведения, содержащиеся в «Истории российской», остаются столь же ценными, как и в предшествующее время. На основании глубокого изучения свода известий Татищева Б. А. Рыбаков не только подтвердил достоверность исторических сведений великого русского историка XVIII в., но и реконструировал не дошедшие до нашего времени летописи. Эта реконструкция дала возможность представить облик дипломата — составителя летописца второй половины XII в.

---

[120] *Conze W.* Leibniz Historiker. Berlin, 1951, S. 25—26; *Grau C.* Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatiščev (1686—1750). Berlin, 1963, S. 145—155, 199—202.

[121] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. 1, с. 222—262.

Петра Бориславича.[122] Л. В. Милов установил источники «портретных характеристик» русских князей XII—начала XIII в. в «Истории российской». Это — так называемая Симонова летопись, которая была в распоряжении Татищева.[123] Исследование Н. И. Прокофьевым «Хождения Игнатия Смольнянина» привело ученого к выводу, который подтвердил свидетельство Татищева об участии архимандрита Спасского монастыря Игнатия в летописании начала XV в.[124] Новые наблюдения о плодотворности научных контактов Татищева и Ломоносова можно ожидать при изучении рукописи «Истории российской», находившейся в библиотеке Ломоносова, которая в настоящее время передана в Библиотеку Академии наук СССР.[125]

С конца 20-х гг. XVIII в. все более возрастающую роль в развитии знаний во всех областях естественных и гуманитарных наук в России играет Петербургская Академия наук, открытие которой состоялось в декабре 1725 г. В 1727 г. приступила к работе академическая типография, что позволило Академии наук выпускать периодические издания, публиковать труды действительных членов Академии и работы ученых других стран.

С 1728 г. Академия стала издавать на русском и немецком языках первый русский журнал «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», в котором принимали участие почти все академики, а также видные государственные и церковные деятели, как В. Н. Татищев, Феофан Прокопович, А. Д. Кантемир и др.

Видное место в Академии наук занял Г.-Ф. Миллер. Он приехал в Россию в 1725 г. и уже в 1731 г., получив звание академика, выступил с планом издания на немецком языке сборников известий по русской истории. С 1732 г. эти сборники стали выходить под названием «Sammlung russischer Geschichte». Здесь были опубликованы отрывки из летописи Нестора (по списку петровской копии Радзивиловской летописи), из византийских писателей, жизнеописание Александра Невского, статьи по истории и географии восточных соседей России.[126]

С 1733 г. по 1743 г. Миллер принимал участие в качестве члена академической группы во Второй камчатской экспедиции. Во время пребывания в Сибири он разыскивал документальные источники по истории, записывал устные предания, собирал археологический материал.

---

[122] *Рыбаков Б. А.* Русские летописи и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 184—392.

[123] *Милов Л. В.* Татищевские портреты-характеристики и «Симонова» летопись. — История СССР, 1978, № 6 (ноябрь—декабрь), с. 76—94.

[124] *Прокофьев Н. И.* Хождение Игнатия Смольнянина (археографическое вступление и текст). — В кн.: Литература Древней Руси. Сб. трудов, вып. 2. М., 1978, с. 129.

[125] *Кукушкина М. В., Лебедева И. Н.* Книги из библиотеки М. В. Ломоносова (дар Университетской библиотеки в Хельсинки). — В кн.: Матер. и сообщ. по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978, с. 334—339.

[126] *Моисеева Г. Н.* Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард Фридрих Миллер). — Русская литература, 1967, № 1, с. 130—137.

Обследование архивов и документов частных лиц дало значительный результат. В Тобольске Миллер нашел Сибирскую летопись С. У. Ремезова, которую он передал в Академическую библиотеку. Большое значение собранных Миллером материалов состоит в том, что он составил копии документов, подлинники которых позднее погибли. Таким образом Миллером были сбережены документы периода крестьянской войны и интервенции начала XVII в., не сохранившиеся в центральной России. Эти материалы послужили источником его статей по истории Смутного времени и документальных публикаций XVIII в., «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новикова и «Собрания государственных грамот и договоров», изданных в начале XIX в.

В 40-х гг. XVIII в. Миллер приступил к обработке привезенных материалов и составил «Описание Сибирского царства», изданное в Петербурге в 1750 г. В 1749 г. подготовленная им речь к торжествам Академии наук по случаю рождения Елизаветы Петровны — «Происхождение народа и имени российского» — вызвала резкое недовольство многих ученых преувеличением роли норманнских завоевателей в древнейшей истории Руси. По замечаниям С. П. Крашенинникова, М. В. Ломоносова, Н. И. Попова и В. К. Тредиаковского печатание и произнесение речи было запрещено. Сохранились только корректурные экземпляры этого сочинения Миллера.

С 1755 по 1764 г. Миллер стоял во главе издававшегося Петербургской Академией наук периодического издания «Ежемесячные сочинения». Его редакторская работа позволила объединить в журнале лучших ученых, писателей, публицистов и сделать «Ежемесячные сочинения» авторитетным научным изданием, к которому обращались исследователи на протяжении XVIII—начала XIX в. В «Ежемесячных сочинениях» были опубликованы отдельные статьи Татищева, связанные с его «Историей российской», статьи Миллера «Известие о запорожских казаках», «Опыт новой истории о России», «О начале Новгорода и происхождении российского народа», а также отдельные части второй книги «История Сибири».

В 1764 г. Миллер уехал в Москву, где он был определен начальником Московского Архива Коллегии иностранных дел. В 60-е гг. XVIII в. он проводит огромную работу по систематике и описанию архивных документов. Миллер подготовил «Известие о дворянах российских. О их древнем происхождении: о старинных чинах; и какие их были должности при государях, царях и великих князьях; о выборе доказательств на дворянство, о родословной книге; о владении деревень; о службе предков и собственной, и о дипломах». «Известие о дворянах» было издано после смерти Миллера в 1790 г. В «Опыте трудов вольного российского собрания» Миллер опубликовал серию статей по истории петровского времени. В эти же годы он подготовил к печати и издал «Историю российскую» В. Н. Татищева, «Судебник царя Ивана Грозного», «Письма Петра Великого гр. Б. П. Шереметеву», «Ядро российской истории», «Степенную книгу» и начал работу над Троицкой пергаменной летописью (1408 г.). Миллер активно помогал Н. И. Новикову в издании «Древней российской вивлиофики», подбирал материалы М. М. Щербатову, Екатерине II, готовил «Собрание русской дипломатики».

За свою долгую творческую жизнь Миллер собрал громадный архив, состоящий из древних рукописей, автографов и копий, снятых трудолюбивым историком с ценных документов и литературных произведений XVIII в. Коллекция этих материалов, названных «Портфели Миллера», была куплена Екатериной II для Московского архива Коллегии иностранных дел, где они хранятся и сейчас (ф. 191), являясь исключительно ценным источником для изучения истории, литературы, культуры и этнографии России XVIII в.

40—60-е гг. XVIII в. характеризуются расцветом научной деятельности гениального русского ученого М. В. Ломоносова во многих областях наук.

Интерес к великому прошлому своего народа, его литературе, культуре, истории нашел выражение в ранних работах Ломоносова. К систематическому изучению памятников древнерусской литературы Ломоносов приступил в начале 40-х гг. XVIII в. после возвращения из Германии, где он обучался «горному делу». Уже в ранние оды Ломоносов включает темы древнерусской литературы, обнаруживая глубокую осведомленность в летописных известиях. Не случайно поэтому он принял активное участие в разгоревшейся в 1749—1750 гг. в Академии дискуссии по поводу диссертации Миллера «Происхождение народа и имени российского». На основе русских летописей и ряда средневековых источников Ломоносов раскрыл роль славян в истории Европы и выступил противником норманнской теории.

Изучение ломоносовских древнерусских летописей в Петербурге было непосредственно связано с рукописными фондами Библиотеки Академии наук. К 40-м гг. XVIII в. здесь хранилось много ценных рукописей и книг. Еще в 1725 г. после смерти Петра I в Академическую библиотеку была привезена небольшая часть его собрания. Основная часть книг Петра I передавалась в Библиотеку в 1728—1729 гг., в их числе — 206 рукописных книг, принадлежавших членам семьи царя Алексея Михайловича.[127]

В те же годы были привезены в Библиотеку книги и рукописи царевича Алексея Петровича и сестры Петра I Натальи Алексеевны.

В 1736—1737 гг. Библиотека пополнилась книжной и рукописной коллекцией виднейшего сподвижника Петра I Я. В. Брюса, а за год до этого сюда же поступили книги умерших сотрудников Академии наук: адъюнкта А. Б. Крамера и переводчика И.-В. Паузе. В собрании Паузе находились ценные рукописи, которые он использовал в период работы над переводом на немецкий язык петровской копии Кенигсбергской летописи.

---

[127] *Мурзанова М. Н.* Первые фонды рукописных книг академической библиотеки; *Петров В. А.* История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. I. XVIII век. Составили М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва и В. А. Петров. М.—Л., 1956, 5—118, с. 171—264; *Луппов С. П.* Основание и первые годы существования Библиотеки. 1714—1725 гг. — В кн.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.—Л., 1964, с. 24; 2) Библиотека Академии наук в 1725—1747 гг. — Там же, с. 9—51.

Этот состав книжных и рукописных фондов Библиотеки Петербургской Академии наук был отражен в первом печатном описании книг и рукописей — так называемом «Камерном каталоге», вышедшем из печати в 1742 г. в четырех частях на латинском языке.[128] Описание русских печатных и рукописных книг было издано отдельно на русском языке.

К тому времени, когда Ломоносов возвратился из Германии в Петербург, Академическая библиотека пополнилась замечательными собраниями древнерусских рукописей.

Ноябрьский переворот 1741 г. и восшествие на престол дочери Петра I Елизаветы Петровны привели к опале и конфискации имущества некоторых влиятельных вельмож при дворе Анны Иоанновны и ее фаворита Бирона. В числе конфискованного имущества А. И. Остермана, Б. Х. Миниха, М. Г. Головкина, Р.-Г. Левенвольде и К. Менгдена были описаны и их книжные собрания. Большая часть конфискованных книг и рукописей поступила в Академическую библиотеку.

В 1736 г. умер Феофан Прокопович, и ряд ценных рукописей, находившихся в его коллекции, попал в Академическую библиотеку.

Рукописи поступили и от историка-самоучки П. П. Крекшина. Много рукописей было передано Академической библиотеке в дар от Татищева. Некоторые рукописи привез из Сибири Миллер.

Изучение рукописей Академической библиотеки нашло отражение в отчетах Ломоносова, представленных в канцелярию Академии наук. В отчете о работе в 1751 г. Ломоносов писал, что он «читал книги для собирания материй к сочинению „Российской истории“»: Нестора, законы Ярославли, большой Летописец, Татищева первый том.[129] В 1753 г. Ломоносов продолжал читать «российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских».[130] А в 1756 г. Ломоносов сообщил в отчете: «. . . собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях российских.[131]

Исследование рукописей, собранных в Библиотеке Петербургской Академии наук к 50-м гг. XVIII в., позволило установить, какие рукописи были изучены Ломоносовым и какое отражение они получили в его литературных и исторических трудах.

В составе рукописного собрания, хранившегося в доме новгородского архиепископа Феофана Прокоповича, в Академическую библиотеку в 1741 г. поступили: Патриарший список Никоновской летописи (БАН, 32.14.8), Никоновская летопись с прибавлениями Повести о житии Феодора Ивановича и Нового летописца (БАН, 17.2.5). Воскресенская летопись начала XVI в. (БАН, 34.5.24); Степенная книга конца XVII в.

---

[128] Bibliothece imperialis Petropolitanae, pars I—IV. Typis Academiae imperialis Scient. SPb., 1742.
[129] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. X, с. 389.
[130] Там же, с. 391.
[131] Там же, с. 393.

(БАН, 32.8.5) с добавлением выписок из Хронографа, Иного сказания, Сказания Авраамия Палицына, Сказания об азовском осадном сидении, Нового летописца и родословных книг. Ранее эта рукопись принадлежала двоюродному брату царя Алексея Михайловича — Никите Ивановичу Романову-Юрьеву. После смерти последнего (1655 г.) рукопись перешла в царскую казну, а оттуда — в Патриаршую ризницу. В начале XVIII в. она была перевезена в Санкт-Петербург и передана Петром I Феофану Прокоповичу как один из важных источников для составления русской истории.[132]

Степенная книга содержит много помет, сделанных рукою Ломоносова. В Ином сказании на поле отчеркнуто и поставлено двойное NB против отрывка из рассказа, где повествуется о прошении на царство Михаила Романова «сродственнаго его ради союза царских искр и по благословению же отцу его благоверному болярину Феодору Никитичю блаженные памяти царем и великим князем Феодором Ивановичем всея Русии».[133]

В «Кратком российском летописце» Ломоносов полностью опирается на этот рассказ Иного сказания. Так, сообщая о событиях 1613 г. и избрании на царство Михаила Романова, Ломоносов сохраняет большую близость к источнику: «Михайло Феодорович Романов, ближний сродник государей московских и племянник царю Феодору Иоанновичу, сын постриженного боярина Федора Никитича Романова, коему царь Феодор Иванович при смерти поручил царство».[134] Очевидно также, что сюжет одной из живописных картин на темы русской истории был подсказан этой повестью. Сравним: «14. Право высокой фамилии Романовых на престол всероссийский. Царь Федор Иванович, приближаясь к кончине, при патриархе Иове и при боярех подает скипетр брату своему двоюродному, боярину Федору Никитичу Романову».[135]

Полагая, по-видимому, что эта Степенная книга с добавлениями произведений, созданных в начале XVII в. (Иного сказания, Сказания Авраамия Палицына, Нового летописца и др.), хранившаяся в семье родственников царя — бояр Романовых, основана на наиболее проверенных исторических данных, Ломоносов широко использует эти сведения в своих исторических трудах. Так, в Ином сказании отмечен на поле отрывок текста, в котором сообщено о венчании Михаила Романова на царство и о первых политических мероприятиях молодого царя: «В лето 7121 (1613 г.) июля в 1-й день венчан бысть царскою диадимою государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Руси в соборной и апостольстей церкви Пречистые богородицы честнаго и славнаго ея успения в царствующем граде Москве. А московских боляр и всяких чинов людей, которые седели в Москве в осаде с литовскими людми и

---

[132] Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 1. Составили В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. М.—Л., 1959, с. 344—350.

[133] БАН, 32.8.5, л. 189 об.

[134] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VI, с. 333.

[135] Там же, с. 371.

которые были в Литве у короля и в Тушине и в Колуге при воре второлживом Дмитрие и тех государь всех пожаловал для своего царского венца».[136]

В «Кратком российском летописце» в рассказе о воцарении Михаила Романова Ломоносов специально не останавливается на его венчании, но отмеченные в летописи материалы, особенно сведения о прощении «московских бояр и всяких чинов людей», он использовал для характеристики времени правления незадачливого царя Василия Ивановича Шуйского: «Между тем царь Василей Иванович, опасаясь бояр и забыв свое обещание, стал на них посягать. В то ж время явился новый самозванец под именем царевича Дмитрия и другие под вымышленными именами его братей и племянников, от чего бояре и весь народ российский разделилися на разные части. Междоусобные войны, разбойничества и нашествие поляков и шведов под видом спомогательства так утомили Россию и власть царскую умалили, что некоторые бояре, выбрав на царство польского королевича Владислава, постригли царя Василия Ивановича и польскому королю отдали».[137]

В «Кратком российском летописце» как бы раскрыты причины, обусловившие милостивые пожалования царем Михаилом Федоровичем «московских бояр и всяких чинов людей», которые в Смутное время помимо своего желания волею исторических обстоятельств («междоусобные войны, разбойничества и нашествие поляков») оказались «в Литве у короля и в Тушине и Колуге и при воре второлживом Дмитрие».[138]

Очень полно использованы данные Родословца, находящегося в конце этой Степенной книги. Здесь много NB и отметок Ломоносова, которые фиксируют внимание на сведениях, относящихся к происхождению русских княжеских и боярских родов. Много исторических сведений Родословца использовано Ломоносовым для составления «Родословия российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями», которым заканчивался «Краткий российский летописец», опубликованный в 1760 г.

Никоновская летопись (БАН, 17.2.5) также широко использована Ломоносовым. Ориентируясь на данные этой летописи, Ломоносов опирается на ее хронологические показания, иногда даже механически перенося даты летописных известий. Так, под 1128 г. в «Древней российской истории» помещен известный рассказ о полоцкой княжне Рогнеде, не захотевшей добровольно выйти замуж за киевского князя Владимира I. В действительности же эти события происходили в 980 г. Недоумение разъясняется Никоновской летописью: повествование о Рогнеде здесь помещено под 1128 г., когда составитель, сообщая о событиях, происшедших в Полоцком княжестве (которое принадлежало сыну Рогнеды — Изяславу), осветил его предысторию, начиная с убийства Владимиром князя Рогволода и насильственной женитьбы на Рогнеде.[139]

---

[136] БАН, 32.8.5, л. 190 об.
[137] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VI, с. 332.
[138] БАН, 32.8.5, л. 190 об.
[139] БАН, 17.2.5, т. 1, л. 137—137 об.

В Никоновской летописи имеется много карандашных помет и несколько приписок Ломоносова. Он обращает внимание на время возникновения русских городов, их названия, особенности оборотов древнерусского языка, подчеркивает рассказ об ослеплении Василька, отмечает включенные в летопись литературные повести: о рукописании Магнуса, о взятии Царьграда крестоносцами, о преставлении блаженного Арсения, о создании Царьграда.

В 1728—1729 гг. в Библиотеку Петербургской Академии наук поступило собрание рукописей и книг из личной библиотеки Петра I.[140] В числе «манускриптов» была копия с Радзивиловской летописи XV в. (БАН, 31.7.22). Во время пребывания в Кенигсберге в 1711 г. Петр I увидел в библиотеке эту древнюю русскую летопись и заказал копию, воспроизводящую текст и миниатюры.

Патриаршая Никоновская летопись третьей четверти XVI в. также имеет очень много следов непосредственной работы Ломоносова. Здесь пометы сделаны карандашом и чернилами. Они начинаются с первых листов рукописи, где излагается древнейшая история Русского государства. Особо отчеркнуты те места, где излагаются легенды о призвании варягов. Ломоносов подчеркивает в тексте и отмечает на полях следующие места: «Приидоша на помощь три браты со всем родом своим Рюрик, Синеус, Трувор... сице бо варязи звахуся Русью».[141] Как мы увидим далее, он проверяет эти данные по всем летописным источникам. Внимание к этой теме Ломоносова ясно обозначалось в его научной полемике с Г.-Ф. Миллером 1749—1750 гг. Непосредственное же отражение его собственная позиция, как будет показано ниже, нашла в I и начале II частей «Древней российской истории».[142] Некоторые материалы из Патриаршего Никоновского свода прямо цитируются в Родословце, которым оканчивается «Краткий российский летописец».

Из библиотеки Феофана Прокоповича поступил хронографический сборник в переработке XVIII в. и с прибавлениями.[143] В исторических трудах Ломоносова оказались широко использованными материалы этого сборника.

Степенная книга с добавлениями выписок из Хронографов третьей четверти XVII в. (БАН, 32.8.4) поступила в Библиотеку Академии наук после смерти Я. В. Брюса в 1735 г. Ломоносов воспроизвел данные этой летописи в своей работе. В полемике с Миллером он доказывал этническую близость пруссов и славян общностью их верований. Степенная книга дала Ломоносову материал для рассказа о событиях времени Ивана Калиты в «Кратком российском летописце».[144]

Изучение Ломоносовым Лицевого (или Царственного) свода Никоновской летописи (БАН, 31.7.30) засвидетельствовано документально.

---

[140] *Мурзанова М. Н.* Первые фонды рукописных книг академической библиотеки.
[141] БАН, 32.14.8, л. 58.
[142] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VI, с. 203—219.
[143] Исторические сборники XV—XVIII вв. — В кн.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2. Составили А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.—Л., 1965, с. 81.
[144] Ср.: БАН, 32.8.4, л. 322 об. и *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VI, с. 353.

После смерти Ломоносова книги и рукописи, находившиеся у него дома, были возвращены в Библиотеку Академии наук. В числе этих «вещей покойного... профессора Михаила Васильевича Ломоносова» были «две книги летописцев российских с лицами, № 34, 35».[145] Ломоносов брал оба тома Лицевого свода в 1763 г.

Два тома Лицевого свода середины XVI в. поступили в Библиотеку Академии наук в составе собрания А. И. Остермана в 1743 г. и были включены в дополнения к «Камерному каталогу» под № 34 и 35. Эта рукопись сохранила много помет — следов работы Ломоносова, в числе их не только разметка материалов, но и автографы.

В составе собрания Остермана в Библиотеку Академии наук в 1743 г. попала Разрядная книга (БАН, 34.3.2). На ней также имеются пометы Ломоносова.

Степенная книга середины XVII в. (БАН, 32.8.2) поступила в Библиотеку Академии наук в 1743 г. в составе собрания Остермана. То, что эта рукопись находилась в руках Ломоносова, документально засвидетельствовано: в уже упоминавшейся описи «вещей покойного... профессора Михаила Васильевича Ломоносова» Степенная книга фигурирует под названием «Летописец большой, № 5».[146] Рукопись эта взята Ломоносовым в 1764 г. На ней нет никаких помет. Возможно, что из-за болезни, которая началась у Ломоносова в этом году,[147] он не смог изучить ее так детально, как другие рукописи.

Между 1742 и 1750 г. в Библиотеку Академии наук в дар от В. Н. Татищева поступила сборная рукопись конца XVII в. — Новгородская и Псковская 1-я летопись с прибавлением (БАН, 31.4.22). Эта рукопись почти вся испещрена пометами и приписками Татищева, а рядом с ними — чернильные и карандашные пометы и приписки Ломоносова. На л. 1 надпись, сделанная Ломоносовым: «Лѣтописецъ Псковской и Новогородской».

В настоящее время очевидно, что Ломоносов глубоко и внимательно изучил Новгородскую и Псковскую летопись, которая была в 1737 г. подарена Татищевым Библиотеке Петербургской Академии наук. В ее составе находилась летописная повесть «О побоище на Дону», широко использованная Ломоносовым в исторических трудах и в литературных произведениях. Трагедия «Тамира и Селим» была закончена в октябре 1750 г. Это дает возможность датировать время работы Ломоносова над Новгородской и Псковской летописью, которая несомненно изучалась им в течение долгого времени.

В первые годы существования Библиотеки Академии в нее поступила Степенная книга середины XVII в. (БАН, 32.8.6) из собрания царевича Алексея Петровича. Эта рукопись, доведенная до 1560 г., также была изучена Ломоносовым. Следы его знакомства с нею и использования можно видеть на многих листах, где есть пометы.

---

[145] *Коровин Г. М.* Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.—Л., 1961, прилож. VII, с. 432.

[146] Там же, с. 432.

[147] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.—Л., 1961, с. 414—418.

В 1728 г. в составе собрания Петра I в Библиотеку Академии наук поступила рукопись первой половины XVII в. — Хронограф редакции 1512 г. и Псковская летопись (БАН, 34.4.32). Здесь также наряду с пометами Татищева имеется много карандашных помет Ломоносова. Так, на л. 401 он отмечает крестом на полях и отчеркиванием иную, чем в Повести временных лет, версию рассказа о призвании варягов. По изложению этой рукописи варяги были «загнаны за море», а потом послали «к варягам к Руси». Рюрик был поставлен в Новгороде «старейшиною». Раздумывая над древнейшей историей русского государства, Ломоносов, как видим, сравнивал между собою различные версии легенды о призвании варягов. В этой рукописи Ломоносов также отмечает известия об основании городов, о явлениях природы и т. д.

В составе собрания Воронцовых в Библиотеку Академии поступила и Русская хронографическая летопись, объединенная с Нижегородским летописцем (БАН, 4.7.27) последней четверти XVII в., выписки из русских летописей (БАН, 4.7.26). Русская сводная летопись (БАН, 34.2.26), Степенные книги (БАН, 4.7.26; БАН, 4.3.19), несколько родословных книг: так называемая Голицынская (БАН, 4.7.28, на внутренней стороне обложки помечено: Ex Bibliotheca Arcangelina), родословные книги XVII—начала XVIII в. (БАН, 34.2.25; БАН, 4.1.35; БАН, 4.1.36).

Братья Михаил и Роман Воронцовы проявляли большой интерес к генеалогическим разысканиям: в их библиотеке сохранились списки «Свадебных разрядов», участниками свадеб были их предки (БАН, 31.7.20; БАН, 31.7.40), выписки о роде Воронцовых (БАН, 31.6.41), выписки из Титулярника XVII и начала XVIII в. (БАН, 1.1.19; БАН, 32.3.1). В Русской сводной летописи конца XVII в. (БАН, 34.2.26) рукою Ломоносова по л. 1—10 на нижнем поле написано: (л. 1) «Сия книга [л. 2] его [л. 3] превосходительства [л. 4] действительнаго [л. 5] каммергера [л. 6] и кавалера [л. 7] Романа [л. 8] Ларионовича [л. 9] Воронцова [л. 10]».

Эта типичная скрепа, характерная для переписчиков и владельцев древних рукописей (вспомним, что в молодости Ломоносов переписывал рукописи), свидетельствует о том, что Ломоносов брал эту рукопись из дома Воронцовых и, чтобы не спутать ее с библиотечными рукописями (которые также находились у него дома), пометил ее принадлежность Роману Илларионовичу Воронцову.

В настоящее время, когда в Библиотеку Академии наук СССР поступили рукописи из библиотеки Ломоносова, стало ясно, что с Русской сводной летописи из собрания Р. И. Воронцова в 1756 г. была снята копия, вошедшая в сборник, озаглавленный «Хроник, из разных рукописных и печатных книг собранной» (БАН, Текущ. поступл. № 1342).[148]

У нас есть основания полагать, что в 1753 г. Ломоносов изучал московские рукописные собрания: Синодальной библиотеки, Печатного двора и Архива Коллегии иностранных дел.[149]

---

[148] *Кукушкина М. В., Лебедева И. Н.* Книги из библиотеки М. В. Ломоносова (дар Университетской библиотеки в Хельсинки), с. 340—341.

[149] См.: *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971, с. 108—121.

В настоящее время приобретает особый интерес сводный отчет Ломоносова 1764 г. о выполненных им работах, относящихся к занятиям русской историей:

«VI. В истории 1) Сочинен краткий летописец российский с родословием и напечатан.

2) Сочинен первый том „Российской истории“ и печатается с филологическими изъяснениями.

3) Собраны многие рукописные известия, до российских дел надлежащие, собственным коштом».[150]

Ломоносов безусловно имел собственное собрание рукописных книг. Судьба библиотеки Ломоносова сложилась трагически. После его смерти в апреле 1765 г. библиотека великого русского ученого была приобретена Г. Г. Орловым. Потом она, слившись с собранием Орлова, была куплена Екатериной II для «венценосного внука» императрицы вел. кн. Константина и попала в Мраморный дворец. После смерти Константина Павловича владельцем библиотеки стал его внебрачный сын полковник П. К. Александров, который подарил Александровскому университету г. Хельсинки в 1832 г. значительную часть книжного собрания своего отца. И в отосланные в Финляндию книги попала часть библиотеки Ломоносова.[151]

В 1977 г. Библиотека Хельсинского университета передала в дар Библиотеке АН СССР 55 книг, принадлежавших Ломоносову. Из них четыре рукописных и одна печатная кириллическая — Октоих с собственноручной припиской Ломоносова: «Сия книга Октоих подарена мне от его превосходительства Василия Никитича Татищева 1749 г.»

В библиотеке Ломоносова была рукописная «История российская» Татищева, переданная Ломоносову И. И. Шуваловым. На полях этой рукописи чернилами шесть приписок Ломоносова, свидетельствующих о его несогласии с некоторыми положениями Татищева.

Рукописный сборник (БАН, Текущ. поступл., № 1341) является сводом материалов, относящихся к Петровской эпохе.

«Хроник, из разных рукописных и печатных книг собранной» (БАН, Текущ. поступл., № 1342), как уже говорилось выше, является сборником выписок из печатного Синопсиса 1674 г., пространной редакции Новгородской летописи, Никоновской летописи, Хронографа 1679 г. и «Казанской истории». Все эти произведения нашли широкое отражение в сочинениях Ломоносова, относящихся к русской истории. Образ царицы Сумбеки, героини «Казанской истории», оказался претворенным Ломоносовым в «Идеях для живописных картин из российской истории». В этом сборнике на л. 266 об.—273 об. переписана редкая редакция Жития Димитрия Донского под названием: «О житии и преставлении великого князя Дмитрия Иоанновича Московского и всея России». Ломоносовым отмечено описание сражения на поле Куликовом в 1380 г.: «...соступишася аки сильнии тучи, блеснуша оружием, яко молнии во

---

[150] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. X, с. 401 (разрядка наша, — *Г. М.*).

[151] См.: *Кулябко Е. С. и др.* Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975, с. 33—70; см. также: *Коровин Г. М.* Библиотека Ломоносова.

дни дождя. Ратнии сечахуся за руки емлющеся и по удолиям кровь течаху и Дон река потече кровию». В трагедии «Тамира и Селим» (1750 г.) Ломоносов воссоздает картину Куликовской битвы и точно передает известия «Сказания о Мамаевом побоище» и «Жития» Дмитрия Донского.

«Книга глаголемая Времянник, сиречь Летописец российский, от него же по времяни нача прозыватися Российская земля и владущии ею» (БАН, Текущ. поступ., № 1343) — сборник выписок из русских летописей, Хроники Мартына Бельского, Синопсиса и других источников. Это несомненно тот самый «Сборный Времянник», ссылка на который имеется в «Древней российской истории» Ломоносова. В рассказе о крещении княгини Ольги в Царьграде и о «пленении любовию греческого царя к Ольге» Ломоносов ссылается на летопись Нестора и на «других писателей» и приводит ответ Ольги: «что царь ее обидел, коварствовав ее старости».[152] Это точная передача слов княгини Ольги из сборника «Книга глаголемая Времянник»: «и ты, о царю, коварства старости моея».[153]

Важно отметить, что в этом сборнике на л. 78—78 об. помещено начало «Русской Правды»: «В лѣто 6528 нача Ярослав воинству своему делити куны: старостам по 10 гривен, а смердам по 2 гривны, а новгородцем всем по 10 гривен. И отпусти, а дав им Правду и Уставы вписав, глаголюще: по сей грамоте ходите, якоже списах вам, тако держите».

Известно, что Ломоносов считал политической ошибкой Ярослава выделение Новгорода от остальных русских земель. В «Кратком российском летописце» (1760 г.), заключая характеристику деятельности Ярослава Владимировича, он писал: «Новгородцам пожаловал вольные грамоты и тем к разделению России подал немалый повод».[154]

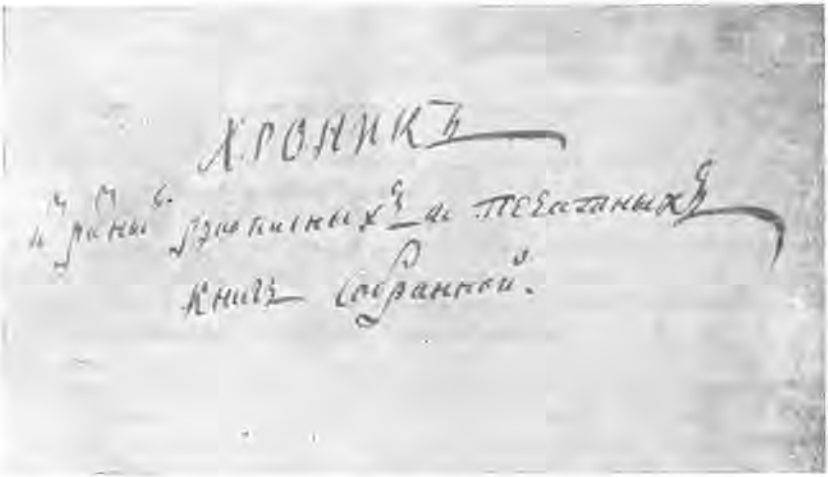
При участии И. С. Баркова Ломоносов подготовил первое издание древней Радзивиловской летописи, снабженное сопоставительными ссылками на Никоновскую и Новгородскую летописи и на «Историю российскую» Татищева.[155] Вслед за изданием Радзивиловской летописи, вышедшей в 1767 г., была опубликована в том же 1767 г. Никоновская летопись, подготовленная С. Башиловым под руководством А.-Л. Шлецера.

Ломоносов был историком, знатоком древнерусских памятников, сделавшим в середине XVIII в. подлинное открытие великой культуры Древней Руси. На новом уровне он продолжил работу, начатую Татищевым, и определил развитие основного направления исторической мысли, характер издания и комментирования древнерусских памятников во второй половине XVIII в.

Издатель передовых сатирических журналов XVIII в. «Трутень» и «Живописец» Н. И. Новиков приступил к опубликованию памятников древнерусской письменности вскоре после закрытия журнала «Пусто-

---

[152] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VI, с. 236.
[153] БАН, Текущ. поступ., № 1343, л. 57.
[154] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VI, с. 300.
[155] См.: *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература, с. 149—221.



Сборник выписок из древнерусских летописей и из печатного Синопсиса 1674 г., принадлежавший М. В. Ломоносову. Запись на обложке — автограф Ломоносова. БАН, Текущ. поступ. № 1342.

меля».[156] В этот период он усиленно занимается историей русской литературы, готовит «Опыт исторического словаря о российских писателях», вышедший из печати в 1772 г. Г. П. Макогоненко справедливо пишет, что «эти занятия российской историей несомненно помогли Новикову разобраться в национальных путях развития России, определили его социально-политические воззрения».[157]

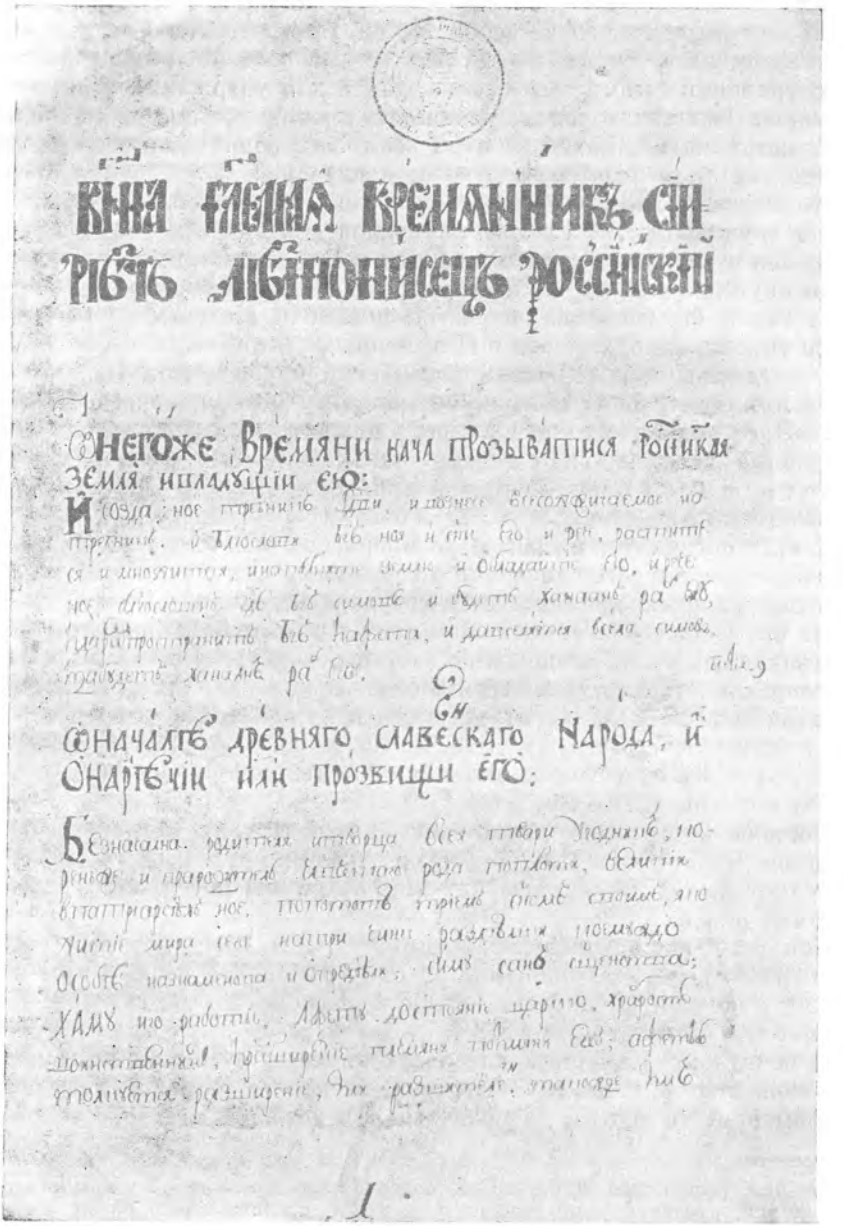
Н. И. Новиков сам не занимался историческими трудами, естественно поэтому, что при издании памятников посредниками должны были стать люди, связанные с Новиковым личными или деловыми контактами, которые в то же время были хранителями, собирателями или исследователями рукописного наследия Древней Руси.

Обзор археографической деятельности Новикова мы начинаем поэтому с выяснения круга лиц, давших ему возможность ознакомиться с древними памятниками. О некоторых из них Новиков сообщил сведения сам, о других вывод сделан на основе анализа печатных работ Новикова.

В 1773 г. одновременно с выходом первого тома «Древней российской вивлиофики» Новиков выпустил книгу под названием «Древняя российская идрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей, и какие по них городы и на каком оныя расстоянии». В предисловии к этой книге Новиков подробно рассказал о приемах своей работы по подготовке издания.

---

[156] *Макогоненко Г. П.* Н. И. Новиков и русское Просвещение. М.—Л., 1951, с 202.
[157] Там же, с. 202.



КНИГА ГЛАГОЛЯ ВРЕМЯННИКЪ СИ
РѢЧЕТЪ ЛѢТОПИСЕЦЪ РОССІЙСКІЙ

ОНЕГОЖЕ ВРЕМЯНИ НАЧА ПРОЗЫВАТИСЯ РОССІЙСКАЯ
ЗЕМЛЯ ИЛЛЮЦІИ ЕЮ:

И созда: ное творитель Дши, и тонное всесоглашаемое по
творитель. Ѳ Троицѣ бѣ нач и сн бо и рн, растити
ся и множитися, и потщитеся землю и обладайте ю, и рте
ное: вселитеся бо бѣ семоуже и будетъ хананъ ра бо,
да распространитъ бѣ Іафета, и да живетъ вела семовъ
будетъ хананъ ра бо. (л. 9)

ОНАЧАЛѢ ДРЕВНЯГО СЛАВЕСКАГО НАРОДА, И
ОНДРѢЧІИ ИЛИ ПРОЗВИЩИ ЕГО:

Безначала родитъ творца всея твари Иеднитъ, по-
ренсе и прародителъ Ветеннаго рода готовитъ, великъ
Патриарсе ное, потомъ тремъ сномъ стоимъ, по
чиитъ мира всего нашего сими разделися, помимо
особѣ назнаменова и отрѣзвы: сими сановъ ицнотства:
ХАМЪ ино работа, Іафетъ достояніе царство, Іафетъ
Іоннеставинъ, Іуфиферъ тебяя тебяя Его; афетъ
толкуется расширение, на расширеи, таможе ниб

1

«Сборный Времянник» — рукопись из библиотеки М. В. Ломоносова. БАН, Текущ. поступ. № 1343, л. 1.

Первый список «Древней российской идрографии» был получен Новиковым «от коллежского ассесора Петра Кирилловича Хлебникова». Новиков «нашел его (список, — *Г. М.*) весьма достойным напечатания как для сохранения самого сего списка, так и для удержания в памяти имен некоторых бывших городов, урочищ и прочих достопамятных известий, в сей книге находящихся, а паче всего для обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг, окроме церковных, да и то будто только служебных».[158] Не ограничиваясь списком Хлебникова, Новиков «старался отыскивать другие и нашел в Библиотеке императорской Академии наук два списка, один старинным, а другой новым письмом писанные». Также были им получены три списка из Москвы, в числе их «список со списка, находящегося в Патриаршей ризнице».

В предисловии к «Древней российской идрографии» Новиков объяснил и принцип отбора списка, по которому была произведена публикация: «Прочитав все списки, нашел я, что полученный мною от г. Хлебникова список старее всех и потому решился я издавать по оному, исправив только против других находившиеся в нем описки и погрешности».[159]

Итак, приступая к изданию древнерусского памятника, Новиков, как это видно из его «Предисловия от издателя», получал известия о рукописных списках, хранящихся в государственных и частных собраниях. Затем он сверял все списки и выбирал для публикации тот, который представлялся наиболее древним («старее всех»). При наличии нескольких списков «описки и погрешности» основного списка исправлялись. Вышедший в 1772 г. «Опыт исторического словаря» позволяет представить степень осведомленности Н. И. Новикова о древних русских памятниках, хранившихся в библиотеках и семейных рукописных собраниях второй половины XVIII в.

Новиков несомненно был хорошо знаком с А. И. Богдановым — архивариусом Библиотеки Петербургской Академии наук, который трудился в библиотеке 30 лет (с 1736 по 1766 г.) и хорошо знал рукописные и книжные фонды.

Как установлено исследователями,[160] А. И. Богданов был составителем первого печатного описания русских рукописей и книг, хранившихся в Академической библиотеке, — так называемого «Камерного каталога», изданного в Петербурге в 1742 г.

В печатном «Камерном каталоге» книги и рукописи описаны по их расположению в комнате («камере», отсюда — «Камерный каталог») и по размерам: «в десть», «в полдесть», «в четверть десть». Рукописи раз-

---

[158] Древняя российская идрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей, и какие по них городы и на каком оныя расстоянии. СПб., 1773, с. 5 (Предисловие от издателя).

[159] Там же, с. 5 об. (разрядка наша, — *Г. М.*).

[160] *Петров В. А.* История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. 1. М.—Л., 1956, с. 235—252; *Коблепц И. Н.* Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. М.—Л., 1958, с. 89—101.

мещены по отделам: «Разделение I. Книги рукописные церковные», «Разделение II. Книги гражданские рукописные различного содержания», «Разделение III. Книги рукописные до российской истории надлежащие».

«Камерный каталог» давал достаточно полное описание книг и рукописей, хранившихся в Библиотеке Петербургской Академии наук, но представлял известную трудность для воссоздания репертуара книг и рукописей определенного автора. Чтобы составить представление о книгах и рукописях одного писателя, было необходимо прочитать подряд весь «Камерный каталог», так как алфавитный указатель, помещенный в конце его, был очень неполон.

Н. И. Новиков, несомненно, внимательно изучил «Камерный каталог». Но кроме «Каталога» в его распоряжении находился рукописный труд «Краткое ведение и историческое изыскание о начале и произведении вообще всех азбучных слов, которыми ныне весь свет пишет и ими всякое книжное сочинение составляется купно же при том со внесением истории и о наших российских азбучных словах. Описание, сочиненное чрез Андрея Богданова. В Санкт-Петербурге 1755 года».

В 1757 г. эта работа была предложена А. И. Богдановым для публикации, но после отрицательного отзыва В. К. Тредиаковского, поддержанного Г.-Ф. Миллером,[161] отослано в Историческое собрание. Между тем «Краткое ведение» Богданова представляет собой известный интерес для истории книговедения. Особое значение имеют ее IV и V части — «Краткое ведение о авторах российских, кто какия на российском языке издавал книги и разные переводы, и к тому следующее известие» (ч. IV); «Обстоятельное ведение в России печатания книг типографским искусством» (ч. V).[162]

«Краткое ведение» явилось одним из непосредственных источников «Опыта исторического словаря» Н. И. Новикова, особенно в части, касающейся известий о рукописях, хранящихся в императорской библиотеке.

Приведем некоторые примеры.

А. И. Богданов. Краткое ведение о авторах российских, кто какия на российском языке издавал книги и разные переводы. 1755	Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772
8. Адриана, святейшего патриарха, книга разных его сочинительных грамат. 2) Книга Щит веры против расколников.	Адриан, Патриарх Московский и всея России. Из сочинений его остались известные две только рукописные книги:

[161] В Архиве АН СССР сохранилось «Мнение о книге Андрея Богданова» В. К. Тредиаковского и Г.-Ф. Миллера (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 220, л. 445—449); см.: *Моисеева Г. Н.* Об Андрее Богданове, первом русском книговеде. — В кн.: Сборник статей и материалов по книговедению, т. III. Л., 1973, с. 273—298.

[162] Впервые опубликовано в Приложении к книге И. Н. Кобленца «Андрей Иванович Богданов» (с. 153—176). При дальнейшем цитировании страницы указываются в тексте.

3) О целости домов божиих и прочия духовные правила (с. 155).	первая Щит веры, содержащая в себе разные нравоучительные рассуждения, возражения против еретиков и другие наставления; вторая содержит в себе грамоты, или послании, сего патриарха, в разные времена писанные, и указы духовные. Обе сии книги хранятся в Императорской библиотеке (с. 2—3).
6. Иоакима, святейшаго патриарха, книга Увет духовный. 2) Слово благодарственное ко господу богу о избавлении церкви от злых наветников. 1684. 3) Слово на Никиту Пустосвята. 1684. 4) Книга извещение чудес о сложении триех первых перстов. 1667. 5) Книга Икона, написание всех его патриаршеских грамот (с. 155).	Иоаким, Патриарх Московский и всея России, сочинил книгу Увет духовный, которая и напечатана в Москве 1682 года; также остались из сочинений его рукописными две книги: 1) Остен, или собрание духовещаний 1668 года, 2) Икона, содержащая в себе все грамоты и разные послания сего Патриарха. Обе сии книги хранятся в Императорской библиотеке (с. 72).

Очевидно, что А. И. Богданов в «Кратком ведении» более полно представил репертуар рукописной книги, так как в эту работу он включил сведения о книгах, поступивших в Академическую библиотеку значительно позднее выхода из печати «Камерного каталога» (1742). В качестве примера можно привести известие о «Книге о скудости и богатстве» Ивана Посошкова, переписанной «при Академии наук» в 1756 г. с книги, принадлежавшей М. В. Ломоносову. Об этом сохранилась запись на последнем листе списка, сделанная рукою А. И. Богданова.[163]

В «Кратком ведении» А. И. Богданов написал только об этом сочинении. Позднее в Академическую библиотеку поступило еще одно сочинение И. Посошкова — «Проект о школах для обучения юношества» из книг «бывшего обер-прокурора Я. Г. Левонидова».[164] Но Н. И. Новиков, пользовавшийся «Кратким ведением» А. И. Богданова, поместил в «Опыте исторического словаря о российских писателях» известие только о «Книге о скудости и богатстве»:

4. Посошкова Ивана Книга о скудости и богатстве. 1724 (с. 100).	Посошков Иван. Из сочинений его осталась одна только книга: О Скудости и Богатстве, хранящаяся рукописною в Императорской библиотеке (с. 172).

Показав, что Н. И. Новиков использовал для составления «Опыта исторического словаря» рукописное сочинение А. И. Богданова «Краткое

---

[163] БАН, 16.3.15.

[164] БАН, 1.5.57. — В Библиотеке АН СССР имеется второй экземпляр рукописи «Проекта о школах для обучения юношества» (БАН, 17.16.31). По мнению О. П. Лихачевой, специально занимавшейся изучением обоих списков, второй список является копией с копии, списанной с книги Я. Г. Левонидова, с некоторыми поправками, внесенными в явно ошибочные чтения первой копии. Я. Г. Левонидов умер в 1756 г., следовательно, его рукописи поступили в Академию наук позднее этого года.

ведение о авторах российских», мы тем самым не исключаем обращения Н. И. Новикова к печатному «Камерному каталогу».

В первых выпусках «Древней российской вивлиофики» опубликованы рукописи, хранившиеся в библиотеке Петербургской академии наук, сведения о которых Н. И. Новиков мог почерпнуть в «Камерном каталоге».

Рукопись под заглавием «Введение о строении первом в России корабле, именуемом Орел, каков построен во дни великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича»[165] числится в «Камерном каталоге» в «Разделении II. Книги гражданские рукописные различного содержания» под № 16 «в полдесть».[166]

По своему происхождению рукопись связана с библиотекой Петра I.[167] Как указано в самом сочинении, это отрывок из книги Иоанна Стрюса «Вояж в Москву и Персиду и в прочия страны», изданной в Лионе в 1684 г. Новиков опубликовал «Ведение о строении первого в России корабля, именуемого Орел...» в 1-м, январском выпуске «Древней российской вивлиофики» за 1773 г.[168] Еще раз «Ведение о строении первого в России корабля» было напечатано в 3-й части второго издания «Древней российской вивлиофики» за 1788 г.

Под № 2 в «Разделении II» «Камерного каталога» в числе книг «в четверть десть» названа «Книга Урядник, или Новое уложение и устроение чину сокольничья при державе царя Алексия Михайловича».

«Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути» также была дважды издана Новиковым: в 1-й части (июнь 1773 г.) первого издания «Древней российской вивлиофики» и в 3-й части за 1788 г. второго издания.

По рукописям Академической библиотеки в «Древней российской вивлиофике» были опубликованы «Грамота государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, писанная к Ягану королю свейскому в 7080 (1572) год».[169] «Перевод с шертныя грамоты, какову дал Мурат Гирей хан посланникам стольнику Василью Тяпкину, да дьяку Никите Зотову»[170] и сочинение монаха Александро-Невского монастыря Бурхарда-Адама (Никодима) Селлия «Зерцало историческое государей российских»,[171] переведенное с латинского языка на русский архиепископом Амвросием. Им же написана и краткая биография Селлия.

---

165 Рукопись сохранилась (БАН, 1.4.16).

166 Российские печатные книги, находящиеся в императорской библиотеке. Камера W. Шкап 1, 2, 3. СПб., 1742, с. 72—73.

167 См.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. 1. М.—Л., 1956, с. 73.

168 Древняя российская вивлиофика ...издаваемая помесячно Николаем Новиковым, ч. I, январь 1773 г. СПб., с. 40—58 (далее сокращенно — ДРВ).

169 ДРВ, ч. I, с. 52—58. — Рукопись сохранилась (БАН, 32.4.29).

170 ДРВ, ч. I, с. 59—65. — Рукопись не сохранилась.

171 В настоящее время в Отделе рукописей БАН АН СССР не имеется рукописи сочинения Селлия о родословии российских государей, равно как и его перевода на немецкий язык «Летописца российского с 800 по 1462 год», о котором упоминается в доношении И. Тауберта (Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 93, л. 192). Исследование об Адаме Селлии написано П. Н. Берковым (см.: *Берков П. Н.* Бурхард-Адам (Никодим) Селлий и его «Каталог писателей о России» (1736 г.). — Вестн. ЛГУ, 1966, № 20. Сер. истор., яз. и лит., вып. 4, с. 98—109.

Значительную роль в археографической работе Новикова играл его творческий контакт с историком М. М. Щербатовым. Нам неизвестно, когда началось их знакомство. Но можно полагать, что в 1766 г. они знали друг друга по совместной работе в Комиссии о сочинении проекта Нового уложения, созванной Екатериной II. Русская императрица поддерживала интерес Щербатова к социально-политической истории древнейшего периода и выразила пожелание видеть написанную им «Российскую историю». В 1767 г. Екатерина II «соизволила разрешить» Щербатову «из собранных книгохранилищ Патриаршей и Типографской ... потребные книги брать». В январе 1770 г. почти накануне выхода I тома «Истории российской от древнейших времен» Щербатов получил письменный указ Екатерины II о праве пользоваться документами Московского архива Коллегии иностранных дел, где хранились духовные и договорные грамоты князей начиная с середины XIII в. и памятники дипломатических сношений России с иностранными державами. До этого разрешения Екатерины II такие документальные источники были недоступны историкам: обнародование этих материалов рассматривалось как разглашение государственной тайны.

В 1770 г. для Щербатова были сняты копии с 218 номеров грамот великих князей, хранящихся в архиве Коллегии иностранных дел. В предисловии к III тому «Истории российской» Щербатов сообщил об этих источниках, полученных им через Г.-Ф. Миллера: «...древнейшие из оных суть грамоты новогородские, которые начинаются с 1240 года при княжении великого князя Ярослава Всеволодовича; грамоты же московских великих князей начинаются со времен великого князя Иоанна Даниловича, еще прежде возшествия его на престол великого княжения, т. е. до 1328 года. Многие из сих грамот писаны на пергаменте, а большая часть на бумаге, без подписания тех, которые оные заключали, но с приложением их печатей; а на иных токмо, яко духовного посредника приложено подписание, тогда бывшего митрополита российского».[172]

В конце 1772 г. Щербатов запросил копии дипломатических документов и статейных списков посольства, но ему удалось получить сами оригиналы посольских списков при условии их возвращения после использования. Щербатов имел в своем распоряжении «разные посольские дела с дворами Цесарским, Аглинским, Дацким, Шведским, Польским, Прусским, с Греческими духовными особами, с Турецким, Крымским, Нагайским и Персидским».[173]

С получением копий из Московского архива Коллегии иностранных дел, по-видимому, происходили какие-то затруднения, и в 1775 г. Щербатов добился от Екатерины нового указа о праве пользоваться «на дому подлинными актами архива».

С мартовского выпуска 1-й части «Древней российской вивлиофики» за 1773 г. Новиков начал публиковать материалы Патриаршей (Синодальной) библиотеки по спискам, полученным Щербатовым из Москвы.

---

[172] *Щербатов М. М.* История российская от древнейших времен, т. III. СПб., 1774. Предисловие, с. 10.
[173] Там же, с. 11.

Благодаря Щербатову Новиков смог за короткий промежуток времени опубликовать большое количество ценнейших древнерусских памятников, имеющих важное значение для русской культуры конца XVIII—начала XIX в. По спискам Патриаршей (Синодальной) библиотеки Новиковым были изданы следующие памятники: Синодик XV в. с вставками и исправлениями XVI и XVII в., Устав патриарха Иоакима, Собрание жалованных грамот, касающихся города Полоцка, Духовные патриарха Адриана и патриарха Иоакима, Житие боярина Ртищева, Путешествие митрополита Исидора на Флорентийский собор, Сказание действенных чинов церкви Успения богородицы. Чин пещного действия, Изложение патриаршее о обряде в Вербную неделю, Церемониал при погребении царевича Алексея Алексеевича, Сказание, како состави Кирилл Философ азбуку, Чин бываемый как государю служити, Записки некоторым обрядам, бывшим между государем и патриархом, Ярлыки, сиречь жалованные грамоты, иже давали первые цари ординские и сущие по них вси святейшим преосвященным митрополитам Киевским и всея Руссии, легость церковным домом и людем православным.

Начиная с июльского выпуска 2-й части за 1773 г. Новиков приступил к публикации договорных и духовных грамот великих и удельных князей XIII—XV вв. по копиям списков Московского архива Коллегии иностранных дел. Из этого же архива были получены и многочисленные «Посольские дела».

Большое участие в археографической деятельности Новикова принимал Г.-Ф. Миллер, уехавший из Петербурга в Москву и занимавший с 1765 г. должность директора Московского архива Коллегии иностранных дел. Помимо копий, присланных Щербатову (неоднократно выправленных рукою Миллера), Миллер снабжал Новикова разнообразными материалами.[174] Так, при посредстве Миллера в «Древней российской вивлиофике» были напечатаны драматические произведения XVII—начала XVIII в.: «Комедия притчи о блудном сыне» и «Комедия о Навуходоносоре» С. Полоцкого, комедия «Ужасная измена сластолюбивого жития», комедия «Навуходоносор, Мемухан, Моав» (эта пьеса более известна под названием «Юдифь», данным Н. С. Тихонравовым). Миллер же передал и другие памятники: «Известие об Антоне Поссевино, Грамота Д. М. Пожарского митрополиту Казанскому Ефрему, Грамота от российских бояр к Якову Мирку, Грамота Ивана IV, Сказка о Стеньке Разине.

Сохранилась собственноручная «Записка для припамятования для написания в письме к г. Миллеру», в котором Новиков просит Миллера дать ему:

«1. Копии с грамот.
2. — с трактатов.
3. — с посольских наказов и описаний посольств.

---

[174] *Полонская И. М.* Новые материалы о издательской деятельности Н. И. Новикова. — Зап. Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 38. М., 1977, с. 215—223.

4. — с церемониалов, в Архиве находящихся, и других достопамятных вещей, по рассмотрению г. Миллера, к печатанию годных».[175]

Екатерина II, показывая «благоволение» к публикации древнерусских литературных и исторических памятников, не препятствовала передаче Щербатовым Новикову копий, полученных из московских собраний, и дала для «Древней российской вивлиофики» некоторые материалы из своей библиотеки. Первая часть «Древней российской вивлиофики» за 1773 г. открывалась публикацией «Описания брачного сочетания государя царя и великого князя Михаила Федоровича лета 7134 (1626 г.)», полученного из «комнатной библиотеки ея высочества». В XVIII выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики» было напечатано «Краткое топографическое описание Сибирской губернии, составленное советником Маленицким». Из переписки Новикова с секретарем Екатерины II Г. В. Козицким от 30 октября 1773 г. видно, что императрица обещала дать для издания в «Древней российской вивлиофике» «известия о родах княжеских и дворянских» для «Собрания полной книги родословной».[176] Но так как подобные материалы, опубликованные в «Вивлиофике», получены от других лиц, можно думать, что Екатерина II по каким-то причинам изменила свое первоначальное решение.

Н. И. Новиков получал рукописи от уже упоминавшегося выше П. К. Хлебникова, славившегося замечательным собранием древностей.

Квартирмейстер лейб-гвардии Измайловского полка Василий Петрович Ознобишин отдал Новикову для публикации шесть подлинных грамот 1486—1539 гг.

Протоиерей Успенского собора Александр Егорович Левшин снабдил Новикова рукописным «Уставом московских патриархов», напечатанным в X выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики», а Василий Алексеевич Левшин — «Грамотой о избрании на царство царевичей Петра Алексеевича и Иоанна Алексеевича», опубликованной в XI выпуске 2-го издания.

Из личного собрания М. М. Щербатова было получено «Родословие Щербатовых, Мосальских, Солнцевых, Одоевских, Шаховских», опубликованное в VIII выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики».

Интерес Новикова к подлинным родословным известиям дал ему возможность напечатать «Список наказа о фамилии князей Волхонских», лично принадлежащий князю Павлу Михайловичу Волхонскому.

Из собрания графов Шереметьевых (от Владимира Федоровича Шереметьева) был получен «Послужной список старинных бояр», опубликованный в XX выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики».

Из собрания протоирея Петра Алексеевича Алексеева получен рукописный «Чин поставления на царство Феодора Алексеевича» (вып. VII 2-го изд.)

---

[175] Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым, т. IV. М., 1802, с. 42.
[176] Там же, с. 43.

Из «книгохранительницы князя Сергея Дмитриевича Кантемира» получена «Грамота в Путивль из Ярославля от Д. М. Пожарского» (II вып. 1-го изд.) и рукописи Д. Кантемира.

Антоний, архиепископ Архангелогородский и Холмогорский, «сообщил» Новикову «Летописец Двинской», опубликованный в XVIII вып. 2-го изд.

Н. Н. Бантыш-Каменский, принимавший самое деятельное участие в правке копий с грамот Московского архива Коллегии иностранных дел и этим оказавший значительную помощь изданию «Древней российской вивлиофики», передал Новикову для публикации большое количество ценных грамот и бумаг, найденных им в библиотеке Иосифова монастыря (XIV вып. 2-го изд.).

Из личного собрания самого Новикова в «Древней российской вавлиофике» были опубликованы следующие памятники: «Путешествие Федора Исааковича Байкова в Китай» (IV вып. 2-го изд.), Статейный список посольства Ивана Ивановича Чемоданова в Венецию (VIII вып. 1-го изд.; IX вып. 1-го изд.; IV вып. 2-го изд.), Наказ до градского благочиния и Наказ Андрею Новикову о бытности его в Свияжске (VII вып. 1-го изд., XIX вып. 2-го изд.).

В 1775 г. Н. И. Новиков представил Екатерине II через ее секретаря Г. В. Козицкого «Объявление» о новом подготавливаемом им издании «Сокровище российских древностей».[177] В настоящее время С. Р. Долговой найден сигнальный экземпляр первого выпуска «Сокровища российских древностей», в котором было помещено описание Архангельского, Успенского и Благовещенского соборов Московского Кремля — «всех достопамятностей, в онном находящихся». Описание было составлено московским архиепископом Амвросием (Андреем Зертис-Каменским) и подготовлено к печати Н. Н. Бантышом-Каменским.[178] Однако издание это не было осуществлено. С. Р. Долгова полагает, что причиной этого могли быть обстоятельства, связанные с восстанием Пугачева. Это весьма вероятно, так как в 1775 г. прервалось и 1-е издание «Древней российской вивлиофики».

Но следует думать, что в настоящее время мы располагаем сведениями о всех источниках археографической деятельности Н. И. Новикова. В 1-м издании «Древней российской вивлиофики» Новиков чрезвычайно редко снабжал публикацию памятника «известиями» о месте его хранения или принадлежности.

1-е издание «Древней российской вивлиофики» прервалось на X выпуске; 2-е издание выходило с 1788 по 1794 г. В промежутках между обоими изданиями (с марта по август 1777 г.) Новиков выпустил 22 номера «Санкт-Петербургских ученых ведомостей», целью которых, как полагал издатель, было «уведомление о напечатанных книгах с присовокуплением критических оных рассмотрений».

---

[177] Там же, с. 45—47.

[178] *Долгова С. Р.* «Продолжать печатанием запрещено». Неосуществленное издание Н. И. Новикова. — Литературная газета, 1973, № 9, 28 февраля.

27 января 1777 г. в «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» была опубликована анонимная рецензия на «Древнюю российскую вивлиофику». П. Н. Берков считал, что автором ее мог быть сам Новиков.[179]

В отзыве об издании говорилось о его полезности для «Истории российской» и высказывался ряд пожеланий, реализация которых, по мысли автора статьи, должна была содействовать лучшему изданию отечественных древностей. Автор предлагал, «чтобы приложены были ко всякой части алфавитные росписи находящимися во оной части материями...», чтобы сколько возможно делаемы были примечания на темные и невразумительные места и слова..., чтобы древнее правописание не было изменяемо на новое, а наипаче, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было, но печатано было бы точно так, как обретается в подлиннике..., чтобы означаемо было точно, откуду получен список, где находится подлинник и каким почерком писан, старинным или новым».[180]

В этой рецензии указывалось в ряде случаев, из каких источников черпал рукописи Новиков для 1-го издания «Древней российской вивлиофики». Во 2-м издании Новиков чаще снабжал публикацию кратким указанием на место хранения источника (например: «Сия пиеса взята в Патриаршей книгохранительнице»; «Статья сия взята из имп. библиотеки при Академии наук»). Но вместе с тем Новиков почти никогда не указывал номеров, под которыми числились рукописи в государственных книгохранилищах. А если даже и называл номера, как например при публикации Синодика: «Синодик, или Поминанье, подлинное писано на пергамине старинным почерком и хранится в Книгохранительнице Патриаршей под номером 465 рукописных российских книг»,[181] то разыскать рукопись под этим шифром в настоящее время не представляется возможным, так как в течение XIX—XX вв. несколько раз происходила перешифровка рукописных собраний.

Поэтому для установления источников публикаций приходилось всякий раз производить исследование для каждого отдельного памятника, т. е. изучать все списки произведения, хранившиеся в данном собрании (если место хранения было названо Новиковым), сверять их с публикацией в «Древней российской вивлиофике» и по совокупности отдельных наблюдений над текстом (учитывая при этом историю данного собрания) устанавливать, какая именно рукопись была издана Новиковым. Без решения этой задачи невозможна постановка проблемы анализа текстологических приемов Новикова — проблемы, имеющей важное значение для понимания места «Древней российской вивлиофики» в истории русской археографии второй половины XVIII в.

Очевидно, что идея издания древнерусских литературных и исторических памятников появилась у Новикова не случайно и не в силу ком-

---

[179] *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII в. М.—Л., 1952, с. 394.
[180] Санкт-петербургские ученые ведомости на 1777 год Н. И. Новикова. Изд. 2-е А. Н. Неустроева. СПб., 1873, с. 27—28.
[181] ДРВ, вып. VIII. Изд. 1-е. СПб., 1775, с. 125; вып. VI. Изд. 2-е. М., 1788, с. 506.

мерческих соображений, как это пытались представить некоторые исследователи XIX в. Замысел Новикова вырос из потребностей русской науки, потребностей, осознанных уже в 30-е годы XVIII в. В. Н. Татищевым, который, как было показано выше, высказал идею публикации первоисточников: летописей, архивных материалов, «древних законов, духовных великих князей, некоторых старинных грамот и актов русских церковных соборов».

Мы помним, что, готовя к печати Кенигсбергскую летопись, Ломоносов рассматривал это как начало публикации целой серии памятников. Это ясно обозначено даже в заглавии издания: «Библиотека российская историческая, содержащая *древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и смежных времен*» (курсив наш. — *Г. М.*). Вспомним также, что на обложке было напечатано: «Часть I». Следовательно, предполагалось опубликовать несколько частей, где были бы изданы и другие летописи, а также и «записки». Смерть помешала Ломоносову и Татищеву осуществить свои большие замыслы изданий древнерусских памятников.

В самом заглавии издания Н. И. Новиковым подчеркнута преемственность лучших традиций своих предшественников: «Древняя российская вивлиофика, или собрание разных сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев». Позднее Новиков несколько изменил подзаголовок издания — «Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся». Главная мысль — издание «древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся», — объединяет эти публикации.

Одну из основных задач публикации русских памятников Новиков видит в утверждении мысли о том, что Россия «до времен Петра Великого» имела развитую культуру. И эта идея Новикова удивительно точно совпадает с неоднократно высказанной мыслью Ломоносова: «Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние авторы».[182] Ломоносов имел в виду не только записки иностранцев о России XVII в. (например, П. Петрея), но и труды прославленного Вольтера («История Карла XII, короля шведского»), где тенденциозно подчеркивалась отсталость допетровской России, которой был противопоставлен просвещенный Запад. Н. И. Новиков имел возможность ознакомиться и с новейшим выражением этой же точки зрения в книге аббата Шаппа д'Отерош о его путешествии по России, вышедшей в 1768 г.

Издание литературных и исторических сочинений писателей, документальные материалы (грамоты, переписка, постановления земских и церковных соборов) — словом, все, что создала допетровская Русь, должно было стать предметом внимательного изучения благодаря публи-

---

[182] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VI, с. 170.

кациям Новикова, который видел в этом важный патриотический долг.

21 декабря 1772 г. Новиков сообщил в «Санкт-петербургских ведомостях» о замысле издания: «Некто вознамерился издавать на будущий 1773 год ежемесячное сочинение под заглавием: „Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: путешествия российских посольств в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев“».[183] А в предисловии к первому тому «Древней российской вивлиофики» Новиков уже более ясно определил направленность своего издания: «Не все у нас еще, слава богу, заражены Франицею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою».[184] Обращаясь к «любителям российских древностей», Новиков сообщал, что его издательская деятельность направлена для «удовольствия и познания», и предупреждал: «Не взирай на молодых кощунов, ненавидящих свое отечество; они и самые добродетели предков наших пересмехают и презирают».[185]

Отношение Екатерины II к изданию древних письменных памятников, которое задумал осуществить Н. И. Новиков, было, по всем данным, благосклонное. Напуганная яркой политической направленностью деятельности Новикова как издателя передовых журналов XVIII в. — «Трутня», «Живописца» и «Пустомели», русская императрица могла быть довольна «перемещению» его интересов в область древней истории. Прекрасно понимая значение исторических трудов и желая и в этом отношении взять инициативу в свои руки (как и в журнале «Всякая всячина»), Екатерина II пошла навстречу Новикову — издателю древних русских памятников, в то время как создание исторических сочинений предполагалось быть осуществленным другими лицами. Сохранилось известие А. Ф. Малиновского о том, что Екатерина II обратилась к Г.-Ф. Миллеру с просьбой составить полную российскую историю, на что последний ответил отказом по причине старости и рекомендовал ей князя М. М. Щербатова.

Н. И. Новиков, знакомый с М. М. Щербатовым со времени работы в Комиссии по составлению нового Уложения (т. е. с 1767 г., а может быть, и ранее), осуществил издание «Древней российской вивлиофики» в творческом контакте с автором «Истории российской».

Важно выяснить, как Н. И. Новиков осуществил издание древнерусских памятников, какими правилами руководствовался при передаче текстов, в какой степени комментировал публикуемый материал.

Указание в первом издании «Древней российской вивлиофики» основных архивохранилищ, из которых Новиков получал публикуемые мате-

---

[183] Санкт-Петербургские ведомости, 1772, 21 декабря, № 102, с. 595 об.
[184] ДРВ, ч. I, с. 2 (Предисловие).
[185] Там же.

риалы, — «Патриаршая книгохранительница» (ныне Синодальное собрание ГИМа) и Московский архив Коллегии иностранных дел (ныне ЦГАДА), позволило произвести сопоставление рукописей с их изданием. Но этот этап работы оставил ряд вопросов, на которые не было дано ответа. В числе их главный: каково участие Новикова в подготовке к печати древнерусских текстов. Первое издание «Древней российской вивлиофики» производилось в Санкт-Петербурге, где в это время жил и сам Новиков. Естественно, что материалы, хранящиеся в Библиотеке Петербургской Академии наук, были легко доступны издателю, но рукописи из «Патриаршей архивы» или из Архива Коллегии иностранных дел оказывались совсем в ином положении.

В настоящее время картина в значительной степени прояснилась благодаря научному описанию Эрмитажного собрания Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, осуществленному Д. Н. Альшицем.[186]

Выше уже говорилось о тесной творческой связи Н. И. Новикова с М. М. Щербатовым, который с разрешения Екатерины II получил материалы из московских архивов для работы над «Историей российской». Известно, что после смерти Щербатова в 1790 г. его архив был куплен у наследников для пополнения императорской библиотеки. Екатерина II в это время усиленно занималась составлением «Записок касательно российской истории». Поэтому еще при жизни Щербатова с части интересующих императрицу материалов из московских архивов снимались копии, предназначавшиеся для ее личной библиотеки.

Таким образом, в Эрмитажном собрании ГПБ сохранились копии важнейших материалов, собранных Щербатовым и опубликованных в «Древней российской вивлиофике» Новиковым. Такое редкое для XVIII в. стечение обстоятельств, когда сохранились подлинные древнерусские памятники и копии с них, выполненные в XVIII в., т. е. современниками Новикова, дает возможность установить процесс подготовки к изданию этих произведений и выявить долю участия в этом самого Новикова или близких к нему людей, выполнявших его волю.

Мы располагаем большим количеством материалов, вместить которые в настоящую работу не представляется возможным. Поэтому из многочисленных примеров остановимся на анализе наиболее древних памятников (XIII—XV вв.), подготовка к изданию которых потребовала от Новикова решения ряда теоретических и практических вопросов. Само собой разумеется, что передача текстов конца XVII в. представлялась несомненно более простой задачей.

Под № 1 в томе VIII первого издания «Древней российской вивлиофики» опубликована Грамота от новгородцев к великому князю тверскому Ярославу Ярославичу. Проведем сопоставление подлинной грамоты, копии, принадлежавшей Щербатову (ГПБ, Эрмит. № 336), и издания этой грамоты, осуществленного Новиковым.

---

[186] Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Составитель Д. Н. Альшиц. М., 1968.

Грамота новгородцев к Ярославу Ярославичу 1263 г.	№ 1. Грамота отъ новгородцовъ къ великому князю Ярославу Ярославичу Тверскому 1263 году	№ 1. Грамота отъ новгородцев къ великому князю Ярославу Ярославичу Тверскому 1263 года
Благословение от владыкы поклонъ от посадника павше и отъ всѣхъ старѣишихъ и отъ всѣхъ меншихъ, и отъ всего Новагорода къ господину князю Ярославу. На семъ княже цѣлуи Хрестъ.[187]	Благословение отъ владыки поклонъ отъ посадника Павше и отъ всехъ старѣишихъ и отъ всѣхъ меншихъ и отъ всего Новагорода къ господину князю Ярославу. На семъ княже цълуй крестъ.[188]	Благословенiе от Владыки, поклонъ от Посадника, павше, и отъ всѣх старѣйшихъ, и отъ всѣх меньшихъ, отъ всего Новагорода, къ Господину князю Ярославу. На семъ Княже цѣлуй Хрестъ.[189]

Писец, переписывавший копию с новгородской грамоты XIII в., очень немного изменил орфографию (владыкы — владыки, Хрестъ — крестъ). В издании «Древней российской вивлиофики» проведено последовательное приближение к орфографии второй половины XVIII в. (Благословение—Благословенiе, всехъ—всѣхъ, меншихъ—меньшихъ), но и проявлено стремление сохранить древние написания слов, которые в копии XVIII в. были изменены (Хрестъ—крестъ—Хрестъ). Обратим внимание на то, что в «Выписках из древних грамот», приведенных Щербатовым в приложении к III тому «Истории российской», содержится пересказ грамоты № 1 новгородцев к князю Ярославу Ярославичу Тверскому, причем здесь сохранена орфография писцовой копии: «Сiя грамота писана отъ Архiепископа Новогородскаго, отъ Посадника, старѣйшинъ и всѣхъ Новогородцовъ, въ которой они требуют, чтобы князь Ярославъ цѣловалъ имъ крестъ, так как дѣдъ и отець его цѣловали».[190]

В составлении кратких сопроводительных пояснений к публикуемым текстам грамот и духовных большое значение имели исторические разыскания Щербатова, которые он охотно отдавал для издания в «Древней российской вивлиофике». В процессе совместной работы вырабатывался тип комментариев, являющихся дальнейшим развитием системы примечаний Татищева и Ломоносова. В качестве примера приведем примечание Щербатова в конце копии грамоты № 2, затем использование его в III томе «Истории российской» и пояснительное замечание издателя «Древней российской вивлиофики» к грамоте № 2.

Копии договорных и духовных грамот ГПБ, Эрмит. № 354, л. 7	М. М. Щербатов. История российская, т. III, с. 503—504	ДРВ, т. VIII, изд. 1-е, с. 213
Года не написано, а по лѣтописцамъ следуетъ быть	Сии грамоты были писаны до возшествия его	Года не показано, а по лѣтописямъ слѣдуетъ быть

---

[187] ЦГАДА, Гос. Древлехранилище, отд. 1, рубр. III, № 3.
[188] ГПБ, Эрмит. № 336, л. 1.
[189] ДРВ, т. VI, октябрь. СПб., 1774, с. 409.
[190] *Щербатов М. М.* История российская с древнейших времен, т. III, с. 483.

между $\frac{6836}{1328}$ и $\frac{6849}{1341}$ годами.	на великое княжение, то между 1328 и 1341 годами.		
Сіи грамоты писаны прежде возшествия его на великиое княжение, то есть прежде 1328 году.	есть до $\frac{6836}{1328}$ году.		

Можно привести еще пример, свидетельствующий о том, что, основываясь на копиях Щербатова и пользуясь его выводами о времени возникновения источников и их описаниями, Новиков, готовя рукопись к печати, обращался к подлинным рукописям, из которых приводил ряд особенностей в написании отдельных слов. Но вместе с тем он заменял орфографию подлинника на орфографию второй половины XVIII в.

Грамота от новгородцев к великому князю Борису Александровичу Тверскому 1425 г. сохранилась в Эрмитажном собрании в копии, принадлежавшей Щербатову (ГПБ, Эрмит. № 336). Об этом свидетельствует его приписка на л. 32, относящаяся к этой грамоте: «Списано от Миллера и вернее других» (следовательно, копию снимал сам Г.-Ф. Миллер). В этом же собрании имеется копия, списанная для Екатерины II (ГПБ, Эрмит. № 339). В обеих копиях текст совершенно идентичен. В издании «Древней российской вивлиофики» можно видеть некоторое расхождение с копиями и сближение с подлинной грамотой, которая находилась в Московском архиве Коллегии иностранных дел (ЦГАДА).

ЦГАДА, Гос. Древлехр., отд. 1, рубр. III, № 16	ГПБ, Эрмит. № 339, л. 14 об.	ГПБ, Эрмит. № 336, л. 29 об.	ДРВ, т. VI, октябрь 1774, изд. 1-е, с. 454
А старый господине князь великии рубежъ земли и воде даи промежи Тферью и Кашиномъ, и Новгородчкой отцынѣ, и Торжкомъ и Бежичкымъ Верхомъ.	А старый господине князь великій рубежъ земля и водъ да и промежи Тверью и Кашиномъ и Новгородской отцине и Торжкомъ и Бежичким верхомъ.	А старый господине князь великіи рубежъ земля и водъ, да и промежи Тверью и Кашиномъ и Новогородской отцине и Торжкомъ и Бежичким верхомъ.	А старый, господине Князь Великій, рубежъ земли и водъ, да и промежи Тверью и Кашиномъ, и Новгородской отцынѣ, и Торжкомъ, и Бежицкимъ верхомъ.

К числу доказательств, свидетельствующих о том, что Новиков обращался к подлинным рукописям, проверяя по ним текст, подготавливаемый к изданию, относится наблюдение над копиями духовных и договорных грамот, выполненными для Екатерины II. Это — роскошная рукопись в лист, с золотым обрезом в переплете красной кожи с золотым тиснением (ГПБ. Эрмит. № 354).[191] Здесь переписано очень красивым каллиграфическим почерком 157 духовных и договорных грамот русских великих князей и митрополитов с 1341 по 1504 гг., причем нумерация

[191] Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, № 175, с. 72.

документов совпадает с нумерацией, принятой в «Древней российской вивлиофике». Бросается в глаза сплошной текст грамот без обозначения пропущенных строк, которых не удалось прочесть, в то время как в «Древней российской вивлиофике» многоточиями всегда обозначены непрочитанные строки. В качестве небольшого примера укажем отрывок из договорной грамоты князя Семена Ивановича с братьями. И в копии Екатерины II, и в издании она идет под № 3, причем в конце отмечено: «Середина грамоты почти вся истлела так, что местами и разобрать нельзя». Это же примечание помещено и в копии, однако текст грамоты переписан подряд без всяких разрывов.

...а брату нашему нас имети та брату нашему старейшему недругамъ недругъ...[192]	...а брату нашему нас имѣти... брату нашему старѣйшему недругамъ недругъ...[193]

Очевидно, Новиков, чтобы обозначить непрочитанные места, должен был непременно видеть подлинную рукопись.

В изданиях грамот, предпринятых в «Древней российской вивлиофике», внесены поправки в текст, где издатель предполагал ошибку или механическую описку, не замеченную копиистом. В цитировавшейся выше грамоте новгородцев к Ярославу Ярославичу можно заметить замену союза «нъ» на союз «а». Новиков проводит последовательную замену редуцированных гласных после глухих на звонкие гласные (иногда эту замену производят уже и сами копиисты XVIII в.), что можно видеть на приводимом ниже примере.

ЦГАДА. Гос. Древлехр., отд. 1, рубр. III, № 16	ГПБ. Эрмит. № 336, л. 1 (копия, принадлежащая М. М. Щербатову)	ДРВ, т. VI, изд. 1-е, с. 409—410
...что волости и всехъ Новгородьскыхъ тѣхъ волости ти княже не держати своими мужи нъ держати мужи новгородъскыми... тивун свои дьржати на своеи чясти... Новгородъ ти дѣржати въ старинѣ.	...что волости всехъ новгородскихъ техъ волости княже не держати ти своими мужи не держати мужи новгородскими... тивунъ свой държати на своей части... Новгородъ ти держати въ старине.	...что Волости всѣхъ Новогородскихъ, тѣхъ Волости княже не держати ти своими мужи, а держати мужи Новогородскими... Тивунъ свой держати на своей части... Новгород ти держати въ старинѣ.

В VIII томе 1-го издания «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новиков опубликовал пергаменный Синодик, хранившийся в Синодальной библиотеке в Москве. В легенде, помещенной в конце издания, были сообщены краткие сведения о рукописи: «Синодик, как Поминанье, подлинное писано на паргамине старинным почерком и храпится в книгохранительнице Патриаршей под № 465 рукописных российских книг.[194]

Шифр пергаменного Синодика с конца XVIII в. изменился дважды: в начале XIX в. он числился под № 667, в начале XX в. — под № 558.

---

[192] ГПБ. Эрмит. № 354, л. 8 об.
[193] ДРВ, т. VIII, с. 221.
[194] Там же, с. 125.

В описании славянских рукописей Синодальной библиотеки отметили, что пергаменный Синодик в основной части написан в начале XV в., имеет добавления XVI в. и что «поздней рукою вписаны новые имена Михаила Федоровича и митрополита Дионисия. Заключается многолетием князю Владимиру Андреевичу».[195]

Пергаменный Синодик хранился в Успенском соборе и имел значение официального документа, по которому провозглашалась «вечная память» предкам царствующих московских государей и предавались анафеме еретики и государственные преступники.

Синодик несколько раз «подновлялся», изменению подвергались имена здравствующих и почивших государей сообразно с политической борьбой конца XV—XVI вв.[196]

В 60-х гг. XVIII в. Екатерина II выразила пожелание выработать новый Синодик сокращенной редакции для церковного употребления.[197] В 1766 г. Святейший Синод обратился ко всем епархиям с повелением прислать в Синод оригиналы Синодиков для исправления чина православия.

Пергаменный Синодик Успенского собора попал в Синод, где с него были сняты две копии, одна из которых передана, по распоряжению императрицы, Щербатову, собиравшему материалы для работы над «Российской историей». Копия с пергаменного Синодика Успенского собора сохранилась в собрании рукописей Щербатова, купленных после его смерти для Эрмитажной библиотеки Екатерины II.[198] Подлинный пергаменный Синодик был отослан в Москву, но не в Успенский собор, где он хранился ранее, а в Патриаршую (Синодальную) библиотеку.

Как теперь уже очевидно, через Щербатова имел возможность ознакомиться с Синодиком и Новиков, подбиравший в конце 60-х—начале 70-х гг. материалы для «Древней российской вивлиофики». Издание такого древнего памятника, каким был пергаменный Синодик, представляло большой научный интерес. По-видимому, первоначальная подготовка издания началась по копии. Текстологическое исследование рукописи копии, сохранившейся в Эрмитажном собрании, и издания, осуществленного в 1775 г. в «Древней российской вивлиофике», показывает, что Н. И. Новиков обращался к подлинной пергаменной рукописи.

Копиист конца 60-х гг. XVIII в.,[199] переписывавший текст с пергаменной рукописи XV—XVII вв., стремился сохранить в неприкосновенности

---

[195] *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел III. Книги богослужебные, ч. 2. М., 1917, с. 460.

[196] Об отражении этой борьбы см.: *Моисеева Г. Н.* Пергаменный Синодик Государственного Исторического музея в издании Н. И. Новикова. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 100—108.

[197] *Никольский Н. К.* Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю великого поста. Историческое исследование о чине православия. СПб., 1879, с. 44—53.

[198] Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, с. 15, 64, 152.

[199] Копия Синодика Эрмитажного собрания переписана на бумаге, выпускавшейся Ярославской фабрикой Саввы Яковлева в 1769—1776 гг. Водяной знак: медведь в гербовом щите (левая сторона), буквы ЯМСЯ (правая сторона); см.: *Кукушкина М. В.* Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958, № 100, с. 303.

орфографию подлинника, но, по-видимому, независимо от себя внес ряд изменений, которые отражали орфографические устремления второй половины XVIII в.: благодарение — благодареніе, восприяхомь — воспріяхомъ, объявлениемь — объявленіемъ и др.

Подготавливая издание древнего памятника, Новиков сознательно передал его орфографической системой второй половины XVIII в. Редуцированный гласный всегда заменен полногласной русской дублетной формой: събора — собора, събрахомься — собрахомся, пророчьское — пророческое, възвысившихъ — возвысившихъ. В Эрмитажной копии это слово имеет как бы переходную форму: редуцированный гласный изъят, а русский дублет не использован: взвысившихъ.

Смягченные губно-губные в конце слова (сохранившиеся в Эрмитажной копии), согласно фонетическим нормам XVIII в., приобрели в издании твердое окончание: восприяхомь — воспріяхомъ, объявлениемь — объявленіемъ. Сочетание ии, ия, ие — переданы іи, ія, іе (в Эрмитажной копии встречаются случаи замены, но чаще писец сохраняет древнее написание).

В качестве примера приведем несколько отрывков из древнейшей части пергаменного Синодика, по единодушному мнению исследователей, относящейся к XV в.,[200] воспроизведенных в Эрмитажной копии и в издании «Древней российской вивлиофики».

Пергаменный Синодик Успенского собора	Копия Эрмитажного собрания	Древняя российская вивлиофика
Заповѣдъ святаго и великаго всея Вселенные Никейскаго седмаго събора. Благослови владыко. Синодикъ.	Заповѣдъ святаго и великаго всея вселенныя Никейскаго седмаго събора. Благослови Владыка.	Заповѣдъ святаго и великаго всея вселенныя Никейскаго седьмаго собора. Благослови владыко прочести.
Должное къ богу лѣтное благодарение вонь же день восприяхомь божью церковь со объявлениемь благочестивыхъ велѣніи и в развращение злобьныхъ нечестии.[201]	Должное къ богу лѣтное благодареніе вонь же день воспріяхомь божью цьрковь со обьявленіемь благочестивыхъ велѣніи и в развращеніе злобьныхь нечестіи.[202]	Должное къ богу лѣтное благодареніе вонь же воспріяхомъ божью церковь со объявленіемъ благочестивыхъ велѣній и въ развращеніе злобныхъ нечестій.[203]
Пророчьскимь послѣдующе глаголамъ апостольскимъ же поучениемь повинующеся и еваггельскимь	Пророчьскимь послѣдующе глаголамъ апостольским же поученіемь повинующеся и еваггельскимь	Пророческимь послѣдующе глаголамъ апостольскимъ же поученіемъ повинующеся, и евангель-

---

[200] *Савва.* Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 248; *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895, с. 7—9; *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел III. Книги богослужебные, ч. 2, с. 460.

[201] ГИМ, Син. 667, л. 4—4 об.

[202] ГПБ, Эрмит. 23, л. 1 об.

[203] ДРВ, с. 1.

списаниемь обновленія приложьшеся, день праздну имь.[204]	списаніемь обновленія пріложьшеся, день праздну имь.[205]	скимъ списаніемъ приложшеся, обновленія день празднуимъ.[206]

Подготавливая к изданию рукопись Синодика, Новиков должен был решить и некоторые вопросы, связанные с определением состава древнерусских памятников. Так, например, в Эрмитажной копии Синодика подверглась сокращению запись «вечной памяти» царю Ивану IV. Объяснить это можно тем, что «память» Ивану IV была приписана скорописью на нижнем поле л. 50 об., а конец ее помещался на листе 51, где было использовано окончание «вечной памяти» Василию III («во иноцех Варлааму»). Писец не обратил на это внимания и оборвал запись, относящуюся к царю Ивану IV на обороте 50-го листа.

В издании Синодика текст «вечной памяти» царю Ивану IV полностью совпадает с рукописью Синодика.

Пергаменный Синодик Успенского собора	Эрмитажная копия Синодика	Древняя российская вивлиофика
Благовѣрному и христолюбивому царю великому князю Ивану Васильевичу владимерскому и московскому (*в рукописи строки срезаны*), оставившему земное царство и приимшему святый аггельский иноческый образъ и нареченому въ иноцѣхъ Іонѣ, вѣчная память.[207]	Благовѣрному и христолюбивому царю великому князю Івану Васильевичу Володимирскому и Московскому.[208]	Благовѣрному и христолюбивому царю великому князю Ивану Васильевичу Владимирскому и Московскому и всея Руссіи самодержцу, оставившему земное царство, и приімшему святый ангельскій иноческій образъ, и нареченному во иноцѣхъ Іонѣ, вѣчная память.[209]

Это наблюдение над передачей текста с очевидностью свидетельствует о том, что, издавая пергаменный Синодик, Новиков не ограничился копией, имевшейся в распоряжении Щербатова, а обращался непосредственно к подлинной рукописи, хранившейся в Патриаршем собрании в Москве. Именно обращению Новикова к подлинной рукописи мы обязаны сохранением полного текста Синодика.

Выше уже говорилось о том, что в 1766 г. Синодики находились в Петербурге в Синоде для выработки новой, более краткой редакции. Исследователь синодиков К. Никольский высказывал справедливую мысль о том, что сокращению подвергались в Синодике анафемы еретикам и прежде всего изымались тексты, где отлучались «обидящие

---

204 ГИМ, Син. 667, л. 4 об.
205 ГПБ, Эрмит. 23, л. 1 об.
206 ДРВ, с. 1.
207 ГИМ, Син. 667, л. 50 об.
208 ГПБ, Эрмит. 23, л. 10.
209 ДРВ, с. 32.

церкви», т. е. посягающие на церковные земли.[210] Екатерина II учредила в 60-х гг. XVIII в. особую комиссию из светских и духовных лиц, занимавшуюся вопросами о церковных имениях, и готовила манифест об отмене церковного и монастырского землевладения. Поэтому пергаменный Синодик был скопирован в Синоде не весь. Значительная часть его была изъята. Как раз здесь и помещались развернутые анафематствования начиная с «древних еретиков» и московско-новгородских еретиков конца XV в. и кончая «новыми еретиками», в числе которых названы «Гришка Отрепьев Растрига», «изменник и вор Тимошка Акиндинов», «бывый протопоп Аввакум и поп Лазарь, Феодор роздиакон, и Соловецкого монастыря бывый чернец Епифанец и сообщницы их», «донской козак Стенька Разин со своими советники», «Никита Суздалец», «Сергей Нижегородец, холоп боярский Савватий Костромитин, Дорофей и Гавриил», устроившие «словопрение со возмущением» в Кремле в 1682 г., и не названные по имени чудовские монахи, которые в 1684 г. «дерзнули заливати, деготь съ смолою смѣшав», троеперстное сложение на иконе апостола Андрея Первозванного.

В Эрмитажной копии текст Синодика обрывается на «вечной памяти» князю «Ивану Амашуку Черкаскому, убитому от безбожныхъ турокъ за православную веру». В издании «Древней российской вивлиофики» это соответствует с. 1—89, и далее текст Синодика продолжен еще на 36 страниц до с. 125.

В настоящее время в пергаменной рукописи, хранящейся в Синодальном собрании Государственного Исторического музея, текст Синодика обрывается на л. 126, как раз там, где кончается текст Эрмитажной копии. М. В. Щепкина объясняет это тем, что в начале XIX в. по указанию митрополита Филарета из всех древних рукописей были изъяты анафемы государственным преступникам и запечатаны в отдельный пакет, так же как и более позднее «Деяние» еретика Мартына.

По-видимому, в то время, когда пергаменный Синодик находился в Петербурге в Синоде, в нем были отмечены листы, подлежащие изъятию. Митрополит Филарет по существу реализовал идею Екатерины II.

Издание Синодика, предпринятое Новиковым по подлинной рукописи, дает возможность увидеть приемы издания и уровень текстологической техники 70-х гг. XVIII в. и позволяет представить полный текст Синодика — памятника XV—XVII вв.

Издание «Древней российской вивлиофики» оказало громадное влияние на судьбу русской культуры конца XVIII—начала XIX в.[211] Это было первое систематическое издание литературных, исторических и документальных памятников.

Размах археографической деятельности Новикова, осуществившего в небольшой промежуток (с 1773 по 1791 г.) два издания «Древней российской вивлиофики», огромен. Новиков впервые привлек к изданию большое количество неизданных и неизвестных рукописей и ввел в науку

---

[210] *Никольский Н. К.* Анафематствование..., с. 169—173.

[211] *Дербов Л. А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974, с. 295—310.

пласт новых материалов. В этом он видел не только «ученый труд», необходимый для будущих исследователей «российских древностей», но и высокий патриотический долг.

Н. И. Новиков был не только талантливым издателем, но и хорошим организатором. Задумав публикацию корпуса древнерусских литературных и исторических памятников, он сумел сплотить вокруг этого большого дела ученых, энтузиастов, хранителей и собирателей «российских древностей». В процессе подготовки издания под влиянием Новикова формировались их взгляды, вырабатывались приемы издания и комментирования памятников. Из молодого окружения Новикова вышли выдающиеся археографы конца XVIII—начала XIX в., хранители и знатоки древнерусской литературы: Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, причастные к первому изданию «Слова о полку Игореве», и автор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, оказавший большое влияние на формирование исторических взглядов Пушкина.

Значительное место в изучении древнерусских литературных памятников в XVIII в. занимает М. М. Щербатов — автор «Истории российской от древнейших времен» (тт. I—VII. СПб., 1770—1791).

М. М. Щербатов, так же как и Г.-Ф. Миллер, М. В. Ломоносов и А.-Л. Шлецер, начал изучение «Истории» В. Н. Татищева, тогда еще находящейся в рукописи. Позднее Щербатов выдвигал против Татищева обвинение в несоблюдении главной «должности всякого историка» — точности ссылок на использованные источники и верного воспроизведения их текста. Татищев, как замечает Щербатов, хотя и «описал множество летописцев, мало где в течение истории своей ссылается, из которого он что взял и в чем они согласны или не согласны, чтобы ему весьма удобно было сделать по расположению его труда, а паче в великом числе его примечаний».[212] Сам Щербатов приступил к работе над «Историей российской» в начале 60-х гг. XVIII в. В его распоряжении было большое собрание рукописей, доставшееся ему по наследству от предков с отцовской и материнской стороны. Щербатов был потомком черниговских князей по линии второго сына Ярослава Мудрого — князя Святослава Ярославича, с именем которого связаны две древнейшие русские рукописи: Изборник 1073 г. и Изборник 1076 г.[213] Изборник 1076 г. хранился в семейной библиотеке потомков черниговских князей в течение семи веков и впервые был введен в науку в I томе «Истории российской» М. М. Щербатова. В предисловии он писал: «уже в половине XI веку обретаем, что книги были писаны русским языком, как сие могу я доказать чрез обретающейся в моей библиотеке единой зборник (соборник), на котором и время его окончания подписано».[214]

---

[212] Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытия и явные охуления, учиненные его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца примечаний на Историю древния и нынешния России, г. Леклерка. М., 1789, с. 39—40.

[213] *Моисеева Г. Н.* Из истории «Изборника» 1076 года. — ТОДРЛ, т. XXXIII. М.—Л., 1979, с. 369—375.

[214] *Щербатов М. М.* История российская от древнейших времен, т I. СПб., 1770, с. IV—V.

Изборник 1076 г. был древнейшей книгой в библиотеке М. М. Щербатова, но и кроме этой рукописи он владел редким собранием, которое после его смерти (в декабре 1790 г.) было приобретено Екатериной II и в настоящее время хранится в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.[215]

В 1768 г. Щербатов получил приказание от Екатерины II разобрать бумаги Кабинета Петра I, заслужил титул историографа и разрешение пользоваться Патриаршей и Типографской библиотеками. А в 1770 г., как уже упоминалось выше, он был допущен в Архив Коллегии иностранных дел, откуда стал регулярно получать копии ценнейших документальных источников, которые он помещал в конце соответствующих томов своей «Истории».

Начиная с конца 60-х гг. Щербатов осуществил издание ряда древнерусских памятников и произведений XVIII в.: «Царственной книги» (СПб., 1769), «Царственного летописца» (СПб., 1772), «Летописи о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей» (СПб., 1771), «Журнала, или Поденной записки Петра Великого» (т. 1, 2. СПб., 1770—72), «Записных тетрадей Петра I» (СПб., 1774). Одновременно, как мы видели, целый комплекс источников был опубликован Новиковым при посредстве Щербатова в «Древней российской вивлиофике».

В собрании Щербатова сохранилась опись рукописей Синодального (Патриаршего) собрания, которые были привлечены им к работе над «Историей российской». Список составлен рукою Щербатова с сохранением номеров описи Патриаршего собрания.

«Выписка книг, которые находятся в Москве в Патриаршей библиотеке.

№ 147 Паисия, архиепископа константинопольскаго послание ко святейшему патриарху Никону московской печати.
№ 36 Дело еретика Димитрия Тверитинова с товарищи в кожаной сумке за 5-ю печатями.
№ 70 Копия с государевых посланий к различным лицам.
№ 79 Летописец старинной о великих князьях. Писан на целых листах с рисованными фигурами, без переплету.
№ 80 Летописец о зачатии Москвы и о протчих давно прошедших вещах.
№ 109 Описание поставления первого в России патриарха, две книги оболочены бархатом красным и наугольники серебряные.
№ 111 Описание книг, обретающихся в степенных монастырях.
№ 136 Свитков 5 с костяными наконечниками крашенные.
№ 182 Хронограф и Холмогорский летописец.
№ 258 Завещание с[вятителя] Иоакима и Адриана патриархов.
№ 304 Летописец митрополитов российских и царей римских и греческих и протчих без оболочки.
№ 305 Летописец ветхой без начала.
№ 306 Летописец от времен великого князя Ивана Ивановича.

---

[215] ГПБ. Эрмит. 588; см.: Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей.

№ 307 Летописец державы государей российских и о послах в другие государства.
№ 342 Описание похождения Бориса Петровича Шереметева сверх прежней описи.
№ 364 Послание Иосифа патриарха московского к королевичу Вольдемару и от него ответствие о вере.
№ 427 Соборное деяние на еретика армянина Мартына, в сумке за 2 печатми.
№ 430 Соловецкого монастыря ответ о вере.
№ 444 Синодик.
№ 455 Устав святого царя Константина и князя Владимира и ярлыки царей ордынских.
№ 464 и 465 Чиновник коронации царя Феодора Алексеевича и царя Михаила Федоровича.
№ 477 Чин о короновании государей царей.
№ 478 Чин поставления государей царей.
№ 509 Летописец новогородской харатейной без начала».[216]

В собрании М. М. Щербатова была копия с «Летописца князя Кривоборского» с припиской: «Список с подлинного списка, подписанного рукою князь Федора Ивановича Кривоборского от сотворения ея 7112 году от рождества 1604. Подлинник у комиссара Крекшина».[217]

«История российская» Щербатова была первым известным нам обобщающим трудом по русской истории, написанным не в форме летописного свода, а как историческое произведение, широко прокомментированное историческими источниками. По словам С. Л. Пештича, такое «фронтальное сопоставление литературы и источников, систематически проводимое М. М. Щербатовым, бесспорно свидетельствует об успехах критической мысли в русской историографии 80-х гг. XVIII в.».[218]

«История российская» Щербатова сыграла видную роль в русской науке: она «проложила дорогу» Карамзину, а многие ее материалы использовались или рассматривались почти всеми специалистами, занимающимися русской историей, начиная с его современников и до нашего времени. Н. М. Карамзин, как известно, всегда держал на своем столе необходимый том щербатовской «Истории».

В изучении древнерусских памятников в XVIII в. имела значение работа над русской историей императрицы Екатерины II. Н. А. Добролюбов в своей статье, посвященной журналу «Собеседник любителей российского слова», в котором публиковались по частям «Записки касательно российской истории» Екатерины II, выразил недоумение по поводу отсутствия разбора этой работы в историографическом труде С. М. Соловьева «Писатели русской истории».[219] И действительно, анализ работ Екатерины II позволяет понять политическую направленность ее сочи-

[216] ГПБ, Эрмит. № 363, л. 22—22 об.
[217] ГПБ, Эрмит, № 405, л. 1.
[218] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. III. Л., 1971, с. 36.
[219] *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в трех томах, т. I. М., 1950, с. 86.

нения и вместе с тем дает возможность раскрыть источники ее «Записок». В распоряжении императрицы, занимавшейся русской историей, были древнейшие летописи, собранные из разнообразных государственных и частных собраний.

Начало работы Екатерины II относится к 60-м гг. XVIII в. Во время коронационных торжеств в Москве в 1762 г. Екатерина посетила Троице-Сергиеву лавру и осмотрела обе ее библиотеки — лаврскую и семинарскую. Тогда же она заказала копию со сборника исторического содержания, большую часть которого занимает «История в память предидущим родом» Авраамия Палицына. В настоящее время копия, снятая в 1762 г. с обширного (215 лл.) сборника исторического содержания, принадлежавшего Троице-Сергиевой лавре, хранится в Эрмитажном собрании ГПБ (№ 370).[220] Эта копия с Троицкого исторического сборника была, таким образом, одной из первых рукописных книг, которые положили основание Эрмитажному собранию Екатерины II, выросшему к 90-м гг. XVIII в. до 40 000 книг. В библиотеке императрицы, занимавшейся русской историей, было собрано около 150 рукописей.[221] В основном это были копии с древнерусских рукописей, хранившихся в монастырских библиотеках и в частных собраниях. Подлинных древних рукописей было значительно меньше, так как «державный историк» Екатерина II не могла их свободно читать, и для нее делали списки, переписанные крупным и четким каллиграфическим почерком.

Рукописи поступали и из частных собраний. Так, сохранилось письмо Екатерины II к П. И. Трубецкому от 27 октября 1767 г.: «Князь Петр Никитич! Уведомилась я, что в библиотеке покойного отца Вашего есть старинной журнал царя Ивана Васильевича и Разрядная книга. И если оное правда, то я весьма желаю их видеть и велеть списать для себя. Отищите и пришлите их ко мне».[222] В 80-х гг. XVIII в. Екатерина II познакомилась с «Собранием российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина. В автобиографической «Записке» Мусин-Пушкин писал: «Великая Екатерина, узнав о сем (о собрании рукописей, — *Г. М.*), удостоила его (Мусина-Пушкина, — *Г. М.*) личного с собою обращения. Ей угодно было видеть собранные им некоторые летописи и Крекшину принадлежавшие бумаги, которые, с крайним любопытством рассмотрев. благоволила некоторые оставить у себя, а вместо того пожаловала ему несколько харатейных книг и древних летописей и бумаг, в кабинете ея находившихся, кои самой ей читать было трудно».[223] Для Екатерины II были подготовлены копии многих древнерусских памятников из Патриаршего (Синодального) собрания, Типографской библиотеки, Архива Коллегии иностранных дел, собрания рукописей Троице-Сергиевой лавры. Из этого последнего собрания Екатериной была получена летопись, позд-

---

220 Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, с. 119.

221 *Иконников В. С.* Императрица Екатерина II как историк. — Русский архив. М., 1911, № 7, с. 306—307.

222 ЦГАДА, ф. X (Кабинет Екатерины II), оп. 1, № 425.

223 Записки для биографии... Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — Вестник Европы, ч. LXXI. М., 1813, с. 81—82.

нее названная Троицкой. В «Реестре», по которому все троицкие летописи были возвращены в Москву, о Троицкой летописи, состоящей в одном конвалюте с другой летописью, сказано: «Находятся еще два летописца, один со времени также Рюрика, гораздо полнейший и обстоятельнейший, писанной на пергамине, в лист, кончится же нашествием на Москву Едигея, князя ординского, при князе Василие Дмитриевиче, другой начинается с 7022-го года, когда князь Иван Васильевич ходил под Смоленск, потом о пришествии из Царя-Града в Москву Исидора, митрополита киевского и всея России, который хотел греческое исповедание соединить с римским, о Исидорове послании к российскому духовенству, о приходе ево с осмаго собора римскаго, о послании папы Евгения к великому князю Василью Васильевичу, о белевском бою, который имело войско его с царем Махмутом и проч[его] много. Сей летописец объявляет произшествий достойных примечания, но кратко кончится на 7028-й год от рожд[ества] Христ[ова]».[224] Это первое описание Троицкой летописи начала XV в., сгоревшей в 1812 г. в московском пожаре. Еще более подробное описание Троицкой летописи помещено в списке рукописей, собранных в Синоде для отсылки их «державному историку»: «Реестр, сочиненный при святейшем Синоде из присланных к оной по высочайшему ея императорского величества повелению из разных духовных мест книг, в коих находятся записки касательно российской истории». Здесь в разделе «Из Троице-Сергиевой лавры» под порядковым номером 114 еще более подробно описана Троицкая пергаменная летопись: «Летописец, писанный на паргамине, начинающийся от лета мироздания 3368-го и продолжающийся по лето 3913-е. В нем, кроме действий российских князей и походов их на Царьград, Смоленск и другие города, описывается их рождение, строение в разных российских городах церквей и поставление епископов, хождение во орду и послания во оную послов, пожары, бывшие в Москве, в Киеве и других местах, послание воев от князя Василия Дмитриевича Суздальского в Сарай, поход его под Тверь, прихождение татар с войсками к Новугороду, разбитие войск Мамаевых на Дону, взятие Москвы от Тахтамыша, сражение под Смоленском, взятие новгородцами града Устюга, бракосочетание князей российских, хождение князя Ивана Михайловича с войском на Кашин, пришествие с войсками на Русскую землю Едигея».[225]

Все рукописи, принадлежавшие Троице-Сергиевой лавре, были возвращены в Москву. В 1804 г. эти рукописи, в том числе и Троицкую пергаменную летопись начала XV в., «нашел» в библиотеке Троице-Сергиевой лавры Н. М. Карамзин, который оставил подробное описание своего посещения и сообщил сведения о судьбе рукописей: «В Лавре две библиотеки: одна принадлежит Семинарии, а другая — монастырю; первая состоит из 600 книг иностранных и русских, исторических, нравоучительных, богословских и прочих; а во второй — одне церковные книги и рукописи... Все исторические рукописи были из Троицкой библиотеки

---

[224] ЛОИИ, ф. 203 (ф. Екатерины II), оп. 1, № 66, л. 5.
[225] ЦГАДА, ф. 1270 (Мусиных-Пушкиных), оп. 1, № 46, л. 14.

посыланы к Екатерине Великой, которая столь ревностно занималась нашею историею».[226]

В 1791 г. московский митрополит Платон прислал в Петербург копии летописей. Об этом сохранилась запись в «Дневнике» секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого:

«1791, октябрь 29. Занимаются главнейше российскою историею и делами французскими. Получены вновь летописцы от митрополита Платона, и мне два раза подтвердили, чтобы скорее переплесть.

Октябрь 30... поднес переплетенные летописцы, от митрополита Платона присланные, и, приискав тут известие о кончине киевского великого князя Владимира Рюриковича, получил благодарность.

Октябрь 31. Два раза призыван был для разговора о российской истории. Довольны, что нашли в Степенной книге имя опекуна короля шведского Вольдемара I, с коим сражался св. Александр Невский».[227]

В Эрмитажном собрании ГПБ (№ 376) сохранилась копия «Истории о Сибирском царстве» (№ 7), переписанная в 1791 г.[228] с рукописи XVII в., принадлежавшей семинарской библиотеке Троице-Сергиевой лавры.[229]

Сопоставление «Реестра» троицких рукописей с описанием Эрмитажного собрания показывает, что большая часть копий, снятых для Екатерины II, хранится до настоящего времени в ГПБ. Но копии некоторых из перечисленных в «Реестре» рукописей не сохранились. Так, нет копии с рукописи, обозначенной в «Реестре» под № 9, «Повесть временных лет черноризца Феодосия Печер[ского] мон[астыря], в четверку, начинается разделом света, Ноевыми детьми и от Кия выводится начало Киева, а потом и России».

Эта бумажная троицкая рукопись XV в., которую архимандрит Леонид перепутал с пергаменной троицкой 1408 г.,[230] в 1778 г. возвращена в библиотеку Троице-Сергиевой лавры и использована в вариантах к изданию Лаврентьевской летописи.[231]

В настоящее время нет в Эрмитажном собрании ГПБ также копии с Троицкой пергаменной рукописи 1408 г., указанной в «Реестре» под № 4: «...со времени... Рюрика, гораздо полнейший и обстоятельнейший, писанной на пергамине, в лист, кончится же нашествием на Москву Едигея, князя ординского, при князе Василие Дмитриевиче».

---

226 *Карамзин Н. М.* Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице. — Сочинения Карамзина, т. I. СПб., 1848, с. 481.

227 Дневник А. В. Храповицкого, 1782—1793. По подлинной его рукописи, с биографическою статьею и объяснительным указателем Николая Барсукова. СПб., 1874, с. 381.

228 Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, с. 120.

229 Сведения о славянских пергаменных рукописях, поступивших из книгохранилищ Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. архимандрита Леонида. — ЧОИДР, 1883, кн. 2, отд. II, с. 164.

230 *Леонид.* Новые сведения о Троицком списке Несторовой летописи, погибшей в московском пожаре 1812 г. — ЧОИДР, 1880, апрель—июнь, кн. 2, отд. II, с. 49. — На ошибку архимандрита Леонида указал М. Д. Приселков (см.: Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 15—16 (Введение)).

231 Лаврентьевская и Троицкая летопись. — ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, с. XV.

В распоряжении Екатерины II, как мы покажем ниже, была копия с Троицкой пергаменной летописи 1408 г., которую она неоднократно использовала в работе над «Записками касательно российской истории», изданными впервые в журнале «Собеседник любителей российского слова» в 1783—1784 гг. Поэтому можно с большим основанием полагать, что копия Троицкой летописи была изготовлена до возвращения всех троицких летописей в Москву по «Реестру» 1778 г. Все эти рукописи, за исключением Троицкой пергаменной 1408 г., сгоревшей в 1812 г., хранятся в настоящее время в ГБЛ.

Основываясь на выводах А. А. Шахматова,[232] М. Д. Приселкова [233] и Я. С. Лурье,[234] покажем дополнительные известия, которые отличают Троицкую летопись 1408 г. от ее непосредственного источника — Лаврентьевской летописи 1305 г. Далее приведем примеры, иллюстрирующие, что в «Записках касательно российской истории» отразились фактические сведения, имевшиеся только в Троицкой пергаменной летописи 1408 г.

В Троицкой летописи под 1196 г. сообщалось о женитьбе князя Константина Всеволодовича; в Лаврентьевской летописи этого известия нет. В сочинении Екатерины II пересказан текст Троицкой летописи с женитьбе Константина «на Агафии, дочери Мстислава Романовича».

В Троицкой летописи читались пропущенные в Лаврентьевской летописи известия о смерти княгини Марии и других событиях 1206 г.

В «Записках касательно российской истории» подробно рассказано о смерти княгини Марии: «Мать же Константина княгиня Мария лежала в немощи семь лет и, видев кончину свою... призвав всех братий... завещала им Константина, яко старейшего, иметь вместо отца... на завтра постриглась в монастыре, созданном ею, и, пробыв в оном 18 дней, марта 19 скончалась».

В своде 1408 г. содержалось, судя по цитате Карамзина, в Симеоновской и Владимирской летописях и отсутствующее в Лаврентьевской летописи известие 1230 г. о подчинении болгар князю Юрию.

В «Записках касательно российской истории» сообщено о присылке болгарским князем богатых даров князю Юрию Всеволодовичу, а также о заключении мирного договора на 6 лет: «В то время князь болгарский, уведав в Руси великую скудость жит, прислал к великому князю Юрию Всеволодовичу Владимирскому (на Клязьме) послов для учинения мира; князь же великий принял их с честию, и посланы были с обоих сторон знатные люди на особое место близь границы руской на остров, именуемый Коронев, и оные составили мир па шесть лет».

Опубликованные при жизни Екатерины II шесть частей «Записок касательно российской истории» заканчивались 1271 годом. В XI томе «Собрания сочинений императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей» А. Н. Пыпин напечатал, используя черновые материалы,

---

[232] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938.

[233] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

[234] *Лурье Я. С.* Троицкая летопись и московское летописание XIV в. — Вспомогательные исторические дисциплины, т. VI. Л., 1974.

продолжение «Записок» до 1393 г. И в этой части можно снова видеть отражение известий Троицкой пергаменной летописи 1408 г.

Я. С. Лурье пришел к выводу о том, что особенно значительными становятся дополнения Троицкой к своду 1305 г. при изложении конечных известий этого свода — за конец XIII—начало XIV в. «с 6801 (1293) г. Троицкая (судя по цитатам Карамзина, Симеоновской и Владимирской) расходится с Лаврентьевской не только в датировке годовых статей (такое расхождение встречалось и в предшествующей части), но и целым рядом известий».[235]

В «Записках касательно российской истории» можно прочесть и рассказ о татарской рати Неврюя, и о жестоком столкновении между русскими князьями, и о походе Федора Ростиславича Ярославского-Смоленского в 1298 г. на Смоленск «на братанича своего князя Александра Глебовича Смоленского».[236]

Под 6810 (1302), а не под 6812 (1304) г. в «Записках» подробно описана кончина князя Ивана Переяславского и его волеизъявление, а также последствия этих действий. В Лаврентьевской летописи этих известий нет. «В 1302 году маия в 15 день преставися князь Иван Дмитриевич Переславский, внук Александров, бездетен. Бе тих, кроток, смирен, любовен, милостив, добродетелен, к церквам прилежен зело, почиташе и любяше священнический и иноческий чин, к нищим и странным яко отец. По себе отчину Переславль даде, по любви к нему и по дружбе с ним, дяде своему родному князю Даниилу Александровичу Московскому. Сей же, узнав о сем, иде в Переславль и сяде на место племянника своего и, вскоре возвратясь к Москве, оставил в Переславле сына своего князя Юрия Даниловича и наместники своя. Узнав о кончине князя Ивана Дмитриевича Переславского, князь великий Андрей Александрович Владимирский на Клязьме, яко старший в роде, послал своего наместника с людьми в Переславль, но их во град не пустили».[237]

М. Д. Приселков отмечал,[238] что в Троицкой летописи опущено известие Лаврентьевской о поездке великого князя Андрея в 1303 г. в Орду (в Лаврентьевской — «в Татары»). Однако Н. М. Карамзин в примечаниях к IV тому «Истории государства Российского», ссылаясь на Троицкую летопись, писал: «Великий князь Андрей пойде в Орду».

В черновых материалах «Записок» Екатерины II под 6810 (1302) г. помещено сообщение: «...князь великий Андрей Александрович Владимирский на Клязьме пойде в Орду к хану».[239]

Начиная с 6813 (1305) г. Троицкая летопись составлена из известий, полностью отсутствующих в Лаврентьевской летописи.[240] И все известия Троицкой летописи до 1393 г., как можно судить по реконструкции

---

[235] *Лурье Я. С.* Троицкая летопись и московское летописание XIV в., с. 93.
[236] Сочинения имп. Екатерины II, на основании подлинных рукописей с объяснительными примеч. акад. А. Н. Пыпина, т. XI. СПб., 1906, с. 41.
[237] Там же, с. 46.
[238] *Приселков М. Д.* История русского летописания, с. 108.
[239] Сочинения Екатерины II, т. XI, с. 46.
[240] *Лурье Я. С.* Троицкая летопись и московское летописание XIV в., с. 93—94.

М. Д. Приселкова, имеют отражение в «Записках» Екатерины II, что особенно ясно видно в подробных рассказах о тверских и ростовских событиях XIV в., «перекрывающих» краткие сообщения примечаний Н. М. Карамзина.

Троицкая пергаменная летопись 1408 г., «гораздо полнейшая и обстоятельнейшая» (как она охарактеризована в «Реестре»), послужила Екатерине II одним из основных материалов в ее работе над сочинением по истории России X—XIV вв.

С 1408 г. — года окончания текста Троицкой летописи — Екатерина II основывается на Никоновской летописи, дополняя ее известия документальными материалами и древнерусскими повестями, относящимися к событиям, о которых идет речь в летописи.

В 1795—1796 гг. Екатерине II были присланы из Москвы «Сведения о российской истории с 1224 года, выписанные из разных рукописных летописцов от профессора Харитона Чеботарева». При подготовке этих материалов профессор Х. А. Чеботарев использовал Троицкую летопись. Особенно активно привлечены сведения этой летописи в рассказе о событиях с 1380 по 1409 г. Но эти «Сведения», как показывает сопоставление их с оставшейся в рукописи последней частью «Записок касательно российской истории», остались не использованными Екатериной II.

Приведем некоторые примеры.

Записки касательно российской истории (по неизданной рукописи)	Исторические оригинальные выписки с 1380 г. ...из разных старинных летописей... профессором Чеботаревым
В том же (1340 г., — *Г. М.*) марта 31 дня на Москве преставися князь великий Иван Владимирский (на Клязьме), Московский и Переславский, сын князя великаго Даниила Александровича Невскаго, во иноцех и в схиме, и положен бысть в церкви святаго Архангела Михаила.[241]	В лето 6848 (1340 г.) преставися князь великий Иван Даниловичь Калита...*
	* Месяца марта в 31 день по Троицкому летописцу кончина сего великаго князя отнесена к 6849 году, с чем согласна и надгробная надпись над сим князем в Архангельском соборе.[242]
Того же лета 6870 (1361 г.) пойдоша в Орду к хану Хидырю князи рускии: князь Дмитрий Константиновичь Суздальский из Владимира на Клязьме и брат его старейший князь Андрей Нижегородский. ...И бысть при них замятня велия в Орде; убиен бысть кроткий, тихий и смиренный хан Хидыр.[243]	Того же лета (1360 г.) князи суздальскии приидоша во Орду к царю Наурусу...*
	* По Троицкому летописцу князь Дмитрей Константиновичь получил великое княжение Владимерское от Хидыря, а не от Науруса. Ибо в оном сказано: убиен бысть царь Наурус, а Ходырь седе на царство и даст великое княжение князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому.[244]

[241] Сочинения Екатерины II, т. XI, с. 116.
[242] ГПБ, Эрмит. 319, л. 167.
[243] Сочинения Екатерины II, с. 181.
[244] ГПБ, Эрмит. 319, л. 217.

владим. в. кн. Дмитр. Конст. Сузд.

лѣта от Р. Х. 1260.

Княженіе великаго Князя Дмитрія Костянтиновича Суздальскаго.

Того же лѣта Князи Суздальскіи приидоша во Орду къ Царю Наурусу. Князь Андрей Костянтиновичь Суздальскій, внукъ Васильевъ, и братъ его Князь Дмитрей Костянтиновичь, и пріялъ отъ Царь Наурусовъ (о) въ честію и отдаде великое княженіе Володимерское Князю Дмитрею Костянтиновичу Суздальскому, не по отенцѣ, ни по дѣдинѣ. А преже Царь даваль великое княженіе Володимерское старѣйшему его брату Князю Андрею Костянтиновичу Суздальскому, и онъ по то не ялся. И тако Князь Дмитрей Костянтиновичь Суздальскій бяше великое княженіе Володимерское, и отпущенъ бысть изъ Орды отъ Царя съ пожалованіемъ и въ честію на Русь.

Походъ Суздальскихъ Князей въ Орду.

Отдачи Наурусовъ великаго княженія Володимерскаго Князю Дмитрію Костянтиновичу Суздальскому.

Отпущеніе изъ Орды Князя Дмитрія Костянтиновича и

9. По Троицкому Лѣтописцу Князь Дмитрей Костянтиновичь получилъ великое княженіе Владимерское отъ Хидыря, а не отъ Науруса. Но зде оному сказано: убіенъ бысть Царь Наурусъ а Хидырь сѣде на Царство и дасть великое княженіе Князю Дмитрію Костянтиновичу Суздальскому.

Выписки из древнерусских летописей Х. А. Чеботарева со ссылкой на Троицкую летопись. ГПБ, Эрмит. 319, л. 217.

Лѣта от Р. Х. 1371. Владѣніе Великаго Князя

Чудотворное исцѣленіе отрока при Гробѣ Петра Митрополита (25).

Тогожъ лѣта мѣсяца Августа въ 15 день бысть чудо въ Градѣ Москвѣ у гроба Святаго Петра Чудотворца прощенъ бѣ отроча 7 лѣтъ, имѣлъ руцѣ пропорсены въ перстѣ и немогуще проглагола ти. Еда служи Алексѣй Митрополитъ Литургію и скончеваютъ, и тогда проглагола отроча и простреся рука его и бысть здрава яко и другая (26).

1372. Въ лѣто 6880.

Выезд из Орды Великаго Князя.

Князь Великій Дмитрей Ивановичь Московскій приде (23) изъ Орды изъ Маматеевы со многою честію и съ пожалованіемъ опять на великое княженіе, и упрѣтивъ добро подъ (24) своею великою княженіе, и враги своя посрамилъ. Приидоша же съ нимъ послы отъ Царя и Татарове многи, и выведоша съ собою изъ Орды Князя Ивана Михайловича Тверскаго, отпустивше его въ дому во Ордѣ, даша на немъ (27) десять тысячь рублевъ, еже есть тма рублевъ, и приведоша его въ свою

Выведен из Орды Князь Иван Тверской.

24 И прослалъ Алексѣй Митрополитъ Феоктисту и молебенъ вѣдъ и прославиша Господа Бога и пресвятую Богородицу, и Святаго Чудотворца Петра. 25, осени тое.

26. Алексѣй ошибка въ слогѣ отъ неспѣхи переписчика Ипатьевской Лѣтописи; ибо въ Троицкомъ Лѣтописцѣ, гдѣ дремлются сіе самое обстоятельство, поставлено: и упрѣтивъ подъ собою великое Княженіе). смотр. Троиц. Лѣтоп. 6879. годъ.

27. По троицкому Лѣтописцу) Князь Иванъ Михайловичь Тверской выпущенъ въ Орды не татарами, но самимъ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, и протомъ по 10 по 20 30 тысячь рублей.

Выписки из древнерусских летописей Х. А. Чеботарева со ссылкой на Троицкую летопись. ГПБ, Эрмит. 319, л. 219 об.

В лето 6880 (1372 г.) князь великий Дмитрий Иванович... прийде из Орды со многою честию и дары, и вывел с собою из Орды князя Ивана Михайловича Тверскаго, выкупивша его в Орде из долгу, даша ему в заем десять тысящь рублев сребра московских.[245]	В лето 6880 (1372 г.) князь великий Дмитрей Ивановичь Московский прийде из Орды из Мамаевы со многою честию...* * По Троицкому летописцу князь Иван Михайлович Тверскій выкуплен в Орде не татарами, но самим великим князем Дмитрием Ивановичем, и при том не за 10, но за 30 тысячь рублей.[246]

Количество примеров можно было бы значительно увеличить, но и из приведенных видно, что Екатерина II не внесла в последний из написанных ею томов «Записок касательно российской истории» тех уточнений по Троицкой летописи, которые были подготовлены для нее профессором Х. А. Чеботаревым.

Обнаруженные выписки из Троицкой летописи в совокупности с переписанным Г.-Ф. Миллером отрывком этой летописи[247] дают возможность убедиться в значительной точности реконструкции Троицкой летописи, предпринятой М. Д. Приселковым по выпискам Н. М. Карамзина.[248]

В «Записках касательно российской истории» использован текст двух так называемых «Остермановских томов» Лицевого свода. Они находились в «комнатной библиотеке императрицы Екатерины II» и «по ее повелению напечатаны в Санкт-Петербурге в 1774 и 1775 годах, в двух частях, в 4-ку под названием „Древняго летописца“».[249]

Речь идет об издании «Древняго летописца часть первая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России при владении четырнадцати великих князей, сперва Владимирских, потом Московских, чрез сто двадцать пять лет, начиная с 6762/1254 года до 6887/1379, то есть от времен княжения великого князя Александра Ярославича Невского до победы великим князем Дмитрием Ивановичем, прозванным потом Донским, одержанной над татарами у реки Вожи в Рязанской земле, в годе выше сего на последи упомянутом, изданная по высочайшему повелению преславным сего 1774 года июля 10 дня заключенным с турками миром возвеличившияся, покровительницы и защитницы мус» (СПб., 1774) и «Древняго летописца часть вторая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России с 6887/1379 по 6932/1424 год, то есть последния лета княжения великого князя Дмитрия Ивановича Донского и владение великого князя Василья Дмитриевича» (СПб., 1775).

Оба тома были изданы Петербургской Академией наук. Из опубликованных Н. И. Новиковым «Санкт-Петербургских ученых ведомостей»

---

245 Сочинения Екатерины II, т. XI, с. 209.

246 ГПБ, Эрмит. 319, л. 219 об.

247 *Моисеева Г. Н.* Отрывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г.-Ф. Миллером. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 93—99.

248 Троицкая летопись. Реконструкция текста, с. 364, 377, 393.

249 Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым, кн. II. СПб., 1859, с. 25.

узнаем, что первую часть «Древняго летописца» готовил к печати И. Е. Глебовский, вторую часть — Г. В. Козицкий.[250]

Располагая ценными источниками, используя работы В. Н. Татищева и с помощью А. А. Барсова, Х. А. Чеботарева, М. М. Щербатова и других Екатерина II создала для своего времени достаточно хороший свод известий по русской истории от древнейшей поры до 1276 г. Последняя часть, охватывающая период с 1276 по 1393 г., осталась незаконченной и была опубликована А. Н. Пыпиным.[251] Екатерина II привлекла не только древнерусские летописи, но и документальные материалы, хранящиеся в Москве в Архиве Коллегии иностранных дел. Так, под 1303 г. приведена грамота Михаила Ярославича Тверского с новгородцами;[252] под 1326 г. грамота Александра Михайловича с новгородцами;[253] Духовные грамоты великого князя Ивана Даниловича,[254] великого князя Ивана Ивановича. Договорная грамота 1378 г. Дмитрия Ивановича с двоюродным братом Владимиром Андреевичем;[255] Духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского.[256] В примечании точная ссылка: «...сохраняется до днесь в Архиве Московской и напечатана в Древней российской вивлиофике под № 13, часть первая, на листе 100».[257]

Исторические сведения о событиях, происходящих на Руси в каждый отдельный исторический период, сопровождаются справкой о «современниках князей русских». Таблицы эти составлялись для Екатерины II Щербатовым.

«Записки касательно российской истории» в шести частях были изданы в XVIII в. дважды: в журнале «Собеседник любителей российского слова» (1783—1784 гг.) и отдельными изданиями в 1787—1794 и в 1801 гг.

В 1793 г. в пятой части «Записок» был напечатан составленный Екатериною II «Родословник князей великих и удельных рода Рюрика». В том же 1793 г. «Родословник» вышел отдельным изданием.

Занимаясь более четверти века русской историей, хорошо зная генеалогию княжеских и дворянских родов, Екатерина II, как мы знаем, оказала услуги А. И. Мусину-Пушкину в его работе над «Словом о полку Игореве». Она указала ему имя жены князя Игоря Святославича — Евфросинья, дочери Ярослава Владимировича Галицкого. В переводе «Слова» с историческим комментарием, который был подготовлен для Екатерины II в начале 1792 г., имеются поправки и уточнения, сделанные ее рукой.[258]

---

250 Санкт-Петербургские ученые ведомости, 1777, № 19, с. 148—151.
251 Сочинения имп. Екатерины II, т. XI, с. 3—334.
252 Там же, с. 47.
253 Там же, с. 93.
254 Там же, с. 117.
255 Там же, с. 242.
256 Там же, с. 292.
257 Там же, с. 292.
258 «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами имп. Екатерины II. Адъюнкта П. Пекарского. Приложение к V тому Записок имп. Акад. наук. СПб., 1864, с. 6—7; *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976, с. 62—75.

Но изучение древнерусских памятников и занятия историей служили для Екатерины II средством активной пропаганды своих политических идей. Она «направляла» по продуманному ею руслу историческую мысль XVIII в. и давала уроки «общественного воспитания» на примерах русской истории. Особенно наглядно это видно при ознакомлении с древнейшей историей, освещению которой Екатерина II уделила немало внимания. Приведем некоторые примеры. Вспомним рассказанный летописью известный эпизод о коварном убийстве Олегом киевских князей Аскольда (Оскольда) и Дира: Олег приплыл к горам киевским «и уведе Олег, яко Аскольд и Дир княжита, похорони воя в лодьях, а другие назади остави, а сам прииде, нося Игоря детска, и приплы под Угорское, и посла ко Аскольду и Дирови, глаголя: „Яко гости есмо, и идем в Греки от Ольга и от Игоря княжича, да приидета к нам к родом своим". Аскольд же и Дир приидоста, и выскакавше вси прочии из лодья, и рече Олег Аскольду и Дирови: „Вы неста князя, ни рода княжа". И вынесоша Игоря: „А се есть сын Рюриков". И уби Аскольда и Дира. И несоша на гору, и погребоша, еже место ныне зовется Угорское».[259]

В «Записках касательно российской истории» «дядька Игоря Олег князь урманский» охарактеризован как «муж мудрый и воин искусный и храбрый. Он начал опекунское свое управление объездом областей русских... Потом Олег, слыша от киевлян жалобы на Оскольда и нашед оные зпатно основательными и ведав о неудаче его в походе на Царьград и о потере многих людей и кораблей, сам пошел в Киев... став под городом в 883 году, велел вызвать Оскольда князя киевскаго. Оскольд к нему вышел со киевлянами. Тогда Олег взял на руки Игоря, сказал киевлянам: „Сей есть наследник всех княжений русских, а Оскольд не есть самовластный князь, ни рода Рюрика, но подданный Игоря, который его сменяет с княжения и наказует"... После того Олег с великим князем Игорем вошел в Киев, определил тут быть столице российской».[260]

Мы видим, что Екатерина II говорит лишь об Оскольде, согласившись, как видно, с мнением Г.-З. Байера о том, что «Дир» — диар, должностное лицо, управляющий. Кроме того, она обосновала причину «отставки» Оскольда (неудача похода на Царьград) и поступила «гуманно» — Олег «его сменяет с княжения», а не убивает, как сообщено во всех древнерусских летописях. Даже в описании смерти Олега «от коня своего» Екатерина II привнесла варяжскому князю не свойственную ему деликатность: в летописи сказано, что, узнав о смерти коня, от которого кудесник предрек ему гибель, Олег «прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лоб гол, и сседе с коня, и посмеявся рече: „От сего ли лба смерть было взяти мне". И вступи ногою на лоб, и выникнувши змія изо лба, уклюну в ногу, и с того разболесь, и умре».[261]

В «Записках касательно российской истории» Олег, узнав, что любимый конь умер в его отсутствие, «сел на лошадь, поехал мимо костей

---

[259] Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 г. Библиотека Российская историческая. СПб., 1767, с. 18—19.
[260] Сочинения имп. Екатерины II..., т. VIII. СПб., 1901, с. 31—32.
[261] Летопись Несторова, с. 33.

того коня, из головы которого выскочила змея, его ужалила в ногу, от чего Олег умер в 912 году».[262]

Совершенно иначе у Екатерины II представлена смерть Игоря Рюриковича. В древнерусской летописи рассказано о том, что Игорь собрал дань с древлян, вернулся снова под Коростень. Древляне решили: «Аще ввадится волк во овцы, то выносит все стадо, аще не убьют его; тако и сей, аще не убьем его, и вся ны погубит». И послаша к нему глаголюще: „Почто идеши опять? поимал еси всю дань". И не послуша их Игорь, и изшедше из города из Коростеня деревляне, убиша Игоря и дружину его».[263]

В «Записках касательно российской истории» сказано о том, что древляне «ночью, вышед из города Коростена, печаянно напали на стан Игорев, убили его и малое число людей, с ним находящихся».[264] Очевидно, Екатерина II полагала, что даже в летописных известиях нельзя допустить мысль о возможности поднять руку на представителя власти. Хотя Игорь и «волк» и собирается взять вторую дань, но можно только смиренно просить его: «не разори и не погуби нас».

Екатерина II исключила все летописные рассказы о мести княгини Ольги древлянам за смерть Игоря. Даже пожары, произведенные Ольгою в городе Коростене посредством зажженных фитилей, привязанных к воробьям, Екатерина II представила как неожиданность: во время переговоров «о здаче города и о дани, учинился во граде пожар и сгорел город Коростен весь».

Известный эпизод о гибели князя Святослава в Днепровских порогах: «Весне же приспевши, в лето 6480 (972 г.) пойде Святослав в пороги, нападе нань Куря, князь печенежский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбе его соделаша чашу, оковавше лоб его, и пьяху из него»,[265] также оказался измененным в «Записках касательно российской истории»: «...В наставшей весне (972 года) Святослав, вооружив свои войски, пошел из того места в верх по Днепру, и как пришел в пороги, напал на него Куря князь печенежский и победил Святослава. И во время того боя великий князь Святослав, быв с лодьями между порогов днепровских, утонул в Днепре».[266] Екатерина II затушевывала хорошо известные по летописям факты, связанные с народными движениями. Она пыталась замолчать о «вольностях» и древних правах новгородцев, хотя, как мы видели, Екатерина II хорошо знала договоры Новгорода с великими князьями, копии которых были получены ею из Архива Коллегии иностранных дел.

Из приведенных примеров обработки летописных известий можно понять идеологическую целенаправленность переделки летописей. Екатерина II хотела видеть в древнерусских памятниках отражение тех представлений о поведении людей, какие она пыталась «воспитать» у своих

---

[262] Сочинения имп. Екатерины II, т. VIII, с. 35.
[263] Летопись Несторова, с. 46.
[264] Сочинения имп. Екатерины II, т. VIII, с. 39—40.
[265] Летопись Несторова, с. 65—66.
[266] Сочинения имп. Екатерины II, т. VIII, с. 59.

«верноподданных» в России XVIII в. И в этом смысле уместно вспомнить полемику, возникшую в русской литературе 1780—1790-х гг. о русском национальном характере. В 1783 г. в журнале «Собеседник любителей российского слова» (в нем печатались «Записки касательно российской истории») в серии вопросов к «сочинителю» «Былей и небылиц» (было известно, что автором их была императрица) был и вопрос Д. И. Фонвизина: «В чем состоит наш национальный характер?».[267] Екатерина II безапелляционно ответила: «В остром и скором понимании всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных».[268]

Это «образцовое послушание», как исконную национальную черту русских, Екатерина II и показывала на материале истории в «Записках» и в драматургии — «Историческое представление из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега». Н. А. Добролюбов справедливо считал, что Екатерина II в «Записках касательно российской истории» «дала образец своих взглядов на историю».[269] И действительно, под ее пером русская история служила средством общественно-идеологического воздействия.

Эту особенность исторических изысканий императрицы хорошо понял Радищев.

Интерес к истории у Радищева не был самодовлеющим: он неразрывно связан с его общественно-политическими идеями, остро полемически направлен.

В сочинениях Радищева отчетливо прослеживается новый подход к древнерусским памятникам. Своей задачей он считал не только «отнять завесу с очей природного чувствования» — показать жизнь без прикрас, но и понять причины, порождающие «страдания» народа, чтобы устранить их. Отсюда его интерес к истории, и особенно к истории России на протяжении всего ее многовекового развития; отсюда же его внимание к происхождению правовых институтов, определивших социально-экономическое устройство государства.

В «Опыте о законодательстве» Радищев пишет: «В России находим два члена общества: государь и народ». Государь отделен непроходимой стеной неограниченной власти, его поступки диктуются исключительно его волею, «которая в России является законом».

И Радищев обращается к древней русской истории, чтобы понять, как произошла эта узурпация власти, отобранной у народа, как значительная часть населения страны потеряла личную свободу и стала собственностью других людей.

Анализ выписок Радищева из древнерусских памятников и исторических трудов XVIII в. дает возможность представить часть источников. Но, по-видимому, он их знал значительно больше. Мы можем назвать внимательно прочтенную им «Летопись Несторову» с многочисленными

---

[267] *Фонвизин Д. И.* Собр. соч. в 2-х тт., т. 2. М.—Л., 1959, с. 275.
[268] *Фонвизин Д. И.* Собр. соч., т. 2. М.—Л., 1959, с. 275.
[269] *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 3-х тт., т. I, с. 33.

заметками на полях и выписками,[270] «Историю российскую» Татищева по изданию Миллера 1768 г., «Русскую Правду» с примечаниями Татищева, «Историю Сибири» Миллера, изданную в 1750 г., статьи Миллера «Краткое повествование о начале Новгорода и о происхождении Российского народа, о новогородских князьях и знатных онаго периода случаях», опубликованных в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» в 1761 г. (с июля по октябрь).

Очевидно, он знал также издание новгородской летописи 1786 г., сочинения по истории России Ломоносова: «Краткий российский летописец с родословием» (1760 г.) и «Древняя российская история» (1766 г.), а также «Записки касательно российской истории» Екатерины II.

Выписки из древнерусских исторических источников дают основание Радищеву, исходя из договорной теории происхождения общества, находить обоснование этой теории. Он полагает, что исконным государственным устройством древних славян была вечевая республика, управляемая народом. По решению веча князья приглашались и изгонялись «со стола». Наиболее ярко такое политическое устройство проявилось в Новгородской республике. Следы вечевого устройства Радищев видит в других древнейших городах: Киеве, Пскове, Полоцке, Суздале и Владимире.

С «вечевой» теорией Радищева связано и его представление о роли варягов на Руси. Если сторонники норманнской теории происхождения Русского государства полагали варягов, призванных союзом славянских племен для княжения, законными правителями, а их наследников — естественными наследниками царской династии, то Радищев считает варягов завоевателями, силою отнявшими власть и права народа. Отсюда проистекает его теория незаконной и противоестественной формы самодержавной власти начиная с древнейшей поры до современности. Отсюда и особое отношение Радищева к периоду феодальной раздробленности на Руси XI—XV вв. Радищев полагает, что в это время, когда не было одного великого князя, а каждый из удельных князей совместно с вечем мог самостоятельно решать важные политические вопросы, то князья неоднократно вынуждены были подчиняться решениям, принятым на съездах. Особенно отмечает Радищев черты «договорного начала» в крестоцеловании князя, своего рода клятвы, данной народу «на сохранение» его прав. Не феодальная раздробленность Руси и удельные междоусобицы являются причиной ослабления государства, а самодержавное правление великих князей послужило началом экономической и культурной отсталости России. Так трактует Радищев выписку из летописи о «многих» философах, бывших при дворе Ярослава Мудрого. Окончательное падение вольности на Руси Радищев связывает с периодом правления Ивана Калиты, впервые утвердившим «наследие единого сына по себе». В связи

---

[270] Экземпляр издания «Библиотеки российской исторической», сохранившийся в библиотеке М. Н. Лонгинова в ИРЛИ АН СССР (шифр: ЛО, 58, 7), обнаружен Д. С. Бабкиным. Ю. М. Лотман издал текст, отмеченный пометками А. Н. Радищева (см.: Радищев — читатель летописи. Публикация и вступительная заметка Ю. М. Лотмана. — В кн.: Тр. русской и славянской филологии. Вып. VIII. Литературоведение. Тарту, 1965, с. 213—234).

с этим он рассматривает присоединение Новгорода к Москве в результате походов Ивана III (1471 г.) и его внука Ивана Грозного (в 1570 г.) как одну из наиболее ярких черт своеволия самодержавных владык, подчинивших себе свободный город, увезших в Москву вечевой колокол и отменивших права, данные новгородцам Ярославом Мудрым, — «Русскую Правду».

С изучением «Русской Правды» — древнейшего законодательного памятника, определяющего юридические нормы Русского государства, связан интерес Радищева к вопросу о происхождении крепостного права. Он изучает Судебник Ивана Грозного (1550 г.), узаконения Федора Иоанновича и Бориса Годунова, Уложение Алексея Михайловича 1649 г. и Табель о рангах 1722 г., окончательно закрепивших крестьян за землей и уравнявших вотчину с поместьем. Радищев обвиняет Петра I в том, что указом 1722 г. он «изтребил последния признаки дикой вольности своего отечества».[271]

Изучение Радищевым памятников древнерусской литературы имеет и еще один аспект: оно направлено на опровержение исторической концепции императрицы Екатерины II. И хотя Радищев прямо нигде не ссылается на «Записки касательно российской истории», сопоставление его исторических взглядов с положениями, декларированными «венценосным историком», наглядно свидетельствует об этом.

Обратимся к тем экскурсам в русскую историю, которые нашли свое отражение в «Путешествии из Петербурга в Москву». Уже в первой главе «София» Радищев, размышляя о русской песне, говорит о том, что в ней отражается характер народа: «Посмотри на русскаго человека; найдешь его задумчива. Если захочет разогнать скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обагренный кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской».[272]

Вопрос о русском национальном характере, обсуждавшийся в 80-х гг. XVIII в. на страницах журналов, как видим, решался Радищевым с позиций, прямо противоположных тем, которые декларировались Екатериною II: не кротость и «образцовое послушание» характеризуют русский национальный склад. В народе скрыты и зреют такие силы, которых смертельно боялась императрица. Заключительные слова: «Бурлак... многое может решить доселе гадательное в Истории Российской» свидетельствуют о том, что это мнение Радищева распространяется не только на историческое прошлое, но и на осмысление современных событий (крестьянской войны под водительством Пугачева) и предвидение будущего.

В «Записках касательно российской истории» Екатерина II изложила древнейший период Новгородской истории в соответствии со своими поли-

---

[271] *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1938, с. 150—151.
[272] *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. I, с. 230.

тическими взглядами (используя в качестве источника Иоакимовскую летопись в изложении Татищева).[273]

Новгородский князь Гостомысл, умирая, оставил завещание своим подданным, чтобы по смерти его был призван владычествовать в Новгород Рюрик с братьями. Услышав о несогласии, своеволии, прихоти и беспорядке новгородцев, Рюрик с трудом согласился на это предложение.

Сюжет о призвании Рюрика был представлен Екатериной II не только в историческом сочинении, но и в драматическом произведении «Историческое представление из жизни Рюрика», изданном в 1786 г. Драма начинается речью умирающего Гостомысла, обращенной к старейшинам «славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович»: «Я вижу между вами несогласие, всяк из вас по своей мысли и прихоти правит и судит... сами собою править не можете: и для того по кончине моей надобно вам князя, который бы над вами владел».[274] Выступивший против Рюрика молодой новгородский князь Вадим (внук Гостомысла от младшей дочери) показан дерзким, неумным, честолюбивым юношей, которого Рюрик посрамляет и заставляет превозносить его, Рюрика, добродетели. В «Записках касательно российской истории» Екатерина II неоднократно подчеркивала «своеволие» и упрямство новгородцев.

Помимо полемики с Екатериной-историком[275] Радищев включает в объект сатирического преображения «Журнал высочайшего путешествия императрицы Екатерины II в полуденные страны России в 1787 г.», составленный секретарем императрицы А. В. Храповицким, который тонко учитывал «исторические интересы» «высокой путешественницы». В описание каждой страницы были включены краткие исторические экскурсы с использованием «Записок» Екатерины II. Так, например, глава «Валдай» начиналась с известия: «Место сие населено во время государствования царя Алексея Михайловича взятым в плен поляками и было Дворцовым селом до 1653 года, а в сей пожаловано Иверскому монастырю».[276]

Истории Новгорода в «Журнале» было отведено, пожалуй, самое большое место. Известно, что древний Новгород серьезно интересовал императрицу. Поэтому в «Журнале» достаточно подробно была освещена его история. А. В. Храповицкий изложил здесь концепцию Екатерины II. Он писал: «Долгое время новгородцы управляемы были сами собой и брали от народов им окрестных дани, но междоусобии их учинили данниками варягов. По некотором времени сложили они с себя сие иго, однако внутренние их раздоры паки по временам от необузданного их

---

[273] *Моисеева Г. Н.* Древнерусские памятники в драмах Екатерины II. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 289—292.

[274] Сочинения имп. Екатерины II, т. XI, с. 221.

[275] *Moiseeva G. N.* Eine Quelle des Kapitels «Spasskaja Polest» in A. N. Radiščev «Reise von Petersburg nach Moskau». — Wissenschaftliche Zeitschrift. Karl-Marx-Universität (Leipzig), 1977, № 4, SS. 343—347. — *Моисеева Г. Н.* К пониманию идейного замысла «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (глава «Тосна»). — В кн.: XVIII век, вып. 13 (находится в печати).

[276] Журнал высочайшего путешествия имп. Екатерины II в полуденные страны России в 1787 г. М., 1787, с. 130.

своевольства возобновляющияся, принудили их подчинить себя правлению князей посторонних, и на сей конец призвали в 862 году из Варяго-руссов трех братей князей Рюрика, Синеуса и Трувора, из коих первой по смерти братьев остался единым обладателем... после Владимира II могущество великих князей по причине частых разделов пришло в упадок, а новгородцы, пользуясь тем, время от времени становилися своевольнее, присвоив себе власть избирать в князья кого хотели, оставляя им одну только почесть названия без всякия власти, да и столь часто их перемепяли, что в одно столетие более 30 перемен последовало».[277] Далее А. В. Храповицкий переходит к характеристике самого трагического периода в истории Новгорода: разгрома города великим князем Иваном III в 1470 г. и его внуком царем Иваном IV в 1569 г. В «Журнале» сказано о том, что великий князь Иван Васильевич, «освободя от татарского ига Россию, вознамерился унизить гордость новгородцов и принудить их признать себя за своего государя. К предуспению в сем намерении старался он склонить их на сие добровольно; по видя их упорство, напал на их пределы, и по двоекратном разбитии войск их город сей покорил, оставя для управления его своего наместника. Таковое усмирение не произвело всего ожидаемого от него действия: ибо прежние уничтоженные начальники питали в народе дух возмущения, своеволия и раздоров, что и подвигло наконец царя и великого князя Иоанна Васильевича наказать новгородцов за их ослушание и неверность в 1569 году».[278]

Первая часть главы «Новгород» в «Путешествии из Петербурга в Москву» является глубоко продуманным и аргументированным опровержением суждений о древнем Новгороде и новгородцах Екатерины II и ее последователей: «Известно по летописям, — пишет А. Н. Радищев, — что Новгород имел народное правление. Хотя у их были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалася в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный Государь... Сие вольное Государство стояло в Ганзейском союзе».[279] Экономический и политический расцвет Новгорода — результат благотворного влияния народовластия. Радищев пишет: «Укрепляяся в вольности, расширяя свою торговлю, Новгород распространил свое владычество на все северные страны России, куда власть татарская не досягала».[280]

После того как царь московский Иван Васильевич (Радищев дает как бы обобщенный образ Ивана Васильевича III и его внука Ивана IV) увез в Москву вечевой колокол, отнял грамоту о новгородских вольностях и разорил Новгород «до основания», история прекратила свое развитие. Радищев пишет: «Потом. В 1500 году — в 1600 году — в 1700 году — году — году Новгород стоял на прежнем месте».[281]

Екатерина II точно определила адресата критики Радищева. В его истории Новгородской республики она увидела сатирически представлен-

---

[277] Там же, с. 131—136.
[278] Там же, с. 136—137.
[279] *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 262—264.
[280] Там же, т. 2, с. 145.
[281] Там же, т. 1, с. 264.

ной свою историческую концепцию истории Новгорода. Поэтому при чтении «Путешествия из Петербурга в Москву» она гневно написала на поле против главы «Новгород»: «Говоря о Новгороде, о вольном его правлении и о суровости царя Ивана Васильевича, не говорит о причине сей казни, а причина была, что Новгород, приняв унию, предался Полской республике, следовательно, царь казнил отступников и изменников, в чем, по истине сказати, меру не нашел».[282] Во втором замечании на главу «Новгород» Екатерина II написала: «...сей вопрос тут делается, дабы отвергать власть».[283]

В ряде общих замечаний при чтении «Путешествия из Петербурга в Москву» Екатерина II правильно отметила общую направленность книги Радищева. Русская история — древняя и современная — оказалась раскрытой Радищевым в его произведении как неопровержимое свидетельство противоестественности и пагубности самодержавного строя России, порождающего безмерные «страдания человечества».

Древнерусские литературные произведения в творчестве Радищева явились не только историческими свидетельствами о прошлом Русского государства, но и источниками эстетических поисков.

В 1789 г. в Санкт-Петербурге анонимно была издана книга «Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений».[284] В Житии была художественно воссоздана короткая жизнь русского студента, посланного учиться в Лейпциг и умершего там в молодом возрасте. Радищев поместил во второй части Жития Федора Васильевича Ушакова его трактаты: 1. О праве наказания и о смертной казни; 2. О любви; 3. Письма о первой книге Гельвециева сочинения о разуме.[285]

Новейший исследователь этого сочинения С. Н. Травников справедливо видит в нем обращение к древнерусской агиографической традиции.[286] Исследователь устанавливает, с какими житиями мог быть знаком А. Н. Радищев и высказывает предположение о известных Радищеву Прологах и Четьях-Минеях, Житии Стефана Пермского Епифания Премудрого, Житии Сергия Радонежского, изданном митрополитом Платоном Левшиным в 1782 г., Житии патриарха Никона, опубликованном его товарищем по учебе в Лейпциге О. П. Козодавлевым в 1784 г. Все это убедительно. С. Н. Травников показывает, что само построение Жития Ф. В. Ушакова произведено в соответствии с древнерусскими и византийскими агиографическими памятниками: сначала вступление от автора, затем рассказ о жизни, деятельности и смерти Ушакова. «Кончается повесть, — пишет С. Н. Травников, — вместо традиционного рассказа о посмертных чудесах философическими работами Ушакова. Таким образом, общая традиционная схема жития соблюдена, хотя и приспособлена для

---

282 *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, с. 158.
283 Там же, с. 158.
284 *Радищев А. Н.* Собр. соч., т. 1, с. 155—186.
285 Там же, с. 186—212.
286 *Травников С. Н.* Традиции агиографической литературы в повестях А. Н. Радищева. — В кн.: Литература Древней Руси, вып. 2. М., 1978, с. 74—84.

литературных вкусов XVIII в.».[287] Но молодой исследователь не назвал одного произведения конца XVII в., без которого невозможно представить сам подход Радищева к теме. Это — «Житие» протопопа Аввакума, первое житие, написанное не о святом, а об обыкновенном, земном человеке со всеми его страстями, взлетами и падениями, созданном при этом автором о самом себе. Это было немыслимо до перелома в литературном сознании, происшедшего в России в конце XVII в. И в этом русле можно с большей отчетливостью воспринять художественное новаторство Радищева, использовавшего традиционный для Древней Руси литературный жанр жития для повествования о талантливом и рано умершем друге молодости Федоре Ушакове. Можно с достаточной долей основания предполагать знакомство А. Н. Радищева с произведением мятежного протопопа Аввакума. В этой же литературной манере написано Радищевым Житие Филарета Милостивого, незаконченное произведение, над которым он работал в Петропавловской крепости во время следствия, назначенного в связи с публикацией в 1790 г. «Путешествия из Петербурга в Москву». Сохраняя присущие житию особенности жанра, Радищев передает посредством ряда агиографических особенностей (в частности, слога церковно-славянского языка) философские размышления, принадлежащие самому автору. Жанр определил отбор лексики, связанный с темой повествования. Обратившись к древнерусским жанрам в поисках средств эстетического воздействия на читателя XVIII в., Радищев открывал новые возможности обогащения современной ему литературы.

Как писатель А. Н. Радищев сложился на русской исторической почве, и не случайно он обратился к прошлому страны, пытаясь найти в древнерусской литературе ответы на волновавшие его вопросы.

Радищев первый из писателей XVIII в. использовал художественные возможности древнерусской литературы в формировании русской литературы нового времени в ее движении к историзму реалистической литературы первой трети XIX в.

Об А. И. Мусине-Пушкине — собирателе древнерусских рукописей, издателе «Поучения» Владимира Мономаха, «Правды Русской» и «Слова о полку Игореве» — написано достаточно много. Но не потерял интереса вопрос о составе его знаменитого «Собрания российских древностей», хранившегося до 1798 г. в Петербурге, потом перевезенного в Москву и сгоревшего в московском пожаре 1812 г.

Как сообщает сам Мусин-Пушкин, он начал собирать древнерусские рукописи в 1775 г. в Петербурге. Одним из крупных приобретений было собрание комиссара П. Н. Крекшина. В этом собрании были не только материалы к истории царствования Петра I, чем П. Н. Крекшин занимался всю жизнь, но и летописные источники. В числе их летопись XVI в. с подписью князя Федора Ивановича Кривоборского 1604 г. Ряд рукописей Мусину-Пушкину были подарены графом Г. И. Головкиным. Большой комплект рукописей (ростово-ярославских по происхождению,

---

[287] Там же, с. 77.

в числе которых были автографы Димитрия Ростовского, Самуила Миславского, Арсения Мацеевича) Мусин-Пушкин получил благодаря близкому знакомству с архиепископом Арсением Верещагиным, назначенным в 1787 г. в Ярославскую епархию. Дневник Арсения Верещагина, две части которого хранятся в Ленинграде (ГПБ, Q, IV. 27), как уже отметил московский исследователь Г. Ю. Филипповский, проливает свет на тесные взаимоотношения Ярославского и Ростовского архиепископа с семейством богатейших ярославских помещиков, владельцев имения Иломна Мологского уезда.[288] В те годы Мусиным-Пушкиным был приобретен Спасо-Ярославский хронограф со «Словом», хранившийся в Спасо-Ярославском монастыре.[289]

Как сообщил Мусин-Пушкин в автобиографии, его собранием рукописей заинтересовалась Екатерина II. Она осмотрела «собранные им некоторые рукописи и Крекшину принадлежавшие бумаги», «пожаловала ему несколько харатейных книг и древних летописей и бумаг и поручила ему из оных и из других древних книг обо всем, что до российской истории касается, делать выписки, дозволив искать всюду и требовать, что найдет для сего нужным».[290]

Так возник известный указ от 11 августа 1791 г. о назначении Мусина-Пушкина обер-прокурором Синода с разрешением ему собрать в Синод рукописи и древние книги со всех церквей и монастырей России для розыска известий, к «Российской истории относящихся».

В автобиографии Мусин-Пушкин (в третьем лице) писал: «Такое позволение доставило ему редкие исторические и дипломатические выписки и книги, а место его в святейшем Синоде и короткое знакомство и обращение с духовными особами подали случай собрать множество древних рукописных и печатных книг, что весьма умножило и обогатило его собрание».[291]

Мусин-Пушкин чрезвычайно гордился своим редкостным собранием древних рукописей. Он охотно давал пользоваться ими. Так, например, И. Н. Болтин сообщал, что многие свои работы по истории писал исключительно на материалах «Собрания российских древностей» Мусина-Пушкина.[292]

В 1792—1973 гг. в России находился известный чешский славист Йозеф Добровский. С августа по начало ноября 1792 г. он занимался в библиотеках и рукописных собраниях Петербурга; со второй половины октября до 7 января 1793 г. — в архивных собраниях Москвы. В письмах к Фортунату Дуриху Добровский сообщил о том, что, находясь в Петербурге, он познакомился с обер-прокурором Синода Мусиным-Пушкиным,

---

288 *Филипповский Г. Ю.* Дневник Арсения Верещагина. (К истории рукописи «Слова о полку Игореве»). — Вестн. МГУ, 1973, № 1, с. 66—67.

289 *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976, с. 49—59.

290 Записки для биографии графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — Вестник Европы. М., 1813, ч. LXXI, с. 82.

291 Там же, с. 82—83.

292 Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793, с. 251—252.

который показал ему свое собрание древних рукописей.[293] По сведениям Добровского, рукописи были расставлены в алфавитном порядке (от А до Ц). 1725 рукописей были в кожаных переплетах, из них — 213 in folio.[294]

Ряд конкретных сведений о рукописях, хранящихся в «Собрании российских древностей» Мусина-Пушкина, содержится в примечаниях к «Истории государства российского» Н. М. Карамзина. Здесь названы многие рукописи, полученные от Мусина-Пушкина: «Пушкинский пергаменный Нестор» (Лаврентьевская летопись), «Летопись Засецкого» (Софийская I), «Летопись Кривоборского» (Владимирский летописец), «Костромская летопись» (Хронограф), пергаменная рукопись 1414 г. «Жития Владимира Святославича», двинские грамоты, новгородские судные грамоты, пергаменный сборник XIV в. с Русской Правдой, Церковным уставом Владимира I, Указом о мостниках и договором смоленского князя Мстислава Давыдовича 1228 г. с Ригою.

Помимо этих рукописей в «Собрании российских древностей» Мусина-Пушкина находились и другие, не менее выдающиеся памятники, о которых мы впервые узнаем из «Реестра имеющимся у господина тайного советника синодального обер-прокурора и кавалера Алексея Ивановича Мусина-Пушкина книгам, относящимся к истории российской». Документ этот хранится в собрании Мусиных-Пушкиных.[295] Из этого «Реестра» видно, что в Синод были собраны из многих монастырских и церковных библиотек в Синодальную библиотеку редчайшие древнерусские рукописи.

В «Реестре», составленном в 1793 г., три графы: слева — номер, под которым числится рукопись, в середине — краткое название рукописи, в графе справа указано место их прежнего хранения. В «Реестре» перечислено 99 рукописей. Приведем некоторые примеры. Из Новгородского Софийского собора: «Летописец российский преподобного Нестора» — пергаменная Лаврентьевская летопись. Из Невской семинарии: «Каталог Димитрия Ростовского о митрополитах киевских», «Летопись о царе Иване Васильевиче», «История повоисправленная от царя Иоанна Васильевича до мира Абовского», «Книга древних российских государственных грамот», «История о Новегороде, Пскове и о разных бывших в Москве происшествиях», «Судебные статьи царя Ивана Васильевича». От Московского митрополита Платона были получены: «Выписка о начале славян и повесть о победе над Мамаем», «Описание посольства от царя Алексея Михайловича к имеритинскому царю Александру», «Родословная»; из Троице-Сергиевой лавры: «Летописец о древностях российского государства», «Изложение о вере Анастасии и Кирилла Александрийского», «Поставление на царство царя Иоанна Васильевича», «Летописец Русския земли», «Повесть временных лет», «Летописец», «Повесть о ярославских чудотворцах», «Летописец о российском княжении», «История о временной жизни государей российских». Из Киево-Печерской

---

[293] Korrespondence Josefa Dobrovského. Vzajemné dopisy Josefa Dobrovskeho a Fortunata Duricha z let 1778—1800. V Praze, 1895, s. 266.
[294] Ibid., S. 267.
[295] ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, ч. 1, № 45, л. 1—4.

лавры: «Каталог архиереев российских», «История о начале проименования казаков», «Повесть о взятии Казани, Астрахани и Сибирского царства», «Собрание о начале славенороссийского народа», «Описание о Малой России». От смоленского преосвященного: «Скифская история»; от казанского преосвященного: «Книга о создании и пленении троянском», «Повесть о царствовании царей римских», Хронограф. От астраханского преосвященного: «Повесть о взятии Астрахани», «Летописец от сотворения мира».

Рукописи были присланы из Тобольской, Нижегородской, Вологодской, Астраханской, Костромской епархий.

Из Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря: «Два Хронографа, большой и малый», «Два родословника», «Книжки о завоевании Сибири», «Описание городов и рек российских»; из Макарьевского Желтоводского монастыря: «Два летописца». Но более всего Мусиным-Пушкиным было получено рукописей из Синодальной конторы. В числе их названы: «Кормчая харатейная», «Повесть в лицах с летописанием о великих князьях», «Книга глаголемая Мерило праведное», несколько хронографов, «Описная книга, что в котором монастыре, каких книг есть» и «Летописец с лицами от 11-го века».

Мусин-Пушкин был обер-прокурором 5 лет: с 1791 по 1797 гг. Сколько всего рукописей им было получено, установить нам пока не представляется возможным. Но то, что даже из одних и тех же собраний рукописи поступали не один раз, можно полагать хотя бы на основании истории с пергаменной рукописью 1414 г. «Житие Владимира I», которая ранее хранилась в собрании Воскресенского монастыря.[296] Н. М. Карамзин ссылался на эту рукопись в примечании к 1-му тому «Истории государства российского»: «Если бы Миллер видел Житие Владимира, харатейную рукопись XIII или XV века, хранимую в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина, то мог бы доказать, что самые русские или киевские государи именовались каганами: ибо так называется Владимир в Житии его».[297]

В Рукописном отделе БАН хранится рукописная копия 1816 г. Мусин-Пушкинского сборника 1414 г. с Житием Владимира I (БАН, 24.4.41). Как предполагают, это список с копии, переписанной ранее А. И. Ермолаевым.[298]

Приведенный пример показывает, что Мусин-Пушкин достаточно свободно располагал присланными в Синод рукописями, в его «Собрании российских древностей» оставались заинтересовавшие его памятники.

Ф. Я. Прийма обнаружил в канцелярии Синода очень примечательный документ, относящийся к 1797 г. — времени, когда Мусин-Пушкин получил отставку и вновь назначенный обер-прокурор кн. В. А. Хованский вынужден был потребовать от Мусина-Пушкина объяснений по поводу невозвращенных рукописей. В «Реестре, взятым к его сиятельству

---

[296] *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, с. 24.

[297] *Карамзин Н. М.* История государства российского, т. I. СПб., 1833, с. 57, примеч. 106.

[298] *Срезневский В. И.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX в. СПб., 1893.

графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину по бытность его обер-прокурором святейшего Синода, относящимся к российской истории книгам, которые от него не возвращены»,[299] указан номер рукописи, краткое заглавие и место прежнего хранения.

Из сопоставления двух реестров становится ясно, что Мусин-Пушкин оставил себе многие ценные рукописи, взятые в Синод по указу 1791 г. Из собранных рукописей сохранился «Летописец российский преподобного Нестора» из Новгородского Софийского собора. Это — пергаменная Лаврентьевская летопись XIV в., подаренная в 1811 г. Мусиным-Пушкиным в Петербургскую Публичную библиотеку (ГПБ, F. IV. № 2). Сохранилось еще несколько рукописей. Во время Отечественной войны 1812 г. они находились в Ярославском имении Мусина-Пушкина и потому уцелели от московского пожара 1812 г., уничтожившего все «Собрание российских древностей». Об этом сохранились сведения в архивных документах Мусиных-Пушкиных. В 1866 г. внук А. И. Мусина-Пушкина по его сыну Владимиру (старший сын Александр погиб в битве при Люнебурге) передал А. Д. Черткову 16 рукописных книг своего деда.[300] До 1854 г. — года смерти сына А. И. Мусина-Пушкина В. А. Мусина-Пушкина — они хранились наряду с печатными книгами в имении Иломна б. Ярославской губ. Почти на всех рукописях, попавших в собрание А. Д. Черткова, находились владельческие записи В. А. Мусина-Пушкина. Они совершенно противоречат сведениям о том, что эти рукописи находились во время Отечественной войны 1812 г. у Н. М. Карамзина и в 1866 г. были возвращены внуку А. И. Мусина-Пушкина — А. В. Мусину-Пушкину, который и передал их А. Д. Черткову.[301] Каким же образом на этих рукописях могли в таком случае появиться владельческие записи В. А. Мусина-Пушкина, умершего в 1854 г. Безусловно, более правильная версия обнаруживается в архивных материалах Мусиных-Пушкиных: после смерти А. И. Мусина-Пушкина (1817 г.) уцелевшие от пожара рукописи перешли во владение его сына Владимира, после его смерти — к внуку основателя «Собрания российских древностей» Алексею, передавшему 16 рукописей А. Д. Черткову.

О переданных в библиотеку А. Д. Черткова рукописях в печати было небольшое извещение.[302] Ниже мы перечислим реально сохранившиеся рукописи А. И. Мусина-Пушкина, соотнося их со списком книг Чертковской библиотеки (сохранена нумерация «Русского архива»).

1. «Статийный список Петра Потемкина и Семена Румянцева, ездивших в 1678 г. в Испанию и Франицию».

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 363, 4°, лл. 1—477. — «Тетрати статейного списку и наказ грамоты, что посыланы в Ышпанское да во Французское государство с стольником с Петром Потемкиным да дьяком Семеном Румянцовым». На обороте переплетного листа «№ 13».

---

[299] ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 78, № 750, л. 1—14 об.
[300] ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, № 32, л. 31.
[301] См.: *Козлова Н. А., Козлов В. П.* Архивные разыскания Н. М. Карамзина. — Советские архивы, 1977, № 3, с. 63—67.
[302] О Чертковской библиотеке в 1866 г. — Русский архив. М., 1867, № 2, стлб. 314—319.

2. «Сказание о Донском бою». Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 361, 4°, лл. 1—47 — «Мамаев бой». На верхней обложке рукою В. А. Мусина-Пушкина помета: «графа М. Пушкина».

3. «Летопись Симона-попа, бывшего на Флорентийском соборе». — В настоящее время эта рукопись не найдена.

4. «Книга разумения о познании сошного и вытного письма и хлебной клади».

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 359, 4°, лл. 1—183. — «Книга разумения или рещи учения человеческого о познании сошного и вытного письма и хлебной клади поместных и вотчинных, и монастырских, и церковных земель». На переплетном листе автограф В. А. Мусина-Пушкина и «№ 18».

5. Барона Фоншредера царское сокровище. — В настоящее время не найдена.

6. «Кроника славянорусская о панствах русских, польских и литовских».

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 220, 1°. — «Кроника славянорусская о панствах русских, польских и литовских». На переплетном листе внизу надпись «М. Пушкин» «№ 5».

7. «Кардинала Барония разное деяние церковное».

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 117, 1° (копия Краковского печатного изд. 1604 г.). — «Летописец церковный писменной».

8. «Летопись келейная св[ятого] Димитрия Ростовского».

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 327, 4°. — «Летопись келейная святаго Димитрия Ростовского».

9. «Хронограф и в нем русская летопись до 1680 г.»

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 170, 1°, лл. 1—714 об. — «Книга, именуемая Гранограф, или Летописец Ветхого и Нового завета. В ней же повествует о дивном сотворении божии и о начале века, от перваго дни и до настоящего времени сего осмыя тысящи. И оттуду древле поидоша владетели над людми, князи и судии. Являет бо кратким сказанием и дает ведати древняя и новая на пользу чтущим и слышащим. Писан 1743 года».

10. «Сказание о начале царства Казанского».

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 186, 4°. — «Казанская история» II редакции с «Родословием» русских великих князей и царей.

11. «Летописец царствования Василия Иоанновича».

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 120, 1°, лл. 1—111. — На л. 1 автограф: «Графа Владимира Мусина-Пушкина», «№ 165». «Летописец царствования Василия Ивановича».

12. «История российская с избрания Шуйского до 1610 г.»

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 119, I°, лл. 1—53. — На внутренней стороне переплетного листа рукою В. А. Мусина-Пушкина запись: «„История российская“... Графа М. Пушкина, «№ 167». Список 1690 г.

13. «Повести времен и лет до царя Алексея Михайловича».

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 362, 4°, лл. 1—325. — В заглавии ошибочно указано окончание летописи — «до царя Алексея Михайловича».

В действительности эта последняя летопись XVI в. обрывается на сообщении о судьбе В. Шемяки: «Того же лета месяца мая в 10 день князь великий Василей Иванович поимал князя Василия Шемяку и в поруб его посадил» (л. 324 об.—325). Заглавие летописи: «Повесть временных лет от Ноя и от его сынов, како разделиша землю и от кого сталась Русская земля». На верхнем переплете запись: «№ 12. Комиссара Крекшина». На обложке другая запись: «№ 14». «Графа Владимира Мусина-Пушкина». Это — известная летопись Ф. И. Кривоборского. На л. 1—8 сохранилась его скрепа: «Книга Летописец во сто втором на десять году князя Федор Иванович Кривоборскии. И тое книги ни продати, ни отдати». В начале XVIII в. летопись Кривоборского попала в собрание известного деятеля Петровской эпохи — комиссара Петра Никифоровича Крекшина, о чем свидетельствует его подпись на верхнем переплете. А в 70-х гг. XVIII в. в числе книг из библиотеки П. Н. Крекшина она была куплена А. И. Мусиным-Пушкиным. Об этом он писал в автобиографических «Записках».[303] Но следует сказать, что до того, как она попала в «Собрание российских древностей» Мусина-Пушкина, летопись Кривоборского находилась у М. М. Щербатова, который заказал с нее копию. В настоящее время эта копия хранится в ГПБ, Собр. Эрмитаж., № 405. На верхнем переплетном листе надпись рукою М. М. Щербатова: «Летописец князя Кривоборского. Список с подлинного списка, подписанного рукою князь Федора Ивановича Кривоборского от сотворения 7112 году, от рождества 1604. Подлинник у комиссара Крекшина».

А. И. Мусин-Пушкин приводил в автобиографической «Записке» высказывание Щербатова о летописи Кривоборского: «О сей летописи к[нязь] Щербатов в предисловии своей Истории пишет так: Изо всех за лучший почитаю учиненные списки с летописцов оного, которой я списал у комиссара Крекшина. Сей подлинник писан юсами и кончится взятием Казани. На нем обретается подпись рукою князь Федора Ивановича Кривоборского, учиненная в 1604-м году».[304]

Следует отметить, что при сопоставлении копии летописи Кривоборского, принадлежавшей Щербатову, с подлинником, хранившимся в «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина, бросается в глаза разница в составе сборника. Даже в цитате из «Истории» Щербатова, приведенной в «Записках» Мусина-Пушкина, видно, что Летопись Кривоборского кончалась «взятьем Казани», т. е. событиями XVI в. Летопись Кривоборского из собрания Мусина-Пушкина обрывается сведениями о «поимании» Василия Шемяки (начало XV в.).

При издании летописи Кривоборского в XXX томе Полного собрания русских летописей указано, что «рукопись в Чертковском списке не

---

[303] А. И. Мусин-Пушкин писал о себе в третьем лице: «Нечаянно узнал он, что привезено на рынок в книжную лавку на нескольких телегах премножество старинных книг и бумаг, принадлежащих комиссару Крекшину, которых великая куча лежит на лавке у книгопродавца, и что в числе их есть такия, коих прочесть не можно... то не медля того же часа поехал в лавку, и не допуская до разбору ни книг, ни бумаг, без остатку все купил» (Записки для биографии графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, с. 78—79).

[304] Записки для биографии, с. 78, примеч. 2.

имеет прибавочных статей».[305] В Щербатовской копии летописи Кривоборского после известия о судьбе Василия Шемяки помещена статья: «Колико княжили великие князи и от кого пошло великое княжение»[306] и далее отдельная летописная повесть о походе Ивана IV под Казань в 1552 г. под заглавием: «Последование древним новейшее взыскание государя православного царя великого князя Ивана Васильевича всеа Руссии Московского».[307] Очевидно, что А. И. Мусин-Пушкин разъединил статьи, входившие в состав сборника, который начинался летописью Ф. И. Кривоборского.

14. «Догматическое богословие нового письма». — Рукопись не обнаружена.

15. «Сборник без начала и конца».

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 360, 4°, лл. 1—488. — Первых листов и последних листов рукописи нет. На ветхой обложке надпись: «№ 16». «Графа Владимира Мусина-Пушкина». Это — Вологодско-Пермская летопись XVI в.

16. «О прусех старых и о земле их, от немцев нареченной Пруйстен».

Хранится: ГИМ, Собр. Черткова, № 365, 4°, лл. 1—300. — «О прусех старых и о земле их от немцев нареченной „Пруйстен“». Рукопись конца XVI в.

Кроме вышеназванных рукописей в собрании А. Д. Черткова находится «Рука риторическая... Сочинена убо на латинском языце преосвященным Стефаном Яворским, митрополитом Рязанским и Муромским. Преведена на славенский Феодором Поликарповым».[308] На обороте переплетного листа четкая надпись, сделанная рукою В. А. Мусина-Пушкина: «Риторика, поднесенная И. А. Мусину-Пушкину».[309] И. А. Мусин-Пушкин — сенатор Петровского времени, предок А. И. Мусина-Пушкина.

В собрании А. Д. Черткова хранится летописный свод XVI в. (ГИМ, собр. Черткова, № 115а, 115б). На л. 364 запись: «Сия книга Костромского Богоявленского монастыря». В Примечаниях к «Истории государства российского» Н. М. Карамзин ссылался на эту летопись, назвал ее «Костромской» и сообщил, что видел подлинник у А. И. Мусина-Пушкина.[310] В 1790 г. Костромская летопись вышла из печати в Москве, в Синодальной типографии, под заглавием: «Русский времянник, сиречь Летописец, содержащий российскую историю от 6370 (862) лета до 7189 (1681) лета, разделенный на две части» (переиздана в 1820 г.). Этим изданием пользовался Н. М. Карамзин. Исследователи установили, что до 1454 г. Костромская летопись сходна с Хронографом, далее с Воскресенской и Софийской II летописями.[311]

---

305 ПСРЛ, т. XXX. М.—Л., 1965, с. 146.
306 ГПБ, Эрмит. 405, л. 256 об.—259 об.
307 Там же, л. 268 об.
308 ГИМ, Собр. Черткова, № 382, 8°, л. I—II об., 1—218 об.
309 Там же, л. II об.
310 *Карамзин Н. М.* История государства российского, т. III. СПб., 1833, с. 64, примеч. 295.
311 *Мельников Ю. Н.* О русском временнике. — Матер. научн. студенч. конф. Моск. Гос. истор.-архив. ин-та. М., 1970, с. 82—87.

Это было первое издание, подготовленное по рукописи из «Собрания российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина.

Итак, кроме Лаврентьевской пергаменной летописи, восходившей к «Собранию российских древностей» Мусина-Пушкина, в Чертковском собрании ГИМ, как мы видели, сохранилось 16 рукописей, принадлежавших этому «Собранию».

18-й рукописью из «Собрания» Мусина-Пушкина является Софийская I летопись конца XV—начала XVI в., называемая Н. М. Карамзиным «Летописью Засецкого».[312] В 1866 г. сыновья Н. М. Карамзина — Андрей и Владимир Карамзины передали в Публичную библиотеку сохранившиеся рукописи отца.[313] В числе их «Летопись Засецкого» — Софийская I летопись (ГПБ, Q. IV, 298).

Выше уже упоминалось, что Мусину-Пушкину принадлежал пергаменный сборник 1414 г., в 1813 г. подаренный им Обществу истории и древностей российских. В настоящее время он хранится в ЦГАДА, ф. 135, Древлехранилище хартий и рукописей, отд. 5, руб. 1, № 1, 4°. В состав сборника входит: Пространная редакция «Правды Русской», Закон судный людям, выписки из библейских законов, Договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою и Готским берегом 1229, Устав великого князя Ярослава Всеволодовича о мостах в Новгороде Великом, Устав великого князя Владимира Святославича о церковных судах.[314]

Этот пергаменный сборник был хорошо известен Н. М. Карамзину, который неоднократно ссылался на него в «Истории государства российского». Он называет входящие в состав этого сборника[315] Житие Владимира, «подложный Устав Владимиров».[316] «Ярославова устав о мостовых»,[317] договор Смоленска с Ригой и Готским берегом.[318] Но в настоящее время в этом пергаменном сборнике из собрания Мусина-Пушкина нет «древнего жития князя Владимира».

Еще П. М. Строев, описавший муси-пушкинский сборник с «Правдой Русской», отметил два отрезанных листа в конце сборника.[319] Если учесть, что предшествующий отрезанным листам лист 120 содержит текст Грамоты Владимира о церковной десятине, то можно высказать предположение, что отсутствующий текст является «житием» или «похвалой» «кагану» Владимиру Святославичу. В БАН хранится копия начала XIX в. «Похвалы Владимиру».[320] Можно думать, что эта копия воспроизводит текст «Похвалы Владимиру», отделенной от пергаменного сборника. Рукописи, о которых мы писали, реально существуют и дают возможность

---

[312] *Карамзин Н. М.* История государства российского, т. 2. СПб., 1833, с. 28, примеч. 78.

[313] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1867 г. СПб., 1868, с. 91.

[314] Государственное Древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971, с. 155—157.

[315] *Карамзин Н. М.* История государства российского, т. I, с. 125, примеч. 410.

[316] Там же, с. 138, примеч. 454.

[317] Там же, т. II, с. 34, примеч. 103.

[318] Там же, т. III, с. 42—47, примеч. 207.

[319] *Строев П. М.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845, с. 65.

[320] *Срезневский В. И.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX в.

представить хотя бы частично «Собрание российских древностей» Мусина-Пушкина.

Существуют три копии 1811 г. с Хронографа, принадлежащего Мусину-Пушкину: в Библиотеке Ярославского музея-заповедника, № 193/454; в ГАЯО, 122/165; в ГБЛ, ф. 256 (Румянцевых, № 462). В конце этих копий помещена следующая запись архиепископа Антония Знаменского: «Это есть список с той части Летописца, имеющегося у графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, и на корню переплета, как видно, нового кожаного, Ростовским надписанного, которой описан старинным нехорошим и, как кажется, не очень давно, почерком. Начат Шестодневом библейским, продолжался по 4-м монархиям, где в греческой истории сказано и о переменах султанов турецких, в которой началось повествование и о России. Подобной сему список сделан и для Библиотеки Ярославского архиерейского дому. Марта 8 дня 1811 года» (в других копиях: января 26).

В архиве И. И. Срезневского хранится описание и зарисовка Требника XIV в., принадлежавшего Мусину-Пушкину.[321]

В «Собрании российский древностей» хранилась, как пишет И. П. Елагин, летопись Никона «по подлиннику, правленному его (Никона, — *Г. М.*) рукою и находящемуся у меня из книгохранилища господина синодского обер-прокурора Мусина-Пушкина, простирается до кончины Иоанна Васильевича Грозного, или до 1584 года».[322] По мнению И. П. Елагина, эта «летопись Никона» в сравнении с изданной в 1767 г. «Русской летописью по Никонову списку», отмечает многие «погрешности издания».[323]

Карамзин называет «Житие Муромского благоверного князя Константина Святославича» в списке XVI в. из библиотеки Мусина-Пушкина.[324]

Но Мусин-Пушкин не только собирал ценнейшие рукописи, он, как уже говорилось выше, охотно давал их ученым. Когда в 1804 г. в Москве было открыто Общество истории и древностей российских, Мусин-Пушкин, вступив в его члены, подарил Обществу несколько рукописей.[325] Из письма Мусина-Пушкина А. Н. Оленину (от 5 марта 1806 г.) становится известным, что пергаменная Лаврентьевская летопись находилась в Петербурге и А. И. Ермолаев подготовил копию этой летописи, которую Общество истории и древностей российских приняло решение опубликовать.[326]

Библиотека Общества истории и древностей российских сгорела в московском пожаре 1812 г., и Мусин-Пушкин снова подарил Обществу несколько летописей, находившихся в его ярославском имении Иломна. В 1813 г. он отдал Обществу драгоценный пергаменный сборник XIV в. с «Правдой Русской», который уцелел от гибели благодаря тому, что в 1812 г. был у председателя Общества П. П. Бекетова.

---

[321] ААН, ф. 216 (И. И. Срезневского), оп. 1, № 304.
[322] *Елагин И. П.* Опыт повествования о России. М., 1803, с. XXIV.
[323] Там же, с. XXIV—XXV.
[324] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. I, с. 70, примеч. 209.
[325] Письмо А. И. Мусина-Пушкина А. Н. Оленину (ГПБ, ф. 542, № 261, л. 11—11 об.).
[326] Там же, л. 15 об.

Но самой большой заслугой Мусина-Пушкина является, конечно, то, что он сделал достоянием русской науки и русской культуры великие памятники Древней Руси «Слово о полку Игореве», «Русскую Правду» и «Поучение» Владимира Мономаха. Мусину-Пушкину принадлежит и ряд других изданий. Он опубликовал «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» В. Н. Татищева (СПб., 1795), «Историческое разыскание о времени крещения великой княгини Ольги» Евгения Булгариса (СПб., 1792), «Книгу Большому чертежу» (СПб., 1792), «Историческое замечание о начале и местоположении древнего российского так называемого Холопья города», изданное в Москве в 1810 г. и «Русский Временник», вышедший в 2-х частях в 1790 г. Но большинство из названных памятников относилось к XVII—XVIII вв. «Русский Временник» представляет собой выборку русских повестей из Хронографа. Он не снабжен ни предисловием, ни комментарием. Публикация «Русского Временника» могла быть осуществлена и без непосредственного участия самого Мусина-Пушкина.

Наибольший интерес для нас, естественно, представляет подготовленное им издание трех замечательных древнерусских памятников: «Слова о полку Игореви», «Русской Правды» и «Поучения» Владимира Мономаха.

Заметим, что две рукописи из этих трех были пергаменные: Лаврентьевская летопись XIV в., в состав которой входило «Поучение», и сборник XIV в. (получивший в науке название Пушкинского) с «Русской Правдой», Уставом Владимира, о мостниках, Договором смоленского князя Мстислава 1229 г. с Ригой и Готским берегом. «Слово о полку Игореве», как считают большинство исследователей, было переписано в начале XVI в. Все три памятника по времени возникновения относятся к древнейшему периоду русской истории — XI—XII вв.

Важно отметить еще одно обстоятельство: Мусин-Пушкин и его петербургские друзья и помощники (И. Н. Болтин и И. П. Елагин) работали над тремя этими памятниками одновременно. В самом деле, Лаврентьевская летопись была получена из Новгородского Софийского собора не ранее 1791 г., пергаменный сборник с «Русской Правдой», по свидетельству хорошо осведомленного К. Ф. Калайдовича, — из Тихвинского монастыря (также не ранее 1791 г.). Как удалось установить, работа над «Словом о полку Игореве» велась кружком А. И. Мусина-Пушкина уже в 1788 г.[327] Следовательно, «разбор и переложение оные песни на нынешний язык», т. е. прочтение рукописи, в которой, по словам Мусина-Пушкина, сказанным в письме К. Ф. Калайдовичу, «не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилося неизвестных и вышедших из употребления»,[328] — было своеобразной школой, в которой Мусин-Пушкин и его коллеги обучались «добираться до смысла» древнерусского памятника. Екатерининская копия

---

[327] *Моисеева Г. Н.* О времени работы кружка А. И. Мусина-Пушкина над рукописью «Слова о полку Игореве».

[328] Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — Зап. и тр. О-ва истории и древностей российских, ч. II, М., 1824, с. 36.

«Слова» и его перевод с комментарием были подготовлены Мусиным-Пушкиным до апреля 1792 г. Доказательством этого является то, что здесь в тексте «Слова» не прокомментированы «ногата» и «резана». В печатном издании «Слова» дана ссылка на с. 18 издания «Русской Правды», подготовленного Мусиным-Пушкиным и Болтиным и вышедшим из печати в апреле 1792 г.[329] Если бы Екатерининская копия была сделана позднее этого времени, то эти слова были бы прокомментированы в соответствии с печатным изданием «Русской Правды».

У нас есть возможность судить об этом, так как имеется аналогия с использованием «Родословника» Екатерины II. В переводе и комментарии, предпосланных Екатерининской копии «Слова», Мусин-Пушкин дает ссылки на рукописный «Родословник» Екатерины II, который он получил от статс-секретаря императрицы В. С. Попова (в ГПБ хранится письмо Мусина-Пушкина В. С. Попову при возвращении рукописи «Родословника»).[330]

В «Поучении» Владимира Мономаха, изданном в 1793 г., дается ссылка на печатный «Родословник», который был опубликован как V часть «Записок касательно Российской истории» в 1793 г.

Академик Д. С. Лихачев уже отмечал, что и в «Слове», и в «Поучении» издателями графически одинаково передано непонятое ими слово «кмети» — къ мети».[331] Характерные особенности приемов Мусина-Пушкина можно видеть и при изучении текста «Русской Правды», рукопись которой, как уже говорилось, избежала трагической участи Хронографа со «Словом». Пергаменный сборник юридических памятников XIV в. в малую четверть в настоящее время хранится в ЦГАДА (ф. 135, отд. V, рубр. 1, № 1). Он переписан четким, крупным полууставом в сплошную строку. Статьи не выделены.

О рукописи «Русской Правды» издатели сообщают в «Предисловии» самые краткие объяснения: «нашли мы в некоторых (рукописных книгах, — *Г. М.*) многие весьма древние сочинения, к обогащению нашей истории послужить могущие, и между ими, в шести разных книгах, Законы Ярославовы и Владимировы, в один состав соединенные; кои, дабы увидеть разность между списками, сводили мы один с другим, а равно и с изданными уже в свет, и нашли один из оных списков, на пергамине, писанный весьма древним почерком, всех прочих полнее, который ныне и издается».[332]

Далее они пишут о принципах подготовки издания «Русской Правды»: «Текст законов точно так напечатан, как он в рукописи находится, без всякой перемены, не только в словах, ниже в одной букве; равно и

---

[329] Определение Синода о напечатании в здешней синодальной типографии книги Устав князя Ярослава Владимировича о судах или Русскую Правду в шестьсот экземпляров (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 73, № 34, л. 3 об.—4).

[330] ГПБ, ф. 609, № 244, л. 4—5.

[331] *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 78.

[332] Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. Изданы любителями отечественной истории. СПб., 1792, с. I.

статьи разделены так же, как и там, но прибавлены токмо числа главам и статьям для удобнейшего приискания мест, в случае ссылки на них. Где нашлись в списке, которому мы следовали, упущения в словах, небрежением писца учиненные, а в других списках оные слова находятся, те мы внесли в текст, без всякого усумнения; находящиеся ж в других списках отмены в словах и целых речах, показали токмо в примечаниях».[333]

Проведенная мною работа по сопоставлению издания «Русской Правды» 1792 г., осуществленного А. И. Мусиным-Пушкиным, И. Н. Болтиным и И. П. Елагиным, с рукописным текстом его источника — юридического сборника XIV в. — показала, что издатели привнесли значительные изменения не только в орфографическую систему, но и в содержание текста. Наибольшее количество добавлений сделано из Краткой редакции «Русской Правды», подготовленной в 1738 г. В. Н. Татищевым по «Летописи попа Ивана» — Академическому списку Новгородской I летописи младшего извода. «Русская Правда» была издана в 1786 г. в I части «Продолжения Древней российской вивлиофики». Это издание «Русской Правды» В. Н. Татищева послужило источником для комментирования отдельных статей. Кроме того, из текста Краткой редакции «Русской Правды» были внесены исправления и добавления в текст Пространной редакции, который находился в пергаменном сборнике XIV в. Поэтому опубликованный А. И. Мусиным-Пушкиным, И. Н. Болтиным и И. П. Елагиным текст «Русской Правды» значительно отличается от своего источника. Это дало повод С. Н. Валку выдвинуть предположение о том, что публикаторы в основание издания положили «не пергаменный Пушкинский, а Воскресенский список Русской Правды».[334]

Но то, что именно пергаменный список XIV в. явился основой издания мусин-пушкинской «Русской Правды», подтверждается не только указанием в «Предисловии», но и свидетельствами участника издания Елагина, который писал о том, что во время работы над «Русской Правдой» он «тогда же о Владимировом I напоминал законе и вышереченный собранию предлагал Устав, но после то или отвергнуто, или забвенно».[335] «Устав великого князя Владимира Святославича о церковных судах» помещается в конце пергаменного сборника XIV в., который начинается «Русской Правдой». Поэтому не вызывает сомнения, что речь идет именно об этом сборнике.

Издание «Русской Правды» 1792 г. Карамзин сравнивал с пергаменной рукописью XIV в., принадлежащей Мусину-Пушкину, и написал в примечании, что «в печатном... находятся неисправности, большей частью умышленные, то есть мнимые поправки».[336]

О пергаменном сборнике с «Русской Правдой», полученном Мусиным-Пушкиным из Тихвинского монастыря и изданном в 1792 г., говорил и

---

[333] Правда Русская, с. VI.

[334] *Валк С. Н.* «Русская Правда» в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в. — Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960, с. 143.

[335] *Елагин И. П.* Опыт повествования о России, кн. I. М., 1803, с. 446—447.

[336] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. II., с. 21—25, примеч. 65.

хорошо осведомленный Калайдович.[337] Поэтому очевидно, что в основу издания «Русской Правды» был положен текст пергаменного сборника. Но исправления, которые были в него внесены, действительно изменили его вид. Не имея возможности охарактеризовать все исправления графики и текста в издании «Русской Правды», ограничусь кратким анализом первой статьи, которая названа издателями «Судъ о душегубствѣ».

В издании проведена систематическая замена графики, согласно орфографическим правилам XVIII в.: произведено разделение слов и расставлены прописные буквы, знаки препинания, конечное ъ (убіетъ — убьеть; будетъ — будеть, купецъ — купечь, тіунъ — тиунъ), «оже» «ожели» передано «аже» и «аще».

Сравним текст.

Пергаменный сборник 1414 г. Правда Руская	Правда Руская. СПб., 1792. Судъ о душегубствѣ	Правда Руская... с примечаниями... В. Н. Татищева
	§1	
Оже убьеть мужа, то местити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо брату чада, любо братню сынови.	Аже убіетъ мужъ мужа то мстити брату брата любо сынови отца, любо отцу сына, любо брата чаду, ли сестрину сынови:	Оубьетъ мужъ мужа: то мьстить брату брата или брату чаду, любо сестрину сынови.
Ожели не будеть, хто его местя, то положи за голову 80 гривенъ, ачи будеть ли мужь княжь или тиуна княжа, ачи будеть горожанинъ либо гридинь, любо купечь, любо тиунъ боярескъ, любо мечникъ, изгои, любо словѣнинъ, то 40 гривенъ положи за нь.[338]	аже не будетъ кто его мстя, то положити за голову 80 гривенъ. Аще ли будет Русинъ, ли гридинъ, ли купецъ, любо тиунъ боярской, любо ябетникъ, ли мечникъ, любо изгой, ли словенин, 40 гривенъ положити за нь[339] (разрядка наша — *Г. М.*).	2. Аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову; аще будеть Русин, любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, еще изъгои будеть, любо словенинъ: то 40 гривенъ положити зань[340] (разрядка наша, — *Г. М.*).

Из сопоставления видно, что издатели «Правды Русской» 1792 г. внесли из текста Краткой редакции «Правды Русской» по академическому списку, взятому за основу Татищевым, в текст Пространной редакции отдельные слова, пропуск которых они считали произошедшим вследствие «упущений, небреженнем писца учиненные»: мужъ, сынови, отцу, сестрину, русин, ябетник. Вместе с тем было исключено слово «горожанин». С. Н. Валк полагал, что этот термин издатели считали «покрытым» пе-

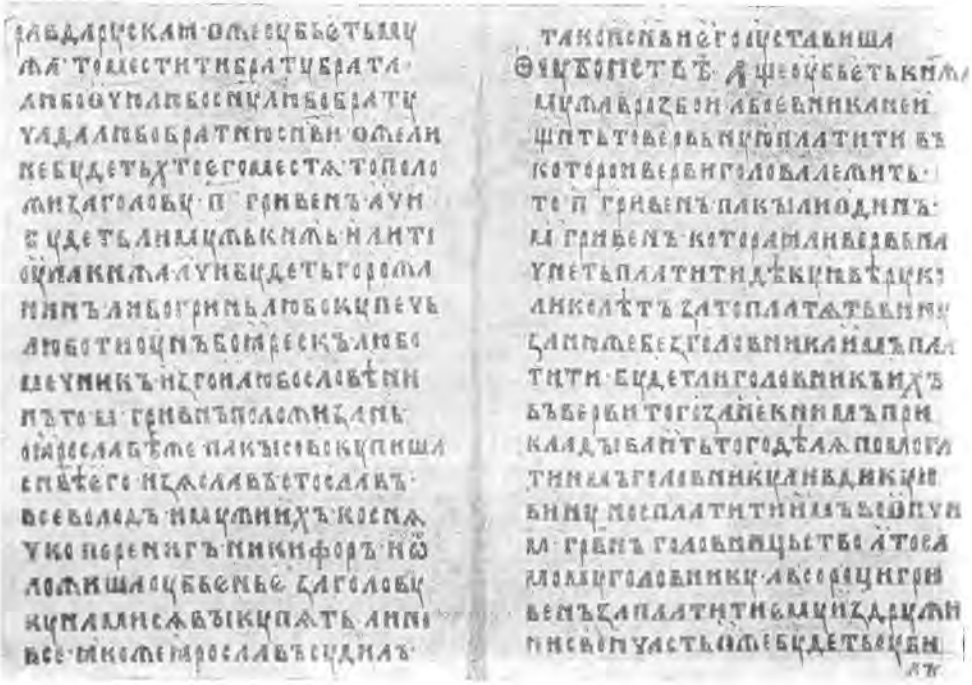
---

[337] Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, с. 27—28.

[338] ЦГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. 1, № 1, л. 5.

[339] Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Мономаха, с. 78.

[340] Продолжение Древней российской вивлиофики. Часть I, содержащая Правду Рускую и Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича с примечаниями г. тайного советника Василья Никитича Татищева. СПб., 1786, с. 9—10.



Пергаменный сборник 1414 г. из «Собрания российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина с текстом «Правды Русской», изданной в 1792 г. ЦГАДА, ф. 135, отд. V, рубр. I, № 1, лл. 5—6. Текст первой статьи.

речнем лиц.[341] В числе внесенных слов был термин «ябетник». В примечании к этой статье издатели пишут: «Ябетник. Слова сего во всех списках Правды Русской, кроме Татищева, печатанного при Академии наук, нет, и которое сей достопочтенный муж признавал опискою, вместо „обѣтник" или по договору служащий, то есть холоп; но мы основательные имеем причины от мнения сего устраниться, потому, во-первых, что слово „обѣтник" в сказанном смысле никогда не употреблялось; во-вторых, что ни мало не прилично положить здесь холопа между людей свободных... И так вероятнее кажется принять звание ябетника».[342]

Таким образом, мы встречаемся здесь с теми же приемами передачи и комментирования текста, какие были охарактеризованы Д. С. Лихачевым при исследовании им издания «Поучения» Владимира Мономаха, подготовленного Мусиным-Пушкиным и кружком его петербургских друзей.

---

[341] *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в., с. 143—144.

[342] Правда Русская, с. 7—8.

Оуставъ великаго князя Ярослава Владимировича о судехъ.

Правда Руская (а).

Судъ о душегубствѣ.

§ I.

Аже убїетъ мужъ (в) мужа, то мстити (в) братъ брата, любо (г) сынови отца, любо отцу сына, любо брата чадъ, ли сестринъ сынови: аже не будетъ кто его мстя, то положити за голову 40 гривенъ (д). Аще ли будетъ Ръсинъ, ли гридинъ (е), ли купецъ, любо тїунъ (ж) боярской, любо ябетникъ (з), ли мечникъ, любо Изгой (и), ли Словенинъ, 40 гривенъ положити за нь (ї).

Ежели убїетъ Бояринъ Боярина, то имѣетъ право мстить убїйцѣ убїеннаго братъ, или сынъ, или отецъ, или племянникъ, то есть братнинъ или сестринъ сынъ; а ежели нѣкому будетъ мстить, то взыскать съ убїйцы 80 гривенъ. Ежели жъ будетъ убитъ гридинъ или купецъ, или тїунъ, или ябетникъ, или мечникъ, Руской ли то будетъ, Изгой ли, Славянинъ ли, то 40 гривенъ за голову платитъ убїйца.

(а) Правда. Судъ, расправа. Въ книгахъ церьковныхъ съ Греческаго на Славянскїй языкъ переведенныхъ, во многихъ мѣстахъ слово *Правда* употреблено въ семъ смыслѣ, яко во Псалтирѣ: *Боже судъ твой цареви даждь, и правду твою сыну цареву. Пс. 71. ст. 1. Блажени хранящїи судъ, и творящїи правду.* Пс. 105. ст. 2. И въ древнихъ лѣтописяхъ, грамотахъ и сочиненїяхъ

А

«Правда Русская», изданная А. И. Мусиным-Пушкиным, И. Н. Болтиным и И. П. Елагиным. СПб., 1792, с. 9. Текст первой статьи.

Д. С. Лихачев пишет: «Сопоставляя Мусин-Пушкинское издание „Поучения“ с рукописным текстом „Поучения“ в Лаврентьевской летописи, нетрудно убедиться в том, что издатели довольно решительно приноровили текст „Поучения“ к орфографической системе церковно-славянской печати второй половины XVIII в... Во многих случаях то, что исследователи принимали за ошибки, было определенной системой передачи текста».[343]

Эта система базировалась на представлениях, характерных для просветительской идеологии XVIII в. С точки зрения просветителей, казалось естественным исправить ошибки в произведениях, возникших в далекую историческую эпоху, в памятниках, прошедших многочисленные переписки. Мы хорошо знаем, как исправлял ошибки летописцев В. Н. Татищев, И. С. Барков и М. В. Ломоносов при подготовке Кенигсбергской летописи, Г.-Ф. Миллер (в подготовке к печати Степенной книги), Н. И. Новиков при издании исторических источников в «Древней российской вивлиофике». Немецкий исследователь В. Конце писал о штудиях Лейбница над немецкими анналами: Лейбниц исключал отрывки, в которых рассказывалось о чудесах, сокращая текст, где излагались идеи провиденционализма.[344] Позднейшее «очищение летописи Нестора», произведенное А. Шлецером и названное им «критикой текста», имеет ту же методологическую посылку.

Наиболее четко, пожалуй, эта идея «очищения текста» выражена И. Н. Болтиным в его «Критических примечаниях... на первый том Истории князя Щербатова». Не соглашаясь с Щербатовым, который сетовал на то, что во многих летописях имеется искажение смысла, И. Н. Болтин писал: «Повреждение летописей, происшедшее от переписок, не столь есть велико, чтоб было трудно или невозможно его исправить; многие есть описки, из самых древних писанные с великою осторожностью и вниманием, и для того весьма мало погрешностей содержат, другие имеют их гораздо больше, понеже списываны нерадивыми невежами из найма; однакож и они слича с перьвыми или несколько разных один с другим, удобно можно исправить; в том то и состоит первоначальный и самый важнейший труд предприемлющего писать Историю».[345]

Вот именно эту работу и провели Мусин-Пушкин, Болтин и Елагин с «Русской Правдой», внеся поправки на основании других списков и передав текст в нормах орфографической системы второй половины XVIII в.

Но подобное «исправление» текста древнерусского памятника XII в. могло быть произведено только с тем произведением, которое сохранилось в нескольких списках. В руках издателей «Русской Правды», как мы помним, их было 6 (в числе их 2 опубликованных). Но «Поучение» Владимира Мономаха было в одном списке в Лаврентьевской летописи.

---

[343] *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве». в конце XVIII в., с. 68—69.

[344] *Conze W.* Leibniz Historiker. Berlin, 1951, S. 25—27.

[345] Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова, с. 27.

«Слово о полку Игореве» в одном списке — в Хронографе Спасо-Ярославского монастыря. Л. А. Дмитриев убедительно показал, как Мусин-Пушкин предпринимал усилия с целью поисков других списков «Слова». В августе 1792 г. он побывал в Ярославле и на основании «высочайшего указа» 1791 г. приказал, чтобы ему «представлены были к личному просмотрению» хранившиеся в библиотеке архиерейского дома три хронографа и Степенная книга.[346] Ярославские хронографы были высланы Мусину-Пушкину в Санкт-Петербург, но в их составе не было «Слова о полку Игореве». Поэтому «кружку любителей российской словесности» сравнивать текст «Слова» было не с чем, можно было лишь приложить максимальные усилия, чтобы осмыслить его и передать в нормах современного правописания. Мы помним, что Мусин-Пушкин писал Калайдовичу об отсутствии «правописания» в рукописи «Слова».

Этот этап работы над «Словом» и передает копия, приготовленная для Екатерины II, и перевод, снабженный историческими комментариями. Нужно учесть при этом еще и предназначенность копии и перевода «Слова» для императрицы, занимающейся русской историей. Для Екатерины II, как известно, готовились копии с древнейших рукописей, переписанные крупным, четким почерком по правилам орфографии XVIII в., потому что древние подлинные рукописи «самой ей читать было трудно», как писал Мусин-Пушкин.

Поэтому Екатерининская копия имеет проясненные редуцированные и только несколько случайно «проскочивших» слов, переданных в орфографии древней рукописи.

Возникает естественный вопрос, почему два (из трех древнерусских) памятника, над которыми одновременно работали Мусин-Пушкин, Болтин и Елагин, были опубликованы в начале 90-х гг. XVIII в.: «Русская Правда» — в 1792, «Поучение» Владимира Мономаха — в 1793 г., а «Слово о полку Игореве» вышло из печати в декабре 1800 г. Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, но думается, важную роль здесь сыграло то обстоятельство, что «Русская Правда» и «Поучение» Владимира Мономаха были более ясны издателям с точки зрения их жанровой определенности: это были в основном памятники, связанные с деловой письменностью Древней Руси: «Правда Русская» — свод законов, «Поучение» — духовное завещание; ведь не случайно издатели так ее и поименовали — «Духовная великого князя Владимира Всеволодовича детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье».

Обратим внимание на то, что комментирование «Слова о полку Игореве» было подготовлено совершенно аналогично памятникам исторического и юридического содержания. Издатели стремились в подстрочных примечаниях дать сведения об исторических лицах, годах жизни, важнейших событиях их деятельности, определить географические данные, о которых упоминалось в «Слове». Некоторые географические понятия потребовали длительных разысканий — Тмутаракани, например, было

---

[346] *Дмитриев Л. А.* История открытия рукописи «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 426.

посвящено А. И. Мусиным Пушкиным «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения» (СПб., 1794). Все это с несомненностью показывает, что первые издатели «Слова о полку Игореве» видели в этом произведении прежде всего древнерусское историческое повествование. Но вместе с тем оно так сильно отличалось от известных в XVIII в. летописных повестей и сказаний, что заставляло их сделать попытку найти какое-то новое жанровое определение для этого непонятного произведения. Отсюда появление терминов классицистической поэтики XVIII в.: «песнь», «поэма». Но «Слово о полку Игореве» не походило ни на одну из поэм того времени. Тогда появилось дополнительное определение: «поэма», в которой «виден дух Оссианов». Так думали первые издатели «Слова» и чуткий к поэтическому языку Н. М. Карамзин. Раскрытие эстетической природы «Слова о полку Игореве» для XVIII в. было непосильной задачей.

Более всего трудностей для издателей «Слова», как можно думать, вызывал текст древнерусского памятника. Проблема его возможно более точной передачи была особенно актуальной для Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского — сотрудников Архива Коллегии иностранных дел, для которых правильность воспроизведения исторического источника была непременным законом (достаточно посмотреть издание дипломатических актов Бантышом-Каменским). И именно в направлении работы над самим текстом «Слова» и велась подготовка его к печатному изданию. Исторический комментарий, как уже отмечено А. В. Соловьевым[347] и как подтвердило наше исследование,[348] претерпел весьма незначительные, в основном редакторские изменения. Не случайно поэтому, как известно со слов С. А. Селивановского, «корректуру держали» Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, московские соиздатели «Слова о полку Игореве», а «граф Пушкин не имел права помарывать», т. е. править корректуру.[349] Д. С. Лихачев уже писал о том, что Бантыш-Каменский и Малиновский опасались, что Мусин-Пушкин станет прибегать к тем приемам унификации и смысловых поправок, которые выработались у него при работе над изданием древнерусских памятников начала 90-х гг. XVIII в.[350] Поэтому у нас есть серьезные основания полагать, что воспроизведение текста в издании «Слова о полку Игореве» в 1800 г. представляло собой новый этап издательской деятельности московского кружка А. И. Мусина-Пушкина, характерной тенденцией которого было максимальное приближение к древнерусскому памятнику. И поэтому мнение Н. М. Карамзина, сравнившего издание с рукописью «Слова» и говорившего о точности этого издания (за исключением двух слов) вызывает полное доверие.[351]

---

[347] *Соловьев А. В.* Екатерининский список и первое издание «Слова». — В кн.: «Слово о полку Игореве» в переводах конца XVIII в. Leiden, 1954, с. 5.

[348] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве», с. 65—75.

[349] *Калайдович К. Ф.* Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве». — Сын Отечества. СПб., 1839, т. VIII, отд. VI, с. 17.

[350] *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати «Слова», с. 88.

[351] *Калайдович К. Ф.* Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве», с. 20.

Заслугой А. И. Мусина-Пушкина является то, что он первый сделал достоянием нашей науки три памятника Древней Руси XII в., раскрывших ее развитую художественную культуру.

Безусловно, значительная роль в издании «Слова о полку Игореве» принадлежит московскому кружку Мусина-Пушкина (Бантыш-Каменский и Малиновский), оказавшему ему значительную помощь в подготовке самого текста древнерусского памятника. Речь идет в первую очередь о Бантыше-Каменском, крупнейшем археографе, создателе корпуса «Дипломатическое собрание дел между Российским и Польскими дворами с самого оных начала по 1700 год». Этот пятитомный труд, подготовленный Н. Н. Бантышом-Каменским в 1780—1784 гг., по обстоятельности и тщательности в передаче документальных материалов занимает одно из видных мест в XVIII в. Рукописью этого труда пользовался Н. М. Карамзин в период работы над «Историей государства российского».

Бантыш-Каменский, получивший серьезную историко-филологическую подготовку в Киево-Могилянской академии и Московском университете, с 1765 г. приступил к публикации документальных источников Архива Коллегии иностранных дел, где он служил актуариусом. После смерти Г.-Ф. Миллера (1783 г.) Н. Н. Бантыш-Каменский был назначен управляющим этого Архива. За более чем пятидесятилетнюю работу[352] Бантыш-Каменский приобрел громадный опыт работы с историческими источниками, и естественно, что А. И. Мусин-Пушкин, переехавший в 1799 г. в Москву, обратился к нему за помощью. Петербургских друзей Мусина-Пушкина, которые готовили с ним к печати «Правду Русскую» (1792 г.), «Поучение» Владимира Мономаха (1793 г.), а также работали над рукописью «Слова о полку Игореве», уже не было в живых: Болтин умер в 1792 г., Елагин — в 1794 г.

А. Ф. Малиновский, как это убедительно показал Л. А. Дмитриев,[353] принимал деятельное участие в переводе «Слова о полку Игореве». Сам Малиновский именно так и рассматривал свое участие в издании «Слова», что нашло выражение в его дарственной надписи Е. Р. Дашковой: «Ея сиятельству милостивой государыне княжне Екатерине Романовне Дашковой всеусерднейшее приношение от трудившагося в объяснении и переводе сего древняго отечественного умопроизведения».[354]

Работой над текстом «Слова о полку Игореве», сверкой с рукописью, читкой корректур занимался, как сообщил типографщик С. А. Селивановский,[355] опытный издатель древнерусских памятников Бантыш-Камен-

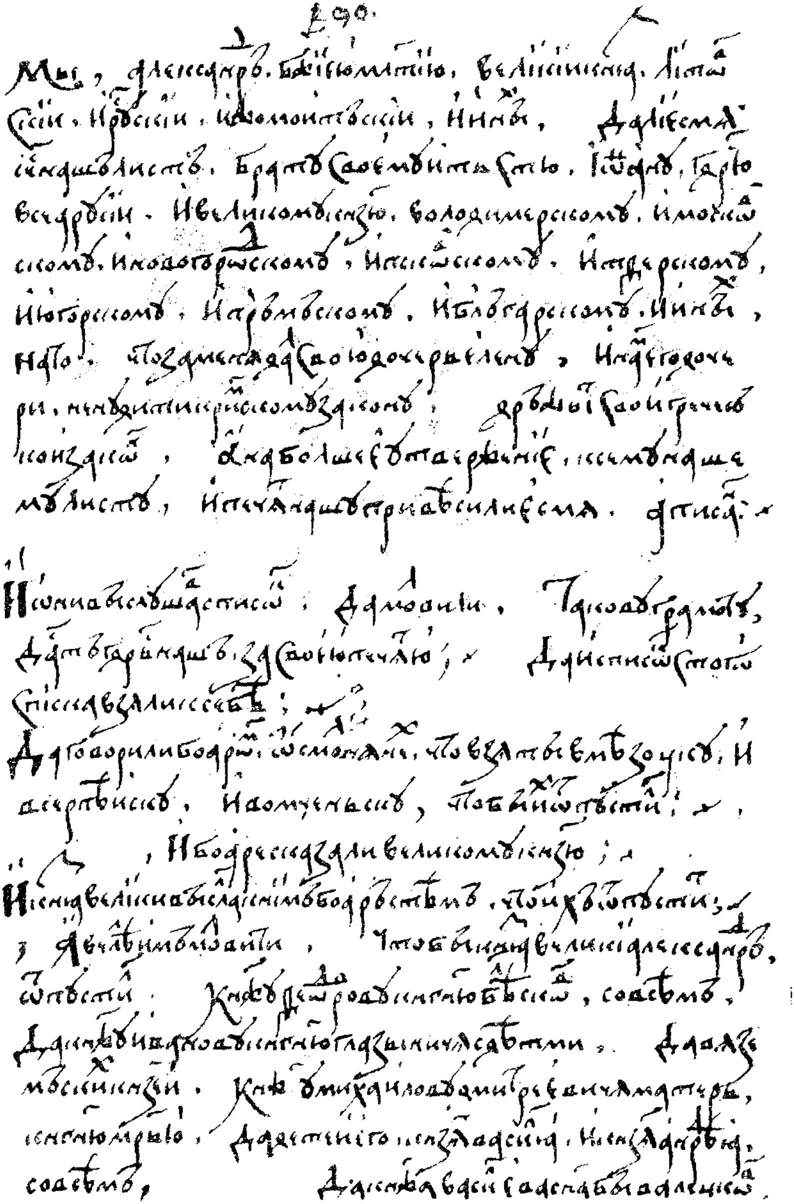
---

[352] Н. Н. Бантыш-Каменский был назначен актуариусом Архива Коллегии иностранных дел в 1762 г. Работал управляющим Архива до 1814 г. — года смерти. Во время Отечественной войны 1812 г. спас архивные материалы, отправив их в сундуках в августе 1812 г. на подводах сначала во Владимир, а затем в Нижний Новгород.

[353] *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960, с. 152—182, 352—357.

[354] Там же, с. 40—41.

[355] К. Ф. Калайдович записал со слов С. А. Селивановского: «корректуру держали А. Ф. Малиновский и Н. Н. Б[антыш]-Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые поправки в корректуре, с точностию издавая подлинник, от чего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права помары-



сольские дела между Россией и Польшей 1489 г. ЦГАДА, ф. 79, № 1.

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

О

ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ.

Удѣльнаго князя новаграда Сѣверскаго

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

писанныя

старинным русским языком

въ исходѣ XII столѣтія

и приноровленныя на употребляемое нынѣ нарѣчіе

МОСКВА

Въ Сенатской Типографіи

1800.

стр. 46.

изъ лѣтъ 1789. 1790. 1791. 1792. 1793. 1794. 1795. 1796.

Копии титульных листов печатных изданий XVIII в. из «портфелей» Н. Н. Бантыша-Каменского с его дополнительными сведениями. ЦГАДА, ф. 182, д. 794, л. 96.

ский. Об этом известил Калайдовича и сам Мусин-Пушкин в письме от 31 декабря 1813 г.[356]

Для представления об издательской деятельности Бантыша-Каменского обратимся к документам конца XV—начала XVI вв., обработанным для публикации Бантышом-Каменским.

ЦГАДА, ф. 79, № 1, л. 148 об.

Лѣта 6997 (1489) месяца марта 9 поѣхал с Москвы правити посольство князю Федору Ивановичю Палецкому

Мы, Александръ, божіею милостію велікій князь літовскіи и рускіи, и жомоитъскіи, и иныхъ, далі есмя сесь нашъ листъ брату своему и тьстю Іоанну, государю всеа Русіи и великому князю Володимерскому и Московскому, и Новгородскому, и Псковскому, и Тферскому, и Югорскому, и Прьмъскому, и Блъгарскому и иныхъ на то, что за меня далъ свою дочерь Елену. И намъ его дочери не нудити к римскому закону, дръжытъ свой гречесъкой закон. А на болшее утверженіе к сему нашему листу и печать нашу привѣсили есмя. А писанъ...

Переписка между Россиею и Польшею в государствование великого князя Иоанна Васильевича[357]

...С 1487 г. начинаются в Архиве непрерывные Записки Польских посольств, в книгах и в столбцах находящиеся... Посольство сіе в книге № 1, лист 307.

Того же дни вручена была посламъ следующая образцовая грамота, какову долженъ великий князь Александр российским посламъ дать в Вильнѣ, за своею печатью, о неприпужденіи его государевой дочери, Елены, к римскому закону: Мы, Александр, божіею милостью великій князь литовскій и русскіи, и жомоитскіи, и иныхъ дали есмя сесь нашъ листъ брату нашему и тестю, Иоанну, государю всея Россіи и великому князю Володимерскому, Московскому, и Новгородскому, и Псковскому, и Тверскому, и Югорскому, и Пермскому, и Болгарскому, и иныхъ, на то, что за меня далъ дочь Елену, и нам его дочери не нудити къ римскому закону, держитъ свой греческой закон. А въ большее утвержденіе къ сему нашему листу печать нашу привѣсили есмя; а писанъ...*

* Подтвержденной договорной великаго князя Александра грамоты ни подлинной, ни списка съ оной не имѣется в архивѣ.

Сопоставление документа 1489 г., сохранившегося в «Посольских делах между Россией и Польшей», с подготовленным изданием этого документа в 1780—1784 гг. Бантышом-Каменским показывает, что при пере-

вать корректуру» (см.: *Калайдович К. Ф.* Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве», с. 17).

356 «По переезде же моем в Москву увидел я у А. Ф. Малиновского, к удивлению моему, перевод мой в очень неисправной переписке, и по убедительному совету его и друга моего Н. Н. Б[антыш]-Каменского, решился обще с ними сверить преложение с подлинником и, исправя с общего совета, что следовало, отдать в печать» (Зап. О-ва истории и древностей российских, ч. II. М., 1824, с. 36—37).

357 Полное название: Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, составленная по дипломатическим бумагам управляющим московским Архивом Коллегии иностранных дел Н. Н. Бантышом-Каменским. Ч. I. 1487—1584. М., 1862, с. 15—16.

даче текста грамоты археограф провел унификацию написаний по орфографическим правилам XVIII в.: літовскіи — литовскій, Іоанну — Иоанну, великіи — великій, далі — дали. Кроме того, Н. Н. Бантыш-Каменский провел систематическую замену редуцированных гласных проясненными гласными: тьстю — тестю, Пръмъскому — Пермскому, Блъгарскому — Болгарскому, дръжытъ — держитъ. В трех случаях редуцированный глухой выпал: Пръмъскому — Пермскому, жомоитъскій — жомоитскій, гречесъкой — греческой. Следует помнить, что Грамота, которую должен был подписать (но не подписал) литовский великий князь Александр, женатый на дочери великого князя московского Ивана III, была составлена на Руси в конце XV в. Но для издателя конца XVIII в. ее орфографическая система была уже неприемлемой и требовала приноровления к нормам XVIII в.

Мы помним, что подобная же унификация была проведена в издании Синодика XV—начала XVI в. и новгородских грамот XIII—XV вв. в «Древней российской вивлиофике». Эту же картину мы можем наблюдать в передаче текста «Слова о полку Игореве» в Екатерининской копии, которая, как об этом уже писал Д. С. Лихачев,[358] и что подтвердилось новыми разысканиями, представляла собой ранний этап работы Мусина-Пушкина и его петербургских друзей над рукописью «Слова». Это было естественной нормой XVIII в. в передаче памятников прошлого.

Подготовка «Слова о полку Игореве» к печати в конце 90-х гг. XVIII в. при участии Бантыша-Каменского потребовала от него более гибкого отношения к тексту рукописи конца XV—начала XVI вв., памятника «российской словесности», созданного «в исходе XII столетия». Поэтому-то, дав орфографическую систему произведения по нормам XVIII в., он сохранил написания с постановкой редуцированного перед плавным (пълку, вълкомъ, пръвых, пръсты, бръзая). Возможно, что издатели, в числе их и Бантыш-Каменский как самый авторитетный знаток рукописей, считали эти написания более близкими к древнерусским и стремились сохранить их при публикации текста. Та бережность, с которой относился Бантыш-Каменский к передаче текста, и точность всех сведений, сообщаемых о рукописи, позволяет полагать, что высказанные О. В. Твороговым предположения об искусственном создании «А. И. Мусиным-Пушкиным и его соредакторами» «написаний южнославянского типа» (пълк, вълк, пръсты и др.) [359] не имеют достаточных оснований.

Бантыш-Каменский составил громадное количество описаний, библиографий, азбучных и систематических указателей к описаниям рукописей и печатных изданий.[360] В числе их — алфавитный свод титульных листов изданий церковной печати (ЦГАДА, ф. 182, № 793) и гражданской

---

[358] *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в., с. 70, 79, 81.

[359] *Творогов О. В.* К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 152—155.

[360] *Кобленц И. Н.* Н. Н. Бантыш-Каменский (1737—1814) и его материалы по русской библиографии. — В кн.: Теория и история библиографии. В память К. Р. Симона. М., 1970, с. 177—189.

печати (ЦГАДА, ф. 182, № 724) с дополнительными сведениями, которые Бантыш-Каменский помещал на рукописной копии титульного листа. Представлялось небезынтересным посмотреть, какими данными он пополнил печатное издание «Слова о полку Игореве» 1800 г., которое вышло анонимным, и только в кратком предисловии сказано о том, что «подлинная рукопись... принадлежит издателю» — «г. действительному тайному советнику и кавалеру графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину».

Рукою Бантыша-Каменского сделана приписка на правом боковом поле рукописной копии титульного листа издания 1800 г. «Ироической пѣсни о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода Сѣверскаго Игоря Святославича»: «Издание г. д[ействительного] т[айного] с[оветника] Мусина-Пушкина Алексея».[361] Бантыш-Каменский не упомянул ни собственного сотрудничества в издании «Слова», ни своего помощника А. Ф. Малиновского. Вместе с тем на титульных листах ряда других анонимных изданий XVIII в. имеются записи, свидетельствующие о его участии в публикации. Так, например, он сообщает, что «История о жизни молдавскаго господаря князя Константина Кантемира» (М., 1783) «издана надв[орным] сов[етником] Николаем Бантышом-Каменским».[362] В составленном сыном Н. Н. Бантыша-Каменского — Д. Н. Бантышом-Каменским «Словаре достопамятных людей Русской земли» в подробном сообщении о печатных и рукописных трудах отца ни слова не сказано о его работе над изданием «Слова о полку Игореве».[363] Таким образом, и в печатном издании «Слова о полку Игореве», и в заметках на титульных листах изданий XVIII в., сделанных Н. Н. Бантышом-Каменским, единственным издателем назван А. И. Мусин-Пушкин, с именем которого оказался связанным новый период в открытии древнерусской литературы на рубеже XVIII—XIX вв.

В 80—90-е гг. XVIII в. Московская синодальная типография печатает: «Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года» (М., 1781); «Летописец Новгородский, начинающийся от 1017 году и кончающийся 1352 годом» (М., 1781); «Летописец, содержащий российскую историю от 1206 г. до 1534 г.» (М., 1784).[364] «Летописец Соловецкого монастыря» — издан в Университетской типографии (М., 1790).

В Санкт-Петербурге В. Г. Рубан издает «Краткую летопись Малыя России с 1506 по 1776 гг.» (СПб., 1777); Н. А. Львов печатает «Подробную летопись от начала России до Полтавской баталии» (ч. 1—4, СПб., 1798—1799). Академией наук публикуются «Казанский летописец» (СПб., 1791), «Русская летопись с Воскресенского списка» (СПб., 1793—1794) и «Российская летопись по списку Софийскому Великого Новагорода» (СПб., 1795).

---

[361] ЦГАДА, ф. 182, № 794, л. 96.
[362] ЦГАДА, ф. 182, № 794, л. 255.
[363] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли, ч. I, СПб., 1847, с. 59—86.
[364] *Поленов Д. В.* О летописях, изданных от св. Синода. Записки имп. Академии наук, т. 4, вып. 2. СПб., 1864, с. 174—202.

Конец XVIII в. характеризуется резким возрастанием интереса к историческим знаниям, к древнерусским летописям и документальным материалам. Древнерусские памятники становятся предметом изучения писателей, художников, деятелей русской культуры. В. О. Ключевский справедливо назвал этот период «новиковским». Воздействие изданий великого русского просветителя огромно. Оно оказало влияние на развитие исторических знаний в России конца XVIII в. и на формирование русской литературы.

Во второй половине этого века отчетливо обозначилась взаимосвязь истории и литературы, которая, как об этом уже писал С. Л. Пештич, «не может быть полностью объяснена ссылкой на энциклопедичность кругозора деятелей XVIII столетия».[365] Главным здесь было неоспоримое влияние национальных традиций, которые оказывали громадное воздействие на литературный процесс, придавая новым формам художественного обобщения тот исконно присущий древнерусской литературы своеобразный историзм, внимание к судьбам прошлого своего народа, которые стали питательной почвой и новых литературных жанров, сохранивших свое значение на протяжении всего XVIII в.: драматургии, эпической поэзии и торжественной лирики.

---

[365] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. 1, с. 14.

Глава II

Трагедии XVIII в. на темы древнерусской литературы

Стремление деятелей русской культуры XVIII в. утвердить значение своего исторического прошлого, объяснимое общим становлением национального самосознания, было важнейшим побудительным стимулом к использованию тем и сюжетов древнерусской литературы в русской драматургии. К концу XVIII в. было опубликовано большое количество трагедий на национально-историческую тему, значительная часть которых может быть соотнесена с конкретными древнерусскими источниками.

Из всех жанров драматургии, получивших развитие в России XVIII столетия после утверждения классицизма, наибольшая связь с древнерусскими памятниками имела место в трагедии. Предпосылки к этому можно видеть в «трагедокомедии» Феофана Прокоповича.

Феофан Прокопович первый использовал летописные известия о времени, предшествующем крещению Руси, для создания в 1705 г. трагедокомедии «Владимир». В первоначальной редакции она называлась «Ярополк и Владимир».[1] Феофан Прокопович, избрав темой своей пьесы «повесть о обращении к Христу равноапостольного князя Владимира», творчески использовал сведения о колебаниях Владимира Святославича перед принятием окончательного решения о крещении Руси. Тема эта получила отражение также в проповеди Феофана Прокоповича на день «святого Владимира». По тем подробностям, которые упоминает Феофан Прокопович в проповеди, можно судить о том, что ему были хорошо известны не только различные редакции «жития» Владимира, но и летописный рассказ о событиях 988 г., предшествовавших крещению Руси. К систематическим занятиям русской историей Феофан Прокопович приступил, как мы знаем, по приезде в Петербург в 1716 г. Но очевидно, что интерес к историческим произведениям он испытывал и ранее. Об этом свидетельствуют написанные им разделы «Поэтики», относящиеся к истории.

Глава X «Поэтики» отражает теоретические взгляды Феофана Прокоповича, относящиеся к драматургическим произведениям. Он пишет:

---

[1] ГБЛ, ф. 173, № 163.

«Трагедия есть стихотворное произведение, воспроизводящее в действии и речах действующих лиц важные деяния знаменитых мужей и главным образом превратности их судьбы и их бедствия.

Комедия же есть стихотворное произведение, которое шутливо и остроумно изображает в действии, равно как и в речах действующих лиц, общественную и частную деятельность простого люда для наставления в жизни и в особенности для обличения дурных нравов людей.

Из этих двух родов составляется третий, смешанный род, называемый трагикомедией, или, как Плавт предпочитает называть его в «Амфитрионе», — трагедокомедией, так как именно в нем остроумное и смешное смешивалось с серьезным и грустным и ничтожные лица — с выдающимися».[2]

Особый интерес представляют высказывания Феофана Прокоповича о сюжете, разрабатываемом в трагедии: «Содержание трагедии берется по большей части из истории или из известного сказания, хотя иногда также может быть вымышленным. Впрочем, касается ли трагедия вымышленного или основанного на действительности содержания, его следует излагать тем способом, о котором мы уже упомянули выше в главе о героической поэме, т. е. нас не заставляют выводить все вполне соответствующие действительности действия, как они передаются историком, но разрешается и от себя правдоподобно присочинять как действующих лиц, так и самые действия».[3]

Если мы обратимся к рассмотрению трагедокомедии «Владимир», написанной им, как и «Поэтика», в том же 1705 г., то увидим, что Феофан Прокопович в своих теоретических взглядах основывался и на своем опыте в создании драматургических сочинений. Возможно, что до нашего времени не сохранились его другие пьесы.

Действующими лицами трагедокомедии «Владимир» являются киевские князья, жившие в X в.: Владимир Святославич, его старший брат Ярополк Святославич, убитый им в междоусобной войне, но в пьесе Феофана Прокоповича он «исходит от бездн адовых, аки бы посланный от демонов, братнему намерению творити препятствие»; сыновья Владимира — Борис и Глеб. Кроме этих исторических действующих лиц в трагедокомедии принимают участие «верховный жрец и волхв, именем Жеривол» и жрецы Курояд и Пиар.

Из текста трагедокомедии «Владимир» можно установить, что Феофан Прокопович использовал древнейшую киевскую летопись «Повесть временных лет». Но с каким именно списком этой летописи он был знаком, в настоящее время установить не представляется возможным. Что это была именно летописная повесть о Владимире Святославиче, а не Житие Владимира, можно показать на конкретном материале.

В трагедокомедии «Владимир» (действие I, явление первое) помещен монолог Ярополка Святославича, который сообщает верховному жрецу Жериволу о том, как он был убит.

---

[2] *Феофан Прокопович.* Сочинения. Под редакцией И. П. Еремина. М.—Л., 1961, с. 432.

[3] Там же, с. 434.

Жеривол

О лютой дерзости! Но повежд мы подробну,
Молю, коим образом тако неподобну
Смерть подъял еси. Аз бо ничто же вем ино,
Токмо яко брат брата умертви безчинно.

Ярополк

. . . . . .
Всемощний, но не могий явним и оружним
Видом мя победити, победи безмужним
Лесть приять вместо меча; мнится быти мирний
Во слове, во сердце же ношаше яд зверний
З моего ж смирения он хищния сети
Соплет на мя, взывает дому посетити
И утвердити завет. Аз прост и ничтоже
Злаго в толицей злобе чаях, — не бо може
Верная любовь быти, ни распра почиет,
. . . . . .
Где любвы знамения вера не имеет, —
Поидох аки ко брату. О день и час лютий!
. . . . . .
И воспрящаши мя друг, даяй совет здравий,
Но не воспящении суть божия уставы.
Прийдох уже ко дверем, чая яко темы
Вхожду в дом братний, — во мрак вечний
внийдох имы.
Егда бо праг преступих, отсюду и сюду
На мечы мя подъяша; един со двоимы
Всуе брахся, весь люте на мечах носимый.[4]

Феофан Прокопович передает здесь рассказ, сохранившийся в древнерусских летописях, о событиях 977—980 гг., когда киевский князь Ярополк, убивший в междоусобной борьбе брата, древлянского князя Олега, назначил своих посадников в Новгород — владение Владимира Святославича. Князь Владимир «убоявся бежа за море». В 980 г. «прииде Володимир с варяги к Новугороду и рече посадником Ярополчим: „Идите ко брату моему, и рците ему, Володимир идет на тя, пристраивайся противу“.

... И прииде Володимир к Киеву с вои многими, и не може Ярополк стати противу, и затворись в Киеве с людьми своими и с Блудом... Володимир же посла к Блуду, воеводе Ярополчю, с лестию, глаголя: „Поприяй ми; аще убью брата своего, имети тя начну в отца место, и многу честь возмепи от меня“... И преда Блуд князя своего, приим от него чести много. Сей бо Блуд затворився со Ярополком, льстя под ним, слаша к Владимиру часто, веля ему убити Ярополка... И рече Блуд Ярополку: „Видиши ли, колико вой у брата твоего? нама их не перебороти, твори мир с братом своим“, льстя под ним се рече.И рече Ярополк: „Тако буди“. И посла Блуд к Володимиру сице глаголя: „Яко сбыстся мысль твоя, яко приведу к тобе Ярополка, и пристрой убити“. Володимир же то слышав, вшед во двор теремный отень, о нем же преже сказахом, и седе ту с вои и со дружиною своею. И рече Блуд ко Яро-

[4] *Феофан Прокопович.* Соч., с. 158—159.

полку: „Пойди к брату своему и рци ему, что ми ни вдаси, то аз прийму". Пойде же Ярополк, и рече ему Варяжко: „Княже, не ходи, убьют тя: побегни в печенеги и приведи вои". И не послуша его. И приде Ярополк к Володимиру, и яко влезе в двери, подъяста два варяга мечема под пазусе. Блуд же затвори двери, и не да по нем войти своим. Тако убьен бысть Ярополк».[5]

Как видим, в изложении известия о смерти Ярополка Феофан Прокопович основывается на летописном рассказе, передавая его достаточно близко к источнику.

Также из летописного известия почерпнуты беседы Владимира с Философом, который убеждает киевского князя принять христианство. Но разговоры с сыновьями Борисом и Глебом — авторский домысел Феофана Прокоповича. Борис и Глеб — младшие сыновья Владимира, родившиеся после его крещения.

Жрецы — целиком вымышленные действующие лица — несут в пьесе функции отрицательных героев, чинящих всяческие препятствия киевскому князю Владимиру, который намерен привести свой народ «от неверствия» «ко свету».

Изображение трагического борения старых и новых начал в душе Владимира и изложение основ христианской веры, содержащееся в речах греческого Философа, сочетается в пьесе Феофана Прокоповича с элементами резкой сатиры в созданных им образах жрецов. Ненасытное любостяжание, обжорство, пьянство и полная преданность плотским страстям — их отличительные черты.

Таким образом, темой трагедокомедии «Владимир» является борьба просвещения и новых начал, которую вела светская власть в лице Владимира Святославича, с силами старого порядка, олицетворенными в образах грубых, корыстных и невежественных жрецов. Эта тема была чрезвычайно актуальна в начале XVIII в., когда Петр I вел ожесточенную борьбу с реакционным духовенством. Феофан Прокопович прямо намекал на эти аналогии, когда главный жрец Жеривол назван им «попом» (действие II, явление второе). О том, что намек Феофана был понят, свидетельствует донос на него, отправленный в Синод епископом Маркеллом Радышевским: «...священников российских называют жериволами, лицемерами, идольскими жрецами, а чернецов — черными мужиками и чертями, и монашество и черниц желает искоренить». Борьба просвещенности с невежеством заканчивается полным торжеством Владимира, олицетворяющего государственную светскую власть. Сопротивление жрецов не привело ни к чему: «поганские идолы» низвергнуты. Новый «свет» христианской веры победили силы «тьмы». Национально-исторический сюжет, почерпнутый из древнерусских литературных памятников, Феофан Прокопович умело использовал для пропаганды своих общественно-политических идей, направленных на защиту петровских преобразований.

---

[5] Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякия записи, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Часть I. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. СПб., 1767, с. 67—69.

Летописные рассказы, связанные с деятельностью Владимира Святославича, оказались чрезвычайно плодотворными сюжетами, широко использованными русскими драматургами XVIII в.

Тема крещения Руси Владимиром Святославичем нашла свое отражение в трагедии М. М. Хераскова «Пламена», написанной в 1762 г. и опубликованной в 1765 г.

Из летописного рассказа известно, что после крещения в Корсуне Владимир, возвратясь в Киев, «повеле идолы испровръщи, овы сещи, а другие огневи предавати... По сем же Володимир посла по всему граду, глаголя: „Аще не обрящется кто заутра на реце, богат ли или убог, или нищ, или работен, противник мне да будет“».[6]

Действующими лицами трагедии Хераскова «Пламена» являются два сына Владимира Святославича: Мстислав и Позвезд. Летопись сохранила имена двенадцати сыновей Владимира, которым он «разделил» русскую землю: Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав.[7] По-видимому, в летописи имена сыновей Владимира располагались по старшинству. Поэтому можно думать, что Позвизд был одним из младших сыновей.

М. М. Херасков строит сюжет трагедии на любовной коллизии: киевский князь Позвезд любит дочь пленного князя Превзыда — Пламену. Превзыд не только военный противник киевского князя Владимира, но и враг христианской религии. Он фанатически предан языческой вере. Своей дочери Пламене он запрещает под угрозой смерти вспоминать своего возлюбленного — христианина Позвезда.

Превзыд

Остаток жалостный нещастливого рода,
Коль кровь мою в тебе еще хранит природа;
Все радости в своей неволи потуша,
Коль не лишилася всех сил твоя душа.
Достойна будь меня, о дочь моя любезна,
Мне крепость твоея души теперь полезна.
Вооружай себя, и покажи теперь,
Что кровь моя в тебе, и что моя ты дщерь.

Пламена

Я жду единого, отец мой, только слова
На все я для тебя предать себя готова;
Ты мне отец, ты мне и повелитель будь,
Я вся в твоих руках...

Превзыд

Позвезда позабудь.

Пламена (*несколько подумав*)

Должна я, государь, и сей приказ исполнить,
Позвезда позабыть, и век его не помнить.[8]

---

[6] Библиотека российская историческая..., с. 82—83.
[7] Там же, с. 84.
[8] *Херасков М. М.* Пламена. — В кн.: Российский театр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений, часть IV. СПб., 1786, с. 9.

Но Пламена не смогла исполнить жестокий приказ отца: она попрежнему любила Позвезда. Но препятствие их браку было и со стороны брата Позвезда — Мстислава, который, исполняя приказ отца, князя Владимира, находившегося в походе, не разрешает Позвезду встречаться с язычницей Пламеной. Убеждая Превзыда принять крещение, Мстислав произносит монолог, в котором кратко излагает сущность христианства, основываясь на «речи Философа» перед Владимиром, помещенной в летописи:

Всегда лучи его в глазах у нас горели,
Но мы во слепоте сиянья их не зрели,
Давно небесный знак в сем граде положен,
И крест на сей горе Андреем водружен...[9]

Превзыд предпринимает попытку вооруженного восстания в Киеве. Пламена тайно от отца принимает христианство, за что Превзыд приговаривает ее к смерти. Заговор Превзыда раскрыт, но молодой киевский князь Позвезд убит рукою Превзыда. Жестоко лишив дочь возлюбленного, Превзыд закалывается кинжалом. Пламена стремится

Сыскать кратчайшую к любезному дорогу
В пустыню скроюся, и посвящуся богу.[10]

В трагедии Хераскова «Пламена» ярко раскрывается пагубность религиозного фанатизма, в жертву которому приносятся и счастье и жизнь людей.

Значительное место в художественной разработке тем древнерусской литературы занял сюжет, связанный с именами Владимира Святославича, Ярополка и полоцкой княжны Рогнеды. После выхода из печати в 1766 г. «Древней российской истории» Ломоносова, а также публикации в 1767 г. Кенигсбергской (Радзивиловской) и Никоновской летописей ознакомление с древнерусскими памятниками значительно облегчалось.

В 1779 г. в Москве вышла из печати трагедия Ф. Ключарева «Владимир Великий», в основе сюжета которой лежит летописное известие, повторенное дважды: под 980 г., когда это событие произошло, и под 1128 г.

Под 980 г. кратко сообщено: Владимир Святославич «седши в Новегороде, посла к Рогволоду, глаголя: „Хощу пояти дщерь твою собе женою“. Он же рече дщери своей: „Хощеши ли за Володимира?“ Она же рече: „Не хочу разути рабичища, но за Ярополка хочу“. Бе бо Рогволод пришел из заморія, имеяше власть свою Полтеск... И приидоша отроци Володимири, и поведаша ему речь Рогнедину, дщери Рогволожи, полоцкого князя. Володимир же собра вои многи: варяги и словены, и чюдь, и кривичи, и пойде на Рогволода. В се же время хотяху Рогнеду вести за Ярополка. И прииде Володимир на Полтеск, и уби Рогволода, и сына его два, а дщерь его Рогнеду поя за себя, и пойде на Ярополка».[11]

---

[9] Там же, с. 17.
[10] Там же, с. 84.
[11] Библиотека российская историческая..., с. 67—68.

Второй, более подробный рассказ об этом событии и его последствиях содержится под 1128 г., через 128 лет после смерти Рогнеды (она умерла в 1000 г.). Повесть помещена после рассказа о страшных междоусобных сражениях потомков князя Владимира и содержит, с точки зрения летописца, ответ на вопрос о причинах этой многолетней, непрекращающейся вражды. «О сих же Всеславичех сице есть, яко же сказаша ведущии: Рогволоду владеющу Полотескою землею, а Володимиру, иже крести Рускую землю, сущу в Новегороде младу и еще погану, бе у него вуй Добрыня, воевода храбор и наряден муж. Сей посла к Роговолоду, прося у него дщери его за Володимира; он же рече дщери своей: „Хощеши ли за Володимира?“ Она же рече: „Не хощу розути рабичича (рожденного от раба), но за Ярополка хочу“. Бе бо Рогволод пришел из замория от варяг, имяше волость свою Полтеск. Слышав же Володимир, разгневась о той речи „не хощу аз рабичича“, пожалися, а Добрыня исполнися ярости, и поемше вои идоша на Полтеск, и победиста Роговолода. Он же вбеже в город, и вои приступивше к городу взяша град Полтеск, и самого князя Роговолода изымаша, и жену его, и дщерь его Рогнеду. Добрыня поноси дщери его и ему, и повеле Добрыня Володимиру быти с нею пред отцем ея и материю, и потом отца уби, а саму поя в жену, и нарекоша имя ей Горислава, и роди Рогнеда Изяслава. Поя же паки и ины жены многи, и нача (Рогнеда) негодовати. Неколи ему пришедшу к ней и уснувшу, хоте зарезати ножем, и ключися ему убудитись, и я ю за руку. Она же сожалився рече: „Зане отца моего убил еси, и землю его полонил мене деля, и се ныне не любиши мене со младенцем сим“. И повеле ей устроитись во всю утварь царскую, яко же в день посяга ея, и сести на постеле светле в храмине, да пришед поткнет (заколет) ю. Она ж тако сотвори, и давши мечь сыпови Изяславу в руку наг, рече «Яко внидет ти отец, рцы выступя: „Отче, егда един, жити хощеши, или безсмертным мнишися, приими мечь сей, вонзи преже во утробу мою, да не вижу аз смерти матери моея“. Володимир же рече: „А кто тя мнел зде?“ и поверг мечь свой. И созва бояры и поведа им; они же рекоша: „Уже не уби ея дитяти деля сего, но воздвигни отчину ея, и дай ей со сыном своим“. Володимир же устрой тому Изяславль, и оттоле мечь возимают Рогволожи внуцы противу Ярославлим внуком».[12]

Трагедия Ключарева «Владимир Великий» начинается с рассказа Владимира «первому боярину» Студу о поступке Рогнеды.

В Рогнеде твой монарх свою убийцу зрит

Студ

В Рогнеде?

Владимир

Адскую ко мне питая злобу,
Низринуть ищет мя с престола к мрачну гробу.
Щедроты все мои и нежность позабыв
И верною до днесь в одре моем пребыв,
Смерть сродников своих отмщати ныне мыслит;

[12] Там же, с. 185—186.

Супруга нежного своим злодеем числит;
За всю любовь мою алкает кровь пролить
И живота меня рукой своей лишить.
Рогнеду пред одром стоящу я узрел,
Весь гневом зрак ее и мщением горел.
Она в открыту грудь кинжал мне направляла,
И в лютой горести сие ко мне вещала,
Из пламенных очей ток горьких слез лия:
Такая, варвар злой, судьбина есть моя!
Чтоб мне невольницей стенать с тобой на тропе,
Злодея своего в блестящей зреть короне!
Ты кровию моей дымиться обагрен
Престол отцев моих тобою низложен,
И не супругою, рабой меня счисляешь!
Измены мне творить всегда ты замышляешь...
Се мзда... Умри... Потом стремилась мечь вонзить,
Но я успел удар сей скоро отвратить...
Весь вне себя я был и гневом разжигался,
Хотел ей жизнь пресечь, однако воздержался.[13]

Как видим, в трагедии Ключарева Рогнеда пытается «меч вонзить» (а не нож, как в летописи) после произнесенной ею «обвинительной речи» Владимиру. В летописи она оправдывает свой порыв («сожалився рече») своей печальной, тяжелой судьбой.

Из летописного рассказа невозможно сделать заключения о чувствах Владимира к Рогнеде. Ключарев показывает новгородского князя страстно влюбленным в полоцкую княжну. В явлении III он вновь говорит боярину Студу:

С тех пор как страсть моя к Рогнеде началась,
В ней гордая душа презрением рвалась;
Забыв, что моему веленью север внемлет,
И Киев от меня закон себе приемлет,
Десницу ту она дерзала отвергать,
Которая мощна вселенну колебать.
Всегда душа моя любви ее искала,
Но гордая сия в ничто меня вменяла;
Послам, чрез коих я о браке предлагал,
Отец, внимая ей, такой ответ давал:
Что дщерь иль никогда не будет принужденна,
Супругой князя быть рабынею рожденна.
Сказати не могу, сколь я был раздражен,
Когда услышал то, что ею я презрен,
Терзаясь яростью не мог собою править,
Не мог обиды сей без мщения оставить,
Подвигнул силы я и Полоцк возстенал,
Ручьями кровь лилась и град в огне пылал,
Разрушил здания, и все сравнял с землею,
Надменная княжна став пленницей моею,
Тогда свой гордой взор на кроткой пременя,
К ногам моим упав рыдая и стеня.[14]

Добиваясь киевского престола, боярин Студ предлагает Рогнеде стать его женой: Рогнеда с негодованием отвергает. Боярин Студ, оклеветав

---

[13] *Ключарев Феодор.* Владимир Великий. М., 1779, с. 6—7.
[14] Там же, с. 10—11.

преданного боярина Сигурда, дает Владимиру коварный совет — срочно казнить Рогнеду.

В действии пятом (явления III) «ведут Рогнеду, одетую великолепно, и сажают ее на троне». «Жрецы и вельможи, заседающие в совете», выносят решение о казни Рогнеды. В это время вбегает Изяслав и, «бросаясь к ногам родительским», говорит Владимиру:

И вместе с матерью ты нашу кровь пролей,
Родитель мой!..

Владимир

Возлюбленный мой сын!
Плод нежные любви, дар гневных мне судьбин!
Востани и живи, чтоб сей владеть страною!

Изяслав, востав, поспешно бежит к Рогнеде.

Рогнеда (*обнимая младенца*)

Мой сын! увы! почто ты здесь?

Изяслав

Умреть с тобою!

Рогнеда

Ах! нет! останься жить и мать свою забудь,
Люби родителя, ему подобен будь!
Прости! в последний раз мой сын тебя объемлю.[15]

В авторской ремарке Ключарев пишет, что Владимир «вырывает из рук провозглашателя определение и раздирает его». Он обращается к Рогнеде со словами:

Люби меня всегда, супруг тебя прощает,
И нежность прежнюю тебе он возвращает.

Рогнеда

Позволь мне, удалясь, слез токи проливать,
Стенать в раскаянье, тоской себя терзать.

В следующем действии трагедии «Владимир Великий» показана попытка боярина Студа убить Владимира. Его удерживает «вельможа» Кинвзор, который гибнет от удара Студа. Разоблаченный «первый боярин» признается перед смертью в своих злодеяниях.

Познай, что Ярополк мной к злобе возбужден,
И в сердце мной твоем вражды огнь вспален.
Рогнеде хитростью моей внушил я злобу,
Ее рукой тебе дверь отворял ко гробу.
Убийцей брата став, страдай, терзайся, рвись,
И лютой совестью во весь свой век грызись.

---

[15] Там же, с. 49.

В конце трагедии Владимир, убедившись в невиновности боярина Сигурда, снимает с него оковы, произнося при этом следующую речь:

Теперь я ясно всю твою невинность зрю,
Стыжуся дел своих раскаянье творю.
О коль нещастливы владетели бывают!
Когда предателям себя во всем вверяют.[16]

Как видим, летописный рассказ о предыстории вражды потомков варяжского князя Рогволода послужил сюжетной основой трагедии Ф. Ключарева «Владимир Великий». Однако разработка сюжета выдержана в рамках назидательного морализирования с введением образа классического «злодея» — боярина Студа, который, как выясняется, и «внушил» Рогнеде мысль об убийстве Владимира. Князь Владимир совершенно «обелен». Отвращение к нему Рогнеды нашло объяснение не в его поступках в отношении ее отца, матери и братьев, убитых Владимиром, а в действиях соперника, пытающегося овладеть киевским престолом. Морально-дидактический замысел Ф. Ключарева и его промасонская идейная ориентация явственно раскрывается в заключительной речи Владимира, из которой следует, что «владетели» не должны себя «вверять... предателям».

Летописный рассказ о Владимире и Рогнеде явился источником трагедии М. М. Хераскова «Идолопоклонники, или Гориславa», опубликованной в 1782 г.

Действующими лицами трагедии являются: «Владимир, великий князь киевский; Рогнеда, нареченная Гориславою, его супруга; Святополк, князь и мнимый сын Ярополков; Добрыня, сродник Владимиров; Изяслав, сын Гориславин от Владимира; Золиба, великий жрец; Клида, мамка Гориславина; вестник, придворные, вельможи.[17]

В трагедии Хераскова отображен тот период в истории Киевской Руси, когда Владимир Святославич утвердился в решении принять христианство. Об этом он сообщает своему дяде Добрыне. Противодействие ему оказывают языческие жрецы, объединившиеся с князем Святополком, который считает себя сыном убитого Владимиром князя Ярополка. Жрец Золиба, искушенный в коварстве, стремится вовлечь в интриги, направленные против Владимира, Рогнеду — Гориславу. Святополк напоминает Гориславе об убийстве ее родных:

Коль свет забыла ты, несчастливо любя,
То знать не трогают безчувственну тебя,
Ни Ярополкова всечастно тень стеняща,
Ни кровь Рогвольдова, отмщения просяща,
Ни братиев твоих, ни сестр плачевный рок,
Ни подданных твоих в оковах слезный ток,
И есть ли все сие исчислив, ты спокойна,
Так ты тоски и слез несчастная достойна!

---

[16] Там же, с. 52.

[17] *Херасков М. М.* Идолопоклонники, или Гориславa. Трагедия. — В кн.: Российский феатр или Полное собрание всех российских феатральных сочинений, часть IV. СПб., 1786, с. 224.

Гориславa

Спокойна!.. чувства я не ведаю сего:
Князь! Князь! иль ты лица не видишь моего,
Не замечаешь слез по нем реками текших,
Не слышишь стонов ты мой дух почти извлекших
Чем сердце томное съедается мое,
Слезами на очах написано сие:
Но подлинно к другим я чувствам неспособна,
Кумиром каменным являюся подобна,
Едва биется грудь, едва не мерзнет кровь;
Я чувствую одну несчастную любовь,
Которая во мне все чувства погасила.[18]

Святополк высказывает Гориславе мысль об убийстве Владимира:

Простри к злодею руку,
Дерзни невольничьи оковы разорвать,
И непрезренная царица будь и мать.[19]

Из монолога Гориславы (явление IV) Владимир узнает о каком-то заговоре. Добрыня советует Владимиру «быть осторожну». В действии IV (явление III) происходит диалог Владимира и Святополка, из которого последний узнает, что он сын не Ярополка, а Владимира. Между ними происходит примирение. Жрецы поднимают восстание против Владимира, используя имя Гориславы. Она приговорена к казни. Действие V, явление 2 начинается диалогом Гориславы с Изяславом, который догадывается о предстоящей казни матери. Святополк подсказывает Изяславу мысль обратиться к Владимиру. Во время прочтения приговора Изяслав бросается на колени перед отцом со словами:

Увы! родитель мой!

Владимир

Кого я вижу!

Изяслав

Сына!
В безмерной ярости мою ты мать рази,
Но прежде сыну в грудь свирепый мечь вонзи;
Коль тесен свет тебе и с нею и со мною,
Рази нас! но меня не делай сиротою.

Владимир (*в смущении*)

Ах! кто тебя, мой сын, сим нежностям учил?
Меня твой взор! твой вид! твой голос умягчил!
Во всей моей душе я жалость ощущаю.
Возстань, мой сын! возстань!.. я мать твою
прощаю.[20]

На вопрос Гориславы:

Кто сердце, князь, твое смягчить мгновенно мог?

[18] Там же, с. 236.
[19] Там же, с. 237.
[20] Там же, с. 301.

Владимир отвечает:

Закон, который нас душевно просвещает,
Закон сей и врагам прощение вещает.
Я долго правды зрел лучи издалека;
Но благодати днесь коснулась мне рука,
И мой смягчила дух: вражду мою забудьте,
Владейте Полоцком и мне друзьями будьте.

В трагедии Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава» можно видеть влияние известной картины А. П. Лосенко «Владимир перед Рогнедою» 1770 г., в которой художник показал «первое свидание с Рогнедою». Как справедливо пишет А. Г. Верещагина, Лосенко, «рассуждая как человек гуманный, чуждый произволу, владевшему сердцем сластолюбивого князя, искал в его поступках причины, которые бы если не оправдали, то заставили отнестись к нему с сочувствием».[21] Лосенко поставил перед собой психологические задачи. В специальном письменном «Изъяснении» к картине он писал: «Владимир на Рогнеде женился против воли ее. Когда же он на ней женился, то должно, чтоб он ее и любил. Почему я его и представил так, как любовника, который, видя свою невесту обезчещену и лишившуюся всего, должен был ее ласкать и извиняться перед нею, а не так, как другие заключают, что он ее сам обезчестил и после на ней женился, что мне кажется очень пенатурально, а ежели же и то было, то моя картина представляет как только самое первое свидание».[22]

В трагедии Хераскова Владимир представлен страстно влюбленным в Рогнеду—Гориславу. Он говорит ей (действие II, явление IV):

Я твой разрушил трон; но ты отмстила мне,
Во побежденной стал я пленником стране,
Любовь моя тебе урон твой заплатила,
А ты на трон возшед, мне и на троне мстила.[23]

Заключительный монолог князя Владимира намечает концепцию эпической поэмы Хераскова «Владимир возрожденный» (1785 г.), проникнутой масонскими идеями. Повышенный интерес к религиозной тематике Хераскова в этот период и упование на моральное очищение людей посредством приобщения к идее истинного бога как единственного средства избавления от зла определили трактовку образа князя Владимира в трагедии «Идолопоклонники, или Горислава».

Привлекая летописные источники более полно, чем другие драматурги XVIII в., разрабатывавшие сюжет о Владимире и Рогнеде, Херасков в то же время значительно отступил от летописных повестей и представил «святого, равноапостольного» князя Владимира как героическую лич-

---

[21] *Верещагина А. Г.* Художник. Время. История. Очерки русской исторической живописи XVIII—начала XX в. Л., 1973, с. 13—14.
[22] Цит. по книге А. Г. Верещагиной (с. 13—14).
[23] *Херасков М. М.* Идолопоклонники, или Горислава, с. 248.

ность, исключив сложность его образа, воссозданного древнерусским писателем.

В 1787 г. вышла из печати трагедия Я. Б. Княжнина «Владимир и Ярополк». К уже известному «треугольнику» (Владимир, Ярополк, Рогнеда) присоединены вымышленные герои: «Клеомена, княжна греческая, плененная Святославом при покорении Херсонеса и живущая у Ярополка; Свадель, вельможа Ярополков; Вадим, вельможа Владимиров; Вальмира, наперсница Рогнедина».[24]

Я. Б. Княжнин оригинально переосмыслил летописный рассказ. Движущей силой трагедийного сюжета в этой пьесе становится страсть киевского князя Ярополка к греческой княжне Клеомене, находящейся в плену вместе с младенцем братом в Киеве. Полоцкая княжна Рогнеда любит Ярополка, а новгородский князь Владимир влюблен в Рогнеду. Слабый киевский князь Ярополк испытывает колебания: он не может решить — жениться ли на гречанке Клеомене, которая отвергает его любовь, или на Рогнеде, испытывающей жгучее чувство ревности. В порыве этого чувства Рогнеда, зная о страстной любви к ней Владимира, принуждает его убить Ярополка.

Рогнеда

В грудь брата мечь вонзить,
Измену наказать, мой стыд омыти кровью,
Злодейства тем свои загладить пред любовью...
Но ты оцепенел; куда твой делся жар?

Владимир

Мне брата кровь пролить? мне?

Рогнеда

Кто ж совершит удар?
Коль будет жить твой брат, не буду я твоею.
Нет способов иных владеть моей душею.
Стенаньем варвара прерви Рогнедин стон!
Соделав столько ты любви твоей препон,
Толико оскорбив несчастную Рогнеду,
Ты видишь надо мной нетрудную победу;
Любить себя велю, повелевая мстить:
Ты можешь то; а! ты не хочешь поразить.

Владимир

Вообрази себе, к чему меня приводишь;
И к счастью моему какой ты путь находишь!
Велишь злодействием тебя достойным быть!
Братоубийца ты возможешь ли любить?

Рогнеда

Нет нужды: мщение в обиде я имея,
Зря кровь, могу любить гнуснейшего злодея...
Трепещешь!.. не страшись... нельзя порочным быть;
Всему отечеству тем можешь услужить,

---

[24] *Княжнин Я. Б.* Владимир и Ярополк. Трагедия в пяти действиях, в стихах. — В кн.: Сочинения Княжнина, т. 1. СПб., 1847, с. 310.

И не злодей, герой уже Владимир будет,
Для блага общества коль братство он забудет.[25]

Владимир Святославич совершает убийство брата и приходит к Рогнеде.

Владимир

Свершилось все!.. мой брат!.. угодно ль то тебе?
Повержен Ярополк!.. я мерзостен себе!

Рогнеда

Уж нет его!

Владимир

Увы! скончался брат любезный!..
Еще не веришь!.. верь, мои зря токи слезны...
Зря ужас на лице, жестокая, поверь!
Я сам себя страшусь!.. довольна ль ты теперь?
Спокойна ль?.. торжествуй!.. насытилася злоба!
Низвержен братом брат во мрачны тени гроба.[26]

Узнав о смерти Ярополка, Рогнеда проклинает Владимира.

Сокройся от моих, чудовище, ты глаз!
Не множи моего смертельного мученья,
Не представляй ты мне ужасного виденья
В крови омытых рук!.. Кого ты умертвил?
И чью ты пролил кровь? и чем он винен был?
За что? и кто велел? кто в том тебя наставил?
И кто судьей тебя над князем здесь поставил?

Владимир

Что слышу! Небеса!.. не ты ль велела мне?
Не ты ль, жестокая? Иль было то во сне?[27]

Трагедия Я. Б. Княжнина «Владимир и Ярополк» кончается монологом Владимира, в котором он раскаивается в убийстве брата и хочет заколоться. «Вельможа» Вадим успевает отобрать у Владимира меч, но Владимир теряет зрение.

Трагедия Княжнина «Владимир и Ярополк» имеет достаточно ясную политическую направленность, которая заключается и в самом содержании пьесы (убийство ни в чем не повинного человека по злобе ревнивой женщины) и в афористических высказываниях действующих лиц. Вельможа Ярополка Свадель говорит:

Блаженства общего, о, гнусная вина!
К чему, Россия, ты теперь приведена
Волнением страстей твоих князей строптивых!
Твоя зависит честь от взоров жен кичливых,
Страна героев, днесь игралище любви.[28]
Кто страстен, слаб; кто слаб, тот близок от порока.[29]

---

[25] Там же, с. 364—365.
[26] Там же, с. 378.
[27] Там же, с. 379—380.
[28] Там же, с. 312.
[29] Там же, с. 313.

Сваделю же принадлежит и следующая тирада о роли вельмож в государственном устройстве:

Народам и царям вельможи суть оплот.
Коль в буйности на трон волнуется народ,
Вельможей долг его остановлять стремленье;
Но если царь, вкуся величества забвенье,
Покорных подданных во снедь страстям поправ,
Изступит из границ своих священных прав,
Тогда вельможей долг привесть его в пределы.[30]

Вспомним, что эти строки опубликованы в 1787 г., что в России говорят о бесконечной смене фаворитов при дворе стареющей императрицы Екатерины II, что во Франции раздаются первые революционные призывы к предстоящей Великой французской революции.

Трагедией «Владимир и Ярополк» Княжнин был подготовлен к созданию тираноборческого «Вадима Новгородского».

К 80-м гг., как полагает Л. И. Кулакова, относится работа Княжнина над трагедией «Ольга». Темой произведения является летописный рассказ о жене киевского князя Игоря, казненного древлянами, о сватовстве князя Мала, о мести Ольги за убитого мужа, о вступлении на киевский престол ее сына Святослава. Как первая христианка на Руси княгиня Ольга была причислена к лику святых. Ее Житие входило в состав Великих Четьих-Миней митрополита Макария, Четьих-Миней Димитрия Ростовского и в Пролог. Однако трагедия «Ольга» не была закончена Княжниным. А. И. Могилянский считает, что причиной неудачи была творческая несостоятельность автора, использовавшего для создания произведения стихотворный перевод В. И. Майкова 1775 г. трагедии Вольтера «Меропа».[31]

Более обоснованной представляется точка зрения Л. И. Кулаковой, согласно которой невозможность публикации трагедии «Ольга» явилась следствием общей направленности идейного замысла пьесы. Тема трагедии, финалом которой было вступление на киевский престол (с благословения матери) князя Святослава и самоустранение от власти княгини Ольги, была демонстративно связана с политической обстановкой конца 1770—1780-х гг. Екатерина II, отстранившая от престола своего сына Павла, достигшего в 1772 г. совершеннолетия, очевидно, не допустила бы печатание такого произведения, что полностью осознавал и сам Я. Б. Княжнин.[32]

Последней драматургической обработкой летописных известий, связанных с именами киевских князей Владимира и Ярополка, явилась первая трагедия В. А. Озерова «Ярополк и Олег». Эта трагедия была поставлена на сцене Петербургского Большого театра 16 мая 1798 г. и после премьеры снята.

---

[30] Там же, с. 314.

[31] *Могилянский А. П.* «Ольга», трагедия Я. Б. Княжнина. — В кн.: XVIII век, т. 3. М.—Л., 1958, с. 498—504.

[32] *Кулакова Л. И.* Я. Б. Княжнин. — В кн.: Русские драматурги XVIII—XIX вв., т. 1. М.—Л., 1959, с. 324—326.

Молодой драматург В. А. Озеров, позднее прославившийся трагедиями «Димитрий Донской» (1807 г.), «Эдип в Афинах» (1804 г.), «Фингал» (1807 г.) и «Поликсена» (1816 г.), в своем раннем произведении сюжетом пьесы избрал следующий эпизод из истории междоусобной борьбы сыновей киевского князя Святослава.

В печатной «Летописи Нестора» содержится рассказ о ненависти, возникшей между старшими сыновьями князя Святослава: киевским князем Ярополком и древлянским князем Олегом.

Под 972 г. в летописи сообщено о гибели Святослава: когда он подошел к днепровским порогам, «нападе нань Куря, князь печенежский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбе его соделаша чашу, оковавше лоб его, и пьяху из него. Свенальд же прииде к Киеву ко Ярополку».[33]

Под 975 г. рассказано об отношениях, сложившихся между воеводою Свенальдом (служившим при отце князя Святослава) и князьями Ярополком и Олегом. Сын Свенальда «именем Лют, шед бо из Киева гна по звери в лесе и узре Олег и рече: „Кто се есть?“ И реша ему: „Свенальдичь“ и заехав и уби и, бе бо ловы дея Олег. О том бысть межи има ненависть и ярость Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свенальд: „Пойди на брат свой, приими волость его“, хотя отмстити сыну своему.

В лето 6485 (977 г.) пойде Ярополк на брата своего на Ольга на Деревскую землю, и изыде противу ему Олег, и ополчишася, и сразившимася полкома, и победи Ярополк Ольга. Побегшу же Ольгу со своими вои во град, рекомый Вручай, и бяше мост чрез гроблю (ров) ко вратом градным, теснячися спихаху друг друга в гроблю, и сопхнуша с моста Ольга, и падаху людие мнози, и удавиша кони и человецы. И вшед Ярополк во град Ольгов, прия власть его, и посла искати брата своего; и искавше не обретоша, и рече един деревлянин: „Аз видех вчера, яко сопхнуша со мосту“, и посла Ярополк искати брата... и налезоша на исподи Ольга под трупием, и вынесоша, и положиша на ковре. И прииде Ярополк над него, и плакася, и рече Свенальду: „Виждь, сего ты еси хотел“».[34]

Значительное число действующих лиц трагедии В. А. Озерова «Ярополк и Олег» — исторические лица: «Ярополк, великий князь киевский; Олег, князь древлянский; Предслава, княжна болгарская ... Свенальд, первый вельможа Ярополков». Другие лица вымышленные — «Заида, наперсница Предславы; Извед, тысячник войска Ярополкова». Действие трагедии «происходит в Киеве в чертогах великого князя».

Основной «пружиной действия» трагедии Озеров делает соперничество братьев — Ярополка и Олега. Оба любят плененную княжну Предславу, которую привез из Болгарии князю Олегу его отец Святослав. Предслава и Олег ожидают свадьбы. Ярополк, томимый страстью к Предславе, посылает Олега с войском против печенегов, надеясь на его погибель в битве. Олег выигрывает сражение и победителем возвращается в Киев.

---

[33] Библиотека российская историческая..., ч. 1. СПб., 1767, с. 65—66.
[34] Там же, с. 66—67.

Одним из главных действующих лиц трагедии «Ярополк и Олег» является Свенальд — «первый вельможа Ярополков». Как в летописи, он ненавидит древлянского князя Олега. Услышав о победе Олега над печенегами, Свенальд говорит Изведу:

Древлянский князь... Олег... России благодетель!
Не верь: коварен он, и в нем геройства нет.
Когда бы смелый мой услышан был совет,
Когда бы Ярополк на брата шел войною,
Давно б погиб Олег, столь ненавидим мною.

Извед

Что слышу я! Свенальд врагом Олега чтит?

Свенальд

Врагом... и с ним меня никто не примирит.
Могу ли позабыть, что им лишен я сына!

Извед

Несправедливая вражды твоей причина:
Твой сын преступник был.

Свенальд

Но я его отец...
Я, ливший кровь мою за росский сей венец,
Который с братьями князь ныне разделяет, —
Меня заслуга сверх законов поставляет.
Олег был должен чтить Свенальдов славный род;
Законом пусть страшит ничтожный он народ.[35]

Свенальд убеждает Ярополка не встречать в Киеве Олега — победителя печенегов, а поднять в его войске восстание против князя, а в это время Ярополку обручиться с невестою Олега Предславою. Киевский князь признается в любви Предславе и узнает, что болгарская княжна согласна скорее умереть, чем изменить Олегу.

Ярополк

Ругательством своим усугубляй презренье,
Но трепещи: на все решусь в моем стремленье!
Еще от рук моих твоя зависит часть:
Чего нельзя любви, свершить то может власть.

Предслава

Не унижай, о князь, своей верховной власти!
Пред твердостью моей ничтожны все напасти.
Коль умереть должна иль чести изменить,
Познай, что с нею в гроб готова я сойтить.[36]

Свенальд настаивает на убийстве Олега и предлагает сам совершить это преступление. Сотенник сообщает, что ночью Олег убит. Ярополк

---

[35] *Озеров В. А.* Трагедии. Стихотворения. Л., 1960, с. 78 (Библиотека поэта. Бол. серия).
[36] Там же, с. 85.

произносит монолог, близкий по смыслу к речи, переданной в летописи:

Так, поздно уже все... прешел Олегов век!
Свирепый брат его, я, я ту смерть изрек,
И я ему нанес удар и смерти муки;
Так, кровью братнею сии покрыты руки!
О, ужас, о, позор, о, яростный злодей!
Куда укрыться мне от совести моей!
Здесь шум и тишина, родительские стены
Мне будут упрекать бесчестие, измены,
Жестокость, лютости, злодействие мое.
Но накажу, Свенальд, коварство я твое!
(*вырывает меч из рук сотенника*)
Доколь от братних ран сей меч еще дымится,
В твоей груди, злодей, пусть оный обагрится! [37]

Предслава, узнав об убийстве Олега, пытается поразить себя кинжалом.

В последнем явлении V действия неожиданно появляется Олег и сообщает, что Извед предупредил его о замысле Свенальда, что Свенальд им был прощен, но «отверг... прощенье. || Трикратно он кинжал во грудь свою вонзил || и пал в той храмине, где смертью мне грозил». Трагедия заканчивается полным примирением братьев. Ярополк произносит монолог, в котором достаточно ясно раскрывается авторский замысел:

Ярополк

. . . . . .
Я недостоин стал прелестныя княжны.
Олег, из рук моих ее прими ты руку,
Но преступлением мою измерь ты муку!
Чтоб ей владеть, тебе я смертный нес удар,
Познай чрез то, какой я уступаю дар!
А я, в сей грустный день наставленный навеки,
Сколь близок к нам порок, сколь слабы человеки,
На сердце сохраню, что ложный друг и льстец
Есть язва злейшая носящему венец.[38]

«Ярополк и Олег» — пьеса, написанная в классицистических традициях. Действующие лица в ней четко противопоставлены: герой и героиня, отличающиеся высшим благородством; злобный и коварный советник — Свенальд; сластолюбивый и слабовольный тиран Ярополк; наперсница Заида, друг и пособник положительных героев — Извед. Но вместе с тем исследователями уже отмечены черты, роднящие эту трагедию Озерова с романтической драматургией.[39] Непоследовательность и слабоволие киевского князя Ярополка (идет в поход против Олега и оплакивает его мнимую гибель) давали современникам возможность политиче-

---

[37] Там же, с. 121.
[38] Там же, с. 126.
[39] *Бочкарев В. А.* Русская историческая драматургия начала XIX в. — Учен. зап. Куйбышевск. пед. ин-та, вып. 25. Куйбышев, 1959, с. 137—139; *Медведева И. Н.* Владислав Озеров. — В кн.: *Озеров В. А.* Трагедии. Стихотворения. Л., 1960, с. 21—23 (Библиотека поэта).

ских «применений» — материал для изображения чувств и действий, свойственных их эпохе.[40] Эта аллюзионность первой трагедии Озерова, написанной на сюжет древнерусской литературы, усилилась в его дальнейшем драматургическом творчестве.

В XVIII в. были созданы драматические произведения на сюжеты древнейшей русской истории: «Хорев» (1747 г.), «Синав и Трувор» (1750 г.) А. П. Сумарокова; «Рюрик» (1786 г.), «Начальное управление Олега» (1786 г.) и незаконченная драма «Игорь» Екатерины II; «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина (1789 г.); «Рюрик» П. А. Плавильщикова (1790-е гг.).

К тому времени, когда Сумароков приступил к созданию первых русских трагедий на национально-историческую тему, кроме печатного Синопсиса, изданного в типографии Киево-Печерской лавры в 1674 г., выдержавшего в XVII в. пять изданий и тогда же переведенного на греческий язык, а в начале XVIII в. по личному указанию Петра I — на латинский язык, в 1717 г. было напечатано «Родословие великих князей и царей российских» вместе с гравированными портретами великих князей и царей. «Родословие» было подготовлено Феофаном Прокоповичем. Оно начиналось с известия о Рюрике, а о древнейшей киевской истории в «Родословии» не говорилось.

Сумароков не имел в своем распоряжении других источников и сведений о древнейшей истории Киева, кроме печатного Синопсиса, ярко отразившего «публицистическое истолкование... прошлого, целиком повернутое к текущей современности»,[41] т. е. времени активной внешней политики начала 70-х гг. XVII в., времени воссоединения Украины с Русским государством.[42]

В самом заглавии Синопсиса раскрывались идейная направленность произведения и его хронологический диапазон: «Синопсис, или Краткое собрание от разных летописцев о начале Славяно-Российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного великого князя киевского и всея России первейшего самодержца Владимира и о наследниках благочестивые державы его Российские...».

Инициатором издания и вероятнее всего и его автором был архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель, один из образованнейших людей Украины, горячий сторонник воссоединения своей родины с Россией.[43]

Автора Синопсиса глубоко интересует начальный период в истории Российского государства. Он использует известия русских летописей и

---

[40] Возможно, что в слабохарактерном князе Ярополке современники видели Павла I, а в Свенальде — Кутайсова и Аракчеева, имевших огромное влияние на царя. Несмотря на блестящий успех первой постановки трагедии, она была снята, вероятно, по цензурным причинам. Трагедия «Ярополк и Олег» впервые была опубликована в издании сочинений Озерова (ч. 1—3. СПБ., 1829).

[41] *Еремин И. П.* К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. — ТОДРЛ, X. М.—Л., 1954, с. 212.

[42] Там же, с. 212—213.

[43] Там же, с. 213—214.

«Хронику литовскую, польскую, жмудскую и всея Руси» Матвея Стрыйковского. Свое повествование автор Синопсиса начинает с рассказа «о преславном верховном и всего народа российского головном граде Киеве ни о начале его». В истории Киевского государства он четко разделяет два периода: древнейший, когда городом управляли местные князья, и период с 861 г., когда местных князей сменили князья варяжские — Рюрик и его преемники.

Первое основание древнейшему Киевскому государству, как сообщает Синопсис, положили три родных брата — Кий, Щек и Хорев, «князие российские». Они пришли к берегам Днепра «по благословению и пророчеству апостола Андрея», от «диких поль с славяны великими и храбрыми народы». Здесь, на берегах Днепра, они начали «града и места тишайшего ради жития и прибежища созидати»: Кий основал город Киев. Ссылаясь на свидетельство М. Стрыйковского, автор Синопсиса относил возникновение Киева к 430 г. нашей эры. Щек построил город невдалеке от Киева — Щековицу, тоже «от своего имени»; Хорев — город Хоревицу («потом Вышгород прозвася»). Их сестра Либедь (или Лыбедь) также «на пригорку высоком» построила городок и назвала его в честь своего имени — Либедь. Автор Синопсиса не может точно назвать, кто после смерти основателей киевской династии господствовал в этой земле. Он полагает, что известия об этом не сохранились по той причине, что «прост народ бысть, писания не умеющий; аще же о них и было что написано совершенно, и тому чрез частые и великие брани нужда бысть погибнути».[44]

Последними представителями киевской династии князей были Аскольд и Дир. Они жили у Рюрика «нарочитыми людьми», и никто в Новгороде не знал, что они прямые потомки «основателя и первого князя киевского Кия». Аскольд и Дир отпросились у Рюрика по Днепру «итти с роды своими» в Царьград. По пути они увидели город Киев, остались в нем и «начаша владети ту и обладати всею тою Киевскою землею» как законные князья. С насильственной смертью Аскольда и Дира от руки Олега династия «свойственных» князей в Киеве кончилась.

По сообщению автора Синопсиса «росси» жили не только на берегах Днепра: они расселились далеко на Север и в «полунощных странах над озером Илмером» и «над Волховою рекою» построили себе город, прозванный Новгород Великий. Из своей среды они избрали в князья «некоего мужа нарочита» — Гостомысла. «Егда же в велицем междоусобии и многом нестроении российски народы быша, не согласующеся в избрании от среды себе властелина», мудрый Гостомысл посоветовал им послать к варягам и звать «на княжение» трех братьев «иже бяху князи изящнейшии и в храбрости воинской изрядни», живущие «над морем Балтийским, еже от многих нарицается Варяжское» — Рюрика, Синеуса и Трувора. Пришедшие варяги, имеющие «селения» на Варяжском море, были не чужеземцы, но «языку славенски бяху».[45] Рюрик, Синеус и Трувор, по словам составителя Синопсиса, были приняты «от всех россов

---

[44] Синопсис, или Краткое собрание от разных летописцев... Киев, 1674, с. 18.
[45] Там же, с. 20.

с великою радостию и благодарением». Они разделили между собою на три части «государство Русское»: старейший брат Рюрик «восприят себе княжение Великоновгородское, а столицу заложи на острове езера Ладоги», Синеус «объят страны российские над Белым озером», а Трувор «восприят княжение Псковское». Синеус и Трувор вскоре умерли, не оставив наследников. Рюрик воспринял «самодержавие российское». От него и его сына Игоря Рюриковича и пошли все российские князья. От них же по прямой линии ведут свое родство все «великие князья Московские», вплоть до царя Алексея Михайловича.[46]

В первой трагедии Сумарокова «Хорев», написанной в 1747 г., темой являются исторические события времени правления легендарного князя Кия. Узел трагической коллизии завязывается вокруг борьбы любовной страсти и долга.

Младший брат Кия — Хорев, наследник престола, любит и любим Оснельдой, дочерью изгнанного местного князя Завлоха. «Первый боярин» Сталверьх сообщает князю Кию о взаимной любви Хорева и Оснельды, намекая на возможную попытку Хорева овладеть киевским престолом в надежде жениться на пленнице. Сталверьх прилагает усилия и убеждает Кия поверить его наветам. Киевский князь посылает Хорева на войну против Завлоха, а Оснельде приказывает выпить кубок с ядом. Возвратившийся из победоносного похода Хорев, узнав о смерти возлюбленной, закололся. Киевский престол остался без наследников.

В «Хореве» использованы только два имени легендарных лиц, упомянутых в русских летописях и в печатном «Синопсисе». Ни завязка, ни развязка трагедии ни в какой степени не связана с летописными повестями.

Следующей пьесой А. П. Сумарокова на темы древней русской истории была трагедия «Синав и Трувор», представленная в первый раз в Петергофе в 1750 г.

Трагедия открывается речью «знатнейшего боярина новогородского» Гостомысла, обращенной к дочери Ильмене.

Гостомысл

Пришло желанное, Ильме́на, мною время,
Соединить тобой мое с Цесарским племя.
Весь град сего часа нетерпеливно ждет,
В который кровь моя в порфире процветет.
Уже к браку олтари цветами украшенны,
И брачныя свещи в светильники вонзенны:
Готовься, дщерь моя, готовься внити в храм.[47]

В этой речи любопытно отметить одно из последних отражений «августианской легенды» XVI в. о родстве трех братьев — Рюрика, Синеуса (Синава) и Трувора с Прусом — братом «римского цесаря Августа».[48]

---

[46] Там же, с. 23.

[47] *Сумароков А. П.* Синав и Трувор. — В кн.: Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений, ч. II. СПб., 1786, с. 5.

[48] *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 204—216.

В речи Гостомысла завязывается сюжетный узел, пружиной которого является любовная страсть дочери новгородского боярина Гостомысла к Трувору, в то время как отцом она обещана его старшему брату — Синаву. Гостомысл надеется путем брака дочери с варяжским князем укрепить положение Новгорода, расшатанное междоусобными войнами. Обращаясь к дочери, Гостомысл говорит о Синаве:

Представь его труды любви своей в посредство,
И мужеством ево скончавшееся бедство.
Вообрази себе те страшны времена,
Когда мутился град, и вся сия страна,
Отечество твое, отечество геройско,
И воружалося бунтующеся войско,
Прибыток всех вельмож во граде разделил,
Граждан и воинство на злобу устремил.
Уставы древние в презрение ниспали,
Правленье и суды всю область потеряли.
Един остался я при истинне святой,
И часть отечества вернейших чад со мной.
Коликое число смерть россов пожирала!
Их злоба на самих себя вспламеняла.
Друзья против друзей, родня против родни,
Восстали разрушать благополучны дни.
Все домы были жен слезами окропленны,
И все поля, мужей их кровью обагренны.
Алкал из сильных всяк правительство принять,
И не хотел никто законы защищать.
. . . . . .
К нам щедры небеса к скончанию печали
С полками трех князей для помощи послали.
Не для владения пришли они сюды:
Но только окончать нещастливых беды.
. . . . . .
Настала тишина; и в воздаянье сил,
Которыми сей князь напасти прекратил,
Единогласно все на трон его желали,
И умолив его, венцем его венчали.[49]

Ильмена признается отцу, что не любит Синава, и Гостомысл, высказывая авторскую идею Сумарокова о долге государя перед подданными, говорит ей:

Не только для него корону воспринять,
Для общества и жизнь нам должно потерять.[50]

Следуя долгу — обещанию, данному Гостомыслом Синаву, — Ильмена не может забыть своего возлюбленного князя Трувора. Она решает расстаться с жизнью.

Когда ты, о любовь, с судьбой не согласилась;
Нещастная любовь, почто ты в нас вселилась?
Сей лютой горести не может дух стерпеть,
Конечно надлежит Ильмене умереть.[51]

---

[49] *Сумароков А. П.* Синав и Трувор, с. 7—8.
[50] Там же, с. 9.
[51] Там же, с. 12.

Синав пытается узнать у Трувора, к «кому склонна Ильмена». Происходит мучительный диалог братьев, и Трувор в конце признается:

Я тайны своея уж больше не таю,
И естьли на меня, Синав, ты днесь озлился;
Рази, доколе я Ильмены не лишился.
Когда отнимешь ты любезну у меня,
Не жалобой одной воздам тебе стеня.
Рази теперь! когда карать меня ужь поздно.[52]

Синав назначает день свадьбы с Ильменой, и Гостомысл наставляет дочь преодолеть свою страсть во имя долга перед новгородцами. Трувор должен уехать в ссылку, Ильмена вступает в супружество с Синавом. Вестник сообщает, что Трувор «близь устья Волхова... мечь в себя вонзил». Ильмена, узнав о смерти возлюбленного, закололась. Синав пытается поразить себя мечом, который вырывают у него Гостомысл и воины. Но он «помрачается в разуме». В заключительном монологе Синав проклинает себя.

О день! нещастный день! я мучусь нестерпимо,
О солнце! для чего еще ты мною зримо!
Разлей свои валы о Волхов на брега,
Где Трувор поражен от брата и врага,
И шумным стоном вод вещай вину Синава,
Которой навсегда моя затмилась слава!
О дом, где пролила свою Ильмена кровь,
Пади на мя, отмсти злодейску мне любовь!
Карай мя, небо; я погибель в дар приемлю,
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю.[53]

Синав — тиран, нарушивший нравственный долг государя, должен погибнуть. Этот исторический герой приведет в начале 1770-х гг. к образу Димитрия Самозванца, воплотившего деспотизм самодержавной власти в одноименной трагедии Сумарокова.

Авторский замысел А. П. Сумарокова отталкивался от краткого известия летописи о том, что из троих братьев-варягов, пришедших в Новгород: Рюрика, Трувора и Синеуса, потомство имел только Рюрик. Он оставил своего малолетнего сына Игоря наследником Новгородской земли. Игорь позднее распространил свою власть и на Киевское княжество. Синеус и Трувор умерли вскоре после прихода на Русь, сказано в летописи. Таким образом, в трагедии Сумарокова внешне была соблюдена иллюзия «историчности», так как в трагедии действовали лица, известные из памятников Древней Руси. Вымышленное имя героини, дочери «знатного новгородского боярина» Гостомысла — Ильмена — ассоциировалось с новгородским географическим названием — Ильмень-озеро. Идейное содержание трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» было подчинено дидактическо-воспитательным целям: прославить добродетель и показать во всем своем отталкивающем безобразии порок (в лице Синава, погубившего брата и красавицу Ильмену). Отсутствие описания дей-

---

[52] Там же, с. 31.
[53] Там же, с. 81—82.

ствий Синава и Трувора в летописи, явившейся источником печатного «Синопсиса», давало Сумарокову полную возможность свободного домысливания трагической коллизии — основы классицистической драматургии.

Вновь к древнейшим событиям Киевской Руси Сумароков обратился в трагедии «Семира», представленной «в первый раз в Санкт-Петербурге на императорском театре в исходе 1751 г.» и изданной в 1768 г. Историческими лицами здесь являются Олег, «правитель российского престола», и Оскольд, «князь киевский». Остальные действующие лица трагедии: Семира, сестра Оскольда, «любовница Ростиславова»; Ростислав, «сын Олегов»; «Возвед, сродник Оскольдов»; «Витозар, наперсник Олегов» и «Избрана, наперсница Семиры» — вымышленные.

Мы помним, что в киевском «Синопсисе» имеются сведения (восходящие к «Хронике» М. Стрыйковского) о том, что Оскольд (или Аскольд) был потомком основателя Киева — князя Кия. А об Олеге там сообщено, что он был «сродником» князя Рюрика и воспитателем его сына Игоря. Из «Синопсиса» же известно, что Олег, отправившийся по Днепру из Новгорода, «узрел» на берегу город Киев. Узнав, что там правят князья Оскольд и Дир, он послал к ним «мужей», которые сказались купцами и пригласили доверчивого князя посмотреть их товары. Когда Оскольд и Дир прибыли на берег Днепра, то воины Олега, спрятанные в лодках, окружили их. А Олег, показав малолетнего князя Игоря, сказал: «„Вы неста князя, ни рода княжа... а се есть сын Рюриков“. И уби Аскольда и Дира... И седе Олег, княжа в Киеве, и рече Олег: „Се буди мати градом руским“».

В «Семире» мы вновь встречаемся с той же трагической коллизией, которая характерна для трагедии А. П. Сумарокова: сестра киевского князя Олега Семира любит и любима Ростиславом — сыном «правителя российского престола» Олега. Действие происходит «в Киеве в княжеском доме». Семира говорит своей наперснице о намерении «любовника оставить, || И одолев себя, на век себя прославить». И далее она объясняет причину своего решения:

Хотя возлюбленный мне больше жизни милъ;
Но помню то, что им отец мой свержен с трона,
И наша отдана им Игорю корона.
Когда Оскольд мой брат надежды не имел,
Вселенной показать своих геройских дел,
Я сердца своего тогда не побеждала:
А ныне часть моя совсем премена стала.
Олег невольников от уз освободил;
И щедро из темниц невольных испустил;
Чтоб нашим подданным отдав им их свободу
Явить себя отцем плененному народу,
И покорив сердца искати новых стран.
Но брату моему на толь дух гордый дан,
Чтоб он был раб, и чтоб он пробыл во неволе,
И видел Игоря на Киевом престоле?
На то ли Кий сей град стенами окружил,
Чтоб сродник в нем его рабом Олегу был? [54]

---

[54] *Сумароков А. П.* Семира. — В кн.: Российский феатр или полное собрание всех российских феатральных сочинений, часть II. СПб., 1786, с. 164.

Семира не может смириться с тем, что

Отец... жизнь свою скончал не на престоле,
Дир младший брат его погиб на ратном поле.

Явление II открывается речью Оскольда, обращенной к воинам. Он намерен поднять восстание в Киеве против Олега:

Настал нам день искать иль смерти, иль свободы;
Умрем иль победим, о храбрые народы.

Оскольд понимает, что борьба его с Олегом разрушает любовный союз Семиры с сыном Олега Ростиславом.

Ты благо общее любви предпочитая,
Владычица страстей себя одолевая.

Семира

От знатной крови я на свет изведена;
Должна ль я тако быть страстьми побеждена,
Чтоб делали они премены те в Семире,
Какия свойственны другим девицам в мире.
Где жизни хвальные примеры находить;
Коль в княжеских сердцах пороки будут жить? [55]

Возвед, «сродник Оскольдов», сообщает Олегу о восстании киевлян. Оскольд приговорен к смерти. Ростислав умоляет отца спасти Оскольда. Олег, «садится, Оскольду смерть подписывает» — ремарка автора (действие II, явление XII). Мучаясь сомнениями, Олег «раздирает указ». Но Оскольд не хочет принимать милости от Олега: он готов к смерти. Ростислав, убежденный Семирою, выпускает Оскольда из темницы, чтобы он снова поднял войска против Олега. Ростислав приговорен к смерти. Войска Оскольда подходят к Киеву, и Ростислав должен выступить против него. Увидя, что войско побеждено, Оскольд «свой меч вонзил в себя, живот возненавидя». Оскольд умирает. Олег и Ростислав утешают Семиру.

Таким образом, видимость исторического внешнего подобия соблюдена: киевский князь Оскольд гибнет, «правитель российский» Олег передает трон сыну Рюрика Игорю.

Новгородские события IX в. явились темой многих драматургических произведений XVIII в.; но хотя речь идет в них об одних и тех же событиях, их идеологическая направленность сугубо различна.

В 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» начали по частям выходить «Записки касательно российской истории». Автор этого сочинения в журнале не обозначен, но было известно, что «российскими древностями» занимается императрица Екатерина II. В письмах к иностранным корреспондентам она охотно сообщала о своем увлечении.

В 1787 г. «Записки касательно российской истории» вышли отдельным изданием (в 6 частях), и почти одновременно императрица написала

---

[55] Там же, с. 170.

три драматических сочинения на сюжеты древней русской истории: «Подражания Шакеспиру. Историческое представление без сохранения феатральных обыкновенных правил, из жизни Рюрика» (СПб., 1786); «Начальное управление Олега. Подражание Шакеспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил (СПб., 1787); «Игорь. Историческое представление без обыкновенных феатральных правил». Драма об Игоре была не закончена и датируется 1786 г. на основании сведений, сообщенных в дневнике А. В. Храповицкого.

Совершенно очевидно, что к драматургии на сюжеты из русской истории Екатерина II подошла в результате занятий древнерусскими литературными и историческими памятниками, собранными в ее библиотеке. По подсчету В. С. Иконникова, у Екатерины II было около 150 летописцев.[56] В настоящее время в Эрмитажном собрании ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, являющемся остатком екатерининской библиотеки, их сохранилось немного менее 50.[57]

Какие же памятники древнерусской литературы использовала Екатерина II для воссоздания событий IX в.? Как охарактеризовала она исторических деятелей того времени? Что привлекло ее к изображению именно этого периода русской истории?

В предисловии к «Запискам касательно российской истории» Екатерина II намечает периодизацию исторического процесса, выделяя «пять эпох или времян». «Первая эпоха до великого князя Рюрика, или до 862 года» разделяется ею «на три времени»: «Перьвое... от сотвеорения мира до потопа. Второе время то после потопа... Третье время то, о котором известия до нас дошли, но в святом писании не находятся». Здесь «известия баснословные, но смешанные со истиною».[58]

Все три «исторические представления» Екатерины «из жизни» Рюрика, Олега и Игоря отображают, следовательно, по ее терминологии, «третье время» «первой эпохи». Екатерина, основываясь на Новгородском летописце, сообщает о князе Славяне, который с братом Скифом переселился со своим племенем с Черного моря на Север. Потомком Славяна был князь Гостомысл, владевший славянами, русью и чудью. Воинственные варяги наложили «дань тяжкую» на эти племена, и Гостомысл «варяг изгнал и при море град во имя старшего своего сына Выбора построил, учинил мир с варягами, и бысть тишина в той земле». Далее Екатерина II характеризует Гостомысла: «был муж храбрый, мудрый, соседами почитаемы... многие же князи от далеких стран приходили морем и землею послушати мудрости и видети суд его, и просити совета и учения его, яко тем прославися повсюду.

Гостомысл имел четыре сына и три дочери, сыновья померли прежде отца, большая дочь была за Изборским, от которой Ольга княгиня, сред-

---

[56] *Иконников В. С.* Императрица Екатерина II как историк. — Русский архив. М., 1911, № 7, с. 307.

[57] Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание составил Д. Н. Альшиц. М., 1968, с. 5—36.

[58] Сочинения имп. Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. VIII. СПб., 1901, с. 8—9.

няя дочь его, Умила, была в замужестве за финским королем отродия варяжского; от сего супружества родился Рюрик с братиями.

Гостомысл оставил завещание своим подданным, чтобы по смерти его призван был владычествовать в Новгород внук его, сын средней дочери Рюрик, князь варяжский, со братиями Синеусом и Трувором».[59] «Новгородцы приняли Гостомыслов здравый совет... послы, пришед к варягам, говорили князьям между прочим сии достопамятные слова: „Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет; приидите владеть нами“.

Рюрик со братиями, услыша о несогласии, своеволии, прихоти и беспорядке новогородцов, с трудом согласились на просьбу их. Наконец склонились на предложение послов.

Князь Рюрик со братиею и своими домами собравшися, взяли с собою великое число своего народа, пришли из Варяг к рубежам (границам) русским в 861 году».[60]

Далее Екатерина II сообщает о правлении Рюрика, о прибытии варяжских князей в города Полоцк, Смоленск, а «пасынка» Оскольда — в Киев, о беспокойстве, начатом «от зависти новогородцов против варяг. Начальник оных был муж храбрый, именем Вадим, князь славянский... Но великий князь Рюрик вскоре усмирил те беспокойствия и начинщиков наказал».[61]

Эти известия, приведенные Екатериною II в «Записках касательно российской истории», являются основой сюжетообразования «Исторического представления... из жизни Рюрика». Следует при этом сказать, что в драматическом произведении появляются имена действующих лиц, которые только вскользь упоминаются в «Записках»: «посадники новогородские», возглавившие посольство к Рюрику (Добрынин, Триян, Рулав, Людбрат), король финский, отец Рюрика, Синеуса и Трувора, Едвинда, княжна урманская, супруга Рюрика и др.

«Историческое представление из жизни Рюрика» открывается речью умирающего Гостомысла, обращенной к старейшинам «славян, руси, чуди, веси, мери, кривичь и драговичь»: «Я вижу между вами несогласие, всяк из вас по своей мысли и прихоти правит и судит... сами собою править не можете: и для того по кончине моей надобно вам князя, которой бы над вами владел. Таковые три брата князи честного происхождения обретаются в варягах, кои разумом и храбростию славны; они внуки мои родные, дети средней дочери моей Умилы, супруги финского короля».[62]

Завязка «Исторического представления» начинается сразу же после монолога Гостомысла. Вадим — внук его по младшей дочери, поражен приказанием Гостомысла. Он рассуждает о том, что, будучи славянским князем, имеет право на наследование престола. Но Добрынин, новгородский посадник, сразу же высказывает свое политическое кредо, преследуя цель пресечь намерения Вадима: «Народы, приобыкши повиноваться го-

---

[59] Там же, с. 11.
[60] Там же, с. 24—25.
[61] Там же, с. 26—27.
[62] Сочинения имп. Екатерины II, т. II. СПб., 1901, с. 221.

сударю, деду твоему, не поважены иметь тут прение, где следует исполнять его волю; кто из нас не умеет повиноваться, тот не способен другими повелевать».[63]

Подобное же рассуждение есть в «Наказе» Екатерины II. Политические реминисценции можно встретить и в «Историческом представлении из жизни Рюрика», и в драме об Олеге и Игоре.

Действие II «Исторического представления из жизни Рюрика» происходит в «стане Варягорусс» — так Екатерина II обозначила королевство Людбрата, куда прибывает славянское посольство просить на княжение в Новгород Рюрика с братьями. Следует речь Триана: «Милостивейший король Финляндский и Упландский! мы избранные послы от славян, русов, чуди, веси, мери, кривичь и дряговичь, предстали пред тобою, быв посланы к вам во исполнение последней воли премудрого нашего князя Гостомысла; с ним род князей славянских пресекся... земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет, придите владети нами, установите согласие, правосудие; избавьте великий Новгород от разорения».[64]

Людбрат обращается к Рюрику с вопросом, согласен ли он принять предложение славяно-русских послов. «Рюрик: Я привычен следовать и повиноваться воле моего родителя, оборонять Отечество, употреблять оружие для общей пользы».[65]

После длительных переговоров с послами (этому посвящено явление 4 III действия) Рюрик с братьями, шурином Олегом, пасынком Оскольдом, варяжскими князьями и войском отправляется в старую Ладогу и здесь узнает о «беспокойствах в народе», возбуждаемых князем Вадимом. Рюрик отправляет в Новгород Олега.

V действие открывается сообщением Олега о том, что в Новгороде, узнав о возможном прибытии варягов, «славяне от того стали колебаться; Рагуил (посадник, — *Г. М.*), приметя то, посылал их уговаривать то ласкою, то угрозами, чтоб разошлись по домам в послушании по прежнему; многие из них ушли из города, иные переловлены, в том числе сам князь Вадим».[66] Приводят пленного Вадима, и Рюрик прощает его «горячность», он бросает на землю мечь и обращается с речью: «Но пусть Рюрик в сей день окажется, каков есть... и в винном вижу я лишь человека. Теперь судите сами, отдам ли я на осуждение брата моего двоюродного, князя Вадима. Бодрость духа его, предприимчивость, неустрашимость и прочия из того изтекающия качества могут быть полезны государству вперед... Освободите его из под стражи и пошлите о сем сказать в Новгород, куда я сам сей час поеду.

Вадим (становясь на колени): О, государь! ты к победам рожден, ты милосердием врагов всех победиши, ты дерзость тем же обуздаешь... Я верный твой подданный вечно».[67]

«Начальному управлению Олега» предпослано «Предуведомление», в котором автор сообщает, что в «сем историческом представлении более

---

[63] Там же, с. 224.
[64] Там же, с. 233.
[65] Там же, с. 237.
[66] Там же, с. 247.
[67] Там же, с. 250—251.

есть исторической истины, нежели выдумки; ибо история повествует, что «при конце жизни великого князя Рюрика, когда был вельми болен и начал изнемогати, видев сына своего во младых летах, отдал княжение и сына своему шурину Олегу князю урманскому».[68]

Ссылаясь на «Записки касательно российской истории» как на самый авторитетный источник, автор «Олега» кратко сообщает содержание «Исторического представления», в котором, «согласно с историею», Олег, победив греков и заключив с ними почетный мир, укрепляет на ипподроме в Царьграде «щит Игорев».

В «Начальном управлении Олега» рассказывается об основании Москвы, об устранении с киевского княжения Оскольда (по просьбе киевлян). При этом сообщается, что Оскольда не убивают, как известно из «Повести временных лет», а он сам уходит из Киева с уграми.

В действии III показана свадьба изборской княжны Прекрасы (будущей княгини Ольги) с Игорем. В «Историческое представление» включены русские народные песни и обрядовые свадебные песни и причитания. При этом автора не смущает то обстоятельство, что описание свадебного обряда относится к XVII в., а в драме обрисовываются события 903 г.

В V действие включены отрывки из од Ломоносова, исполняемые хором, а также сцены из трагедии Еврипида «Альцеста», которые смотрит в Царьграде князь Олег вместе с греческим императором Леоном и его супругой Зоей.

Налет политических рекомендаций автора «Исторических представлений» из жизни Рюрика и Олега не снимает вопроса, из какого источника почерпнула Екатерина II сведения о происхождении Гостомысла, Рюрика, Вадима, подробности о жизни Оскольда. В изданных к этому времени летописях: Кенигсбергской (СПб., 1767), Никоновской (СПб., 1768) этих известий не имеется.

Но если иметь в виду, что в 1768 г. в «Истории российской» Татищева был издан отрывок из Иоакимовской летописи, то ответ на многие из поставленных вопросов будет найден. В 1-й редакции «Истории российской», как это видно из исследования и издания,[69] Татищев опирался в основном на летопись Нестора. Во вторую редакцию он ввел отрывок из Иоакимовской летописи. И как раз эта вторая редакция «Истории российской» была издана Г.-Ф. Миллером в 1768 г. Кроме печатного издания в распоряжении Екатерины II были рукописи Татищева.[70]

В Иоакимовской летописи сообщено, что «Гостомысл приа власть... град во имя старейшаго сына своего Выбора при мори построи, учини с варяги мир и бысть тишина по всей земли. Сей Гостомысл бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем его любим, расправы ради и правосудиа... Многи же князи от далеких

---

[69] *Валк С. Н.* О рукописях первой редакции второй части «Истории российской»

[68] Там же, с. 261.

В. Н. Татищева. — В кн.: *Татищев В. Н.* История российская, т. IV. М.—Л., 1964, с. 5—26.

[70] Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, с. 101—102.

стран прихождаху морем и землею послушати мудрости, и видети суд его, и просити совета и учения его, яко тем прославися всюду».[71]

Из Иоакимовской летописи Екатериной II почерпнуты сведения о потомках Гостомысла: «имел четыре сына и три дочере. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому измроша, и не остася ни единому им сына, а дочери выданы быша суседним князем в жены».[72] В этой летописи сообщены некоторые подробности о кончине Гостомысла и о созыве им старейшин «земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович... и посла избраннейшия в варяги просити князя».[73]

Из Иоакимовской летописи попали и в «Записки касательно российской истории», и в «Историческое представление из жизни» Рюрика и Олега имена матери Рюрика — королевы Умилы и его жены — Ефанды, дочери князя урманского, сведения о пасынке Оскольде и шурине Олеге.

В литературном сочинении Екатерины II смягчены характеристики князей: расправа с восставшими новгородцами и их предводителем Вадимом показана как мирное умиротворение «беспорядков». Вадим остается жить и едет в Киев с пасынком Рюрика Оскольдом. Оскольда также не убивают по приказу Олега (как сообщено в «Повести временных лет»), а устраняют с княжеского престола по наговору киевлян.

Тесная зависимость «Исторического представления из жизни Рюрика» от летописи Иоакима, помещенной в «Истории российской» Татищева, с полным основанием дала возможность историку И. Н. Болтину написать в примечаниях ко второму изданию этой драмы о том, что автор ее (Болтин не упоминает имени Екатерины II) передает факты, которые запечатлены в исторических сочинениях: «Соображал я читаемое мною с летописями и сочинениями мне известными, и нашел, что основа сего сочинения не из выдумок или сплетений баснословных составлена, но из бытий истинных и верных, что лица, на сцену выводимые, не суть подставные, но особы действительно некогда существовавшие, и по истории нашей известные».[74]

Болтин признает право писателя на вымысел, сообразующийся с исторической достоверностью. В качестве удачного примера он приводит имена новгородских посадников в «Историческом представлении из жизни Рюрика»: «Добрынин, Триан и Рулав посадники новгородские... сих имян ни в Иоакиме ни в Несторе нет, но ежели они и вымышленные, то выдуманы прилично, ибо по имянам их судить можно, кто из них был Славянин и кто Русс».[75]

Обращаясь к «баснословным» временам русской истории, Екатерина II была свободна в комбинации разнородных материалов для придания хотя бы минимальной сценичности «историческому представлению», «вытянутому» по плоскости хронологической последовательности историче-

---

[71] *Татищев В. Н.* История российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 109—110.
[72] Там же, с. 110.
[73] Там же, с. 110.
[74] Историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил из жизни Рюрика. Вновь изданное с примеч. ген.-майора И. Болтина. СПб., 1792, с. I.
[75] Там же, с. IV.

ских событий, лишенному в силу краткости летописных сообщений ясного представления о их взаимосвязи. Это отсутствие прочного фундамента фактов в описании событий IX в. ясно ощущается в «Записках касательно российской истории». В театральном представлении эти «лакуны» должны были заполняться посредством различных сценических эффектов, живописных декораций, ярких и роскошных княжеских костюмов, хоров и музыки.

«Исторические представления... из жизни Рюрика» и «Начальное управление Олега», вышедшие из печати в 1786—1787 гг. и также поставленные на придворной сцене, имели гораздо более далеко идущее идеологическое задание, которое только внешне было прикрыто помпезной развлекательностью. По существу, пьесы Екатерины II, так же как и ее «Записки касательно российской истории», были «исторически обоснованным» вторичным ответом императрицы на вопрос, поставленный Д. И. Фонвизиным в «Собеседнике любителей российского слова» к сочинителю «Былей и небылиц»: «В чем состоит наш национальный характер?» [76] Ответ Екатерины II был четким и недвусмысленным: «В остром и скором понимании всего, в образцовом послушании, и в корени всех добродетелей от творца человеку данных».[77]

Новгородец Вадим, пытавшийся сопротивляться князю Рюрику, терпит полное моральное поражение. Торжествующий победитель милостиво его прощает. Екатерина II обрисовывает Вадима неумным честолюбцем, пытавшимся захватить новгородский престол. В лице Рюрика она прославляет идеального монарха, основателя самодержавия как исконной и самой благодетельной формы государственного устройства России.

Своими «Историческими представлениями» на темы древней русской истории Екатерина II как бы закрепляла разработанную ею теорию происхождения самодержавия в России и отношение к «бунтовщикам», пытающимся посягнуть на царскую власть.

Развитие исторических знаний в России, публикация летописей и первостепенных исторических источников в «Древней российской вивлиофике» помогали становлению более ясных представлений о далеком прошлом Русского государства. Древняя история Новгорода привлекает все большее внимание и историков и писателей. В 1773 г. в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новиков напечатал «Выписки из грамот новгородских», а в VI томе за 1774 г. привел полный текст новгородских грамот XIII—XV вв., хранившихся в Архиве Коллегии иностранных дел. В древнейшей грамоте 1263 г., адресованной князю Ярославу Ярославичу (брату Александра Невского), новгородцы требовали, чтобы «князь... учинил присягу сохранить их прежние права».

В Никоновской летописи, опубликованной Академией наук в 1767 г., имелись некоторые сведения о событиях, предшествующих «призванию» в Новгород варяжских князей Рюрика, Трувора и Синеуса, и о выступлении против Рюрика Вадима Храброго. «В лето 6367 (859 г.) восташа Словени, рекше Новгородцы и Меря и Кривичи на Варяги и изгнаша их

---

[76] *Фонвизин Д. И.* Собр. соч. в 2-х тт., т. 2. М.—Л., 1959, с. 275.
[77] Там же, с. 275.

за море, и не даша им дани: начаша сами себе владети, и городы ставити. И не бе в них правды, и воста род на род, и рати, и пленения, и кровопролитие безпрестани. Посем собрашася реша к себе: поищем меж себе, да хто бы в нас князь был и владел нами; поищем, и уставим таковаго или от нас, или от Казар, или от Полян, или от Дунаичев, или от Варяг. И бысть о сем молва велия, овем сего, овем другого хотящим; таже совещавшеся послаша в Варяги... придоша словене, рекше Новгородцы, и Меря и Кривичи, Варягом реша: „Земля наша велика и обильна, пойдите владети нами"... В лето 6370 (862). Пойдоша из Немець три браты со всем родом своим: Рюрик, Синеус, Тривор. И бысть Рюрик старейшина в Новегороде, а Синеус старейшина бысть на Белеозере, а Тривор во Изборце. И от тех Варягов находников прозвашась Русь и оттоле словет Руская земля, ижи суть Новгородстии людие и до нынешнего дне... Того же лета оскорбишася Новгородцы, глаголюще: яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его.

Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби новгородцев советников его».[78]

В 1789 г. Я. Б. Княжнин закончил работу над трагедией «Вадим Новгородский». Пьеса была отдана директору императорских театров С. Ф. Стрекалову, который принял трагедию к постановке и распределил между актерами роли. Но пока тянулась подготовка к постановке, началась французская революция, и Княжнин взял назад свою пьесу. После смерти Княжнина (в 1791 г.) трагедия «Вадим Новгородский» была напечатана в 1793 г. отдельным изданием, и в том же году она вышла из печати в XXXIX томе «Российского феатра», издаваемого Петербургской Академией наук. Екатерине II донесли, какое направление имеет пьеса Княжнина. Напуганная французской революцией и боявшаяся распространения в России свободолюбивых идей, Екатерина II передала дело в Сенат, который вынес приговор сжечь все печатные экземпляры трагедии «Вадим Новгородский».[79]

В трагедии Княжнина «Вадим Новгородский» разработан по существу тот же самый сюжет, что и в пьесе Екатерины II «Историческое представление из жизни Рюрика». Однако Княжнин несомненно учитывал в первую очередь не сведения Летописи Иоакима, почерпнутые Екатериной II из «Истории Российской» Татищева, а известие Никоновской летописи о приходе в Новгороде в 862 г. к власти Рюрика и об убийстве им в 864 г. «Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев советников его», которые не захотели «быти... рабом... Рюрика и от рода его».[80] Опубликованные в 1773 г. Новиковым в «Древней российской вив-

---

[78] Руская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением имп. Академии наук, ч. I. СПб., 1767, с. 14—15.

[79] Сенатский указ о сожжении книги «Вадим», трагедия Княжнина (1792 г.). — Русская старина, 1871, № 7, с. 91—92. См. статью Л. И. Кулаковой в кн.: *Княжнин Я. Б.* Избранные произведения. Л., 1961, с. 729—736.

[80] Руская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением имп. Академии наук, ч. I, с. 14.

лиофике» новгородские грамоты, охранявшие права и интересы новгородцев, также свидетельствовали о свободолюбивых традициях древнего русского города. Как мы увидим, тема свободного древнего Новгорода займет значительное место в передовой общественной мысли конца XVIII—начала XIX вв.

Действующими лицами трагедии Княжнина «Вадим Новгородский» являются два исторических лица: Рюрик, варяжский князь, и новгородский воевода Вадим. Вымышленные лица — дочь Вадима — Рамида, возлюбленная Рюрика, Вигор и Пренест — новгородцы, советники Вадима. Действие происходит «в Новгороде на площади». Воевода Вадим возвращается из далекого похода и ночью встречается со своими друзьями за городом. Ожидающие его прихода «советники» Вигор и Пренест ведут между собою диалог.

Действие первое, явление первое (ночь):

Вигор

Уже Вадим, свершив со славою войну,
Приходит наконец в отеческу страну;
Но свой возврат почто от всех граждан скрывает
И только лишь двух зреть нас удостояет?

Пренест

Самодержавна власть все ныне пожирает
И Рурик многих здесь веков плоды сбирает:
Вот, мыслю, скрытности Вадимовой вина.
Противна для него отеческа страна,
Где, уклоняяся пред смертным на престоле,
Увидит он себя в одной с рабами доле.[81]

Уже в первых словах, произнесенных «советниками» Вадима, оценка самодержавной власти прямо противоположна интерпретации «благодетельной» роли «самодержавия Рюрика», содержащейся в «Историческом представлении» Екатерины II. Княжнин как бы нарочито противопоставляет эти точки зрения.

Встретившийся с друзьями, Вадим высказывает свое мнение о Рюрике. Пренест и Вигор пытаются понять, каким образом варяжский князь оказался самодержавным властителем Новгорода. Здесь в монологе Вигора упоминается имя новгородского владетеля Гостомысла, не названного в Никоновской летописи, но известного по «Истории российской» Татищева.

Вадим

Вот место самое, тех почестей свидетель,
Когда здесь наш народ, владыкам благодетель,
Гонимого царя Варяг, приняв под кров,
Заставил в трепете молчать его врагов.
Граждане! вспомните то славой полно время;
Но вспомните дабы низвергнуть гнусно бремя!

---

[81] Вадим Новгородский. Трагедия в стихах в пяти действиях. Сочинена Як[овом] Княжниным. СПб., 1793, с. 3.

О стыд! сей царь тогда покорен, удручен,
С молением представ, в средине наших стен
Свое чело на прах пред нами уклоняет;
А днесь — о грозный рок! он нами обладает —
Сей Рурик! — не могу я боле продолжать.[82]

Пренест

Познаешь сам Вадим, сколь трудно рушить трон,
Который Рурик здесь воздвигнул без препон,
Прошеньем призванный от целого народа
Уведает, как им отъятая свобода
Прелестной властию его заменена.
. . . . . .
Коварством Рурика граждански слабы силы;
А воинством Варяг наполнен град унылый.

Вигор

Почтенный Гостомысл, украшен сединами,
Лишася всех сынов пред здешними стенами
И плача не о них, о бедстве сограждан,
Един в отраде нам безсмертными был дан
Он Рурика сего на помощь приглашает
Его мечем он нам блаженство возвращает.
В то время летами и бедством изнурен,
Дни кончил Гостомысл, отрадой озарен,
Что мог отечества восстановить спокойство;
Но, отходя к богам, чтя Рурика геройство,
Народу завещал, да сохранит он власть
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народ наш тронутый заслугой толь великой,
Поставил над собой спасителя владыкой.[83]

Воодушевленные пламенными речами Вадима Храброго его сторонники клянутся идти за ним, чтобы освободиться от власти Рюрика. Вадим назначает сбор войска вне города и поручает одному из своих единомышленников, Пренесту, подготовить новгородцев к борьбе.

Потщись воспламенить к отечеству их страсть,
Которая граждан героями творила,
Которую в сердцах держава затворила.

Пренест обращается с речью к новгородцам, уверяя их в том, что нельзя доверяться коварству монарха:

Великодушен днесь, он кроток, справедлив,
Но, укрепя свой трон, без страха горделив,
Коль чтит законы днесь, во всем равняясь с нами,
Законы после все и нас попрет ногами!
. . . . . .
Что в том, что Рурик сей героем быть родился.
Какой герой в венце с пути не совратился?
Величья своего отравой упоен,
Кто не был из царей в порфире развращен?

---

[82] Там же, с. 5—6.
[83] Там же, с. 7—9.

Самодержавие повсюду бед содетель
Вредит и самую чистейшу добредетель
И, невозбранные пути открыв страстям,
Дает свободу быть тиранами царям.[84]

В оценке тиранической сущности монархии Княжнин вступает в открытую полемику с идеологической позицией Екатерины II, обосновывавшей в своих «Записках касательно российской истории» спасительную роль самодержавия в лице Рюрика и его потомков. Не исключено, что Княжнин мог согласиться с оценкой самодержавия, данной Радищевым в примечании к переведенной им книге Мабли «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков» (СПб., 1773). В примечании к слову «самодержавие» Радищев писал: «Самодержавство — есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние».[85]

Действие I трагедии Княжнина «Вадим Новгородский», посвященное истории прихода к власти в Новгороде варяга Рюрика, сменяется в действии II (явления 1 и 2) любовным диалогом дочери Вадима Рамиды и ее возлюбленного Рюрика. В следующем явлении намечается острый конфликт Вадима и Рамиды. Узнав о любви дочери к своему врагу, Вадим отвергает дочь, обвиняя ее в предательстве. Он настаивает на свадьбе дочери с его «советником» Пренестом. Рамида, терзаемая чувством любви к Рюрику и долгом по отношению к отцу, принимает решение заколоться. Как выясняется далее, в Рамиду влюблен и второй «советник» Вадима — Вигор, который также падеется стать ее мужем и близким родственником Вадима Храброго, Терзаемый ревностью, Пренест невольно сообщает Рюрику о готовящемся в Новгороде заговоре с целью его изгнания из города. Но Рюрик не намерен расставаться с властью. Обращаясь к «вельможам», он говорит:

Вы скиптр мне дали здесь к скончанию напасти,
И скиптр сей отнять не в вашей боле власти.[86]

Рюрик принимает меры к подавлению восстания новгородцев. Вадим взят под стражу: «Свершилось все теперь — рабами стали мы!» Но мириться с положением раба Вадим не может: «Нам ползать ли в толпе тирановых рабов!»

Рюрик прибегает к испытанному приему демагогов. Он обращается к народу с призывом быть его судьей и предлагает Вадиму стать его другом. Вадим с негодованием отвергает:

Мне другом? Ты? В венце? Престани тем плеваться
Скорее небеса со адом съединятся!

---

[84] Там же, с. 25.
[85] *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., 1941, с. 282.
[86] Там же, с. 44.

Рюрик снимает с головы царский венец и предлагает его в присутствии новгородцев Вадиму.

Теперь я ваш залог обратно возвращаю:
Как принял я его, столь чист и возвращаю,
Вы можете венец в ничто преобразить,
Иль оный на главу Вадима возложить.

Вадим гордо отказывается от венца. Народ становится на колени перед Рюриком, признавая тем самым монархическую власть.

Вадим

О гнусные рабы, своих оков просящи!
О стыд! Весь дух граждан отселе истреблен!
Вадим! Се общество, которого ты член!
. . . . . .
Я боле не могу сносить толь гнусна вида!
(*к Рюрику*)
Я вижу власть твоя угодна небесам,
Иное чувство ты гражданей дал сердцам.
Все пало пред тобой; мир любит пресмыкаться
. . . . . .
(*к народу*)
Ты хочешь рабствовать, под скипетром попран,
Нет боле у меня отечества, граждан!
(*к Рюрику*)
Что ты против того, кто смеет умереть!

И Вадим закалывается.

Княжнин развивает образ последовательного борца против самодержавия, сторонника республиканского правления.

Обратим внимание на то, что Княжнин изменяет известие Никоновской летописи: там сообщено, что Рюрик «уби Вадима Храброго... и советников его изби». В трагедии Княжнина Вадим отказывается от предложенного Рюриком примирения и решает сам расстаться с жизнью, нежели жить его «рабом». Переосмысление образа Вадима, название трагедии именем борца с самодержавием, постановка вопроса о тиранической сущности монархической власти — все это имело значительное влияние на формирование прогрессивного общественного мировоззрения конца XVIII в.

Откликом на трагедию Княжнина «Вадим Новгородский» является пьеса А. А. Плавильщикова «Рюрик» (1792) и поэма Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» (1800). Херасков стремился доказать благодетельную роль Рюрика и его династии для русского народа и исконность монархической власти в России. Восстание Вадима Новгородского Херасков сравнил с французской революцией, к которой он также относился резко отрицательно.

Более сложной была позиция П. А. Плавильщикова, автора драмы «Рюрик», впервые опубликованной после смерти автора его братом — А. А. Плавильщиковым в 1816 г. В «Сведениях об авторе», предваряющих издание «Сочинения Плавильщикова», сообщены следующие из-

вестия, относящиеся к истории написания трагедии. П. А. Плавильщиков подготовил в августе 1812 г. первую часть своих сочинений, «но тогдашние смутные обстоятельства исполнить сего не допустили; и во время приближения к Москве неприятеля, спасая жизнь свою и семейства своего, выехал он из Москвы 1-го сентября того 1812 г.».[87] 18 октября 1812 г. П. А. Плавильщиков «по долговременном страдании от болезни и от мучительной тоски о несчастии отечества... скончался».[88] Далее сказано, что «Сочинения его издаются те, кои собрать было можно, как из рукописей самого сочинителя, так и из печатных; а равно и из помещенных в разных периодических изданиях, которые собраны были еще при жизни сочинителя и им исправлены».[89]

При публикации трагедии «Рюрик» помещено загадочное примечание: «Сия трагедия представлена была в С[анкт]-Петербурге придворными актерами под названием „Всеслав", а ныне издается под тем названием, под которым она сочинена».[90]

Действующими лицами трагедии П. А. Плавильщикова «Рюрик» являются: «Рюрик, великий князь русский; Вадим, вельможа новогородский; Пламира, дочь его; Вельмир, вельможа и начальник стражи; вельможи, воины, народ всякого возраста».[91] Всеслав, как видим, не фигурирует в числе действующих лиц. Каким образом его именем могла быть названа трагедия, которая якобы в действительности была «сочинена под названием „Рюрик"»?

Одно из возможных объяснений этой загадки следующее. В журнале «Зритель», издаваемом «в типографии г. Крылова с товарищи», в февральском номере 1792 г. была опубликована обширная статья «Нечто о врожденном свойстве душ российских», принадлежащая перу П. А. Плавильщикова. П. Н. Берков уже обратил внимание на то, что в этой статье содержится первое упоминание о рукописи «Слова о полку Игореве».[92] Автор статьи говорит об одной из «врожденных добродетелей» русских — их героических подвигах в защиту родины. Плавильщиков писал: «Не от того ли русские о своих подвигах молчали, что письмена им были неизвестны? Древность истории нашей, грамоты мира и заключения союзов доказывают неоспоримо, что у нас были писанные законы, ученость имела свою степень возвышения, и даже во дни Ярослава, сына Владимирова, были стихотворные поэмы в честь ему и детям его. Хотя варварское нашествие татар, поработя Россию, разрушило все; существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной, и, может быть, Россия вскоре их увидит: есть еще любители своего отечества, которые не щадят ничего, дабы собрать сии сокровища».[93]

---

[87] Сочинения П. А. Плавильщикова. СПб., 1816, с. I.
[88] Там же, с. I.
[89] Там же, с. I.
[90] Там же, с. II.
[91] Там же, с. I.
[92] *Берков П. Н.* Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 135.
[93] Зритель. Ежемесячные сочинения. СПб., 1792, с. 24—25.

В настоящее время установлено, что так называемая Екатерининская копия «Слова о полку Игореве» была подготовлена А. И. Мусиным-Пушкиным при участии И. Н. Болтина и И. П. Елагина до начала апреля 1792 г.[94] П. А. Плавильщиков с 1779 г. был «в Санкт-Петербурге императорского российского театра актером».[95] Одновременно он проявлял большой интерес к литературе и преподавал в Академии художеств «все части русской словесности по собственному своему начертанию и в Горном корпусе Риторику собственного своего сочинения».[96] Мы помним, что А. И. Мусин-Пушкин был связан с Горным училищем (или Горным корпусом). В типографии Горного училища им были опубликованы по рукописям своего «Собрания российских древностей»: «Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и вписанная в книгу 1627 года. В С.-Петербурге, в Типографии Горного Училища 1792 года, в 8°, на 325 страниц»[97] и «Лексикон российской Исторической, Географической, Политической и Гражданской Российского государства, сочиненной господ. тайным советником и Астраханским губерна[тором] Васильем Никитичем Татищевым; 3 части, прерываются буквою «к», в С[анкт]-Петербурге, 1793 года в Типографии Горного Училища, в 8».

П. А. Плавильщиков, таким образом, мог общаться с Мусиным-Пушкиным в те годы, когда тот готовил копию «Слова о полку Игореве» и его перевод с историческим комментарием, который был закончен, как уже упоминалось, в 1792 г. Таким образом, наблюдения П. Н. Беркова подтвердились: П. А. Плавильщиков знал о рукописи «Слова», находившейся в «Собрании российских древностей» «любителя своего отечества» и, как можно думать, был знаком и с текстом памятника, так как в статье «Нечто о врожденном свойстве душ российских» он прямо говорит о «стихотворных поэмах» в честь детей «Ярослава сына Владимирова».

Большое место в «Слове о полку Игореве» уделено полоцкому князю Всеславу Брячиславичу, который, «подпершись клюками о коней скочил к граду Киеву, доткнулся стружием до злата престола Киевского: вскоре оттуда лютым зверем в полночь из Белаграда, покрыт синею мглою; поутру же, вонзив стрикусы, отворил врата Новуграду; попрал славу Ярослава; скочил, как волк, до Немиги... Всеслав князь людям судил, князьям грады раздавал, а сам ночью рыскал: из Киева добегал до Курска и Тмутороканя: к великому Херсоню путь по волчью пересекал. Для его в Полотске позвонили рано в колокола к утрени, а он в Киеве звон слышал. Хотя и веща была душа в добром теле, но он часто беды терпел. Тому вещий Боян и справедливо разумную припевку сделал:

---

[94] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976, с. 72—73.

[95] Сочинения П. А. Плавильщикова, с. I.

[96] Там же, с. I.

[97] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и Собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — В кн.: Зап. и тр. Общества истории и древностей российских, ч. II. М., 1824, с. 43—44.

[98] Там же, с. 44.

ни хитру, ни умному, ни птице умной суда божия не миновать. Ах! стонать пришло Русской земле, поминая первую годину и первых князей».[99]

В примечании к переводу начала текста «Слова о полку Игореве» высказана мысль о том, что Всеслав Полоцкий был героем, о котором слагал песни Боян. К переводу текста: «Мы составим оную из самых деяний тогдашнего времени, не употребляя вымыслов Бояновых», — внизу помещен комментарий: «Боян древний стихотворец руской: в которые лета жил? по летописям не видно. Но из последствия сей повести видно, что он воспевал подвиги князя Всеслава».

Можно высказать предположение, что полоцкий князь Всеслав Брячиславич, внук полоцкой княгини Рогнеды-Гориславы от ее старшего сына Изяслава, известного по многим драматургическим произведениям XVIII в., связанным с именем князя Владимира, стал героем трагедии П. А. Плавильщикова «Всеслав», представленной на придворном театре в 1792 г. Сюжет о полоцком князе Всеславе давал чрезвычайно занимательный и вместе с тем глубоко трагедийный материал о князе-оборотне, в котором «веща была душа в добром теле, но он часто беды терпел». Всеслав Полоцкий был участником — и победителем и побежденным — многих междоусобных сражений.

О том, что издатель посмертного собрания сочинений П. А. Плавильщикова — его брат, А. А. Плавильщиков, — не ошибся и что П. А. Плавильщиковым действительно была написана трагедия «Всеслав», свидетельствует «Опись библиотеки, находившейся в Москве, на Воздвиженке в доме графа Дмитрия Николаевича Шереметева до 1812 года». В разделе II — «Российские гражданские книги» под № 333 упоминается «Всеслав, трагедия в 5-ти действиях, письменная. Сочинитель Плавильщиков».[100] В 1812 г. библиотека Д. Н. Шереметева сгорела в московском пожаре.

В 1793 г. П. А. Плавильщиков оставляет придворную сцену и переезжает в Москву. Очевидно, были серьезные причины, заставившие П. А. Плавильщикова порвать с Петербургом, с преподаванием в Горном училище, с работой над теоретическими статьями для периодических журналов.[101] В московский период жизни им была написана в 1803 г. драма «Ермак, покоритель Сибири» и подготовлены к печати ранее созданные им произведения, в числе которых была стихотворная трагедия «Рюрик».

Некоторые исследователи полагают, что трагедия «Рюрик» написана П. А. Плавильщиковым по желанию Екатерины II, «которой было важно парализовать впечатление от трагедии Княжнина».[102] Такого же мнения придерживается и Г. В. Москвичева. Она пишет: «Трагедия Плавиль-

---

[99] Цит. по Екатерининской копии (ЦГАДА, Кабинет Екатерины II, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 49—49 об.).

[100] Опись библиотеки, находившейся в Москве, на Воздвиженке, в доме графа Дмитрия Николаевича Шереметева до 1812 г. СПб., 1883, с. 390.

[101] *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Русский театр второй половины XVIII в. М., 1960, с. 330.

[102] Там же, с. 256.

щикова имеет явно полемический характер, направлена против трагедии Княжнина и преследует охранительные цели».[103]

Действительно, сюжет трагедии «Рюрик» повторяет сюжет «Вадима Новгородского» Княжнина. Плавильщиков хорошо знал текст трагедии Княжнина, так как в 1789 г., когда пьеса была взята к постановке на придворном театре, он готовил роль Вадима.[104]

Вадим в трагедии Плавильщикова — вельможа. Он типичный представитель родовитой знати, характеристика которой дана в пьесе:

Вельможи первенства со властию алкают,
Раздора яд в сердцах народа тем питают.
Вельможи рабствуют борющим им страстям.
Народ порабощен строптивым сим властям,
Везде славянами славянска кровь лиется —
Вот иго страшное, что вольностию зовется.

Вспомним, что в 1762 г. Екатерина II торжественно подтвердила указ «о вольности российского дворянства», освободивший их от обязательной военной и государственной службы, которая была введена указами Петра I.

В трагедии Плавильщикова показано, что первоначальное правление в Древнем Новгороде было общинным. Позднее стал править «старейшина» Гостомысл вместе с Вадимом, своим внуком от дочери. Обуреваемый честолюбием, Вадим не пользовался в Новгороде симпатиями народа. Гостомысл же был «отцом отечества». Чтобы избежать ненужного кровопролития и междоусобных сражений, Гостомысл призвал на помощь Рюрика, который быстро «укротил бурю и стал единовластным правителем». Вадим не может смириться с таким положением и организует выступление «мятежников» против Рюрика. При этом он пытается использовать в борьбе с Рюриком свою дочь Пламиру, которая любит Рюрика и любима им. Вадим готов на любое преступление, чтобы овладеть великокняжеским престолом. Он произносит выразительный монолог:

О властолюбие! Души моей ты бог!
Я гласу твоему единому внимаю,
И для тебя на все злодействие дерзаю,
Не ставлю ничего священным в естестве,
Чтобы взойти на трон во славе, в торжестве.

Вадим принуждает дочь убить Рюрика. Услышав ее отказ, он пытается заколоть ее. Неожиданно появляется Рюрик, и Вадим объясняет ему свое намерение тем, что его дочь любит одного из вельмож. Благородный Рюрик готов отказаться от своей любви к Пламире. Но Вадим настойчиво стремится любым путем устранить Рюрика. Он клевещет на свою дочь, которая якобы пыталась его убить. Но коварный замысел

---

[103] *Москвичева Г. В.* Жанры русского классицизма. Из лекций по спецкурсу, ч. I. Горький, 1971, с. 49.

[104] *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Русский театр второй половины XVIII в., с. 364 (Приложение 1).

Вадима неожиданно раскрывается. Воины и народ «всех возрастов» спасают Рюрика. Вадим в отчаянии от своих неудач хочет заколоться, но Рюрик отнимает у него кинжал. Пьеса заканчивается тем, что Рюрик великодушно прощает Вадима. Пораженный благородством врага, Вадим падает перед ним на колени, проклиная обуявшую его вельможную «гордость, мать злодейства».

Нам представляется, что трагедия Плавильщикова наполнена общественным содержанием, связанным с защитой идеи «просвещенного абсолютизма», опирающегося в своей политике на широкие круги народа. Главное зло — вельможи, готовые на любые преступления ради низких, своекорыстных интересов.

В период развития фаворитизма при дворе Екатерины II, когда временщики во многом определяли внутреннюю политику императрицы, как об этом писал в статье «О повреждении нравов в России» историк М. М. Щербатов, такая позиция П. А. Плавильщикова не может быть признана «охранительной». Как и во всех драматургических произведениях XVIII в., где сквозь видимость далекого исторического прошлого ясно проступали политические убеждения автора — человека своего времени, так и в трагедии Плавильщикова «Рюрик» очевидны демократические симпатии к народу, который терпит несчастия и «многие кровопролития» от самоуправства и безудержного властолюбия вельмож.

Тема борьбы Вадима Новгородского, республиканца по убеждению, защитника «новгородских вольностей» займет значительное место в творчестве писателей-декабристов. Она привлечет внимание Лермонтова и Пушкина.

Русская драматургия XVIII в. обратилась и к темам национальной истории XIV—начала XVII в. В 1750 г. Ломоносов закончил работу над трагедией «Тамира и Селим», которую он писал по приказу императрицы Елизаветы Петровны с мая того же года.[105] Свое новое произведение Ломоносов читал И. И. Шувалову, которому трагедия, по-видимому, понравилась, так как вскоре дважды состоялось представление «Тамиры и Селима» при дворе. В ноябре 1750 г. она была издана «первым тиснением», а на следующий год переиздана.

Можно полагать, что одной из причин успеха трагедии «Тамира и Селим» явился выбор самой темы. В трагедии раскрывались героические страницы русской истории: победа русских войск во главе с великим князем московским Димитрием Ивановичем над татарами на поле Куликовом.

Внешняя фабула и выбор героев в трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» сообразуются с правилами классицистической трагедии. В основе «Тамиры и Селима» лежит любовная коллизия: кафинская царевна Тамира любит и любима багдадским царевичем Солимом. Но отец Тамиры предполагает отдать свою дочь в жены татарскому хану Мамаю, прибежавшему в Кафу и ложно сообщившему об одержанной им победе над московским великим князем Димитрием Ивановичем. Царь Мумет

---

[105] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., 1959, с. 971. (Далее: Ломоносов, с указанием тома и страницы).

торопит совершить обряд бракосочетания дочери с Мамаем. Но возвратившийся с Куликовской битвы брат Тамиры Нарсим рассказывает о действительных событиях: битве русских войск под водительством великого князя Димитрия Ивановича на Куликовом поле с татарами и о победе, одержанной над ханом Мамаем. Рассказ царевича Нарсима разрешает трагедийный конфликт. Багдадский царевич Селим вместе с Нарсимом убивают хана Мамая. Мумет благословляет Тамиру и Селима. Идейный центр трагедии таким образом сосредоточился не на сюжетном конфликте вымышленных или исторических лиц, а на повествовании об историческом событии.

Д. Д. Благой очень удачно раскрыл своеобразие трагедии Ломоносова: «...надо сказать, что, несмотря на условную традиционно-любовную фабулу (любовь крымской царевны Тамиры, которую ее отец хочет выдать замуж за Мамая, к багдадскому царевичу Селиму), именно Куликовская битва — событие важнейшего исторического значения в жизни русского народа — по существу находится в центре всей пьесы».[106]

Ломоносов раскрывает свой замысел в «Кратком изъяснении» к трагедии, в котором подчеркивается, что в основе произведения находятся подлинные события из российской истории: «В сей трагедии изображается стихотворческим вымыслом позорная погибель гордаго Мамая, царя татарского, о котором из Российской истории известно, что он, будучи побежден храбростию московского государя, великого князя Димитрия Иоанновича на Дону, убежал с четырьмя князьями своими в Крым в город Кафу, и там убит от своих».[107]

Приведем рассказ крымского царевича Нарсима о Куликовской битве, чтобы показать, как точно Ломоносов следует за древнерусскими литературными памятниками в передаче исторических событий.

Не слыхано еще на свете зло подобно,
Какое предприял Мамай, тиран и льстец.
Уже чрез пять часов горела брань сурова,
Сквозь пыль, сквозь пар едва давало солнце лучь.
В густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрелы падали дожжевых гуще тучь.
Уж поле мертвыми наполнилось широко;
Непрядва, трупами спершись, едва текла.
Различный вид смертей там представляло око,
Различным образом поверженны тела.
. . . . . .
Российские полки, отвсюду утесненны,
Казалося, что в плен дадутся иль падут.
. . . . . .
Я, будучи его тобою отдан воле,
Немедля поскакал к российскому полку
Димитрия искать в его стану и в поле;
По трупам перешол кровавую реку.
. . . . . .
Внезапно шум восстал по воинству везде.
Как туча бурная, ударив от пучины,

---

[106] *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII в. Изд. 2-е. М., 1951, с. 191.
[107] *Ломоносов*, т. VIII, с. 292.

Ужасной в воздухе раждает бегом свист,
Ревет и гонит мглу чрез горы и долины,
Возносит от земли до облак легкий лист, —
Так сила Росская, поднявшись из засады,
С внезапным мужеством пустилась против нас;
Дождавшись таковой в беде своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой глас.
Во сретенье своим россияне вскричали,
Великой воспылал в сердцах унывших жар.
Мамаевы полки, увидев, встрепетали,
И ужас к бегствию принудил всех татар.
. . . . . .
Тогда над росскими полками отворились
И ясный свет на них спустили небеса.[108]

Ломоносову были известны различные редакции Сказания о Мамаевом побоище,[109] летописные повести о Куликовской битве, «История российская» Татищева. Они явились источниками для воссоздания событий, предшествовавших Куликовской битве, для описания кровавого сражения русских войск с татарами на реке Непрядве в 1380 г., рассказа о победе, одержанной под водительством московского великого князя Димитрия Ивановича, и о гибели хана Мамая.

Ломоносов стремится с большой точностью передать все детали, сохраненные древнерусскими литературными памятниками. К «основной» редакции Сказания о Мамаевом побоище, составление которой, как это убедительно показано Л. А. Дмитриевым, относится к первой четверти XV в.[110] восходит известие о союзнических отношениях рязанского князя Олега и литовского князя Олгерда с золотоордынским ханом Мамаем. В трагедии «Тамира и Селим» нашла отражение именно эта версия рассказа:

С поспешностью гонец прибег с Донских полей
И весть принес, что вся Ордынска к бою сила
Противу россов шла и россы против ней.
Но Ольг, Рязанский Князь, и Князь Олгерд Литовский
Свои к Мамаевым поставили полки.[111]

Исторически достоверно, что в 1380 г. в числе союзников Мамая выступал литовский князь Ягайло. Отец его — князь Ольгерд — умер в 1377 г. Но вместе с тем в так называемой «основной» редакции Сказания о Мамаевом побоище названо имя Ольгерда. Исследователь объясняет это тем, что Ольгерд был давнишний и постоянный неприятель России, трижды пытавшийся взять Москву. Ягайло ни разу на Москву не ходил, и поэтому в сознании русского писателя конца XIV—начала

---

108 *Ломоносов*, т. VIII, с. 360—362.

109 Здесь и далее в вопросе о редакциях Сказания о Мамаевом побоище пользуемся выводами Л. А. Дмитриева (см.: *Дмитриев Л. А.* К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М.—Л., 1959, с. 406—480).

110 *Дмитриев Л. А.* О датировке Сказания о Мамаевом побоище. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 185—192.

111 *Ломоносов*, т. VIII, с. 302.

XV в. он не мыслился как враг Московского государства. На основании текстологического анализа всех списков Сказания о Мамаевом побоище Л. А. Дмитриев пришел к обоснованному выводу о том, что «в авторском тексте памятника было имя Ольгерд, а замена его на Ягайло — индивидуальная особенность Летописной и Киприановской редакций Сказания».[112]

Ломоносову были хорошо известны разные редакции Сказания о Мамаевом побоище, в числе их и те, в которых союзником Мамая во время похода его на Русь был назван литовский князь Ягайло (БАН, 31.7.30. т. 1; БАН, 31.4.22; ГИМ. Синод. 485). Следовательно, Ломоносов осмысленно принял историческую концепцию составителя редакции, отразившей народное представление о литовском князе, который «много зла сотворил земле русской». Таким образом, до сознания читателей (и зрителей) трагедии «Тамира и Селим» середины XVIII в. доносился первоначальный текст литературного памятника первой четверти XV в.

Наши выводы подтверждает «Краткий российский летописец», в котором нашла отражение историческая концепция Ломоносова. Сообщая краткие сведения о Димитрии Ивановиче, Ломоносов отмечает, что он «вел войну с князем Михайлом Александровичем тверским и с князем Олгердом литовским, его зятем и помощником, с обеих сторон разорительную».[113] О литовском князе Ягайле Ломоносов ни разу не упоминает даже при известии о победе над Мамаем.

«Летописная» редакция Сказания о Мамаевом побоище подсказала Ломоносову описание начала сражения на поле Куликовом, когда русские войска оказались оттесненными татарами к Дону: «И ступишася обеи вои и крепко бьющеся, не токмо оружием, но и сами о себя избивахуся друг о друга, под конскими ногами умираху, от великие тесноты задыхахуся, яко не мощно бе им вместитися на поле Куликове».[114]

В трагедии Ломоносова рассказ о сражении передан от лица крымского царевича Нарсима — участника битвы:

...И с малым воинством Димитрий, Князь Московский,
Противу стать дерзнул, оставшись близ реки...
Российския в крови повержены знамена,
И князь Московский был отвсюду окружен,
И сила войск его слабела утесненна.[115]

В «летописной» редакции Сказания о Мамаевом побоище сообщено, что после сражения «...обретоша трупия мертвых об он пол реки Непрядвы, иде же бе не проходно полком русским».

В трагедии Ломоносова эта яркая картина нашла художественное отображение в следующих строках:

Уже поле мертвыми наполнилось широко,
Няпрядва, трупами спершись, едва текла.

---

[112] *Дмитриев Л. А.* К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище, с. 408—409.
[113] *Ломоносов*, т. VI, с. 315—316.
[114] Повести о Куликовской битве, с. 49.
[115] *Ломоносов*, т. VIII, с. 302.

В «летописной» редакции Сказания рассказно о ранении на поле боя великого князя Димитрия Ивановича несколько иначе, чем в «основной» редакции. Сопоставление обеих редакций показывает, что в рассказе о Димитрии Ивановиче Ломоносов опирался на «летописную» редакцию Сказания.

Сказание о Мамаевом побоище		Трагедия «Тамира и Селим»
«Летописная» редакция	«Основная» редакция	
Самого же великого князя уязвиша, он же уклонився от войска и сниде с коня и с побоища, яко не мощно ему битися.[116]	...князя уязвиша вельми и с коня его збиша. Он же склонився с побоища яко не мощно бе ему к тому битися».[117]	И, ранами покрыт, От бою уклонился Димитрий...[118]

Из «летописной» редакции Сказания о Мамаевом побоище Ломоносов почерпнул ряд фактических сведений о ходе сражения и длительности боя («уже чрез пять часов горела брань сурова» — «час же 4 и 5 бьются не ослабеют христьяне»). И обрисовка выезда «засадного полка» и победоносного наступления русских войск, разгрома и гибели Мамая в Крыму, убитого своими приближенными, — все эти картины, нашедшие яркое художественное воплощение в трагедии «Тамира и Селим», явились результатом изучения и творческого восприятия Ломоносовым памятников древнерусской литературы, отобразивших сражение на Куликовом поле.

Трагедия Ломоносова «Тамира и Селим» стала первым опытом в русской драматургии XVIII в. передачи исторических событий прошедшего времени посредством тщательного изучения литературных памятников Древней Руси. Этой тенденцией, проявившейся не в построении сюжета, а в воспроизведении эпизода героической борьбы русского народа с татарами, основанной на использовании подлинных исторических источников, Ломоносов предвосхитил открытия Пушкина, создателя «Бориса Годунова».

Новаторство Ломоносова оказало влияние на драматургическое творчество позднего А. П. Сумарокова. Известно, что Сумароковым в 1769 г. была задумана эпическая поэма «Димитрияда», начало которой сохранилось в его бумагах.

Пою оружие и храброго героя,
Который, воинство российское устроя,
Подвигнут истиной, для нужных оборон
Противу шел татар туда, где плещет Дон,
И по сражении со наглою державой
Вступил во град Москву с победою и славой.

---

[116] Повести о Куликовской битве, с. 102.
[117] Там же, с. 69—70.
[118] *Ломоносов*, т. VIII, с. 321.

Поздние трагедии Сумарокова на сюжеты из древнерусской литературы: «Вышеслав» (1768), «Димитрий Самозванец» (1771) и «Мстислав» (1774) испытали воздействие драматургической системы Ломоносова.

Особенно показательна в этом отношении трагедия «Димитрий Самозванец», наиболее зрелое по мастерству и политически острое произведение, в котором обрисовываются исторические события Смутного времени.

Выбор самого сюжета определил необходимость обращения Сумарокова к древнерусским историческим произведениям, в которых нашли отражение события начала XVII в., положенные в основу его трагедии. Поэтому созданию драматического произведения предшествовала работа Сумарокова по собиранию материалов, характеризующих изображаемую эпоху, ее литературные вкусы и историографические представления. Интересовали Сумарокова и последующие события «бунташного» XVII в. («Первый и главный стрелецкий бунт»).

Исторические материалы, с которыми ознакомился Сумароков, позднее были им опубликованы: Краткая Московская летопись вышла отдельным изданием в 1774 г. Это сочинение написано Сумароковым на материале Повести о начале Москвы и Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы — литературных произведений второй четверти XVII в., сохранившихся в большом количестве списков.[119]

Одна из лучших трагедий Сумарокова «Димитрий Самозванец» основана на произведении 1606 г. — «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов...».[120] В начале XVII в. эта повесть с рядом дополнений и переработок вошла в компилятивный сборник — так называемое Иное сказание, известное в многочисленных рукописных списках.[121]

В 60-х гг. XVIII в. Сумароков начал заниматься изучением архивных источников. Он обращался к Г.-Ф. Миллеру, с 1765 г. ведавшему в Москве Архивом коллегии иностранных дел. П. Н. Берков опубликовал эту сохранившуюся переписку 1767—1769 гг., из которой видно, какие именно материалы привлекали интерес Сумарокова. Так в одном из писем он просит Миллера: «Прикажите мне списать Ряду, бывшую во время Ложного Димитрия».[122] Ряда — это договор Димитрия с московским боярством. В 1791 г. договор опубликован М. М. Щербатовым в VII томе «Истории российской от древнейших времен».

Миллер был автором большой статьи «Опыт новейшей истории о России», посвященной событиям Смутного времени.[123]

---

[119] Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964, с. 45—81, 127—170.

[120] Русская историческая библиотека, т. XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909, с. 145—176.

[121] *Е. П. Кушева.* Из истории публицистики Смутного времени. Саратов, 1926, с. 39—40.

[122] *Берков П. Н.* Шесть писем А. П. Сумарокова к историографу Г.-Ф. Миллеру (1767—1769) и четыре записки последнего к Сумарокову. — В кн.: XVIII век, т. 5. М.—Л., 1962, с. 379.

[123] Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761, январь, с. 3—63.

В 1771 г. вышла из печати подготовленная М. М. Щербатовым «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича; а паче о междугосударствовании по кончине Феодора Иоанновича и о учиненном исправлении книг в царствование благоверного государя царя Алексея Михайловича в 1655 году. Собрано из древних тех времен описаниев». Сумароков находился с историком М. М. Щербатовым в приятельских отношениях (о чем он писал Миллеру), поэтому вполне вероятно, что он мог ознакомиться с этой ценной подборкой документов по истории России конца XVI—начала XVII в. еще до выхода ее из печати. И очевидно по рукописи Сумароков был знаком с «Повестью» 1606 г., которая объясняет нам освещение событий в трагедии «Димитрий Самозванец».

Талантливый древнерусский писатель, апологет Василия Шуйского ярко и образно характеризует его врагов — Бориса Годунова и Лжедимитрия. Повесть 1606 г. о Димитрии Самозванце подсказала Сумарокову ряд живых деталей, нашедших художественное воплощение в трагедии. Димитрий — злодей, равнодушный к Родине, циничный честолюбец. Он сам характеризует себя в монологе (действие I, явление 1).

Российский я народ с престола презираю
И власть тиранскую неволей простираю.
Возможно ли отцем мне быти в той стране,
Котора, мя гоня, всего противней мне?
Здесь царствуя, я тем себя увеселяю,
Что россам ссылку, казнь и смерть определяю.
Сыны отечества — поляки будут здесь;
Отдам под иго им народ российский весь.
Тогда почувствую, последуя успеху,
Я сан величества и царскую утеху.[124]

В «Повести» 1606 г. говорится о непомерном «любострастии» Григория Отрепьева, который, «не полагая никакой меры оному, многих дев брав силою к себе, насилова, и не токмо живущих в мирском житии, но не пощадил и монахинь».

В трагедии Сумарокова Димитрий силою принуждает стать его женой дочь Шуйского Ксению, у которой есть жених — Галицкий князь Георгий. Димитрий Самозванец его обрекает на казнь.

В «Повести» 1606 г. много места уделено описанию пристрастия Димитрия к Ватикану, его попытке навязать России унию.

В трагедии Сумарокова Димитрий говорит о своих намерениях:

Затьмится росска честь и действия геройски,
Почтут отцем отцев мои все папу войски,
Оружием ему я церковь покорю.
Коль хочет царь того, удобно то царю.[125]

---

[124] *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957, с. 430. (Библиотека поэта. Бол. серия).
[125] Там же, с. 429.

Рассказ о происхождении Димитрия Самозванца — галичского сына боярского «Юшки Отрепьева», переменившего несколько монастырей, прежде чем он попал в подмосковный Чудов монастырь, затем бежавшего в Польшу и нашедшего прибежище в доме Адама Вишневецкого, где он впервые «признался» во время «смертной болезни» о том, что он — царевич Димитрий, чудесно спасшийся в Угличе; весь этот рассказ, почерпнутый из «Повести» 1606 г., передан Димитрию «начальником стражи» (действие I, явление 2).

Димитрий

Какой на площади плетется ими вред?
Я скоро прекрачу сей мерзкой черни бред.
. . . . . .
Вещай! А россов я умею усмиряти.

Начальник

Что ты не царский сын, которым ты явлен,
Что он во Угличе неложно умерщвлен.
Отрепьевым тебя в народе именуют,
Твою историю вот тако знаменуют:
Что ты из общества монашеска ушел
И в Польше ты себе убежище нашел
И тамо обманул и тестя и невесту,
Дошел обманами к престола царска месту;
Что днесь колеблется поляками сей трон
И церкви западной ты вводиши закон;
Что ты безбожия и наглости рачитель,
Москвы, России враг и подданных мучитель.[126]

В образе Шуйского автор «Повести, како восхити...» показал идеал положительного героя. Но вместе с тем в произведении начала XVII в. нашли отражение и какие-то реальные черты характера знатного потомка Рюрика, суздальского князя Василия Шуйского, отличавшегося скрытностью и хитростью, благодаря чему он сумел продержаться в годы правления Бориса Годунова, когда многие члены рода князей Шуйских были уничтожены (в числе их знаменитый воевода Иван Шуйский).

Шуйский в трагедии Сумарокова показан как дальновидный и умный политик. Дочери Ксении, удивленной дружественными словами, сказанными отцом Димитрию Самозванцу, Шуйский говорит:

Не мни, чтоб истину злодею я открыл:
Твоя несмысленность и неискусна младость
Посеяли в тебе одну любови сладость.
Стремишься к роскоши прямым путем идти;
Притворностью к ней путь стремися ты найти!
Когда имеем мы с тираном сильным дело,
Противоречити ему не можем смело.
Обман усилился на трон его венчать;
Так истина должна до времени молчать,
Доколь низвержется сие с России бремя.
О боже! Дай Москве и нам покойно время.[127]

---

[126] Там же, с. 431—432.
[127] Там же, с. 436.

Вместе с тем Шуйский — истинный патриот, готовый на любую жертву ради Отчизны. Заговор против Димитрия возглавляет он, приближая час расплаты с Самозванцем. Сумароков отражает здесь действительную роль князя В. И. Шуйского в борьбе с мнимым царевичем Димитрием, которая закончилась падением Самозванца и недолгим царствованием Василия Шуйского.

В трагедии «Димитрий Самозванец» упоминается патриарх Игнатий, бывший рязанский архиепископ, грек по происхождению, первый признавший Григория Отрепьева царевичем Димитрием. За это Игнатий был возведен в патриаршеский сан. Игнатий венчал Димитрия на Московское царство и совершил обряд его бракосочетания с Мариной Мнишек. Патриарх Игнатий не пользовался поддержкой русского духовенства, настороженно относившегося к его пропапским симпатиям. Об этом говорится в литературных памятниках Смутного времени.

В трагедии Сумарокова в полном соответствии с историческими сведениями характеристику направления деятельности Игнатия дает Георгий Галицкий, который, приговоренный к казни Димитрием Самозванцем, обращается к своей возлюбленной Ксении:

Дай мне, любезная, единому умрети,
И смерти твоея не возмогу я зрети.
Живи и в черную одежду облекись,
Живи и ангелом прекрасным нарекись!
Еще духовные духовну власть имеют,
Ище Игнатию противостати смеют
И бодрствуют еще противу ересей,
Которы, папствуя, нам сеет пастырь сей.[128]

Таким образом, в трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» нашли отражение действительные события русской истории начала XVII в. и, что также крайне важно отметить, литературный герой близко воссоздавал исторический прототип. Действие в трагедии «Димитрий Самозванец» сведено до минимума. По существу в пьесе происходит раскрытие образа героя посредством его самохарактеристики. Так, Димитрий признает порочность своего поведения и своей натуры («Я — враг природы всей, отечества предатель, // И сам создатель мой — мой ныне неприятель»). И это признание отражает ту характеристику, которая отведена Григорию Отрепьеву в литературных памятниках Смутного времени: исторический прототип приблизился к образу, созданному писателем.

Это был один из первых «прорывов» элементов «историзма» в драматургии XVIII в., «прорыв», который приведет к подлинному историзму Пушкина, воссоздавшему в своих произведениях время — «дух эпохи».

В 1798 г. в Московской университетской типографии была издана трагедия М. М. Хераскова «Освобожденная Москва». В ней освещены события 1612 г. — освобождение войсками Димитрия Пожарского и Козьмы Минина Москвы и изгнание поляков.

---

[128] Там же, с. 448.

Трагедия состоит из пяти действий, три из которых происходят в предместье Москвы. Херасков подробно описывает место действия: «Театр представляет вдали город Москву, окруженною каменною стеною, которой часть разрушена, по местам разбросанные палатки. В стороне театра виден большой шатер; в предсении онаго составляют Совет многие бояре».[129] Последнее, пятое действие развертывается на фоне московских укреплений: «Театр представляет ту же часть Москвы, но укрепляемую от поляков по той стороне реки низким берегом, который ставится посредине сцены».[130]

Из числа действующих лиц подлинно историческими являются князь Димитрий Пожарский, Минин — «купец нижегородский», вельможа Хоткеев — гетман Хоткевич, гетман Желковский; вымышленными — бояре московские: князь Димитрий, Феодор, Иоанн, Руксалон, сестра князя Пожарского — София, ее «наперсница» — Парфения, Вьянко — сын Желковского.

Первое действие открывается советом московских бояр, находящихся в стане русских войск, осаждающих Москву, занятую поляками. «Разномыслие» бояр, спорящих о том, начинать ли приступ или «как стаду разойтиться», прерывается приходом Пожарского и Минина. Димитрий Пожарский обращается к «Совету бояр» с речью:

Вельможи! грозная дошла до нас молва,
Что в узах у Литвы престольный град Москва;
Что ей последний вздох свободы остается;
Что с нею трон врагам российский предается;
Что наша братия, отечества сыны,
Безмолвствуют, и войск и пищи лишены:
Молва, сия молва Россиян пробудила;
Как буйный ветр она по Волге проходила;
В движенье привела сынов российских кровь;
Воспламенила в них к отечеству любовь.
Познав российских бед превосходящу меру,
Пришли мы защищать Москву, престол и веру.

(Указывая на Минина)

Сей муж, почтенный муж России, сын и друг,
Примером сделался отечеству заслуг,
Не князь, не знатный муж, не есть чиновник дворской
Он Минин! Минин он! — купец нижегородской.
Порода знатная без добрых дел ничто;
Тот в мире знаменит, полезен царству кто!
К отечеству сей муж подвигнут сожаленьем,
Пожертвовал ему и жизнью и именьем.[131]

«Вельможа Хоткеев» является послом. Он предлагает русским мир с условием возведения на царство сына польского короля Сигизмунда — королевича Владислава. Пожарский выражает негодование:

В оковы ввергнут нас, Россию разорив,
Быть кроток Владислав, быть чает справедлив.

---

[129] *Херасков М. М.* Освобожденная Москва. Трагедия. М., 1798, с. 1.
[130] Там же, с. 92.
[131] Там же, с. 18—19.

Что должно делать нам, мы сами разумеем,
Зри, сколько воинства и рыцарей имеем.[132]

Хоткеев «объявляет вражду России» и грозит нанести поражение русским войскам. Д. Пожарский воодушевляет военачальников.

Наряду с темой, связанной с историческими событиями 1612 г., в трагедии «Освобожденная Москва» развивается любовная коллизия: сестра Д. Пожарского София любима Леоном, сыном боярина Димитрия. Но София является возлюбленной Вьянко — сына польского гетмана Желковского. Вьянко дает ей поручение — склонить к союзу с Литвой князя Д. Пожарского. София ночью пробирается «к шатрам» русских военачальников. Леон, охраняющий лагерь, увидев Софию, не в силах запретить ей идти к Пожарскому. София горячо убеждает брата согласиться принять на русский престол королевича Владислава. Пожарский с негодованием отвергает это предложение.

Нет, слов твоих не внемлю!
Я их кинжалами душе моей приемлю;
Кто, кто тебя к таким изменам преклонил?
Кто дух твой, русский дух, в литовский превратил? [133]

Сына гетмана Желковского Вьянко приводят в оковах в русский лагерь. Он встречается с Софией, которая возвращается в осажденную Москву, чтобы добиться его освобождения. В русский лагерь приходит польский гетман Желковский и просит спасти сына. Вьянко освобождают из плена, и он возвращается в Москву. Четвертое действие заканчивается сообщением о подготовке русских к освобождению Москвы.

Пятое действие переносит зрителей в осажденную Москву. Поляки готовятся к обороне. Они собрали московских девушек, в числе которых и сестра Димитрия Пожарского София, и «поставляют их у самого острога и за ними располагаются». Появляется Вьянко. Он обращается к полякам:

Бегите вы отсель, несчастные, бегите!
Живот свой соблюсти полякам помогите:
Пожарской с воинством теперь уже в Кремле,
Нет места, больше нет в Российской нам земле.[134]

Вбегает русский воин Леон. Он сражается с Вьянко и убивает его. София, — «схватив мечь Вьянкин, заколается», — сообщает в авторской ремарке М. М. Херасков. На сцене появляется Димитрий Пожарский, сопровождаемый боярами и народом. Он восклицает:

Российская теперь корона утвержденна!
Поляки изгнаны, Москва освобожденна.[135]

---

[132] Там же, с. 17.
[133] Там же, с. 44.
[134] Там же, с. 27.
[135] Там же, с. 104.

С войском приходит Минин, который сообщает:

Вельможи и сигклит народу возвестил,
Что избран на престол Романов Михаил!

Трагедия заканчивается всеобщим ликованием народа: «слышен на степах глас труб и бой литавров, занавес опускается», — пишет в последней авторской ремарке М. М. Херасков.

Трагедия «Освобожденная Москва» представляет собой переходную форму к драме с некоторыми чертами сентиментализма, явственно ощущающимися в любовных монологах и диалогах Софии и Вьянко. Исторические известия о событиях, происходящих в России в Смутное время, являются лишь фоном, на котором Херасков развертывает действие трагедии. Но вместе с тем он не допускает нарушений исторической истины в характеристике подлинных героев того времени — Димитрия Пожарского, талантливого полководца, горячего патриота России, и его сподвижника — нижегородского купца Козьмы Минина, пожертвовавшего все свое состояние на сбор второго ополчения и вдохновившего народ своим подвигом.

Ко времени работы Хераскова над трагедией «Освобожденная Москва» был опубликован в 1791 г. VII том «Истории российской от древнейших времен» М. М. Щербатова, где содержались известия, почерпнутые из исторических источников о событиях Смутного времени. В том же 1791 г. вышел из печати VII том Никоновской летописи с дополнениями, относящимися к известиям о событиях начала XVII в. Но для Хераскова, как видно, главной задачей было показать в трагедии не исторические события, а раскрыть патриотические чувства у защитников России и любовные — у Софии и Вьянко. Оба эти героя не традиционные «злодеи»; они наделены автором чертами благородства и жертвенности, но Софию и Вьянко губит страсть.

В 1800 г. была создана и в 1804 г. опубликована трагедия В. Нарежного «Димитрий Самозванец», написанная под очевидным влиянием одноименной трагедии Сумарокова. Подражательный характер ясно проступает в выборе действующих лиц, исторических и вымышленных. Здесь та же влюбленная пара: Ксения и Георгий Галицкий и исторические герои — Димитрий Самозванец и Василий Шуйский. Роль наперсника в трагедии принадлежит не вымышленному Пармену — патриоту в душе, как у Сумарокова, а историческому Петру Басманову, которому Нарежный создал романтизированную биографию. Он жил в Польше в доме Марьянны (Марины) Мнишек, был в нее страстно влюблен и видел в Димитрии соперника. Но позднее он узнает, что Димитрий не любит Марьянну, и Петром Басмановым снова овладевает надежда на взаимную любовь прекрасной польки.

Трагедия Нарежного написана прозой. Она совершенно несценична, велика по объему и, несмотря на нагнетание драматических ситуаций (например, Ксения, отвергшая домогания Димитрия, насильно брошена в монастырь, где игуменья Марфа Нагая, мать убитого Димитрия-царевича, рассказывает ей о событиях, происшедших в Угличе; князь Георгий Галицкий также оказывается в монастыре, где происходит его сви-

дание с невестой), лишена того внутреннего напряжения, которое ощущается уже в первом монологе Димитрия в трагедии Сумарокова. Герои пьесы, жившие в начале XVII в., говорят языком образованных латинистов конца XVIII в. Так, князь Георгий Галицкий произносит, обращаясь к Василию Шуйскому (действие 1, явление 4):

Брут! Катон! — Нет! Эти имена тебя
не стоят. — Есть ли бы Шуйский был
во времена Кесаря, то клянусь —
лицемерной Октавиян не занял бы
упразднившегося престола.[136]

Марьянна Мнишек высказывается о Петре Басманове: «Физиогномия его мне не нравилась».[137]

Басманов — иезуиту Игнатию: «После узнаешь все, узнаешь, что в этой голове строются планы, пред которыми намерения Кесарей и Октавианов — пустые детские забавы».[138]

Несмотря на осознанное следование трагедии Сумарокова, Нарежный обращался к дополнению седьмого тома Никоновской летописи, вышедшей из печати в 1791 г. В главе этой летописи «О настоящей беде Московскому государству, о Гришке Отрепьеве» изложена подробная биография Димитрия Самозванца и в конце помещен любопытный рассказ об обличении Григория Отрепьева дьяком Тимофеем Осиповым: «Осипов из среды толпы выступает, приближается к самозванцу, громким гласом ему глаголет, изобличая его самозванство, и что он несть Димитрий царевичь, но гнусный оставивший монашеский сан Розстрига Григорий Отрепьев, которого в лицо многие узнают... но наконец Лжедмитрий повелел его немедленно умертвить, что и исполнено было».[139]

В трагедии В. Нарежного Димитрия Самозванца обличает также при народе безвестный нищий, который оказывается отцом Димитрия и убийцей, по наущению Бориса Годунова, младенца Димитрия-царевича. Нищий умирает от отравы, данной Григорием Отрепьевым.

Трагедия В. Нарежного кончается убийством Димитрия Самозванца и провозглашением нового царя — Василия Шуйского, который клянется не проливать невинной крови.

Исследователями уже было отмечено влияние на трагедию В. Нарежного «Димитрий Самозванец» западноевропейской романтической драматургии, в частности «Разбойников» Шиллера, что особенно ясно сказалось в характеристике Марьянны (Марины) Мнишек, которую автор превратил в чувствительную героиню.[140] Именно этот переходный харак-

---

[136] Димитрий Самозванец. Трагедия в пяти действиях. Сочинение Василья Нарежного 1800 года. М., 1804, с. 18.

[137] Там же, с. 57.

[138] Там же, с. 65.

[139] Руская летопись по Никонову списку. Часть седьмая. По 1598 год. До преставления царя Феодора Ивановича. СПб., 1791, с. 46—47.

[140] *Бочкарев В. А.* Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815 гг.). — Учен. зап. Куйбышевск. гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, вып. 25. Куйбышев, 1959, с. 100.

тер трагедии, не порвавшей с классицизмом в понимании исторических героев и вместе с тем использовавшей достижения нового литературного направления — романтизма, предопределил зыбкость художественной формы и отсутствие отчетливости в подходе к историческим источникам.

Русская драматургия XVIII в. на темы национальной истории прошла сложный и неравномерный путь развития. Стремления авторов пьес связать прошлое и настоящее, поведать об исторических лицах и событиях Древней Руси наталкивалось на непреодолимые трудности: отсутствие опубликованных летописей, сочинений на историческую тему. По существу до конца 60-х гг. XVIII в. не было печатных летописей, и Сумароков не располагал, кроме печатного «Синопсиса», никакими источниками. Трагедия Ломоносова «Тамира и Селим» 1750 г. с точки зрения использования древнерусских литературных памятников для воссоздания исторических событий опередила эпоху по той причине, что автор ее был историком, работал над летописями, Хронографами, Степенными книгами. Он осознанно отобрал ту редакцию Сказания о Мамаевом побоище, которая, с его точки зрения, наиболее точно отображала ход сражения на поле Куликовом. Этот новый подход к отображению исторической темы был развит в трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец» (1771 г.). Сумароков не располагал печатными известиями о событиях Смутного времени и вынужден был обратиться к сочинениям современников событий начала XVII в. Их представления о характерах исторических героев этого времени нашли почти зеркальное отражение в «Димитрии Самозванце», одной из лучших трагедий XVIII в.

Приближение к исторически достоверной обрисовке событий и лиц в произведениях на историческую тему становилось к концу XVIII—началу XIX в. настоятельной потребностью литературно-эстетической мысли. Поэтому вызвала так много замечаний трагедия П. А. Плавильщикова «Ермак», которая была впервые поставлена в 1803 г., а опубликована в 1806 г. Рецензент «Вестника Европы», приветствуя драматургические произведения на исторические темы («История наша богата делами великими, государями славными и чертами разительными. Многие эпохи ее дадут прекрасные содержания для театральных представлений: нужен только творец, который бы оживил нам Донских, Годуновых, Пожарских!»), вместе с тем считает, что в этой трагедии не нашла отображения «эпоха завоевания Сибири, значительная в русской истории».[141] Пересказав кратко содержание пьесы («Ермак, разбивши несколько раз татар, взявши в плен девицу Ирту, двинулся к стенам Искери, столицы Кучум-хана; влюбился в свою пленницу, узнал, что она дочь царя сибирского, победил остатки орд Кучумовых, пленил хана и получил отцовское благословение на брак с любящею Иртою»),[142] рецензент приходит к выводу, что «в продолжение пиесы слог в некоторых местах надут, выражения не соответственны времени, связь чудесна, характеры не выдержаны».[143]

---

[141] Вестник Европы, 1807, март, № 5, с. 47.
[142] Там же, с. 48.
[143] Там же, с. 54.

Можно предположить, что автором названной выше рецензии был Н. М. Карамзин, выступивший в 1798 г. в печати с повестью «Наталья, боярская дочь» и в 1803 г. с «исторической повестью» «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» и размышлявший на темы о связи истории и литературы. Анализируя с этой точки зрения творчество Сумарокова-драматурга, Карамзин писал в 1802 г. в «Пантеоне российских авторов»: «В трагедиях своих он (Сумароков. — *Г. М.*) старался представлять характеры в их эстетической и нравственной истине; не искал чрезвычайных положений и великих предметов для трагической живописи... называя героев своих именами древних князей русских, не думая соображать свойства, дела и язык их с характером времени».[144]

Требования о «соображении свойств, дел и языка... с характером времени», которое воспроизводилось в пьесах на исторические темы, предъявляли не только представители нового литературного направления — сентименталисты, возглавляемые Карамзиным. Один из виднейших столпов «Беседы любителей российского слова» — группы русских литераторов конца XVIII—начала XIX в., противостоящей карамзинистам, — Г. Р. Державин выступил с серьезными критическими замечаниями по адресу В. А. Озерова, автора трагедий «Ярополк и Олег» и особенно «Димитрий Донской». Державин в предисловии к своей первой трагедии на историческую тему «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806 г.) подчеркивал, что «все... характеры... взял я, ничего к ним не прибавляя, точно из истории, а по свободе поэзии вымыслил только некоторые вводные происшествия»,[145] «Предуведомление» к трагедии «Евпраксия» (1808 г.) Державин начинает «кратким историческим известием» о событиях, происшедших в Рязанском княжестве в 1237 г.[146] В обращении «К читателю», предшествующем трагедии «Темный» (1808 г.), Державин также, пересказав летописное известие о событиях, связанных с ослеплением князя Василия Васильевича Дмитрием Шемякою, уведомил, что «все действующие лица суть не вымышленные», а подлинные.[147]

Отмеченная выше тенденция к возможно близкому отображению прошлых событий была, естественно, ограничена теми историческими сведениями, которыми располагала наука того времени. Кроме того, эта тенденция не была преобладающей: и на сцене шли, и в печати публиковались пьесы, которые были названы именами исторических героев, но в действительности не имели никакого отношения к подлинным событиям, происходившим в Древней Руси.

Выше нам приходилось уже говорить о трагедии Озерова «Димитрий Донской» (1807 г.), посвященной герою Куликовской битвы, великому московскому князю Димитрию Ивановичу. Пьеса начинается с под-

---

[144] *Карамзин Н. М.* Пантеон российских авторов. — Избранные сочинения, т. II. Л., 1964, с. 169—170.

[145] *Державин Г. Р.* Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. IV. СПб., 1874, с. 110.

[146] Там же, с. 248—251.

[147] Там же, с. 324.

готовки к битве с татарским ханом Мамаем. Димитрий призывает всех русских князей объединиться против Орды. Оставшись наедине с оруженосцем и другом Михаилом Бренским, Димитрий признается ему, что любит дочь нижегородского князя Ксению, нареченную невесту князя Тверского (действие I, явление 5). В следующем действии выясняется, что Ксения любит Димитрия. Назревает конфликт между Димитрием и князем Тверским, который убеждает других князей увести свои войска с поля битвы. Четвертое действие происходит «среди лагеря и близ шатра Димитрия». Московский и Тверской князья готовы сразиться. Ксения становится между ними. В пятом действии «театр представляет долину между гор, покрытую лесом». Ксения со своей наперсницей Избраной ходит по Куликову полю после битвы и ищет Димитрия. Раненого Димитрия находят под деревом в одежде простого воина. Тверской соглашается отдать Ксению князю Димитрию.

Озеров ссылается на «Штриттера» как источник его исторических сведений.

«История российского государства, сочиненная статским советником и кавалером Иваном Стриттером» в трех частях была издана в 1800 г. В рассказе о Куликовской битве И. Стриттер следует Сказанию о Мамаевом побоище, помещенному в Никоновской летописи. Из этого Сказания известно, что князь Тверской уклонился от участия в Куликовской битве, а рязанский князь Олег был на стороне хана Мамая, что ко времени Куликовской битвы Димитрий был женат на нижегородской княжне Евдокии, от которой у него было два сына. Появление в пьесе В. А. Озерова Ксении, да еще, как говорил Державин, которая «шатается» по Куликову полю, являлось разительным противоречием не только историческим свидетельствам, но и просто естественным представлениям о положении женщины в Древней Руси. Очевидно, несмотря на громадный успех трагедии «Димитрий Донской», вызванный патриотическим подъемом в связи с начавшимися военными действиями Наполеона, в среде писателей и ученых было достаточно много разговоров о серьезных отступлениях от исторических обстоятельств событий 1380 г. в этой пьесе Озерова. Состоялся известный разговор Державина с И. А. Дмитревским, который в ответ на серьезные замечания поэта ответил: «Можно было бы сказать и много кой-чего на счет содержания трагедии («Димитрия Донского», — *Г. М.*) и характеров действующих лиц, да обстоятельства не те, чтобы критиковать такую патриотическую пьесу, которая явилась так кстати и имела неслыханный успех».[148]

Аллюзионность трагедий «Димитрий Донской» как-то отодвигала вопрос о достойном изображении исторических героев. И позднее это направление разработки литературных тем Древней Руси продолжало дальнейшую жизнь.

В качестве примера подобного драматургического сочинения приведем «трагедию в пяти действиях... Изяслав и Владимир», которая была посвящена автором — Валерианом Олиным — императору Александру I и

---

[148] *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* И. А. Дмитревский. Берлин, 1923, с. 148.

«представлена в первый раз на Санкт-Петербургском придворном театре апреля 17 дня 1811 года».[149] Из одиннадцати действующих лиц этой трагедии трое носят имена киевских князей: «Изяслав II, наследный великий князь киевский», «Владимир II, брат его», «Игорь II, князь и хищник трона киевского». Братья Изяслав и Владимир любят Семилу, дочь Игоря II, незаконно захватившего власть в Киеве. Соединенными усилиями они побеждают Игоря и берут его в плен. Изяслав, узнав о взаимной любви Семилы и Владимира, пытается убить брата. Игорь II поднимает восстание киевлян. Владимир спасает Изяслава. Происходит примирение братьев. Раненый Игорь, умирая, благословляет на брак Владимира и дочь Семилу. Изяслав также побеждает свою страсть и отдает Семилу брату.

В те же годы, когда В. Олин писал трагедию «Изяслав и Владимир», были опубликованы и «История российская» Татищева, и «История российская с древнейших времен» М. М. Щербатова, и «Русская летопись по Никонову списку». И во всех этих исторических трудах и в Никоновской летописи рассказывалось о кровавой междоусобной войне 40-х гг. XII в. за киевский престол. Но Олин не использовал печатных источников. Его трагедия не имеет никакого отношения к действительным событиям, связанным с именами киевских князей XII в. Изяславом II Мстиславичем и Игорем Ольговичем.

Новая тенденция, проявившаяся в трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» и в поздней трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец», имела большое значение для развития русской драматургии начала XIX в. Именно это художественное новаторство в подходе к воссозданию образа исторического героя или исторических событий (посредством рассказа о них) и определили движение русской драматургии к историзму как качественно новому явлению.

Для русской драматургии XVIII в. на национально-исторические темы характерны некоторые общие черты, которые позволяют сделать наблюдения об их художественных особенностях.

Героями трагедий являются исторические лица, известия о которых (хотя бы самые краткие) сохранились в распространенных сочинениях по русской истории. Для первой половины XVIII в. такими источниками сведений об истории Древней Руси были «Синопсис» Иннокентия Гизеля, многократно переизданный в XVIII в., и «Родословие великих царей и князей российских» (1717 г.) Феофана Прокоповича. Начиная с конца 60-х гг. XVIII в. были опубликованы несколько летописей и исторических сочинений Ломоносова, Татищева, Щербатова, Ф. А. Эмина, Екатерины II. Все это значительно расширило фонд исторических известий о Древней Руси. Не меньшее значение имела публикация документов в «Древней российской вивлиофике».

В драматургии героями явились: Рюрик, Синав и Трувор, Вадим Новгородский, Владимир Святославич, его братья Ярополк Святославич и

---

[149] Костромской музей-заповедник, КОК. № 1214, л. 1—95 об.

Олег Святославич, Рогнеда, полоцкая княжна, затем супруга Владимира I, Димитрий Донской и антигерой — Димитрий Самозванец.

Сюжетообразующим узлом была любовная интрига, посредством которой авторы приводили в движение исторических героев, наделяя их любовной страстью, достоинствами чести или, напротив, «тиранством» и злой волей. Так как драматизм всегда связан с активными действиями героев, авторы русских пьес были поставлены перед необходимостью связывать действующих лиц с напряженными конфликтами. Если в античной истории, запечатленной в сочинениях греческих и римских историков, а также в античной мифологии уже содержался комплекс сюжетов, которые разрабатывались западноевропейскими драматургами в классицистических трагедиях XVII—начала XVIII в., то русским авторам, которые обращались к отечественной истории, эти сюжетные коллизии необходимо было вымышлять. Это хорошо понял Ломоносов, когда писал в своей «Риторике» о «смешанных вымыслах» — совмещении исторически достоверных сведений с домыслом сюжета.

Подлинные исторические конфликты, трагические события прошлого: междоусобная борьба, битвы, принесшие поражения или плен, никогда не являлись темами драматургических произведений. И не потому, что жанр трагедии определял строгую регламентацию сценического действия в течение одних суток и «единства места»: об исторических событиях обыкновенно рассказывалось в монологе одного из действующих лиц, и в принципе возможно было поведать, допустим, и о трагическом исходе сражения. Но авторы русских трагедий XVIII в. не допускали на сцену трагические ситуации подлинной истории.

Своеобразной чертой, характерной для русской драматургии XVIII в. на исторические темы, является полное отсутствие предметности описания. Воссоздавая в трагедиях события X в., русские драматурги дают крайне скупые сведения о месте, где происходит событие: «Действие есть в Киеве в княжеском доме» (Сумароков «Хорев»); «Действие есть в Новегороде в княжеском доме» (Сумароков «Синав и Трувор»); «Действие в Киеве в княжеском доме» (Сумароков «Ярополк и Димиза»); «Действие в Киеве в чертогах пленного князя» (Херасков «Пламена»); «Действие в княжеском доме» (Херасков «Идолопоклонники, или Горислава»); «Действие происходит в Киеве в чертогах великого князя» (Озеров «Ярополк и Олег»).

Ни в речах действующих лиц, ни в авторских ремарках не содержится каких-либо упоминаний конкретных географических названий, описаний местности.

Так как до 988 г. Древняя Русь была языческой, драматурги XVIII в., считаясь с этим историческим фактом, упоминают Перуна — верховного языческого бога. Но любопытно отметить, что, несмотря на известия «Синопсиса» (основанные на летописи) о том, как Владимир Святославич, будучи язычником, «постави началнейшаго кумира именем Перуна бога Грому, Молния и облаков дождевых на пригорку высоком над Буричовым потоком по подобию человеку: тулуев его бе от древа хитростне изсечен; главу имущ слиянну от сребра, уши златы, нозе железны, в руках же держаше камень по подобию Перуна палающа рубинами и кар-

бункулем украшен»,[150] в трагедиях XVIII в. идут молиться «во храм Перуна». В храме Перуна происходят важные заседания, где решаются государственные вопросы. Христиане XVIII в. не имели представления о характере древнерусского язычества. И когда Мусин-Пушкин и его соратники Елагин и Болтин готовили исторический комментарий к «Слову о полку Игореве», объяснение ряда понятий, связанных с дохристианскими миропредставлениями («Боян, Велесов внуче... ветры», «стрибожи внуцы» и др.), представляло для них немалые трудности, не говоря уже о самом героев «Слова» — мелком новгород-северском князе, потерпевшем поражение, попавшем в плен к врагам и спасшемся благодаря мужеству слуги-половчанина. Все это совсем не было похоже на те литературные представления о Древней Руси, на которых воспитывались поколения русских людей XVIII в.

Понимание русской истории исключительно как героической истории характерно для художественного сознания XVIII в., нашедшего отражение и в живописи на сюжеты русской истории.

Сумароков, выступая в 1758 г. с речью на открытии Академии «трех знатнейших художеств», особое внимание уделил воспитательной роли искусства: «Перьвая должность упражняющихся в сих хитростях — изображать историю своего отечества и лица великих в оном людей, монархов, победителей и протчих».[151]

В 1764 г. И. И. Бецкой передал Ломоносову поручение Екатерины II «выбрать из российской истории знатные приключения для написания картин». Описание сюжетов для исторических картин находится при письме Ломоносова вице-канцлеру А. М. Голицыну от 24 января 1764 г., к которому он обратился за содействием для получения сведений «в изображении старинного нашего платья разных чинов».[152]

Ломоносов называет следующие исторические сюжеты, которые он считает необходимым воспроизвести в живописных полотнах: 1) «Взятие Искореста»; 2) «Основание христианства в России»; 3) «Совет Владимиру от духовенства»; 4) «Единоборство князя Мстислава»; 5) «Гориславa»; 6) «Мономахово единоборство»; 7) «Мономахово венчание на царство»; 8) «Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере»; 9) «Обручение князя Феодора Ростиславича»; 10) «Начало сражения с Мамаем»; 11) «Низвержение татарского ига»; 12) «Приведение новгородцев под самодержавство»; 13) «Царица Сумбек»; 14) «Право высокой фамилии Романовых на престол всероссийский»; 15) «Погибель Расстригина»; 16) «Козма Минин»; 17) «Олег князь приступает к Царюграду сухим путем на парусах»; 18) «Олег, угрызен от змея, умирает». 19) «Сражение Святославле с печенегами в порогах»; 20) «Избавление Киева от осады печенежской смелым переплытием рос-

---

[150] Синопсис, или Краткое собрание от разных летописцев о начале славянороссийского народа и о первоначальных князех богоспасаемого града Киева... до пресвятлого и благочестивого государя нашего царя и великого князя Феодора Алексеевича... по благословению... Иннокентия Гизеля... изображенное типом в лето... 1680, с. 45.

[151] *Сумароков А. П.* Полн. собр. соч., ч. II. Изд. 2-е. М., 1787, с. 261.

[152] *Ломоносов*, т. VI, с. 594—595.

сиянина через Днепр»; 21) «Князь киевский Святослав Ярославич кажет свое великое богатство послам немецким»; 22) «Князь Дмитрей Михайлович Пожарской в опасности от злодея, коего прислал Заруцкий»; 23) «Тот же князь Пожарской бьется с поляками»; 24) «Царь Василий Иванович Шуйский»; 25) «Гермоген, патриарх московский, посажен в тюрьме и, уже умирая голодом и жаждаю, не согласуется с принуждающими поляками, чтобы возвести на царство польского королевича Владислава».[153]

Сюжеты для картин на темы русской истории впервые были опубликованы в 1868 г.[154], и поэтому они не могли быть известны Н. М. Карамзину, который в 1802 г. написал записку «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств». Здесь и призвание братьев-варягов, и смерть Олега от укуса змеи, и несколько сюжетов, касающихся княгини Ольги, походов Святослава, крещения Владимира в Корсуни, попытки Гориславы убить Владимира, боя отрока Переяслава с печенежским силачом, законов Ярослава, данных им новгородцам, замужества Анны Ярославны за французским королем Генрихом I, основания Москвы Юрием Долгоруким, статуи Кузьмы Минина.[155]

Темы живописных картин на сюжеты из русской истории получили продолжение в дальнейшем в творчестве С. Н. Глинки[156] и А. А. Писарева.[157] Между ними возникла полемика об «исторической верности», которую должен соблюдать живописец. Это — отдельный предмет изучения. Для нас важно отметить, что и в начале XIX в., когда историческая наука имела в своем распоряжении уже значительное количество опубликованных литературных памятников и исторических документов, художественная мысль шла по пути, эстетически освоенному XVIII в., воспринимая историю Древней Руси как историю героических подвигов и великих событий.

---

[153] Там же, с. 367—373.
[154] Зап. Акад. наук, т. XIII, кн. 1, 1868, с. 180—186.
[155] Вестник Европы, 1802, с. 188—197.
[156] Северный вестник, ч. II. СПб., 1804, с. 279—281.
[157] Там же, ч. IV. СПб., 1804, с. 23—24; 163—164.

Глава III
Значение древнерусской литературы в формировании эпической поэзии и торжественной лирики XVIII в.

Сложение эпической поэзии и торжественной лирики XVIII в. неразрывно связано с развитием исторических тем древнерусской литературы, раскрываемых посредством художественного отображения героев русской истории, прославившихся ратными подвигами или государственными делами. Галерея этих лиц завершалась, как мы видели в исторических сочинениях этого времени (в «Родословии» Феофана Прокоповича 1717 г. и в «Кратком российском летописце» Ломоносова, 1760 г.), характеристикой деятельности Петра I. С точки зрения просветительских идей XVIII в. Петр I представлял собой идеальный образ русского царя, наследника и продолжателя деяний его предков. Эта мысль постоянно подчеркивалась современниками царя-преобразователя и, по-видимому, с его одобрения. В составленной Феофилактом Лопатинским и Гавриилом Бужинским «Службе святому Александру Невскому» [1] успехи русского оружия в Северной войне авторы рассматривали как продолжение Петром I побед, одержанных на Неве в 1240 г. князем Александром Ярославичем, получившим прозвание Невский. На протяжении всего XVIII века темы героических деяний древнерусских исторических лиц постоянно переплетаются с художественным воссозданием деятельности Петра I, царя-преобразователя, совершившего «великий метаморфозис» начала века. Специфика исторических воззрений XVIII в. определила своеобразие развития русской героической поэзии, ее высокий гражданский пафос, отразивший характерные черты литературы Древней Руси.

В 1709 г. вскоре после Полтавского сражения Феофаном Прокоповичем было создано стихотворное сочинение «Епиникион», посвященное этому важному историческому событию. «Епиникион» был написан на трех языках: русском, латинском, польском и в том же году опубликован в Киеве в составе брошюры «Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе». Связанный единством замысла и темы с «Словом похвальным», «Епиникион» по жанровым признакам относится к эпической поэме. Это первая героическая эпопея на национально-историческую тему, открывающая путь к формированию русской

[1] Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1722). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Издал Е. В. Петухов. Юрьев, 1901, с. 505, 512.

эпической поэмы XVIII в. Являясь не только писателем, но и теоретиком литературы, автором «Поэтики» и «Риторики», Феофан Прокопович оставил свои суждения о поэме как стихотворном жанре, и поэтому представляет значительный интерес рассмотреть эти взгляды и сопоставить их с его поэтической практикой.

Отличительным признаком художественного произведения Ф. Прокопович считает поэтический вымысел, что отличает его от исторического сочинения. А. Н. Соколов считает, что «Различие поэзии и истории Феофан Прокопович понимает глубже, чем предшествующие ему теоретики, даже Скалигер».[2] В решении вопроса о вымысле как основном свойстве поэзии Феофан Прокопович целиком опирается на теоретические положения Аристотеля, изложенные в его «Поэтике»: «Задача поэта — говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости. История и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой прозой. Ведь сочинения Геродота можно было бы переложить в стихи, и все-таки это была бы такая же история в метрах, как и без метров. Разница в том, что один рассказывает о происшедшем, другой о том, что могло бы произойти».[3]

Феофан Прокопович, ссылаясь на Аристотеля, полагает также, что поэтическое произведение на историческую тему принципиально отлично по своему характеру и способам воспроизведения действительности от исторического сочинения: «Главная же разница между поэтом и историком, по наблюдению Аристотеля, заключается в том, что историк рассказывает о действительном событии, как оно произошло; у поэта же или все повествование вымышлено, или, если он даже описывает истинное событие, то рассказывает о нем не так, как оно происходило в действительности, но так, как оно могло или должно было произойти».[4]

Характеризуя отличительные черты поэтического произведения, Феофан Прокопович пишет: «Природа поэзии соответствует ее имени. Ведь поэзия есть искусство изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни. Из этого определения видно, что поэзия совершенно отлична от истории... История ведь просто повествует о подвигах и не воспроизводит их посредством изображения... Поэт же, имя которому „творец“ и „сочинитель“, должен слагать стихи, придумывать содержание, т. е. воспевать вымышленное»[5] (разрядка наша, — *Г. М.*). Феофан Прокопович утверждает: «У поэта с историком я не усматриваю ни в чем сходства, кроме того, что тот и другой — повествователи... цель поэта не передавать потомству память о деяниях, как у историка, а учить людей, какими они должны быть при том или ином положении в жизни». Он приводит в «Поэтике» примеры, когда «поэт высказывает свое гражданское учение, словно в некоем зеркале, в деяниях какого-либо героя и, вос-

---

[2] *Соколов А. Н.* О поэтике Феофана Прокоповича. Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 445.

[3] *Аристотель.* Поэтика. Перевод, введение и примечания Н. И. Новосадского. «Academia», Л., 1927, с. 51.

[4] *Феофан Прокопович.* Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, с. 402.

[5] Там же, с. 346, 407.

хваляя, ставит его в пример прочим. Так, Гомер изобразил в Улиссе красноречивого, умного и закаленного опытом вождя. Виргилий же в Энее представил мужественного и благочестивого государя».[6]

Л. И. Кулакова справедливо пишет о том, что «когда Феофан (Прокопович, — *Г. М.*) говорил о „вымысле события", он в большей степени думал об античной и европейской литературе, чем о русской».[7]

«Епиникион» Феофана Прокоповича имеет подзаголовок, раскрывающий его жанровую принадлежность: «...си есть песнь победная о тоей же преславной победе». Во II книге «Поэтики» в главе «Об эпической и драматической поэзии» Феофан Прокопович указывает, что эпопея является высшей формой поэтического искусства. В ней «описываются жизнь и подвиги героев», т. е. знаменитых мужей. Содержанием эпопеи являются «грозные битвы, деяния царей и вождей знаменитых».[8]

Приводя в «Поэтике» эту цитату из «Искусства поэзии» Горация, Феофан Прокопович как бы еще раз подтвердил, что его «Епиникион» — это поэма, посвященная герою Полтавской битвы Петру I. Но этой же теме он посвятил и свое «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе», по жанру принадлежащее к ораторской прозе.

Представляет интерес сопоставить различные в жанровом отношении произведения Феофана Прокоповича, написанные на одну и ту же тему с целью определения приемов художественного обобщения, т. е. конкретное решение проблемы вымысла и отражения исторических фактов.

«Епиникион», как и «Слово похвальное», проникнут публицистическим пафосом. Феофан Прокопович выражает восхищение личностью Петра I — победителя сильной шведской армии Карла XII. Высоко оценивая военное и политическое значение Полтавской битвы, Феофан Прокопович намечает несколько тем, которые связывает в единое повествование. Но главным остается описание результата Северной войны.

И в «Епиникионе» и в «Слове похвальном» Феофан Прокопович говорит о том, что война длилась «десятое лето... время брани Троянской». Далее сообщено об измене Мазепы. В «Епиникионе»:

Внутр отчества супостат сверепий и дивый
Зменническим полчищем силу умноживый.[9]

В «Слове похвальном»: «Во время зело лютое, брани, внутр отечества нашего вшедшей, егда укрепися зменническим оружием, егда ему удобне, нам же неудобствия умножишися».[10]

Феофан Прокопович первый из русских поэтов XVIII в. создал замечательное описание Полтавской битвы 1709 г.

Блисну огнем все поле; многие воскоре
Излетеша молния; не таков во море
Шум слышится, егда ветр на ветр ударяет,

---

[6] Там же, с. 407.
[7] *Кулакова Л. И.* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII в. Л., 1968, с. 9.
[8] *Феофан Прокопович.* Соч., с. 386.
[9] Там же, с. 209.
[10] Там же, с. 29.

Ниже тако гром з темных облаков рыкает,
Яко гримят армати, и гласом и страхом,
И уже день помрачи дым, смешен со прахом
Страшное блистание, страшний и великий
Град падает железный; обачи толикий
Страх не может России сил храбрих сотерти:
Но боится, не радит о видимой смерти.
Но егда тя, о царю и воине силный,
Узре посреде огня, объять ю страх зелный,
Вострепета и крайней убояся страсти,
Дабы в едином лицу всем не пришло пасти.
. . . . . .
И вся на главу твою и на твоя силы
Летущия сотвори безделныя стрелы.
Свей же, во оружии своем уповая,
Гинет явственне, егда коей избивая
Смерти, огнем летущой; лиется кровь всюду;
Стелет землю трупие; мало уже люду
Зрится во полках его. И недолго бяше
Сумнительна победа. О блаженство наше! [11]

В «Слове похвальном» Феофан Прокопович, говоря о Полтавской битве, выделяет те же самые эпизоды и описывает их в сходных выражениях: «Ужас бяше видети возмущенный и небес досязающий от праха и дыма военного облак. Ужаснее зрети бесчисленная семо и овамо летающая блистания и слышати непрестанныя страшныя громы... Егда бо от нестерпимого громогласия стеняше земля, егда окрестныя страны страхом движахуся, егда шумяху лесы прогоняемым от огня и грома воздухом и на арматныя рикания страшным риком отвещеваху горы и закри лице солнцу дым, с прахом смешанный, единому токмо оставльшу свету, его же оружные огне издаяху... Что же речем о собственной твоей храбрости, великий великих мужей вожде и великих супостатов победителю, всероссийский монархо! Егда не слово токмо твое и повеление в полки твоя, на брань препоясавшияся, посылал еси... но совершая царственное, купно совершил еси и воинское дело, сам высоким лицем твоим в лице супостату противо стал еси, сам на первыя мечи и копия и огни устремился еси».[12]

И в «Епиникионе» и в «Слове похвальном» Феофан Прокопович употребляет одни и те же выражения для описания поведения шведского короля Карла XII и его сподвижника — изменника Мазепы.

В «Епиникионе»:

... иных скороногий
Страх изнесе, и уже во силе немногий
Сам лев, иже многия устрашаше грады,
В лесы, в чащы побеже искати отрады.
С малою ли бежиши, звере, страмотою,
Хоботом заглаждая след твой за собой? [13]

---

[11] Там же, с. 212.
[12] Там же, с. 30—31.
[13] Там же, с. 212—213.

В «Слове похвальном»: «Приходит мне зде на память, что повествуют о льву естеств списателие: егда, рече, лев не возмог насилию крепких ловцов противостати, на бегство устремляется; дабы не познали, в кую страну побеже, хоботом загребает следы своя за собою. Кто ж нынче тожде не видит и на льве свейском? Видиши ты найпаче, яко с ним бежай, — о изменниче! — не токмо телом, но и вероломством хромый; виждь ныне, како под крепчайшую руку отдался еси!»[14]

В сходных выражениях высказывает Феофан Прокопович и свое отрицательное отношение к унии.

Таким образом, мы видим, что и прозаическое «Слово похвальное о Полтавской победе» и стихотворная поэма — «Епиникион» полностью совпадают не только по материалу (что естественно объясняется одной и той же темой), но и отбором фактов, посредством которых Феофан Прокопович выражает свое отношение к великой победе над могучим военным противником и создает художественную картину Полтавского боя.

Безусловно, некоторые элементы описания битвы и в «Епиникионе» и в «Слове похвальном» восходят к традиционным поэтическим формулам древнерусской литературы. Например, дым, достигающий до облак и закрывающий солнце; блистание оружия, подобное молнии.[15] Но вместе с тем очевидно, что Феофан Прокопович, не будучи свидетелем Полтавской битвы (он в это время находился в Киеве), располагал какими-то конкретными известиями о ходе Полтавского сражения, о действиях Петра I.

Одним из важнейших источников о Полтавской битве была «Обстоятельная реляция о главной баталии меж войск его царского величества российского и королевского величества свейскаго, учинившеяся неподалеку от Полтавы сего июня в 27 день 1709 лета», напечатанная в № 11 газеты «Ведомости» 2 июля 1709 г.[16] «Реляция» о Полтавской победе рассылалась по городам и губерниям, ее читали вслух в церквах. А в сентябре 1709 г. «Обстоятельная реляция» была напечатана в Москве отдельным изданием.

Имеются основания полагать, что в составлении «Обстоятельной реляции» самое непосредственное участие принимал Петр I, так как текст ее полностью совпадает с письмом Петра I, адресованным царевичу Алексею Петровичу, которое было отправлено «из лагару от Полтавы в 27 день июня в письме властные руки его царского величества ко благороднейшему государю царевичу писано».[17]

Петр I прибыл в Киев 22 июня, и Феофан Прокопович произнес «Слово похвальное», предварительно располагая кратким и точным описанием Полтавской битвы из «Обстоятельной реляции».

---

[14] Там же, с. 35.

[15] Об этих стилистических формулах см.: *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., 1947.

[16] Описание изданий, напечатанных кириллицей. Составители Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Редакция и вступительная статья П. Н. Беркова. М.—Л., 1958, с. 162—163.

[17] Письма и бумаги Петра Великого, т. IX, № 3258.

Ниже приводим отрывок из «Реляции», который и был использован Феофаном Прокоповичем.

В «Обстоятельной реляции» рассказ ведется с момента перехода русской армии через р. Ворсклу 20 июня 1709 г. Далее сказано, что обе армии стали готовиться к сражению, но шведский король Карл XII «по своей обыкновенной запалчивой отваге в том нас упредил и 27 числа поутру весьма рано почитай при бывшей еще темноте... на нашу кавалерию как конницею, так и пехотою своею с такою фуриею напал, чтобы конечно не точию конницу нашу разорить, но и редуты весма все овладеть. Однакож в том много оной противности нашел».

Далее помещено «обстоятельное» (хотя и очень краткое) описание Полтавского сражения: «И тако о 9 часу пополуднем генералная баталия началас, в которой хотя и зело жестоко во огне оба войска бились, однакож далее дву часов не продолжалось, ибо непобедимыя господа шведы скоро хребет показали и от наших войск с такою храбростию вся неприятельская армея [с малым уроном наших войск еже при том наивящше удивительно] как кавалерия, так и инфантерия весма опровергнута, так что шведское войско не единожды потом не останавливалос, но без остановки от наших шпагами, багинетами и пиками колото и даже до обретающагося в близу лесу гнаны и биты». И совсем кратко сказано о заслугах Петра I: «...ибо его величество в том случае свою храбрость, великодушие и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своею высокою о себе в вышнем градусе показал и притом шляпа на нем пулею прострелена».

И в «Епиникионе» и в «Слове похвальном» Феофан Прокопович не забыл упомянуть о «железном желюде», который прошел «сквозе шлем» Петра I.

«Слово похвальное» по своему характеру не может не быть связано с конкретным поводом, который служит основанием для публичного его произнесения (или публикации), и потому вполне закономерно, что оно основано на документальных материалах и близко соотносится с историческими сочинениями и учебными книгами (так позднее писал Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию»).[18] Но как объяснить отражение подлинных исторических фактов в эпической поэме «Епиникион», если сам Феофан Прокопович в «Поэтике» многократно подчеркивал коренное отличие поэтического произведения от исторического? «Поэт же, имя которому „творец“ и „сочинитель“, должен слагать стихи, придумывать содержание, т. е. воспевать вымышленное».[19]

Поэтическая практика Феофана Прокоповича — автора «Епиникиона», как мы видим, оказалась существенно отличной от теоретических положений, вытекающих, как на это указала Л. И. Кулакова, из изучения античной и западноевропейских литератур.

В создании нового жанра — героической поэмы на историческую тему — Феофан Прокопович исходил из опыта древнерусской литературы,

---

[18] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1952, с. 96—97.
[19] *Феофан Прокопович.* Соч., с. 407.

опыта, вынесенного из глубокого проникновения в понимание специфики национальной культуры.

Для древнерусской литературы характерен своеобразный историзм: «...произведения древнерусской литературы, — пишет Д. С. Лихачев, — рассказывали непосредственно о самих исторических событиях — только что случившихся или давних. Главные герои древней русской литературы (в пределах до середины XVIII в.) — это деятели русской истории (князья Владимир Святославич, Владимир Мономах, Александр Невский или русские святые — Борис и Глеб, Феодосий или Антоний Печерские и т. д.)... Древнерусский читатель не интересовался бы произведением, если бы знал, что сюжет его вымышлен, а герои его никогда не существовали».[20]

Феофан Прокопович, владевший превосходной библиотекой, в которой хранились многие замечательные памятники древнерусской литературы (после его смерти переданные в Библиотеку Петербургской Академии наук), в своих произведениях раскрывший глубокое знание им произведений русской древности,[21] сознательно привнес лучшие достижения предшествующей литературы в созидающуюся новую литературу. Его опыт в создании героической поэмы на национальную тему оказал влияние на развитие этого жанра в России XVIII в.

Не случайно обратился к эпической поэме, посвященной Петру I, близкий сподвижник Феофана Прокоповича Антиох Кантемир. Влияние Феофана Прокоповича сказалось не только в выборе темы — прославление новой России и героической личности Петра I, но и в художественно-композиционных особенностях поэмы Кантемира «Петрида».

«Поэтика» Феофана Прокоповича — курс лекций, прочитанных им в 1705 г. в Киево-Могилянской академии, — была первым в России руководством по теории поэзии. Кантемир несомненно имел возможность пользоваться библиотекой Феофана Прокоповича и был знаком с его рукописной «Поэтикой», написанной на латинском языке, хорошо известном Кантемиру.

Из трех книг «Поэтики» Феофана Прокоповича одна была целиком посвящена эпическому жанру. В главе IV («Различие между поэтическим и историческим повествованием») Феофан Прокопович, выделяя различия поэта и историка, говорит и о композиционных особенностях произведений, вытекающих из этих различий: «Историк следует естественному порядку вещей и излагает сперва то, что совершалось раньше, а затем то, что случилось позже. Напротив, поэт располагает свое произведение в художественном порядке, и ему позволено начинать с конца и заканчивать началом или же ставить конец в середине, середину в начале, а начало в конце, как это будет выяснено ниже».[22]

В главе VI («О композиции эпического повествования») Феофан Прокопович говорит о двух видах композиции — «или естественной, или идущей

---

[20] *Лихачев Д. С.* Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, с. 21, 195—196.
[21] *Härtel.* Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg, 1970, S. 64, 90.
[22] *Феофан Прокопович.* Соч., с. 401—402.

от искусства» — и далее подробно разъясняет, что необходимо «в начале поэмы указать, о чем будет в ней итти речь, чтобы в самом начале возбудить внимание слушателя и, словно завлекая некоей приманкой, повести его к дальнейшему. Не менее значительным должен быть и исход; остальное же сосредоточивается в середине. Впрочем, чтобы ставить впереди события более поздние, а ранние наоборот — в середину или в конец — нет определенного правила, кроме как изобретательность и вкус каждого. Делается это, однако, главным образом посредством введения рассказчиков; примерно так: поэт начинает рассказывать о каких-либо событиях, которые произошли позже; рассказав о многих событиях, он умело находит повод, чтобы ввести собеседование действующих лиц, заставляя кого-нибудь передать события, предшествовавшие тому, с чего начинается поэма».[23]

Художественные особенности не законченной А. Кантемиром поэмы «Петрида» объясняются влиянием «Поэтики» Феофана Прокоповича.

Кантемир называет свою поэму «Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, императора всероссийского». И действительно, он начинает ее с рассказа о приближающейся смерти Петра I:

Печаль неутешную России рыдаю:
Смеху дав прежде вину, к слезам побуждаю;
Плачу гибель чрезмерну в роксолян народе,
Уже введе смерть Петра перва в царском роде.

Антиох Кантемир дает восторженную характеристику государственной деятельности Петра I.

Петра когда глаголю — что не заключаю
В той самой речи? Мудрость, мужество к случаю
Злу и благополучну, осторожность сильну,
Любовь, попечение, приятность умильну,
Правдивого судию, царя домостройна,
Друга верна, воина, всех лавров достойна, —
Словом, все, что либо звать совершенным можно.[24]

А. Н. Соколов уже высказал предположение о том, что Кантемир, описывая болезни Петра I, наметил «только завязку, за которой должно было последовать действие, рассчитанное на целый год, после чего должна была наступить развязка — смерть героя».[25]

В первых строках «Петриды» А. Кантемир как бы нарочито подчеркивает идейную и духовную близость с Феофаном Прокоповичем — близким сподвижником Петра I, составителем многочисленных сочинений, посвященных прославлению деятельности царя-преобразователя,

---

[23] Там же, с. 408.

[24] *Кантемир А.* Собрание стихотворений. Вступ. статья Ф. Я. Приймы. Подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956, с. 241. (Библиотека поэта. Бол. серия).

[25] *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII—первой половины XIX в. М., 1955, с. 85.

автора «Епиникиона» — первой эпической поэмы, героем которой был Петр I.

Я той, иже некогда забавными слоги,
Не зол, устремлял свои с охотою роги,
Бодя иль злонравия мерзкие поступки,
Иль обычьем ствердимы не в пользу поступки.[26]

Вспомним при этом обращение Феофана Прокоповича «К автору сатиры».

Не знаю, кто ти, пророче рогатый
Знаю, коликой достоин ти славы
. . . . . .
Объемлет тебя Апполин великий,
Любит всяк, иже таинств сего зритель.
О тебе поют парнасские лики,
Всем честным сладка твоя добродетель
И будет сладка в будущие век,
А я и ныне сущий твой любитель
Но сие за верх славы твоей буду,
Что тебе злие ненавидят люди.[27]

Одним заглавием своего произведения — «Петрида» — А. Кантемир подчеркивал, что в его поэме будет художественно воссоздана жизнь Петра I — государственного деятеля, полководца, законодателя. Следуя «Поэтике» Феофана Прокоповича, Кантемир полагал ввести в повествование «собеседование действующих лиц», рассказы которых и содержали бы «информационную» сторону поэмы.

Но, очевидно, приступив к созданию героической эпопеи об историческом деятеле, А. Кантемир учитывал опыт своего современника Вольтера, автора поэмы «Генриада», изданной в 1728 г. одновременно с теоретическим трактатом «Опыт об эпической поэзии». Взяв в основу биографию французского короля Генриха IV и отобразив подлинные события конца XVI—начала XVII в., Вольтер стремился создать новый тип эпопеи, в которой наряду с действительными историческими лицами действовали литературные аллегории: Истина, Раздор, Фанатизм, Любовь и т. д. Эти аллегорические персонажи вмешивались в события, выражали авторскую оценку исторических деяний.

В первой книге поэмы Кантемира «Петриада» мы также видим Странгурио — олицетворение болезни Петра I. Кантемир так раскрывает смысл этого литературного персонажа:

Странгурио имя есть, римляне уж дали,
«Запором мочи» россы (впредь себе) звать стали.

Архангел Михаил принудил Странгурио отложить на один год смерть Петра I.

---

[26] *Кантемир А.* Собр. стихотворений, с. 241.
[27] *Феофан Прокопович.* Соч., с. 216—217.

Сего, — рече, не диви: хоть толь страшен делы,
Хотя силен, хоть царь, хотя в бранях смелый,
Твоей вручаю власти и свирепу праву;
Вся, яже хощешь, твори; но токмо, да славу
Свою лучше окончит, не дерзай столь злобу
Твою люто изощрять и не прежде к гробу
Темный путь ему яви, нежели круг свой велий
Обтечет годом Фебус, как исполин смелый.
Тогда уже наведи хотя смерть с косою,
Так годно владеющу мною и тобою.[28]

Кантемир, как известно, испытал значительное влияние французской литературы.[29] Но творчество Вольтера менее всего привлекало его внимание: в конце 30-х гг. XVIII в. Кантемир скептически относился к историческим сочинениям Вольтера, называя, например, «Историю Карла XII короля шведского», «романом, а не историей».[30] Но вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что незадолго до смерти Кантемир перевел на русский язык стихотворение Вольтера «Два рода любви».[31] К этому факту следует добавить и наблюдение о влиянии «Генриады» Вольтера на «книгу первую» «Петриды», работа над которой была начата до отъезда Кантемира на Запад и, следовательно, до его личного знакомства с французским просветителем.

А. Кантемир не закончил поэму «Петрида». Исследователи полагали, что причиной этого была неудача, связанная с характером его творчества, сатирического по преимуществу.

Но Кантемир не написал «Петриду» (остановившись на «книге первой») по причинам, которые не объясняются свойствами его таланта сатирика. Феофан Прокопович, прекрасно знавший Кантемира, в своем обращении к «автору сатиры» говорит и о лирических его произведениях («о тебе поют парнасские лики»). Переводы Анакреона и Горация, принадлежащие перу Кантемира, позволяют думать, что он использовал многообразные литературные формы. Поэтому не художественная неудача была причиной того, что Кантемир не закончил «Петриду».

Недавно появилось новое объяснение причины того, что А. Кантемир прервал свою работу над поэмой «Петрида»: «Кантемир был так потрясен смертью Петра I, что, начиная свое произведение, невольно поступился классицистскими правилами, чтобы передать свое искреннее горе. Волнение заставило поэта отклониться от обязательной традиции».[32] Нам не кажется убедительным это объяснение: Кантемир приступил к работе над

---

[28] *Кантемир А.* Собр. стихотворений, с. 247.

[29] *Алексеев М. П.* Монтескье и Кантемир. — Вестн. ЛГУ, 1955, № 6. Сер. обществ. наук, с. 55—78; *Гершкович З. И.* Идейные связи русских и французских просветителей XVIII века (Кантемир и Монтескье). — Вестн. истории мировой культуры, 1959, июль—август, № 4, с. 120—129; *Grashoff H.* Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966, S. 161—241.

[30] *Прийма Ф. Я.* Антиох Кантемир и его французские литературные связи. — В кн.: Русская литература на Западе. Статьи и разыскания. Л., 1970, с. 3—57.

[31] *Заборов П. Р.* Вольтер в русских переводах XVIII в. — В кн.: Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, с. 110.

[32] *Елеонская А. С.* и др. История русской литературы XVII—XVIII вв. М., 1969, с. 267.

поэмой «Петрида» в 1730 г. — через 5 лет после смерти Петра I. Естественно, что впечатление, произведенное смертью Петра I, к этому времени уже не было таким острым. Но появилась новая задача — художественного и вместе с тем вполне достоверного воспроизведения жизни царя-преобразователя, раскрытия его великих дел и мыслей о будущем России. Это было в тяжелое время, прошедшее со дня смерти Петра I, когда при преемнице Екатерине I страной фактически правили члены Верховного тайного совета, состоящие из родовитой знати. Еще большие отступления от «Петровых дел» начались при Петре II — сыне казненного царевича Алексея, когда открыто провозглашалось возвращение к старым порядкам, что нашло отражение даже в акте переезда двора в древнюю столицу московских государей — Москву. Все это предопределило активное участие Кантемира и его сподвижников — членов Ученой дружины Феофана Прокоповича и В. Н. Татищева — в расправе с «затейкой» верховников и поддержке митавской герцогини Анны Иоанновны, ставшей русской императрицей.

В поэме «Петрида» решалась и политическая задача — раскрыть плодотворность политических преобразований Петра, показать его как образец мудрого государя, наглядный пример для новой царицы Анны, племянницы покойного императора.

Но, очевидно, интерес к жизни и деятельности Петра I у Кантемира возник значительно ранее того времени, когда он приступил к созданию поэмы. Об этом свидетельствуют «петровские» реминисценции в ранних сатирах. Так, в Сатире II («На зависть и гордость дворян своенравных») Кантемир говорит об указах Петра I:

. . . . . указы Петровы,
Коими стали мы вдруг народ уже новый
Не меньше стройный других, не меньше обильный
Завидим врагу и в нем злобу унять сильный.

К этому тексту Кантемир дает следующее примечание: «Указы Петровы, Указы должно разуметь и уставы императора Петра Великого, от которых народ получил столькую пользу. Известно, что его величество почти собственными трудами издал военный морской и сухопутный устав; гражданский старый под титлом „Уложение“ пополнил многими мудрыми указами; составил регламент церковный, по которому Синод церковные дела правит».[33]

Следует отметить, что в печатных изданиях «Книги Устав морской» (1720 г.), «Книги Устав воинский» (1716 г.), а также указа «О вершении дел по Уложению, а не по новоуказанным статьям и сепаратным указам, кроме изданных в дополнение к Уложению» (1714 г.), нигде не сказано, что в составлении и подготовке к печати этих книг принимал личное участие Петр I.

От своего отца Дмитрия Кантемира — сподвижника русского царя — юный Антиох мог узнать, что Петр I принимал личное участие в состав-

---

[33] *Кантемир А.* Собр. стихотворений, с. 86.

лении новых указов. Но ведь в примечании речь идет о конкретных указах и дополнительных статьях к Уложению. Следовательно, сведения эти Кантемир мог почерпнуть только из личного ознакомления с рукописными текстами указов и статей, хранившимися в Кабинете Петра I.

Как показывают исследователи, первоначальный набросок «О вершении дел по Уложению» полностью написан Петром I.[34] «Устав воинский» создавался при деятельном участии Петра I. Подлинник Манифеста, предшествующий «Уставу», был написан самим царем.[35] Работа над составлением «Устава морского», начавшаяся в 1715 г., велась под руководством Петра I. В Кабинете Петра I сохранились бумаги, относящиеся к выработке «Устава морского», написанные рукою Петра I, и даже стихи, помещенные внизу фронтисписа, полагают, сочинены самим царем, так как в Кабинете имеется листок с этими стихами, переписанный рукою Петра I.[36]

В Сатире VII («О воспитании. К князю Никите Юрьевичу Трубецкому») Кантемир так характеризует деятельность Петра I:

И знал то высшим умом монарх одаренный,
Петр, отец наш, никаким трудом утомленный,
Когда труды его нам в пользу были нужны.
Училища основал, где промысел услужный
В пути добродетелей имел бы наставить
Младенцев; осмелился и престол оставить
И покой; сам странствовал, чтоб подать собою
Пример в чужих брать краях то, что над Москвою
Сыскать нельзя: сличные человеку нравы
И искусства. Был тот труд корень нашей славы:
Мужи вышли, годные к мирным и военным
Делам, внукам памятны нашим отдаленным.[37]

В примечании Кантемир сообщает точные сведения о поездках Петра I за границу и об их результатах: «Император Петр Великий дважды ездил в чужие края, в 1700 и в 1715 году, и в тех самых поездках не только сам себя в знаниях, потребных государю, наставлял, любопытно исследуя все, что хвальное у других народов примечал, но с собою в отечество вывез искусных людей во всяких науках и ремеслах, и к тому многих дворян с собою возил и посылал на своих иждивениях в разные европейские городы для обучения».[38]

Приведенные примеры ясно показывают, с каким большим вниманием относился Кантемир к характеристике деятельности Петра I даже в произведениях, где эта тема была не основной. Легко понять, какую большую ответственность чувствовал поэт, когда приступил к созданию героической эпопеи, посвященной Петру I. Вступление к поэме ясно об этом свидетельствует.

---

[34] Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955, с. 156.
[35] Там же, с. 192—193.
[36] Там же, с. 284—286.
[37] *Кантемир А.* Собр. стихотворений, с. 158—159.
[38] Там же, с. 166.

Музы! аще когда бысть иным просить вольно
Вас в помощь, мне паче всех причины довольно
Требовать то: и дела бо мужа списати
Толь чудны...[39]

Художественный замысел — описать «дела» Петра I — определил характер работы Кантемира над сбором исторических источников, обрисовывающих деятельность русского государя и его сподвижников, осуществлявших вместе с ним создание «новой России».

Осенью 1731 г., когда возник вопрос о назначении Кантемира посланником в Англию, он работал над «Петридой», о чем сохранилось его собственное свидетельство в примечании к первоначальной редакции V сатиры: «Сатирик наш по окончании своей четвертой сатиры намерен был, оставя сей стихов род, употребить время свое, которое ему до отъезду в чужие края оставалося, на продолжение „Петриды", которой одну первую книгу издал еще прежде третьей сатиры; но, уразумев через искус, что дело то не малого требует прилежания, также лишаяся к тому потребных известий, отложил то до другого времени, когда и способы к тому лучшие будут и мысли его, различными нуждами ныне смущаемые, спокоятся».[40]

Замысел А. Кантемира, как мы видим, включал широкий охват событий, происшедших в России в первые десятилетия XVIII в. Для создания поэмы нужны были обширные и самые разнообразные материалы — «потребные известия». Находясь в России, Кантемир мог получить их в первую очередь из Кабинета Петра I. Именно в это время он надеялся занять должность президента Академии наук. Но в назначении на эту должность ему было отказано, и А. Кантемир должен был готовиться к отъезду в Англию. В условиях жизни в Англии и позднее во Франции он не мог рассчитывать на получение материалов из России. А сколько нужно было иметь материалов, Кантемир понял, когда начал «книгу первую» «Петриды». Когда в 1757 г. Вольтер дал согласие писать «Историю России при Петре Великом», из России ему пересылали для работы громадное количество рукописных и печатных «известий», большая часть которых сохранилась в Библиотеке Вольтера, находящейся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В ноябре 1731 г. состоялось назначение Кантемира на пост русского дипломатического представителя в Лондоне. В Россию он больше не вернулся. Лишенный возможности использовать документальные материалы, необходимые ему для создания поэмы о Петре I, А. Кантемир не смог воплотить свой творческий замысел.

Первая книга поэмы «Петрида» впервые была опубликована Н. С. Тихонравовым в 1859 г., более чем через 130 лет после ее написания. Но значит ли это, что незаконченная А. Кантемиром поэма «Петрида» оказалась выключенной из литературного сознания читателей XVIII в., что она не повлияла на формирование русской поэмы на национально-историческую тему? Думается, что такой вывод казался бы вполне есте-

---

[39] Там же, с. 241.
[40] Там же, с. 515.

ственным (ведь произведение действительно не было опубликовано), если не учитывать значение рукописной литературы в XVIII в. Сатиры А. Кантемира, напечатанные впервые в 1762 г., были известны широкому кругу читателей начиная с 30-х гг. XVIII в. В 1748 г. в отзыве об эпистолах А. П. Сумарокова Ломоносов ссылался на поэтическую практику А. Кантемира: «А понеже таковые стихи... не взирая на такие сатиричества, у всех политических народов позволяются, и в российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общею апробациею приняты, хотя в них все страсти всякого чина людей самым острым сатирическим жалом проницаются».[41]

Ломоносов упоминает лишь рукописные сатиры А. Кантемира, потому что в его «репорте» речь идет о сатирических «эпистолах» Сумарокова. Но вполне возможно, что он знал и рукописный текст «Петриды». Об этом свидетельствует и развитие Ломоносовым темы Петра I — работника на троне, чья деятельность определялась исключительно государственными интересами.

Любопытно отметить, что в одах Ломоносова, посвященных Петру I, и в «Петриде» Кантемира совпадают некоторые строки. Характеризуя допетровскую Россию Кантемир писал, что «всесильный творец»

Узрел все, что на небе, на земле, под адом;
Узрел, что искони знал мир, в злобах обильный;
Узрел, что слабейшего топчет, теснит сильный,
Обиды, убивства злы и коварство в нравах
И к сребру лепу склонность, беспредельность в правах —
Словом, видел, что мало добра в человецех,
Но злы ныне, якоже быша в прошлых вецех.[42]

В оде Ломоносова 1747 г. содержится как бы отклик на эти стихи Кантемира.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
. . . . . .
Послал в Росеию человека,
Каков не слыхан был от века.
Сквозь все препятствия он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, варварством попранну,
С собой возвысил до небес.[43]

Понравившаяся Ломоносову рифма *века — человека* (у Кантемира церковно-славянская форма *человецех — вецех*) использована им в одах и дважды в поэме «Петр Великий».

Что тем я заслужу Парнасские венцы,
Что первый пел дела такого человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.[44]

---

[41] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. IX. М.—Л., 1955, с. 621.
[42] *Кантемир А.* Собр. стихотворений, с. 242.
[43] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1959, с. 199—200.
[44] Там же, с. 697.

И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великого гласить вселенной в слух,
И показать, как он превыше человека
Понес труды для нас, неслыханны от века.[45]

В поэме А. Кантемира содержится первое стихотворное описание «града Петрова», отличающееся точностью и лаконизмом.

Течет меж градом река быстрыми струями
В пространно тречисленными впадая устами
Море, его же воды брега подмывают
Северных царств, Балтицко древни пазывают.
Над бреги реки всходят искусством преславным
Домы так, что хоть нов град, ничем хуждши давным,
И имать любопытно чим бы насладиться
Око; имать и недруг, чего устрашиться:
Шестибочная крепость, в воде погруженна,
Не боится усильства Марса воруженна,
Но, щитя своих, крепко грозит и смелейшим;
Тут рукою трудился Петр и умом острейшим
. . . . . .
Растут суды всех родов, и флот уже страшный
Многим, творят что дневно наипаче ужасный.
Оттоль верх, в пряму черту, вельмож непресечны
Пространны зрятся дворы; где же скоротечны
Вторицею в граде струи Нева искривляет,
Делясе в два рамена, тут Петр обитает:
Не пространно жилище, довольно и покою —
Что внешна пышность тому, кто велик душою?[46]

Эти стихи, посвященные Петербургу, явились далеким предвестником гениальных строф Пушкина, написанных через 100 лет после Антиоха Кантемира.

Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.
. . . . . .
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся.[47]

В своей незаконченной поэме, посвященной Петру I, Кантемир впервые сделал попытку ввести в новый жанр классицизма лучшие традиции древнерусской литературы. Кантемир, как мы видели, прилагал большие усилия к воссозданию действительных событий и исторической достоверности фактов, о которых идет речь в его литературном произведении.

Древнерусской литературе, как это убедительно показано Д. С. Лихачевым, свойствен историзм в средневековом его понимании. Составители

---

[45] Там же, с. 699.
[46] *Кантемир А.* Собр. стихотворений, с. 245—246.
[47] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. IV. М.—Л., 1949, с. 378—379.

древнерусских памятников не прибегали к вымыслу. Они всегда стремились рассказать о том, что было. Даже знамения и чудеса, описанные в летописях, никогда в Древней Руси не подвергались сомнению.

Западноевропейская классицистическая поэма XVII—XVIII вв. построена на разработке античных сюжетов. Ей присущ вымысел как наиболее действенная форма художественного преображения мира.

Русская эпическая поэма в своем формировании с самого начала обратилась к отражению подлинных исторических фактов. Эта ее особенность определилась национальной традицией. Воздействие древнерусской литературы объясняет взаимосвязь эпической поэзии и торжественной лирики XVIII в. с достижениями исторической науки своего времени. Кантемир стоит в преддверии этих явлений, которые получат дальнейшее развитие в творчестве Ломоносова и Хераскова, оказав влияние на сложение русской поэмы начала XIX в.

В поэтическом творчестве Ломоносова, автора трудов по русской истории, исследователя многочисленных исторических источников, темы древнерусской литературы заняли значительное место. Уже в ранней оде 1739 г., посвященной победе, одержанной русскими войсками над турками, Ломоносов упоминает рядом с Петром I Ивана IV:

Кто с ним (с Петром, — *Г. М.*) толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, Сей при вас
Селима гордаго потряс,
Наполнил степь голов поганских.
Герою молвил тут Герой:
«Нетщетно я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целой свет страшился...[48]

Ломоносов использовал здесь не только «Казанскую историю», рукописный список которой был в его библиотеке, но и сведения Никоновской летописи о присоединении к России в 1553 г. Астраханского ханства.

В оде 1741 г. Ломоносов упоминает легендарный рассказ о призвании варягов:

Разумной Гостомысл при смерти
Крепил князей советом збор:
Противных чтоб вам силу стерти,
Живите в дружбе, бойтесь ссор.
К брегам варяжских вод сходите,
Мужей премудрых там просите,
Могли б которы править вас.

Рассказ о Гостомысле содержится в III Новгородской летописи, список которой также имелся в библиотеке Ломоносова. Этот список — копия с рукописного сборника, принадлежавшего Р. И. Воронцову.

---

[48] *Ломоносов.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 23.

Далее Ломоносов говорит о героических походах князя Игоря, победителя греков:

Не славныль стали их потомки?
Велик был Игорь, хоть и млад;
Дела его при Понте звонки,
Дрожал пред ним и сам Царьград.

Его внук Владимир Святославич «кумиров мерсских мрак прогнал». Речь идет о «сокрушении» Перуна и принятии христианства.

Продолжатель подвигов предков Димитрий Донской также воспет в оде Ломоносова 1741 г.:

Ревнив Донской что Дмитрей деет?
Татарска кровь в Дону багреет,
Мамай, кудаб уйти, не знал.[49]

Ломоносов, как говорилось уже выше, знал несколько редакций «Сказания о Мамаевом побоище». Тема Куликовской битвы, глубоко его затронувшая, нашла отражение в «Кратком российском летописце» (1760 г.) и в трагедии 1750 г. «Тамира и Селим».

В «Слове похвальном Елизавете Петровне» 1749 г. Ломоносов упоминает «младаго Михаила, для стенания и слез прадедов наших приемлющаго с венцем царским тяжкое бремя поверженные России... премудраго и мужественнаго Алексея... Петра именем Великаго».[50]

Значительное место в поэтическом творчестве Ломоносова занимают образы женщин, героинь русской истории. В оде 1752 г. он вдохновенно пишет:

О вы, Российски Героини,
Что в вечности превыше звезд
Сияете, уже Богини,
Земных оставя нискость мест!
Вы, пола превышая свойство,
Явили мужеско геройство
Чрез славныя свои дела...
Супружню, Ольга, смерть отмщая,
Казнишь искусством Искорест
И, тьмы неверства избегая,
Спешишь до просвещенных мест.
Премудрость, храбрость и святыня
Тобой, блаженная княгиня,
Из древности сияет к нам...

Елена, грознаго Героя
Великая делами мать,
Среди врагов ты грады строя
Россию тщилась защищать...
И ты, в женах благословенна,
Чрез кою храбрый Алексей
Нам дал Монарха несравненна,
Что свет открыл России всей.
Велика тем, что ты родила,
Но больше, что нам сохранила
Петра от внутренних врагов!
Мы ныне в страхе обмираем,
Когда злодеев представляем
Рыкающих, как лютых львов![51]

Образ Ольги, жены Игоря I, матери Святослава, нарисован Ломоносовым в соответствии с характеристикой ее в ряде памятников древней русской литературы: «Повести временных лет», Степенной книги, проложной редакции «Жития Ольги». Портрет Елены Глинской — матери Ивана IV

---

[49] Там же, с. 39.
[50] Там же, с. 240.
[51] Там же, с. 503—505.

был подсказан Никоновской летописью, где подробно описана градостроительная деятельность этой правительницы с 1536 по 1538 гг. О Наталье Кирилловне Нарышкиной Ломоносов говорит на основании исторических известий конца XVII—начала XVIII в.

В оду 1761 г. Ломоносов снова вводит лаконичные и исторически достоверные характеристики деятелей Древней Руси.

Се бодрый воин Святослав,
Славян и Скифов с Печенеги
И Болгар с Турками собрав,
Дунайски наполняют бреги;
И победитель всем гласит:
«Здесь сердце стран моих лежит:
Смарагды, шолк дают мне греки,
Вино и злато — Угров труд;
Народ и хлеб — велики реки,
Что в отечестве моем текут».[52]

Владимир I охарактеризован как «войной и миром исполин». Он,

Счетав с любовью постоянство,
Густую разбивает тень;
На Перуна и на поганство
Ступив, восшедший кажет день.

Здесь имеется в виду крещение Руси, подробно описанное в «Повести временных лет».

При характеристике Владимира Мономаха Ломоносов упоминает не только его походы на Византию, основанные на летописных данных, но и рассказ о получении регалий — знаков царского достоинства от византийского императора Алексея Комнина. Рассказ о царских регалиях: шапке Мономаха и «крабице сердоликовой» был составлен в начале XVI в. опальным митрополитом Спиридоном-Саввой под названием «Сказание о князьях владимирских».[53] Очевидно, Ломоносову был известен этот памятник.

В этой же оде 1761 г. снова возникает образ Димитрия Донского, «сильные плечи» которого «густят татарской кровью Дон» (ср. «Татарска кровь в Дону багреет», Ода 1741 г.). Здесь же

Тезоименны Дед и Внук
Разбитыя бросают узы
И кажут всей вселенной вкруг
Державу, права, меч, союзы.[54]

Речь идет об Иване III и Иване IV. Ломоносов, говоря о «разбитых узах», имеет, по-видимому, в виду рассказ о повержении на землю татарской басмы (ярлыка с изображением хана), который читается и в летописи и в «Казанской истории». Об Алексее Михайловиче Ломоносов вспоминает,

---

[52] Там же, с. 747.
[53] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, с. 73—109.
[54] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 748.

говоря о воссоединении исконно русских земель: Украины, Северской земли и Смоленщины.

Надписи, предназначенные для раки Александру Невскому, свидетельствуют о том, что Ломоносов внимательно изучил не только летописные известия о замечательной деятельности и героических подвигах Александра Невского, но и «Повесть о житии и мужестве князя Александра Ярославича».

Значительное место в развитии русской героической эпопеи на национальную тему принадлежит Ломоносову — автору незаконченной поэмы «Петр Великий».

Образ Петра прошел через все творчество Ломоносова, начиная с «Оды на взятие Хотина» 1739 г. Тема Петра I воплощается в одах, посвященных правящим монархам: Елизавете Петровне, Петру III, Екатерине II. Деятельность Петра I — высокий образец, которому Ломоносов настойчиво советует следовать его преемникам.

Начиная с 40-х гг. Ломоносов тщательно собирает материалы о Петре I. В конце 1752 г. он задумывает написать «Слово похвальное Петру Великому». Свой замысел он реализует к концу 1754 г. В 1755 г. «Слово похвальное» было издано на русском и французском языках (в переводе Теодора Чуди) и 26 апреля того же года произнесено Ломоносовым в Публичном собрании Академии наук.

Построенное в соответствии с правилами риторики, торжественное и высоко поэтичное «Слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому» являлось итогом значительных исследований Ломоносова, связанных с разысканием и систематизацией документальных материалов не только о жизни и деятельности Петра I, но и по истории России древнейшей поры и нового времени. Не случайно поэтому одновременно с созданием «Слова похвального» Ломоносов много времени отдает и другим работам, в которых он стремится отобразить величие дел Петра I. Он составляет «Сокращенное описание дел государя Петра Великого» — краткий, почти погодный хронологический перечень событий начиная от рождения Петра I до его погребения в Петропавловском соборе. Эта документальная историческая сводка позволяет Ломоносову выделить важнейшие события петровского времени, которые он стремится запечатлеть в художественном слове, в исторических трудах и в мозаичном искусстве. Он изучает документальные известия Петровской эпохи, и печатные и рукописные, собирает и записывает рассказы людей, знавших Петра I, участников событий того времени.

Ставя своей целью сделать достоянием самых широких кругов народа деяния Петра I, Ломоносов исходил из просветительских побуждений. Его задачей было художественно наиболее полно и всесторонне раскрыть образ царя — государственного деятеля, показать значение его трудов и начинаний. В конце своей жизни Ломоносов писал: «За то терплю, что стараюсь защитить дело Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство».[55]

---

[55] *А. Вельтман.* Портфели служебной деятельности Ломоносова. Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком, кн. II, СПб., 1840, с. 40.

Известно, что в 1758 г. Ломоносов предложил проект создания памятника Петру I. По замыслу Ломоносова, вызолоченные стены Петропавловского собора предполагалось украсить мозаичными картинами, прославляющими деятельность Петра I. Таких картин намечалось создать 27: от «Начатия службы великого государя, где представить его как двенадцатилетнего младенца в солдатском простом мундире с ружьем между простыми солдатами» до картины «Погребение государево». Несколько картин должны были изображать «баталии»: № 14 — «Взятие Азова», № 17 — «Левенгауптская баталия», № 18 — «Полтавская баталия», № 20 — «Турецкая акция», № 21 — «Ангутская баталия», № 22 — «Правление четырех флотов», № 23 — «Баталия со Штейном», № 26 — «Взятие Дербента».[56]

Самое значительное место Ломоносов отводил «Полтавской баталии». В «Доношении в Сенат о мозаичных украшениях для монумента Петру I» Ломоносов писал, что́ он намерен изобразить на каждой картине: например, «в Полтавской баталье представить государя императора Петра Великого, как он по разбитии от шведов первого баталиона Новгородскаго полку ввел сам персонально второй баталион оного и поставил в линею, где неприятельские пули как град летали, и шляпа у его величества на голове пробита».[57]

Как мы помним, именно этот момент Полтавского боя особенно выделил и в «Слове похвальном Полтавской победе», и в «Епиникионе» Феофан Прокопович. Но Ломоносов изменил первоначальную композицию изображения «Полтавской баталии»:

«Представлен Петр Великий в немалой опасности, когда он в последний раз выехал к сражению, при наклонении в бегство Карла Второго на десять, напереди и назади генералы и солдаты, охраняя государя, колют и стреляют неприятелей. Близко впереди гранодер со штыком, направленным в неприятеля, оглянулся на монарха, яко бы негодуя, что так далече отваживается».

Ломоносов, как видим, ввел в изображение своей «Полтавской баталии» образ простого солдата. И именно эта композиция «Полтавской баталии» была осуществлена в его мозаичной мастерской.[58] Начатая мозаичная картина «Взятие Азова» оказалась незаконченной.

В работе над мозаичными картинами Ломоносов, как показывают исследователи, использовал важнейшие документальные источники. Так, в основе композиции «Взятие Азова» лежала гравюра Шхонебека, изданная в Москве в 1699 г. через 3 года после события.[59] Для воспроизведения Полтавской битвы Ломоносов изучал печатные реляции, собрал огромное количество батальных картин и гравюр, составив из них собственную композицию. В. К. Макаров отмечает, что для портрета царя в Полтавской баталии (по мнению современников, очень близко переда-

---

[56] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. IX, с. 127—130.
[57] Там же, с. 131—132.
[58] «Полтавская баталия» Ломоносова в настоящее время украшает парадную лестницу в здании Академии наук в Ленинграде.
[59] *Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.—Л., 1950, с. 94—95.

ющего его лицо) Ломоносов использовал гипсовую голову Петра I, хранившуюся в Кунсткамере.[60]

В 50-х гг. XVIII в. Ломоносов приступил к созданию поэмы «Петр Великий». В сводном отчете о работе за время с 1751 по 1756 г., сообщая о многих трудах в самых различных областях знаний, он писал: «Сочиняю героическую поэму, именуемую „Петр Великий“».[61] В 1757 г. Ломоносов продолжал работать над поэмой. В письме к И. И. Шувалову он писал: «Вашего превосходительства ко мне благодеяние хотя многи и велики, однако желаемое будет всех больше не тем, что я о том прошу больше трех лет, но для того что оно соединено с общею пользою и что оным новая кровь в жилы мои вольется к совершению начатого героического описания трудов Петровых, которых окончание выше всех благополучий в жизни моей почитаю».[62] В 1760 г. Ломоносов окончательно завершил первую песнь поэмы «Петр Великий», и в декабре этого года она вышла в свет отдельным изданием, вторая песнь была опубликована в июле 1761 г. В 1770 г. поэт В. П. Петров писал «про оставшуюся после Ломоносова третию песнь».[63] Но она неизвестна исследователям, как и многие другие работы Ломоносова.

Приступив к созданию героической эпопеи, Ломоносов, естественно, исходил из опыта античной и западноевропейской ренессансной литературы, возродившей интерес к классической древности. Знал также Ломоносов рукописный курс «Поэтики» Феофана Прокоповича и теоретические руководства преподавателей Славяно-греко-латинской академии Феофилакта Кветницкого и Порфирия Крайского.

Но уже по одному тому, что Ломоносов назвал свою поэму не традиционно, не по аналогии с «классическими» заглавиями — «Илиада», «Энеида», «Генриада», «Петриада» или «Петрида» (как у Кантемира), было очевидно, что он искал новые пути для создания героической эпопеи. Поэтому название его поэмы «Петр Великий» отвечало его замыслу — художественно воссоздать образ великого государственного деятеля, рассказать о его делах, а не о вымышленных деяниях героев античного эпоса. Отсюда следует иное, чем у Феофана Прокоповича, понимание художественного обобщения. Ломоносов вводит новое понятие — «смешанных вымыслов», когда литературные произведения «состоят отчасти из правдивых, отчасти из вымышленных действий, содержащих в себе похвалу славных мужей или какие знатные в свете бывающие приключения, с которыми соединено бывает нравоучение»[64] (разрядка наша, — *Г. М.*). Примеры Ломоносов берет не только из античной литературы (они совпадают с примерами Ф. Прокоповича) — это «Илиада» и «Одиссея» Гомера и «Енеида» Вергилия, но и из современной литературы — роман Фенелона «Приключение Телемака».

---

[60] Там же, с. 87—90.
[61] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. X. М.—Л., 1957, с. 393.
[62] Там же, с. 531.
[63] Еней. Героическая поэма Публия Виргилия Марона. Переведено с латинского Васильем Петровым. СПб., 1770, с. 3.
[64] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1952, с. 222—223.

Литература, по мысли Ломоносова, имеет большое значение в воспитании человеческого характера, она «побуждает к мужественному против врагов действию и к храброму защищению Отечества», она приобщает людей к научным знаниям, повествуя о прошлом («прошедшия деяния живо описуя»), она помогает осмыслить настоящее.

Теоретическое обоснование и практическое претворение Ломоносовым в своих произведениях принципа «смешанного вымысла» сыграло важную роль в становлении национальных особенностей русской литературы XVIII в. и в характере ее воздействия на литературу XIX в. И в этом новаторстве Ломоносова — поэта и теоретика, дерзнувшего идти наперекор устоявшейся системе литературного мышления, — немалое значение имела претворенная им на новой основе преемственность национальных традиций.

Древнерусские памятники — летописи, воинские повести, жития святых, прологи — предоставляли Ломоносову великолепные образцы исторической литературы, где описание «правдивых действий» сочеталось «с нравоучением». Средневековый писатель всегда стремился быть правдивым, не «вымышлять», а возможно более точно передавать «прежде бывшее».

Определяя специфический характер древнерусских сочинений, Д. С. Лихачев пишет: «Произведения по русской истории пишутся вскоре после того, как события совершились, — очевидцами, по памяти или по свидетельству тех, кто видел описываемые события».[65]

В художественном сознании Ломоносова «правдивость» становится одним из важнейших критериев ценности литературы как общественного явления. В «Слове благодарственном на освящение Академии художеств» (1764 г.) Ломоносов говорит: «О коль великое удивление и удовольствие произвести может Россия помощью художеств в любопытном свете, которой едва уже не до отвращения духа чрез многие веки повторяет древния Греческия и Римския, по большей части баснотворныя деяния»[66] (здесь и далее разрядка наша, — *Г. М.*).

В предисловии к «Древней российской истории» Ломоносов рассуждает о преимуществах сочинений, основанных на описании подлинных событий: «Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцев наших».[67]

И тут же Ломоносов говорит о великих традициях древней русской литературы, которую «предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины».[68]

---

[65] *Лихачев Д. С.* Первые семьсот лет русской литературы. — В кн.: «Изборник» (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 10.
[66] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 809.
[67] Там же, т. VI, с. 171.
[68] Там же, с. 170.

В посвящении поэмы «Петр Великий» Ломоносов выразительно декларирует свое понимание эпопеи, основанной на исторических материалах. Причем он почти демонстративно подчеркивает, что в этом новом понимании эпопеи он не будет следовать прославленным поэтам античного мира — Гомеру и Вергилию.

Хотя во след иду Виргилию, Гомеру,
Не похожу и в них довольнаго примеру.
Не вымышленных петь намерен я Богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.
Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднее, нежели как в десять лет взять Трою.
О, естьлиб было то в возможности моей,
Беглец Виргилиев из отчества Еней
Едваб с Мазепою в стихах моих сравнился,
И басней бы своих Виргилий устыдился.
Уликсовых Сирен и Ахиллесов гнев
Во век бы заглушил попранный ревом Лев.
За кем же я пойду? В след подвигам Петровым
И возвышением стихов Геройских новым
Уверю целые вселенныя концы,
Что тем я заслужу Парнасские венцы,
Что первый пел дела такого Человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.[69]

В первых двух песнях поэмы «Петр Великий» Ломоносов рассказывает о важных этапах деятельности Петра I: это взятие Азова и подавление пяти стрелецких восстаний и война со шведами. Композиционно Ломоносов строит свое произведение в соответствии с требованиями классицистических поэтик: в первой песне описывается военный поход Петра I к городу Архангельскому для подготовки отпора шведским войскам. В Соловецком монастыре, куда он заезжает по пути, Петр встречается с настоятелем монастыря Фирсом, который знакомит его с историческим прошлым своей обители. Петр I рассказывает Фирсу о тяжелых годах своей юности, о происках царевны Софьи, вдохновительницы стрелецких восстаний. Вторая песнь поэмы посвящена осаде русскими войсками крепости Ореховец — Шлиссельбург — Нотебург. Ломоносов от лица автора описывает беспримерное мужество простых русских воинов и их военачальников, которые, пренебрегая смертельной опасностью, штурмом овладевают мощной крепостью, храбро охраняемой шведским гарнизоном.

Приступая ко второй песне, Ломоносов сообщил читателю поэмы: «Военны подвиги Петровы начинаю». Заканчивая эту песнь, поэт предупреждает, что воздерживается от описания торжеств по случаю взятия Шлиссельбурга, так как впереди предстоит описание побед более важных в истории Северной войны:

Но, Муза, помолчи, помедли до трофеев,
Что взяты от врагов и внутренних злодеев:

---

[69] Там же, т. VIII, с. 696—697.

Безмерно больше труд на предки настоит,
Тогда представь сея богини светлый вид.[70]

А. Н. Соколов высказывает справедливую догадку о том, что Ломоносов «предполагал дальше вести события на подъем к Полтавской кульминации... Лишь по завершении этого грандиозного труда — а войну наряду с гражданскими делами Ломоносов называет трудом Петра — уместно будет „представить светлый вид“ Москвы, торжествующей победу».[71]

Безусловно, Полтавское сражение 1709 г. и грандиозная победа русской армии над шведским войском Карла XII должны были занять в поэме Ломоносова важнейшее место. Об этом позволяют судить предварительные разработки Ломоносовым сюжета о Полтавской битве не только в литературном творчестве и исторических трудах, но и, как мы видели выше, в мозаичной картине, изготовленной первой из серии картин «Деяния Петра Великого». Уже в оде 1742 г. Ломоносов, приводя «примеры храбрости российской», говорит о великой Полтавской победе:

Там степи, кровью напоенны,
Родили лавры нам зелены.
Багрова там земля тряслась,
И к небу с дымом пыль вилась;
Россиян твердо грудь стояла,
И слава их во мгле блистала.
Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать еще в груди твоей,
И гордость при Днепре попрапну,
И многих плен твоих людей.

Но поэма «Петр Великий», как нам представляется, должна была художественно воссоздать не только героические события Северной войны, но и раскрыть во всем многообразии и полноте деяния Петра I, его борьбу с внутренними и внешними врагами, строительство армии и флота, основание Санкт-Петербурга, развитие наук и искусств. Об этом ясно свидетельствует вступление к первой песни, в котором по законам поэтики автор должен был в общих чертах определить тему своей поэмы. И Ломоносов, начав с традиционного «пою», раскрыл перед читателями характер сюжетного построения героической эпопеи.

Пою премудраго Российскаго Героя,
Что, грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну,
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных,
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.[72]

---

[70] Там же, с. 734.
[71] *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М., 1955, с. 101.
[72] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 698.

Создавая свою поэму, Ломоносов подчеркивал, что он воспевает в ней «истинны дела» великого исторического деятеля, в противоположность «вымышленным богам» и «басням». Такой подход к созданию героической поэмы был новаторским и совершенно необычным для русской литературы 50—60-х гг. XVIII в.

Законодатель классицизма Буало, чей авторитет как в России, так и на Западе считался непререкаемым, установил твердые правила, определявшие построение героической поэмы. Буало считал, что «эпос величавый» непременно требует «вымысла» («высокой выдумки»), «роя мифических прикрас», и предостерегал эпического поэта от подражания «историкам спесивым».

Современник Ломоносова поэт и теоретик литературы В. К. Тредиаковский утверждал, что сюжет поэмы не может быть заимствован им из истории древнего мира, ни тем более из нового времени. Единственный источник — «времена баснословные». Вольтер — автор крупных исторических сочинений, поэт-новатор, отразивший в поэме «Генриада» подлинные события французской истории конца XVI—начала XVII в., осуждался Тредиаковским за то, что герой эпической поэмы — реальное историческое лицо, король Генрих IV. Тредиаковский развивает мысль о несовместимости исторической достоверности с поэтическим вымыслом. Г. А. Гуковский высказал очень тонкую догадку о том, что «Тредиаковский через голову Вольтера метил в Ломоносова с его эпической поэмой „Петр Великий“».[73]

Ломоносов внимательно относился к творческой деятельности Вольтера. И хотя «Волтерова лира» не всегда вызывала симпатии русского ученого и поэта, тем не менее Ломоносов не оставлял незамеченными произведения французского просветителя, даже те, которые не попали в печать.[74]

Знакомство Ломоносова с поэмой Вольтера и теоретическим трактатом «Опыт о эпической поэзии», приложенным к лондонскому изданию «Генриады» 1728 г., с очевидностью выступает в поэме «Петр Великий».[75] Но, учитывая опыт Вольтера в эпической поэзии, Ломоносов не во всем следует творцу прославленной «Генриады». Взяв в основу факты биографии французского короля Генриха IV, Вольтер ввел в круг литературных персонажей поэмы аллегорические фигуры «Истины», «Раздора», «Фанатизма», «Любви» и т. д. Ломоносов декларативно отказался от вымысла, о чем сказал в первой песни поэмы:

О вы, рачители и слушатели слов,
В которых подвиг вам приятен есть Петров,
Едина истина возлюбленна и сродна,
От вымыслов краса Парнасских неугодна.[76]

---

[73] *Гуковский Г. А.* Тредиаковский как теоретик литературы. — В кн.: Русская литература XVIII в. Эпоха классицизма. М.—Л., 1964, с. 52.

[74] См.: *Заборов П. Р.* Вольтер в русских переводах XVIII в., с. 114—117.

[75] О влиянии «Генриады» Вольтера на поэму Ломоносова «Петр Великий» см.: *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в., с. 111, 639—641.

[76] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 701.

Ломоносов основывался на подлинной истории, тщательно исследованной им на материале многочисленных источников. Работе над поэмой «Петр Великий» предшествовал большой разыскательский труд. Ломоносов, как он писал в письме И. И. Шувалову (2 сентября 1757 г.), собирал «записки о делах великого нашего государя». При создании поэмы Ломоносовым были использованы печатные и рукописные исторические материалы: официальные документы петровского времени (реляции и указы, записки современников), «Журнал, или Поденная записка Петра Великого», «История Свейской войны» П. Шафирова, «История Петра Великого» Ф. Прокоповича, «История стрелецкого бунта» А. Матвеева, «Созерцание краткое» С. Медведева, записки датского резидента в Москве фон Розенбуша, сочинения типа кратких летописцев, «История государя царя Петра Великого» П. Крекшина, повесть о стрелецком восстании в составе Соловецкого сборника и др. Значительная часть собранных Ломоносовым материалов в настоящее время находится в Библиотеке АН СССР в составе рукописных книг, переданных в 1977 г. Университетской библиотекой г. Хельсинки (Финляндия).[77]

Использование Ломоносовым в качестве источников при создании поэмы «Петр Великий» исторических и документальных материалов имело значительные последствия в развитии русской литературы второй половины XVIII—начала XIX в. Описывая события Петровской эпохи и стремясь передать их с наибольшей достоверностью, Ломоносов сохранял характер делового языка первых десятилетий XVIII в. Путем сопоставления поэмы «Петр Великий» с документальными материалами можно привести громадное количество примеров, которые позволяют прийти к выводу о том, что обращение к источникам оказалось важным стилеобразующим фактором в сложении героической поэмы нового типа.

Приведем лишь некоторые примеры, особенно выразительные при анализе второй песни поэмы, повествующей об осаде и штурме русскими войсками крепости Нотебург, он же Ореховец, Орешек, Шлиссельбург. В нашем распоряжении имеется первостепенный источник по истории Северной войны — «Гистория Свейской войны», работа над которой была начата в 1718 г. под руководством и при непосредственном участии Петра I.[78] Несмотря на то что труд этот, сохранившийся в 5 рукописных редакциях, не был закончен, он был доступен Ломоносову, так как хранился в Кабинете Петра I, который после смерти царя был передан в Академию наук. В конце 60-х гг. XVIII в. материалы Кабинета Петра I были переданы в Эрмитажную библиотеку Екатерины II,[79] где над ними работал и готовил их к печати М. М. Щербатов, издавший в 1770—1772 гг. «Журнал, или Поденную записку... государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира».

---

[77] *Кукушкина М. В., Лебедева И. Н.* Книги из библиотеки М. В. Ломоносова (дар Университетской библиотеки в Хельсинки). — В кн.: Матер. и сообщ. по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978, с. 334—349.

[78] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в., ч. 1, Л., 1961, с. 154—176.

[79] В настоящее время эти материалы хранятся в ЦГАДА (Кабинет Петра I, ф. 9, № 1—62).

Штурм крепости Нотебург подробно описан в «Поденной росписи осады крепости Нотенбург» (включенной в «Гисторию Свейской войны») с многочисленными добавлениями и поправками Петра I.[80] В изданном М. М. Щербатовым «Журнале, или Поденной записке» использованы не все поправки, но основной текст передан полностью.

В поэме «Петр Великий» Ломоносов говорит, «что, приняв решение о штурме крепости,

Он (Петр I, — *Г. М.*) оком и умом в округ места обшед,
Избранные полки к Ореховцу ведет.
Животворящему его прихода слуху
От Ладоги в Неву флот следует по суху.
Могущих росских рук не воспящает лес».[81]

В «Журнале, или Поденной записке» под 29—30 сентября 1702 г.: «Того же числа с 50 судов с Ладожского озера с полмили сухим путем чрез лес волочены в Неву-реку».[82]

В поэме «Петр Великий»:

Уже суда, ходя по собственной стихии,
На Шведской брег везут защитников России:
Там тысяща мужей, преправясь чрез Неву,
Надежду подают к победам, к торжеству.
На ров, на вал бегут, врагами укрепленный,
Даются шведы в бег, от россов устрашенны.[83]

В «Журнале, или Поденной записке»: «В 1 день октября о 4 часах поутру 1000 человек Преображенского и Семеновского полков в суда посажены и на другую сторону Невы посланы. Неприятели, дав один залп, из шанца тотчас побежали».[84]

В рассказе об обращении к русскому командованию женщин, осажденных в крепости, и об ответе русского царя Ломоносов не только точно передает источник, но сохраняет характер индивидуальной манеры речи Петра I.

Стоит, отчаявшись, противу росса швед,
В ничто вменяет кровь и презирает вред.
Однако в пагубе, в смятении великом
Подвигнут женским был рыданием и криком.
Растрепанны власы и мертвость бледных лиц,
И со младенцами повергшияся ниц
Мужей к смягчению россиян преклоняют.
Уже из крепости с мольбою присылают:
«Избавьте от страстей, от бедства слабых жен,
И дух ваш на мужщин пусть будет изощрен
Из нужной тесноты дозвольте им свободу;
Являйте мужество крепчайшему их роду».

---

[80] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века, ч. 1, с. 162.
[81] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 722.
[82] Журнал, или Поденная записка, ч. I, СПб., 1770, с. 56.
[83] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 723.
[84] Журнал, или Поденная записка, с. 56.

От предводителя осады (Петра I, — *Г. М.*) дан ответ,
Что толь свирепаго у россов нраву нет:
Между супругами не учинят разлуки;
Вы, вместо выступив из стен, избавьтесь муки.
С отказом зашумел из жарких тучей град.[85]

В «Журнале, или Поденной записке» отмечено, что на обращение жены шлиссельбургского коменданта, которая просила выпустить из крепости несчастных офицерских жен, Петр I отвечал, что «если изволят выехать, то изволили б и любезных супружников своих вывесть купно с собою».[86] На этот «комплимент» шведы ответили сильным артиллерийским огнем по той батарее, где находилось русское командование.

А. Н. Соколов отмечал, что «стиль поэмы „Петр Великий" заметно проще одического стиля Ломоносова... основная масса слов в поэме Ломоносова употребляется в прямом значении и организуется в несложные синтаксические конструкции».[87] Но ученый не поставил вопроса, чем объяснить эти «повествовательные формы» в героической поэме, для написания которой необходим «высокий штиль»?

Нам представляется, что этот особый стиль эпической поэмы сложился у Ломоносова, возможно, даже не вполне осознанно: стремление к точности в передаче исторических фактов привело к сохранению стилистических особенностей источника — языка деловой прозы петровского времени. Поэтому поэма «Петр Великий» является памятником литературы, выросшим на основе успехов развития литературной и исторической мысли первой половины XVIII в.

Эстетические принципы, которым следовал Ломоносов, во многом совпадали с требованиями самого Петра I к стилю изложения: избегать риторических прикрас («самими делами вкратце свидетельствовать») и следовать только истине.

Своей поэмой, где был осуществлен замечательный синтез истории и литературы, Ломоносов прокладывал пути к созданию эпического жанра нового типа. Не случайно поэтому через семьдесят лет Пушкин, обратившись к литературному отображению образа Петра I, черпал у Ломоносова краски и общую характеристику деятельности царя («Строитель, плаватель, в полях, в морях герой» — «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник»), что нашло отражение в «Медном всаднике», «Полтаве», «Пире Петра Первого» и «Стансах» 1826 г.

Новым в поэме «Петр Великий» был лирический голос автора. Ломоносов-поэт не бесстрастный наблюдатель событий, стремящийся возможно более точно передать их читателю. Его общественно-политические взгляды, его высокая оценка деятельности царя-работника на троне и презрение к тем, кто «хвалится заслугами отцев, отнюдь отеческих достоинств не имев», явственно выступают в поэме. Мы узнаем даже некоторые биографические данные об авторе. Так, например, становится

---

[85] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 723—724.
[86] Журнал, или Поденная записка, с. 58.
[87] *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэмы..., с. 119.

ясным, что он — уроженец русского Севера, ибо он выражает сожаление, что «поздно рожден» и не видел «славного шествия» Петра I с полками по Двине к Архангельску. О прекрасном знакомстве автора с условиями жизни на Севере свидетельствует и красочное описание летнего незаходящего солнца в первой песни поэмы «Петр Великий».

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло;
Как пламенна гора казалось меж валов
И простирало блеск багровой из-за льдов.
Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верьхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.[88]

Ярко выраженная авторская позиция, лирический голос поэта, близкого современника событий, отображенных в литературном произведении, — все эти новые черты героической эпопеи, сыгравшие важную роль в формировании русской поэмы, объясняют вместе с тем, как нам представляется, причины, по которым поэма «Петр Великий» оказалась незавершенной. По мере дальнейшего развития сюжета поэма стала перерастать в историческое сочинение, изложенное стихами.

Документальная основа поэмы «Петр Великий» позволяла младшим современникам Ломоносова рассматривать его литературное произведение как серьезный исторический труд. Известно, что с таких же позиций подошел к поэме и французский историк Леклерк, упрекавший Ломоносова в мелких неточностях в передаче исторических фактов.[89] И. И. Лепехин, путешествовавший по Северу, проверял по Соловецкой летописи описание Ломоносовым приезда Петра I в 1702 г. в Соловецкий монастырь и встречу его с игуменом Фирсом.[90] Между тем поэтическое чутье подсказало Ломоносову, что для создания эпической поэмы, основанной на достоверных фактах, требовались новые приемы типизации и обобщения, которые только вырабатывались.

Возможно также, что некоторую роль в том, что Ломоносов не закончил поэму «Петр Великий», сыграло здесь и то обстоятельство, что он, создавая героическую эпопею, вынужден был говорить о событиях недавнего прошлого и о людях, которые были современниками Петра, свидетелями его «деяний», его друзьями и недругами, с существованием потомков которых тоже приходилось считаться. Вспомним при этом, что еще в 1749 г. в письме к В. Н. Татищеву Ломоносов советовал ему закончить «Историю российскую» без «присовокупления жизни государя императора Петра Великого, что, упоминая худые дела знатных некоторых людей, не досадить бы их фамилии».[91] В поэме «Петр Великий» Ломоносов не смог избежать «сложности отношений», о которых он говорил в первой песни.

---

[88] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 703—704.
[89] *M. Le Clerc.* Histoire, physique, morale, civile et politique de la Russie moderne, t. I. Paris, 1783, p. 142—143.
[90] Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 г., ч. IV, СПб., 1805, с. 67.
[91] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. X, с. 462.

Ах, Музы, как мне петь? Я тех лишу покою,
Которых сродники, развращены мечтою,
Не тщились за Петром в благословенной путь,
Но тщетно мыслили против Его дерзнуть.
Представив злобу их, гнушаюсь и жалею,
Что род их огорчу невинностью своею![92]

По-видимому, это имел в виду и И. И. Шувалов, который сообщал позднее, что Ломоносов оставил работу над поэмой, потому что «был много занят, и время для фантазии было очень близко».[93] Последние слова показывают, что и И. И. Шувалов, покровительствовавший Ломоносову и поддерживавший его работу над поэмой «Петр Великий», представлял себе непреодолимые сложности, обойти которые было практически невозможно. В условиях тяжелой служебной обстановки, в которой протекали последние годы его жизни, Ломоносов не мог не учитывать этих обстоятельств.

Творческий опыт Ломоносова оказал значительное влияние на судьбы эпической поэмы в России XVIII в. И опыт этот был глубоко изучен М. М. Херасковым.

В 1771 г. молодой поэт издал поэму «Чесмесский бой», посвященную сокрушительному разгрому турецкого флота в битве при Чесме. М. М. Херасков выступил здесь как последователь Ломоносова, следующий его принципам конкретного отображения подлинных исторических событий. Как убедительно показывает Н. Д. Таршиш, М. М. Херасков, воссоздавая картины, предшествующие сражению, и описывая грандиозное морское сражение, основывался на документальных материалах.[94] Такими материалами в первую очередь ему служили газетные публикации о русско-турецкой войне, печатавшиеся в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1769—1770 гг. Важнейшим источником были официальные реляции А. Г. Орлова, из которых Херасков черпал не только представление об общем ходе событий, но и мелкие, частные детали оказались претворенными в произведении, ставшем «своеобразной поэтической хроникой военных событий того времени».[95]

Работа над поэмой «Чесмесский бой» сопровождалась серьезными раздумьями Хераскова над теоретическими вопросами, касающимися русской литературы. Результаты этих размышлений были изложены Херасковым в статье «Рассуждение о российской поэзии», помещенной в виде предисловия к французскому переводу «Чесмесского боя» 1772 г.[96] Херасков пытается представить себе национальный характер русской поэзии, полагая, что остатки древних поэм сохранились в былинах: «Сла-

---

[92] Там же, т. VIII, с. 706—707.
[93] Москвитянин, 1852, № 20, кн. 2, с. 60.
[94] *Таршиш Н. Д.* Функция документа в художественной системе классицизма (на материале поэмы М. М. Хераскова «Чесмесский бой»). — В кн.: О художественно-документальной литературе, сб. 1. Иваново, 1972, с. 57. (Учен. зап. Ивановск. гос. пед. ин-та им. Д. А. Фурманова, т. 105).
[95] Там же, с. 74.
[96] *Берков П. Н.* Рассуждение о российском стихотворстве. (Неизвестная статья М. М. Хераскова). — Литературное наследство, т. 9—10. М., 1933, с. 287—294.

вяне, предки наши, провождавшие жизнь свою в предприятиях воинских, покорявшие врагов своих, имея мужей отважных предводителями и соратниками, всего первее прославляли подвиги их в песнях, кои от поколения поколению передавали памятные приключения победоносных рыцарей наших. Доселе сохранились остатки сих творений пиитических, кои повествуют нам о событиях древности. Таковы суть песни об Илье Муромце, о Пирах Владимировых и им подобные».[97]

Значительное место отведено в статье Хераскова анализу поэтической деятельности Ломоносова. Из литературных трудов Ломоносова, «величайшей хвалы достойных», Херасков особенно выделяет «все оды его, исполненные огня божественного и высоких мыслей, его героическая поэма „Петр Великий", которую смерть помешала ему завершить, к сожалению его единоземцев, обогатили язык наш, представили нам высокие образцы и имя Ломоносова соделали бессмертным».[98]

Одновременно с работой над героической поэмой «Чесмесский бой» Херасков приступает к созданию эпической поэмы на тему, почерпнутую из русской истории.

Повествование о победоносном походе русского войска под водительством Ивана IV на Казанское ханство в 1552 г. и взятие Казани избрано Херасковым для широкого эпического полотна, отразившего события героического прошлого.

Можно думать, что выбор Херасковым темы не является случайным. Интерес к эпохе Ивана Грозного, особенно усилившийся в конце XVII в., нашел свое продолжение в XVIII в. Известно, что Петр I проявлял большое внимание к деятельности Ивана IV, что нашло отражение в надписях к триумфальным воротам, сооруженным по случаю побед русских войск в Северной войне. На одной колонне была помещена надпись, относящаяся к изображению Ивана IV: «начал», на второй «закончил» — под портретом Петра I. Так современники Петровской эпохи воспринимали преемственность политики Русского государства на прибалтийских землях, на которых в 60—80-е гг. XVI в. Иван Грозный начал вести Ливонскую войну.

Сближение деятельности Петра I и Ивана IV можно отметить и в творчестве Ломоносова. В «Оде на взятие Хотина» 1739 г. он изобразил «мысленный» разговор Ивана Грозного с Петром I во время битвы при крепости Хотин. Херасков также упоминает, что «сам Петр Великий за честь представлял в мудрых предприятиях сему государю (Ивану IV, — *Г. М.*) последователь».[99]

Очевидно также, что в период русско-турецкой войны 1768—1769 гг. интерес к войнам, которые вел Иван IV с Казанским ханством и Астраханским ханством, находившимися под протекторатом Турции, должен был привлечь внимание русской общественной мысли 60—70-х гг. XVIII в.

---

[97] Там же, с. 290.
[98] Там же, с. 293.
[99] *Херасков М. М.* Россияда, историческая поэма. — В кн.: Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные, часть I. М., 1796, с. XII (в дальнейшем: *Херасков.* Россияда).

В 1778 г. после восьмилетнего упорного труда Херасков закончил эпическую поэму, посвященную взятию Казани. В 1779 г. «Россияда» была опубликована. Издание предваряла небольшая теоретическая работа «Взгляд на эпические поэмы» и «Историческое предисловие», в которых Херасков высказал свое представление о теории героической поэмы и внес некоторые новые черты в учение об эпопее.[100]

В «Историческом предисловии» Херасков кратко обрисовывает эпоху, которая отображена в поэме «Россияда». В историческом экскурсе он использует «Краткий российский летописец» Ломоносова, на который прямо ссылается при характеристике Ивана Грозного.[101]

Важно показать, как Херасков представлял историко-политическую концепцию, положенную в основу замысла поэмы. В «Историческом предисловии» он писал: «Воспевая разрушение Казанского царства со властию державцев ордынских, я имел в виду успокоение, славу и благосостояние всего Российского государства, знаменитые подвиги не только одного государя, но всего российского воинства; и возвращение благоденствия не одной особе, но целому отечеству: почему сие творение и „Россиядою" названо».[102] Очевидно, Херасков предполагал дать в своей поэме обобщенную картину жизни нации в определенный исторический период.

В заключении «Исторического предисловия» содержится краткий перечень источников и изложены общие представления о характере их использования в исторической поэме: «Повествовательное сие творение расположил я на исторической истине, сколько мог сыскать печатных и письменных известий, к моему намерению принадлежащих; присовокупив к тому небольшие анекдоты, доставленные мне из Казани бывшим начальником Университетских гимназий (в 1770 году). Но да памятуют мои читатели, что как в эпической поэме верности исторической, так в дееписаниях поэмы искать не должно. Многое отметил я, переносил из одного времени в другое, изобретал, украшал, творил и созидал. Успел ли я в предприятии моем, о том не мне судить; но то неоспоримо, что эпические поэмы, имеющие в виду своем иногда особливыя намерения, обыкновенно по таковым, как сия, правилам сочиняются».[103]

Заключая рассмотрение теоретических положений Хераскова, предваряющих поэму «Россияда», стоит привести отрывок из статьи «Взгляд на эпические поэмы», в котором автор высказывает свое суждение о характере сюжета эпического повествования: «Эпическая поэма заключает какое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключение в бытиях

---

[100] В. И. Кулешов полагает, что в своих теоретических рассуждениях М. М. Херасков «до некоторой степени... пересматривает» теорию героической поэмы, сформулированную в 1766 г. В. К. Тредиаковским в «Предъизъяснении об героической пииме» (см.: *Кулешов В. И.* История русской критики. М., 1972, с. 33). Но Тредиаковский, как известно, отрицал возможность создания эпической поэмы на исторический сюжет, а Херасков высказывает свои суждения именно по этому поводу. Вследствие этого наиболее вероятным представляется, что Херасков отталкивался прежде всего от опыта Ломоносова и Вольтера — автора «Генриады».

[101] *Херасков.* Россияда, с. XII—XIII.

[102] Там же, с. XII.

[103] Там же, с. XIV.

мира случившееся, и которое имело следствием важную перемену, относящуюся до всего человеческого рода... или воспевает случай, в какомнибудь государстве произшедший, и целому народу к славе, к успокоению, или наконец ко преображению его послуживший, — такова должна быть поэма Петр Великий, которую, по моему мнению, писать еще не время. Два великие духа принимались петь Петра Великого г. Ломоносов и Томас; оба начали — оба не кончили».[104]

Как можно видеть из приведенного суждения, Херасков учитывал не только опыт Ломоносова-поэта, автора поэмы «Петр Великий», но он помнил и о «дистанции времени», необходимой для оценки деяний исторических лиц. Причина, по которой Ломоносов не закончил поэму «Петр Великий», осмыслена Херасковым иначе, чем в статье «Рассуждение о российской поэзии», написанной в 1771 г.

В дальнейшем нам представляется важным показать характер использования Херасковым исторических источников для создания героической поэмы на национально-историческую тему.

Как указывает сам Херасков, в процессе работы над поэмой «Россияда» он привлек «сколько мог сыскать печатных и письменных известий». К началу 70-х гг. XVIII в. были опубликованы некоторые древнерусские памятники, из которых Херасков мог почерпнуть необходимые ему сведения по русской истории XVI в., и в частности о походе Ивана Грозного под Казань.

В числе печатных источников мог быть «Синопсис», составленный И. Гизелем и изданный в Киеве в 1680 г. В Москве и в Петербурге в XVIII в. предпринимались новые издания киевского «Синопсиса». Выше упоминалось, что Херасков использовал «Краткий российский летописец» Ломоносова, изданный в 1760 г.

Очевидно, что Хераскову была хорошо известна «История российская» В. Н. Татищева, изданная Г.-Ф. Миллером в Москве в 1768 г. О знакомстве с «Историей российской» свидетельствует принятое Херасковым татищевское обозначение Ивана III — царем Иоанном I, а Ивана IV (Грозного) — Иоанном II.[105] Ломоносов, как это видно из «Краткого российского летописца», Ивана III называл великим князем Иваном Васильевичем. Царем и самодержцем был назван им Иван Васильевич Грозный. В 1774—1775 гг. Г.-Ф. Миллером была опубликована Степенная книга, в которой также содержался рассказ о походе Ивана Грозного под Казань. В 1769 г. М. М. Щербатов издал «Царственную книгу». В 1767 г. в Петербурге был издан труд П. Рычкова «Опыт Казанской истории», представляющий собой краткую компиляцию нескольких источников, связанных с историей похода 1552 г. под Казань, осадой крепости и присоединением Казанского ханства к Московскому государству.

Основные же источники, повествующие о походе под Казань 1552 г., так называемая «Казанская история» (или «Казанский летописец»), «Летописец царя и великого князя Ивана Васильевича», а также «Исто-

---

[104] Там же, с. XVIII.
[105] *Татищев В. Н.* История российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 84.

рия о великом князе Московском» Андрея Курбского не были опубликованы. В XVIII в. из этих трех сочинений была опубликована в 1791 г. «Казанская история».

Таким образом, очевидно, что Херасков вынужден был обратиться к «письменным известиям» — так он назвал рукописные произведения XVI в. В примечаниях к поэме «Россияда» Херасков указал, что он использовал летописи. Так, передавая речь Ивана Грозного перед походом на Казань («О вы, которые державу мне вручили»), Херасков поместил следующее подстрочное примечание: «Содержание сей речи почерпнуто из подлинной, говоренной царем Иоанном Васильевичем при тогдашнем случае».[106]

В годы, предшествовавшие работе над поэмой «Россияда», Херасков жил в Москве. В 1755 г. он был асессором при Конференции в Университете, а с 1763 г. — директором Университета.[107] В 1764 г. в Москву переехал Г.-Ф. Миллер, с 1765 г. возглавлявший Архив Коллегии иностранных дел. Личное знакомство и общение с Г.-Ф. Миллером несомненно должно было способствовать обогащению Хераскова сведениями о русской истории XVI в., и в частности о казанском походе Ивана Грозного. Г.-Ф. Миллер обладал списком «Казанской истории», копия с которого была им передана П. Рычкову. Можно высказать предположение, что подобная же копия могла быть отдана Г.-Ф. Миллером и Хераскову.

Но были и другие возможности получения Херасковым копий со списков «Казанской истории». В 1770 г. Херасков получил место вице-президента берг-коллегии в Петербурге, а в 1772 г. он был назначен членом комиссии по описанию государственных медалей. Он занимался в комиссии совместно с историком М. М. Щербатовым и А. А. Нартовым. В 1775 г. Херасков вышел в отставку и уехал в Москву, где познакомился при посредстве своих сводных братьев Ю. Н. и Н. Н. Трубецких с Н. И. Новиковым.[108]

Общение с М. М. Щербатовым, Трубецкими, владевшими большим собранием рукописей, и наконец с Н. И. Новиковым, который в эти годы активно издавал древнерусские памятники в «Древней российской вивлиофике», давало возможность Хераскову получать все необходимые ему рукописные списки интересующих его произведений, в которых содержалось повествование о походе Ивана Грозного под Казань.

Использование Херасковым «Казанской истории» отмечено еще Г. З. Кунцевичем.[109] Но исследователь не ставил целью определить характер воздействия литературного памятника XVI в. на формирование эпической поэмы третьей четверти XVIII в. Между тем постановка этого вопроса позволяет понять на конкретном материале формы преемственности национальных традиций в русской литературе XVIII в.

---

[106] *Херасков.* Россияда, с. 23.

[107] *Лонгинов М. Н.* М. М. Херасков. (Краткая биография). — Русский архив, 1873, № 8, стлб. 1453—1479.

[108] Там же, стлб. 1474—1479.

[109] *Кунцевич Г. З.* «Россияда» Хераскова и «История о Казанском царстве». — ЖМНП, 1901, январь, с. 1—15.

«Казанская история» послужила для Хераскова источником исторических сведений о Казанском ханстве. Херасков последовательно отразил события, происходившие в Казани на протяжении 30—50-х гг. XVI в., по «Казанской истории».

Историческим кругозором автора «Казанской истории» объясняется предыстория Казанского ханства, отраженная в «Россияде»:

Где жили древние Российские Болгары,
Разженны верою к закону своему,
Казань, поверженна в Магометанску тму,
В слезах на синий дым, на заревы взирала,
И руки чрез поля в Россию простирала;
Просила помощи и света от князей,
Когда злочестие простерло мраки в ней.[110]

В главе «Сие строение о Казанском царстве» автор «Казанской истории» прямо утверждает, что волжские болгары до порабощения татарами входили в состав Русского государства: «Бысть убо от начала Русския земли, якоже поведают Русь и варвари, все та Русская земля была едина, идеже ныне стоит град Казань, продолжающеся в долину с единого от Нова града Нижнего на восток, по обою странам великия реки Волги вниз и до болгарьских (рубежов) и до Камы реки, в ширину на полунощие до Вятцкия, рече, земля и до Пермския, на полудние до половецких предел, — все же то держава и область Киевская и Владимерская, по тех же ныне Московская».[111]

Биография казанской царицы Сумбеки, вдовы хана Сафа-Гирея, оказавшейся жертвой любовной страсти к военачальнику улану Кощаку, выданной казанцами русским властям, увезенной вместе с сыном в Москву и отданной замуж за хана Шигалея, послужила основой для воссоздания образа прекрасной и коварной Сумбеки в поэме Хераскова «Россияда». Херасков как бы нарочито подчеркивает непосредственную связь с источником в примечании к рассказу о страсти царицы Сумбеки:

Сумбека собственну напасть пренебрегает,
Не к бранным помыслам, к любовным прибегает,
К сему орудию коварствующих жен;
О! кто не знает их, тот подлинно блажен!
Она казалась быть ордынцами владея,
Киприда красотой, а хитростью Цирцея
Для выгод собственных любила царский сан,
Смущали душу в ней, не брани, князь Осман.[112]

К имени Осман Херасков сделал следующее примечание: «Подлинное его имя улан Кащак».[113] В главе «О любви блудной со царицею улана Кощака, и о избежании его из Казани, и о ятие его, и о смерти» автор

---

[110] *Херасков.* Россияда, с. 3.
[111] Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954, с. 44.
[112] *Херасков.* Россияда. с. 45—46.
[113] Там же, с. 46.

«Казанской истории» рассказывает: «Того же царевича Кощака не токмо вси казанцы ведаху от своея ему жены прелюбы творяща со царицею после царя, но и на Москве слышащим речь ту и во многих ордах. Еще же и злее сего, мысляше с нею царевича, сына ея, убити, юнаго. Велможи же все обличаше его о беззаконии том. Он же восхоте царицу за себя взяти и воцаритися на Казани. Тако бо женское ко греху естество полско; никииждо бо тако прелютый зверь убивает щенца своя, ни лукавая змия пожирает изчадий своих! Советницы его, велможи, возбраняху ему, да престанет от злодейства того, и убийством прещаху ему; он же власть имый надо всеми, и не смотряше же ни на кого же. Любляше бо царица, зазираше доброте его, и разжизанми плотскими сердце ея уязвленно бе к нему всегда: не можаше ни мало быти без него, не видя лица его, огненными плотми распалаема».[114]

Образ хана Шигалея, друга Ивана Грозного, проводника политики сближения с Россией, представлен в поэме Хераскова «Россияда» в близком соответствии с тем, как он обрисован автором «Казанской истории». Взаимоотношения Сумбеки и Шигалея, как они изображены в повести XVI в., также нашли свое отражение в поэме Хераскова.

Казанская тема «Россияды», характеристика событий и лиц воссозданы Херасковым в аспекте представлений автора «Казанской истории». На это обстоятельство обратил внимание еще молодой П. М. Строев, отметив, что почти все положительные образы «Россияды» — магометане.[115] С точки зрения П. М. Строева, это было грубым отступлением Хераскова от истории. В действительности же, как мы видим, характеры исторических героев-казанцев восприняты Херасковым через посредство произведения современника и очевидца событий, отображенных в «Казанской истории».

Автор «Казанской истории», как он пишет сам о себе, в течение 20 лет находился при дворе казанских ханов. Он превосходно знал все факты, о которых сообщается в литературном произведении, ярко и красочно воссоздал картины событий и образы исторических лиц — от правителей государства до рядовых воинов, сражавшихся с русскими на стенах Казани. Именно эта историческая достоверность и художественность «Казанской истории» явились причиной того, что эта «Красная и сладкая повесть» на протяжении столетий не потеряла читательского интереса: списки «Казанской истории», сохранившиеся в огромном количестве (их в настоящее время более 150), переписывались и в XVII и в XVIII в. По существу лишь появление поэмы Хераскова «Россияда», многообразно отразившей «Казанскую историю» и «впитавшей» ее проблематику, явилось одной из причин охлаждения интереса к повести середины XVI в. Любопытно отметить, что в начале XIX в. поэма «Россияда» сама уже являлась источником сведений по истории Казани XVI в. На материале поэмы С. Глинка в 1806 г. написал трагедию «Сумбека,

---

[114] Казанская история, с. 93.

[115] *Строев П. М.* О Россияде, поэме г. Хераскова (письмо к девице Д.). — Современный наблюдатель российской словесности, издаваемый П. Строевым, 1815 ч. I, № 3, с. 31—33.

или падение Казанского царства». В 1832 г. неизвестный автор создал «героический балет» «Сумбека, или покорение Казанского царства». В предисловии сказано: «Автор балета следовал за поэмою „Россияда“, а не историею русскою».[116]

Сохранение Херасковым верности характера литературного источника наглядно видно также при анализе «русской» части «Россияды», т. е. описании событий, происходивших в России. Помимо летописных источников, откуда Херасков почерпнул перечень разрядов и изложение исторических фактов в хронологическом порядке, он обратился к повествованию другого участника взятия Казани — к «Истории о великом князе московском» Андрея Курбского.

Важная политическая проблема, живо интересовавшая Хераскова, — проблема взаимоотношения царей и их ближайших советников — раскрывается в «Россияде» посредством обращения к опыту А. Курбского — идеолога «Избранной рады», сторонника ограничения самодержавной власти царя.

Сочинение А. Курбского оказало влияние не только на решение Херасковым важных политических проблем 70-х гг. XVIII в. «История о великом князе московском» определила своеобразный «историзм» «Россияды», объяснив ряд существенных отступлений от истории в поэме Хераскова.

«История о великом князе московском» была написана А. Курбским в 1573 г. в Польско-Литовском государстве и имела своей основной целью предотвратить возможные симпатии к Ивану Грозному, являющемуся одним из претендентов на польский престол в период «бескоролевья» в Речи Посполитой (1572—1576 гг.). Политическая направленность сочинения Курбского, предназначенного для распространения в среде польско-литовской знати, сказалась и в аспекте освещения деятельности русского царя, и в подборе фактов, и в характере языка (с значительным числом полонизмов).

В настоящее время известно 75 рукописных списков «Истории о великом князе московском» Курбского, представляющих 7 редакций памятника.[117] Каким именно списком пользовался Херасков, установить не представляется возможным, но очевидно, что автор «Россияды» с большим вниманием и доверием отнесся к сочинению Курбского.

Ни в Степенной книге, ни в летописных рассказах, повествующих о подготовке к войне с Казанским ханством, ни в «Казанской истории» не рассказано о борьбе при дворе Ивана Грозного, предшествующей принятию решения о походе под Казань. Между тем в поэме Хераскова обрисованы лень, бездействие и «плотские роскоши» Ивана Грозного, препятствующие молодому царю в активной борьбе с недругами Русской земли, причинившими страдания и бедствия народу.

---

[116] Цит. по кн.: *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905, с. 589.

[117] *Уваров К. А.* Князь А. М. Курбский — писатель (История о великом князе московском). Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 3—24.

В то время юный царь в столицу уклонился,
Где вместо гласа труб забавами пленился.
Сокрылась истинна на время от царя;
Лукавство, честь поправ, на собственность воззря,
В лице усердия в чертогах появилось,
Вошло и день от дня сильнее становилось.

Родственники Ивана Грозного Глинские и их друг вельможа Ленский уговаривают молодого царя предаваться радостям жизни. Но нашлись и другие вельможи, «которы искренно Отечество любили». Среди них был молодой Алексей Адашев. Херасков подробно описывает его большие достоинства:

Сей муж, разумный муж, в его цветущи лета
Казался при дворе, как некая планета,
Вступающа в свой путь от незнакомых мест,
И редко зримая среди горящих звезд.
Придворные его с досадой угнетали,
Но внутренно его сердцами почитали.
Адашев щастия обманы презирал,
Мирские пышности ногами попирал;
Лукавству был врагом, ласкательством гнушался;
Величеством души, не саном украшался;
Превыше был страстей и честностию полн.
Как камень посреде кипящих бурных волн,
Борея не боясь, стоит не колебимо,
И волны о него биясья, идут мимо:
Адашев тако тверд среди развратов был,
От мира удален, отечество любил.[118]

Адашев становится «другом царя», его советником в «Избранной думе». Иван Грозный начинает новую жизнь, подбирает себе мудрых военачальников, наиболее видным из которых является князь Курбский.

Не трудно увидеть в поэме Хераскова политическую концепцию Курбского о роли «Избранной рады» в деятельности молодого Ивана, о значении Адашева и протопопа Сильвестра в организации победоносного похода на Казань.

Молодой царь Иван, по словам Курбского, в ранние годы оставшийся без отца и матери, был воспитан боярами, которые «ретящеся друг перед другом, раскающе и угождающе ему во всяком наслаждению и сладострастию».[119] Родственники царя — Глинские своим недостойным поведением вызвали «возмущение велико всему народу». Во время громадного московского пожара к царю Ивану «прииде един муж, презвитер чином, именем Сильвестр, пришлец из Нова града Великого... С ним же соединяется во общение един благородный тогда юноша, ко доброму и полезному общему, имянем Алексеи Адашев; цареви ж тои Алексеи в то время зело любим был и согласен, и был он общеи вещи зело полезен, и отчасти в некоторых нравах ангелу подобен... Сие творят, сие делают: главную доброту начинают... И к тому еще и сие прилагают: собирают к нему

---

[118] *Херасков.* Россияда, с. 13.
[119] Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». СПб., 1913, стлб. 5 (далее: История о великом князе московском).

советников, мужей разумных и совершенных, во старости мастите сущих, благочестием и страхом божиим украшенных; других же, аще и во среднем веку, тако же предобрых и храбрых, и тех и онех, в военных и в земских вещах по всему искусных; и аще ему их в приязнь и в дружбе усвояют, яко без их совету ничесоже устроити или мыслити. И нарицались тогда оные советницы у него Избранная рада; воистину по делом и наречение имели, понеж все избранное и нарочитое советы своими производили, сиречь суд праведный, нелицеприятен, яко богатому, тако и убогому, еже бывает во царстве наилепшее; и к тому воевод, искусных и храбрых мужеи, сопротив врагов избирают, и стратилатские чины устрояют, яко над езными, так и над пешими; и аще кто явитца мужественным в битвах и окровил руку в крови вражии, сего дароваными почитано, яко движными вещи, так и недвижными».[120]

В результате деятельности «Избранной рады», по словам Курбского, «сам царь, возревновав ревностию, начал против врагов сам ополчатися, своею главою, и собирати себе воинство множаще и храбреишее, не хотяше покою наслаждатися, в прекрасных полатах затворяся... но подвигся многожды сам, не щедячи здравия своего, на сопротивного и горшаго своего супостата, царя казанского».[121]

«История о великом князе московском» Курбского дала Хераскову материал не только для характеристики мудрых советников царя — Адашева и протопопа Сильвестра и их недругов — вельмож Глинских и Ленских, но определила ряд отступлений от исторической истины в поэме «Россияда». Так, Херасков упоминает в поэме «пламенных опричников собор». Между тем известно, что опричнина была учреждена Иваном IV в 1565 г., т. е. через 13 лет после взятия Казани. Но тема опричнины проходит через всю «Историю» Курбского, она «пропитана» ею: рассказы о терроре московского царя составляли эмоциональный стержень повествования. И Херасков, чутко уловивший общую направленность «Истории о великом князе московском» Курбского, привнес в свою поэму упоминание об опричниках.

В поэме «Россияда» введен образ старца Вассиана, которого Иван Грозный встретил «в пустыне». Вассиан «с любовью» прорицает московскому царю его грядущую победу над Казанским ханством. При упоминании имени Вассиана в поэме Херасков помещает следующее примечание: «Сей Вассиан сослан был в заточение царем Василием Иоанновичем. Многие думают, что был то князь Голицын, но его имя мне не известно».[122]

В «Истории о великом князе московском» Курбский начинает повествование о «презлом роде» московских государей как раз с рассказа о разводе великого князя Василия Ивановича с Соломонией Сабуровой и вторичном браке с Еленой Глинской. От этого «беззакония» его удерживал «Васьян пустынник, сродник ему сущь по матери своей, а по отце внук княжати литовского, Патрикеев», который «оставя мирскую славу, в пу-

---

[120] Там же, стлб. 11—13.
[121] Там же, стлб. 14.
[122] *Херасков.* Россияда, с. 196.

стыню вселился, и так жестоко и свято житие препровожал во мнишестве, подобно великому и славному Антонию».[123]

Род литовских князей Патрикеевых, состоящий в ближайшем родстве с князьями Голицыными, закончился на Вассиане, постригшемся в монахи. Херасков, вероятно, не располагал более подробными сведениями о Вассиане Патрикееве, нежели те, которые он поместил в примечании. Но для нас важно отметить то, что деятель начала XVI в., идеолог нестяжательства и политический союзник Курбского оказался в поэме Хераскова вопреки историческим фактам (Вассиан Патрикеев умер в 1531 г.) идейным сподвижником Ивана Грозного в его борьбе с Казанским ханством.

Создавая эпическую поэму на национально-историческую тему по правилам классицистической поэтики, Херасков очевидно стремился синтезировать в своем произведении все достижения и эстетической и теоретической мысли его времени. Поэтому не случайно в статье «Взгляд на эпические поэмы», предваряющей публикацию «Россияды», Херасков кратко охарактеризовал не только национально-эпическую поэму — поэму Ломоносова «Петр Великий», но и «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Энеиду» Вергилия, «Погубленный рай» (так назван Херасковым, — *Г. М.*) Мильтона, «Генриаду» Вольтера, «Освобожденный Иерусалим» Тассо, «Лузиаду» Камоенса и «Фарсалию» Лукиана. Влияние мирового опыта развития эпической поэмы Херасков безусловно учитывал. Поэтому не случайно в поэме «Россияда» можно обнаружить очевидные следы воздействия и античных и западноевропейских образцов. На это указывали критики XIX в., и особенно П. А. Вяземский[124].

В настоящее время в новейшем исследовании Р. М. Гороховой[125] раскрыто значительное воздействие на Хераскова — автора «Россияды» — поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Наиболее очевидно это влияние сказалось в женских образах поэмы. Но несмотря на то что в образе Сумбеки отразились некоторые черты волшебницы Армиды (героини «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо) и отчасти Дидоны (героини «Энеиды» Вергилия), в целом характер казанской царицы в поэме Хераскова подсказан русской повестью 60-х гг. XVI в. — «Казанской историей», написанной очевидцем исторических событий. «История о великом князе московском» Курбского — также произведение современника царствования Ивана Грозного — оказало влияние и на историко-политическую концепцию «Россияды», и на обрисовку исторических деятелей. Таким образом, в художественном сознании Хераскова — писателя второй половины XVIII в. — нашли отражение древ-

---

[123] История о великом князе московском, стлб. 3.

[124] «Думали ли когда Грации, Венера, Амур царствовать в рощах Казанских над сердцами смуглых татаров? Херасков в своих картинах не заботится совсем о местной краске; но не будем упрекать его в этом забвении, вспомня, что и Тассу делают тот же упрек» (см.: *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). Подг. изд. В. С. Нечаевой. М., 1963, с. 47).

[125] *Горохова Р. М.* Торквато Тассо в России XVIII в. (Материалы к истории восприятия). — В кн.: Россия и Запад. Из истории литературных отношений. Л., 1973, с. 148—157.

нерусские литературные произведения — памятники острой идейно-политической борьбы времени Ивана Грозного.

Стихийный и ограниченный историзм Хераскова, подготовленный творческими достижениями Ломоносова, был заметным шагом в направлении движения русской литературы к историзму как системе художественного обобщения.[126] Национальная эпопея «Россияда» явилась одним из самых значительных произведений Хераскова, оказавших серьезное влияние на формирование русской литературы начала XIX в.

Последующие эпические поэмы Хераскова «Владимир» (1785 г.) и «Царь, или Спасенный Новгород» (1800 г.) характерны снижением интереса автора к древнерусским произведениям и резким поворотом к масонской символике и аллегории. Хераскова не интересуют ни исторические события, ни политическое и культурное значение изображаемого события древней русской истории. Так, например, принятие Владимиром Святославичем христианства он рассматривает исключительно как явление внутренней жизни человеческой души.

Во втором издании поэмы Хераскова «Владимир» появилось примечание, которое привлекает наше серьезное внимание: «Недавно отыскана рукопись под названием „Песнь полку Игореву“, неизвестным писателем сочиненная. Кажется за многие до нас веки в ней упоминается Боян, российский песнопевец».[127]

Очевидно, Хераскову был известен текст рукописи «Слова о полку Игореве» за три года до его первой публикации 1800 г.

В поздней поэме, названной Херасковым «стихотворная повесть», — «Царь, или Спасенный Новгород» — автор обрисовывает события 1471 г., когда Иван III отменил новгородское вече, жестоко расправился с восставшими новгородцами и заточил в монастырь Марфу Борецкую, возглавлявшую борьбу за «древние» права «Великого Новгорода». В 1802 г. Н. М. Карамзин, как мы помним, посвятил этой теме историческую повесть «Марфа Посадница или Покорение Новгорода». Херасков, сохраняя верность идеалам просвещенного абсолютизма, полагал, что только «самодержавство» может «защитить свободу» граждан. Он жестоко отвергал освободительно-революционные настроения, распространившиеся в России в конце XVIII в., и винил просветителей в пропаганде революционных идей.

Поэма «Царь, или Спасенный Новгород» замыкается «видением» будущего России. В кратком очерке проходит ее история от древнейшей поры до царствования Павла I.

Таким образом, по эстетическим принципам «Россияда» является основным достижением Хераскова в эпической поэзии русского классицизма.

Творческий опыт Хераскова — автора «Россияды» — привлек внимание Г. Р. Державина, который около 1780 г. начал работу над поэмой,

---

[126] Нельзя согласиться с утверждением П. В. Владимирова: «Поэмы Хераскова проникнуты одиозным нравственным содержанием, но никак не историческим и не народно-бытовым, хотя и по содержанию, и по пособиям связаны с русской историей, с старинной народной поэзией» (см.: *Владимиров П. В.* А. С. Пушкин и его предшественники в русской литературе. Киев, 1899, с. 10).

[127] Творения М. Хераскова..., ч. II. М., 1797, с. 300—301.

посвященной Д. М. Пожарскому. В черновых бумагах Державина сохранилось начало поэмы с краткой характеристикой героев событий Смутного времени: Пожарского, Трубецкого, Минина, Авраамия Палицына, Заруцкого. Державин считал Пожарского «в числе наивеличайших героев», и желание «воспеть» его не оставляло поэта. В 1806 г. Державин написал «героическое представление в четырех действиях, с хорами и речитативами» под заглавием: «Пожарский, или Освобождение Москвы». Для создания оперы Державин использовал материалы, собранные им для героической поэмы. Об этом он говорит в предисловии «К читателю»: «...взял я характеры действующих лиц... из самых деяний, бытописаниями и преданиями нам свидетельствуемых. Любопытный благоволит прочесть „Ядро российской истории" и прочие летописи: то увидит, правильно ли мною извлечены из самых дел характеры».[128] Далее Державин высказывает мнение о том, «что эпические и драматические поэмы (разумеются трагедии, — *Г. М.*) удобнее составляются из времен самых отдаленных, героических и баснословных, в темноте коих свободнее сокрывается анахронизм, блистает чудесность и усыпляется личность».[129] Державин ссылается на первую песнь из поэмы Ломоносова «Петр Великий» в доказательство необходимости следовать «правде», т. е. отображать в эпической поэме подлинные события русской истории и «живописать» портреты «россиян», которые показали «истинную великость духа».[130]

В. И. Майкову принадлежат замыслы создания эпических поэм на национально-историческую тему. В рукописи сохранилась одна строфа начала поэмы о Димитрии Донском:

Пою Димитрия, российского героя,
Который, Россиян для счастья и покоя, —
Покой свой пренебрег и при донских струях
Противных Агарян развеял, яко прах...[131]

Несомненный интерес представляет начало поэмы В. И. Майкова «Освобожденная Москва», посвященной событиям «Смутного времени».

Пою оружие и мощь российской длани
Во время внутрь ея горящей страшной брани.
О Муза, ты мою мне лиру днесь устрой
И подвиги со мной российских чад воспой.
Тебе бо ведома деяний смертных древность
Поведай мне сама сынов российских ревность
И возгласи со мной сладчайший оный час,
Как пленную Литвой Москву Пожарский спас
И как с восшествием на царство Михаила
Унылая Москва свой вид возобновила.[132]

---

[128] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. IV. СПб., 1874, с. 109.
[129] Там же, с. 111.
[130] Там же.
[131] Сочинения и переводы Василия Ивановича Майкова. СПб., 1867, с. 504.
[132] Там же.

В следующей «песне» В. И. Майков описал, как московские бояре предали В. И. Шуйского полякам и согласились с «Жигимондом», который

Сулил на царство дать боярам Станислава,
Единого из двух рожденных им сынов,
А сам меж тем теснит осадой войска Псков.

В. И. Майков, по-видимому, недостаточно внимательно отнесся к историческим известиям о событиях начала XVII в. В переговорах московских бояр с польским королем Сигизмундом речь шла о принятии на российский престол его сына — королевича Владислава, а не Станислава. Кроме того, Псков был осажден не Сигизмундом, а Стефаном Баторием в период царствования Федора Иоанновича. Возможно, что неумение согласовать жанр эпической поэмы с исторической достоверностью и предопределило неудачу В. И. Майкова, осознанную им и явившуюся причиной того, что обе начатые поэмы не были закончены.

В 90-х гг. XVIII в. началась литературная деятельность В. Т. Нарежного. В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» в 1798 г. было опубликовано стихотворение «Брега Алты». Сюжетом оды явились исторические события XI в., когда после смерти князя Владимира Святославича началась ожесточенная междоусобная война между его наследниками-сыновьями. Князь Святополк после смерти Владимира в 1015 г. захватил власть в Киеве и, чтобы устранить возможность соперничества братьев, убил Бориса, посланного Владимиром с войском против печенегов и остававшегося для охраны границ на р. Алте, потом были убиты Глеб и Святослав, пытавшийся спастись в Венгрии. Князь Ярослав, находившийся в Новгороде, узнав о злодеяниях Святополка, выступил против него с новгородским войском и варягами. Сражение произошло в 1019 г. на р. Алте, на том поле, где предательски был убит князь Борис. Войско Ярослава одержало победу. Святополк бежал в Чешские земли, по дороге умер.

Стихотворение В. Н. Нарежного «Брега Алты» начинается картиной ночи на бранном поле.

Взошел пресветлый царь небес,
И ризою своей багряной
Покрыл поля и дальний лес,
И Алты брег злато-песчаной
. . . . . .
Недавно здесь Владимир грозно
Врагов кичливый полк разил;
И кровью печенега чорной
Омывши лавр и острый меч
Спешил России власть вознесть.[133]

Нарежный рисует образ Святополка:

Се изверг, — крови враг российской, —
Убийца братьев, Святополк!
С ордою от страны азийской

[133] Приятное и полезное препровождение времени, ч. XVIII. М., 1798, с. 281.

Свирепою — как хищный волк
Пришел — и на берегах песчаных
Он стал, как с стадом тигров гладных.
Еще брега сии дымились
Бориса кровию, еще
Те вопли тут везде носились,
Которы испускал вотще.[134]

Далее следует описание похода Ярослава и боя на р. Алте:

И Ярослав в поход собрался.
Пошел — и юный как орел,
Он степь и горы прелетел,
И Алты на брегах песчаных
Полки свои поставил бранны.

Уже блестит копье и мечь,
Гремят доспехи, медь сверкает
Повсюду грозна смерть летает,
Звук трубный вкруг успел протечь;
И где Бориса смерть постигла,
Где кровь его поля омыла,
Там юный, бодрый Ярослав
Как солнце красное явился...[135]

В описании битвы В. Т. Нарежный следует стилистике од Ломоносова:

Брега завыли Алтских вод
И эхо стонет глухо, мрачно.
Огнем багровым верьх горит,
В долинах крови ключь кипит.
Там крики, стоны раздаются,
Там слышен жалкий вопль людей;
От звуку горы, дол трясутся,
Ветр воет от бегу коней.

Победа Ярославом одержана, потому что явился на крылах сапфирных,

Как молньи яркосветлый лучь —
России Гений.

Нарежный описывает, как Ярослав после битвы

...пот с лица герой отер,
Воздел свои он к небу длани
И слово к Гению простер.

Стихотворение «Брега Алты» заканчивается гимном миру — поэт прославляет «всеобщую тишину»:

Внимает в радости Россия
Не верит слуху своему; —
Воззрит ли на поля златыя,

---

[134] Там же, с. 282.
[135] Там же, с. 283.

Иль на Днепровскую волну, —
Там сельски песни раздаются,
Здесь тихо, кротко волны льются.[136]

В. А. Бочкарев, исследуя драматические произведения Нарежного, уже отмечал очевидные следы влияния романтического направления, которое «накладывалось» на классицистическую систему.[137]

Нас интересует источник исторических сведений В. Т. Нарежного. Исследование показывает, что не только в поэтической системе оды, но и в передаче исторических фактов автор следовал за «Древней российской историей» Ломоносова, изданной в 1766 г. Об этом свидетельствуют не только общий состав известий (он мог быть почерпнут и из «Истории» М. М. Щербатова и из «Записок касательно российской истории» Екатерины II), но и сходство деталей, которые могут быть отмечены только в историческом сочинении Ломоносова и в оде «Брег Алты» Нарежного. Обратим внимание на следующий отрывок «Древней российской истории» Ломоносова (глава II) «О княжении Ярослава перваго»: Святополк, узнавший о выступлении Ярослава из Новгорода, «убег к печенегам и привел их в ужасном множестве на Ярослава».[138] Ср.: «Убийца братьев, Святополк//С ордою от страны Азийской». Ярослав «встретил сих варваров с полками своими на реке Алте, на месте, где убит Борис».[139] («И Ярослав в поход собрался// ...И Алты на брегах песчаных Полки свои поставил бранны.../// И где Бориса смерть постигла//Где кровь его поля омыла»). Перед боем с Святополком Ярослав, как пишет Ломоносов, «воздев на небо руки и со слезами, возопил к богу: „Здесь видишь, правосудный господи, землю, обагренную кровию непорочного отрока твоего Бориса. Беззаконный убивец, несытый братния крови, не престает искать истребления всего нашего роду; защити нас, отмсти кровь неповинных“».[140] Ср.: «Ты видиш, рек, о боже правый // Где брат мой кровь свою пролил; // Где Святополк рукой багровой // Прервал его цветущий век; // И где коварством, сетью новой // Едва моей он не пресек // Защити нас, о боже сильный! // И кровь отмсти людей невинных».

Ломоносов пишет, что «кровопролитное сражение» началось «с восхождением солнца». Ср. «и солнечный восход // Подвигнул к битве их ужасной». Но самая выразительная деталь содержится в характеристике поведения Ярослава после победы, одержанной над Святополком. Ломоносов сообщает: «Ярослав сел спокойно в Киеве на отеческом престоле, утерши пот лица своего по труде великом».[141] Ср. «И пот с лица герой отер». Эта «этикетная формула» древнерусской литературы, переданная Ломоносовым, оказалась включенной в поэтическую систему стихотворения В. Т. Нарежного «Брег Алты».

---

[136] Там же, с. 285.
[137] *Бочкарев В. А.* Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815 гг.). — Учен. зап. Куйбышевск. гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, вып. 25, 1959, с. 83—105.
[138] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VI. М.—Л., 1952, с. 280.
[139] Там же, с. 280.
[140] Там же.
[141] Там же, с. 281.

Данью романтическим веяниям в стихотворении Нарежного вызвано изменение возраста Ярослава. В 1019 г. Ярославу было 35 лет. Для Древней Руси это был зрелый человек. А Нарежный подчеркивает дважды «юный» возраст Ярослава. Появление «Гения России», оказавшего влияние на исход боя, — также элемент романтического направления. Но в целом стихотворение Нарежного «Брег Алты» достаточно точно следует «Древней российской истории» Ломоносова, которая основана на древнерусских летописях. Поэтическая система «Брега Алты» близка одам Ломоносова 1739 и 1761 гг.

«Брег Алты» не единственное произведение В. Т. Нарежного на темы древнерусской литературы. Ему принадлежит также патриотическая поэма «Освобожденная Москва», в которой повествуется об осаде Москвы Тамерланом при княжении сына Дмитрия Донского — Василия Дмитриевича. Источником исторических сведений здесь явилась древнерусская повесть «О безбожном Темир-Аксаке», включенная в Никоновскую летопись, которая была издана в 1767 г.

В стихотворении «Песнь Владимиру киевских баянов» В. Т. Нарежного воссоздаются события времени похода Владимира Святославича на Херсон, крещения и женитьбы на греческой царевне Анне.

Следует обратить внимание на отрывок стихотворения Нарежного «Песнь Владимиру киевских баянов», повествующий о свержении языческих «кумиров».

Разверзся Днепр, вскипел
. . . . . .
Гром грянул — в Боревычев ток
Обрынулся Перунов храм
Столбы на полы преломились;
Покрылся пылию карниз.
Престолов злато померкает,
И изваянный гордый бог
На землю вергся с высоты.
Десница с молньей там летит,
Там шуйца с скипетром златым;
Там тонет часть главы в грязи,
Там медна пылью грудь летит.[142]

Из какого источника почерпнул В. Т. Нарежный сведения о том, что Перун был сброшен «в Боревычев ток», что храм Перуна находился наверху и языческий «гордый бог» с высоты был сброшен в прибрежные воды Днепра?

Единственным источником этого отрывка из стихотворения В. Т. Нарежного является комментарий к словам: «Игорь едет по Боричеву» в рукописной Екатерининской копии «Слова о полку Игореве». Издание «Слова», как известно, вышло в декабре 1800 г., а стихотворение «Песнь Владимиру Киевских баянов» издано за два года до печатного издания «Слова» — в 1798 г.

Приведем текст комментария к Екатерининской копии «Слова о полку Игореве», более подробный, чем в печатном издании «Слова»: «Бори-

[142] Приятное и полезное препровождение времени, ч. XX. М., 1798, с. 383.

чев. — Урочище в самом городе Киеве, которое не инде быть по описанию летописей, является, как на горе к Подолу, на самом том месте, или близ оного, где ныне церковь апостола Андрея Первозванного находится. Сие место в первобытности было вне града, и тут Владимиром поставлен на холме идол Перуна, яко на месте возвышеннейшем и красивейшем прочих; а при том, что и площадь между кумира и города довольна была для умещения народа, стекающегося на торжественные жертвоприношения. На сей же площади был дворец великокняжеский, называемый теремным, в котором Ярополк убит от брата своего Владимира. На самом том холме, где стоял Перунов кумир, поставлена, по крещении Владимировом, церковь с[вятого] Василия».[143]

Не говоря уже о том, что самое заглавие «Песнь Владимиру киевских баянов» предполагает отголосок «Слова о полку Игореве» (см. комментарий к словам: «Того старого Владимира» — «Вероятно, что сей припев подлинником внесен сюда из Бояновых песней»). Описание «низвержения» Перуна с Боричева урочища в Днепр несомненно свидетельствует о том, что в распоряжении В. Т. Нарежного была рукописная копия «Слова о полку Игореве» типа екатерининской копии с историческим комментарием.

В. Т. Нарежный оказался продолжателем тех традиций, которые были созданы Ломоносовым, когда произведения на национально-историческую тему строго следовали историческим источникам. Даже при учете новых веяний романтизма, отразившихся в творчестве Нарежного, эти традиции оказались не «перекрытыми» флером поэтических украшений, свойственных новому литературному направлению конца XVIII в.

Русская героическая поэзия на национально-историческую тему прошла в XVIII в. долгий и сложный путь развития. Связанная, с одной стороны, теоретическими узаконениями западноевропейской литературы классицизма (восходящим к античным поэтикам), русская эпическая поэма, с другой стороны, испытала мощное воздействие национальных литературных традиций. Историзм, близость к документальным фактам, характеризующие древнерусскую литературу,[144] оказали значительное воздействие на формирование русской эпической поэмы XVIII в., начиная с ее ранних образцов, представленных в творчестве Феофана Прокоповича, приобретших новые черты в одах и в незаконченной поэме Ломоносова «Петр Великий» и сказавшихся в эпопее Хераскова «Россияда» и одах Нарежного. Этот мощный заряд стихийного историзма оказал значительное влияние на формирование историзма как системы художественного обобщения в творчестве Пушкина, внимательно изучавшего литературное наследие предшествующего периода. В поэмах «Полтава» и «Медный всадник», в стихотворении «Пир Петра Первого» сказались результаты развития русской эпической поэзии XVIII в. на национально-историческую тему.

---

[143] ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 366, ч. 7, л. 52 об.

[144] См.: *Лихачев Д. С.* 1) Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, с. 195—197; 2) Первые семьсот лет русской литературы. — В кн.: Изборник. М., 1969, с. 10—11.

Послесловие

К каким наблюдениям привело изучение судеб древнерусских памятников в России XVIII в.? Какое значение имела литература Древней Руси в формировании литературы нового времени?

Русская национальная литература XVIII в. создавалась европейски образованными писателями. Достаточно назвать имена Феофана Прокоповича, Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Радищева. И это не может быть случайным. Именно такое широкое образование позволило этим выдающимся деятелям осмысленно подойти к построению литературы нового времени, опираясь на многовековую русскую литературную традицию и учитывая опыт западноевропейской художественной культуры.

Динамичность процессов культурного строительства накладывала печать полемики и публицистической заостренности на творчество русских писателей XVIII в. Но эта заостренность была движущей силой ее развития, определявшей взаимодействие элементов традиции и новаторства в русской общественной жизни и литературе того времени. «Реальное значение унаследованного опыта, — пишет академик А. С. Бушмин, — определяется степенью его соответствия тому, что рождается в литературе под влиянием новых общественных условий».[1]

В начале XVIII в. Россия смогла встать в один ряд с теми государствами Западной Европы, которые опередили ее в экономическом и культурном развитии. В этих условиях шло интенсивное использование их лучших достижений в области культуры, идеологии и литературы. Но наряду с рецепцией западноевропейской культуры русская общественная мысль обращается к осмыслению опыта национального развития. В аспекте ренессансных и раннепросветительских идей XVIII в. рукописное наследие Древней Руси было включено в систему развития новых литературных жанров, возникших под влиянием эстетики классицизма: эпической поэзии и торжественной лирики, драматургии и историографии. Последняя рассматривалась как род искусства, весьма близкий к искусству поэзии и драмы.

---

[1] *Бушмин А. С.* Преемственность в развитии литературы. Л., 1975, с. 38.

В наследие от предшествующей новая эпоха получила представление о высокой общественной роли литературы. Отсюда публицистичность и учительность, которые характеризуют основные жанры русского классицизма XVIII в.

При всем своем жанровом отличии от древнерусской литературы, литература, сложившаяся в XVIII в., имела с ней глубокую внутреннюю преемственность. Сюжеты древнерусской литературы получили претворение в трагедии XVIII в. на национально-историческую тему. Высокий гражданский пафос, сознание ответственности за судьбы Родины, патриотизм — характерные черты древнерусской литературы — нашли воплощение в торжественной лирике Ломоносова, Державина, Хераскова, в драматургии Сумарокова, Княжнина, в творчестве Радищева.

Наиболее значительное место в русской трагедии XVIII в. занимают темы, связанные с древнейшей русской историей. Киевское государство времени правления сыновей князя Святослава: Владимира I и Ярополка, женитьба Владимира на полоцкой княжне Рогнеде, становление «самодержавства» (в лице варяга Рюрика) в Новгороде и его борьба с Вадимом Новгородским разрабатывались с различных общественно-политических позиций на протяжении всего XVIII в. В XIX в. эти темы обрели новую жизнь в творчестве декабристов, Пушкина и Лермонтова. Ломоносов затронул исторические события, связанные с Куликовской битвой 1380 г. Тема эта будет продолжена в драматургии начала XIX в. Озеровым и др. В русской трагедии конца XVIII в. значительное место заняла трагическая история эпохи Смуты, воцарение Бориса Годунова, Димитрия Самозванца, Василия Шуйского. В XIX в. в «Борисе Годунове» Пушкина, в исторических хрониках А. Н. Островского и в трилогии А. К. Толстого события начала XVII в. привлекут внимание выдающихся писателей, для которых не прошел бесследно опыт русской драматургии предшествующего времени.

XVIII век — эпоха печатной книги, газет и журналов. Но вместе с тем в это время продолжает свою жизнь древняя рукописная традиция. Взаимодействие рукописной и печатной книги — одна из характерных особенностей русской литературы XVIII в. Рукописная книга является источником печатных трудов по русской истории В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова и др. Сочинения русских историков, доступные благодаря публикации широкому кругу читателей, способствовали развитию исторической мысли.

Формирование русской художественной литературы в XVIII в. во многом шло параллельно с развитием исторических знаний того времени, что содействовало отражению исторической тематики в литературных произведениях, взаимообогащению этих сфер духовной жизни. А. Н. Радищев подошел к решению философских вопросов русской истории.

Русская историография XVIII в. была важным инструментом национально-психологического и патриотического воспитания читателя. Сближение историописания с литературой наметило те тенденции исторических сочинений, которые привели в начале XIX в. к «Истории государства российского» Н. М. Карамзина.

XVIII век характеризуется новым явлением, которое академик Д. С. Лихачев назвал «древнерусской литературой после древнерусской литературы»[2] — печатным изданием памятников Древней Руси. Начиная с 60-х гг. XVIII в. были опубликованы: Радзивиловская, Никоновская, Софийская, Воскресенская и многие другие летописи. В «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новиковым изданы литературные памятники XIII—XVII вв. и документальные источники.

Анализ текстологических приемов передачи древнерусских произведений в XVIII в. позволил установить ряд общих способов воспроизведения их в системе орфографии XVIII в. Конкретные наблюдения над изданиями А. И. Мусина-Пушкина, рукописи которых сохранились («Поучение» Владимира Мономаха и «Русская Правда»), дали возможность уточнить характер работы самого владельца-издателя рукописи и его сподвижников (И. Н. Болтина и И. П. Елагина) над «Словом о полку Игореве» в конце 80—начале 90-х гг. XVIII в. Участие крупнейшего археографа того времени Н. Н. Бантыша-Каменского в окончательной подготовке к печати «Слова о полку Игореве» способствовало точности (в пределах знаний XVIII в.) передачи древнерусского текста. Выход из печати в 1800 г. «Слова о полку Игореве» является хронологическим рубежом монографии.[3]

На переломе XVIII и XIX вв. русская литература впервые подошла к представлениям о художественной природе древнерусской литературы. Мощный толчок к этому пониманию был дан публикацией памятника XII в. «Слова о полку Игореве», воспринятого и издателями и первыми читателями, с одной стороны, в плане древнерусского исторического повествования (отсюда исторический и географический комментарий к тексту), с другой стороны, сквозь призму идейно-эстетических принципов западноевропейской литературы (отсюда «Слово» — это древнерусская «поэма» «в духе Оссиана», Боян — «наш бард» и др.).

Вне синтеза русской и европейской культур, происшедшего в России на протяжении XVIII в., необъяснимо мировое значение русской реалистической литературы XIX в. А в этом синтезе, как мы видели, важное место принадлежит литературным традициям Древней Руси, определившим национальное своеобразие новой русской литературы.

---

[2] *Лихачев Д. С.* В чем суть различий между древней и новой русской литературой. — Вопросы литературы, 1965, № 5, с. 170—186.

[3] Восприятию «Слова» литературно-общественной мыслью начала XIX в. посвящена книга: *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в литературно-общественной жизни первой трети XIX века. Л., 1980.

Summary

Contrary to the conceptions current in the bourgeois science of the XIX and beginning of the XX centuries, supported at present by some western scientists, claiming that beginning with the XVIII century the Russian culture severed connections with national traditions, and that its further development proceeded exclusively under the influence of the West. The present book, on the ground of concrete materials (printed and manuscripts) shows the significant role played by the literary monuments of the Old Russia in the making of literature and Russia's historical thought in the XVIII century.

In the XVIII century Russia could rightfully fall into rank with those countries of the Western Europe which outstripped her in economical and cultural development. Under the said conditions the process of utilizing the best achievements in the sphere of culture, ideology and literature went on intensively. Simultaneously with the acceptance of the West-European culture the Russian public thought displayed keen interest in the studies and comprehension of knowledge gained in the process of national development. In the light of progressive ideas of the XVIII century the legacy of handwritten documents of the Old Russia was extensively used in developing new literary genres appearing under the influence of aesthetics of classicism. The subjects of the Old Russian literature were carried into the tragedies of the XVIII century on national and historical themes. The high civil pathos, the sense of responsibility for the fate of the country, and patriotism were the principal features of the Old Russian literature; they were reflected in Lomonosoff's odes, Soumarokoff's tragedies, and epic verse by Heraskoff.

The influence of the Old Russian literature on the artistic consciousness of the XVIII century in revealed in the present book after exhaustive studies of the relevant data. It was pecessary to determine the range of Old Russian literary monuments of the XVIII century and grasp the manner in which the historical events were apprehended and reflected in literature.

The XVIII century is the epoch of book printing. But at the same time the old tradition of writing by hand remained and was used for copying chronicles, chronographs and Stepennye knigi. The coexistence of handwritten and printed books is one of the peculiarities of the Russian literature of the XVIII century. The handwritten books become the source of printed works on the history of Russia by V. N. Tatischev, M. V. Lomonosoff, M. M. Scherbatoff and others. The works by Russian historians became available for general public thanks to the printing, and promoted development of historical thought.

Formation of the XVIII century fiction in Russia in many ways proceeded along with the development of historical knowledge and contributed to the appearance of historical themes in literature and led to the mutual enrichment of these spheres of spiritual life.

Beginning with the sixties of the XVIII century publications of manuscripts of Old Russia first appeared in Radzivilovskaya, Nikonovskaya, Sophiyskaya, Voskre-

senskaya and other chronicles. Literary monuments of the XIII—XVII centuries and documentary sources were published in "Drevniaya Rossiyskaya vivliophica".

Analysis of textological methods of presenting the Old Russian manuscripts made it possible to work out some means of reproducing them in accordance with the XVIII century orthography. Concrete observations on publications by A. I. Musin-Pushkin of "Poucheniya" by Vladimir Monomakh, and "Russkaya pravda" (manuscripts of which are preserved) enabled to define accurately the character of the work done by the owner and publisher of the manuscript and by his associates (I. N. Boltin and I. P. Elagin) on the "Slovo o Polku Igoreve" at the end of eighties of the XVIII century. Participation of an outstanding archeographer of those times, N. N. Bantysh-Kamensky, in the final preparation for print of "Slovo o Polku Igoreve" helped to attain accuracy (based on data then available) in presenting the Old Russian text.

Publication of the "Slovo o Polku Igoreve" in 1800 is a chronological landmark of the monograph, beyond which remains the influence of the "Slovo" on the literary and public thought during the thirties of the XIX century.[1] During the process of formation and development of romantic literature reference to "Slovo o Polku Igoreve" and to other manuscripts of the Old Russian literature acquired a qualitatively new aesthetic meaning. But analysis of problems connected with this period of development of the Russian literature is beyond the scope of the present investigation.

---

[1] See the book dedicated to this theme: *Priyma F. L.* «Slovo o Polku Igoreve» in Literary and Social Life of the First Third of the XIX Century. Leningrad, 1980.

Список сокращений

ААН — Архив Академии наук СССР
БАН — Библиотека Академии наук СССР
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГРМ — Государственный Русский музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦНБ АН УССР — Центральная Научная библиотека Академии наук УССР
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда
ЧОИДР — Чтения О-ва истории и древностей российских
ЯМЗ — Ярославский музей-заповедник

Указатель произведений древнерусской литературы и литературы XVIII—XIX вв.[1]

Альцеста, трагедия Еврипида 154
Амфитрион (Порода Геркулесова, в ней персона Юпитер), русская переделка комедии Ж.-Б. Мольера 14, 127
Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю великого поста. Историческое исследование о чине православия, книга Н. К. Никольского 75, 78
Апокалипсис 42
Апостол 1564 г. 20
Арифметика половины XVII в., ркп. соч. 10
Арифметика — практика или деятельная, ркп. 10
Арифметика российская, ркп. XVII в. 10
Артаксерксово действо 6
Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым 90

Библиотека имп. Общества истории и древностей российских, соч. П. М. Строева 108
Библиотека российская историческая 69, 129—132, 141
Библиотеки, или о богах, соч. Аполлодора, афинского грамматика 13
Библия (Ветхий завет) 8, 42
Биографические сведения о жизни, ученых трудах и Собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, соч. К. Ф. Калайдовича 1824 г. 110, 113, 169
Борис Годунов, трагедия А. С. Пушкина 170, 234
Брега Алты, стихотворение В. Т. Нарежного 228—231
Были и небылицы, произведение Екатерины II 94, 156

Вадим Новгородский, трагедия Я. Б. Княжнина 140, 144, 157—161, 165, 166
Ведение о строении первом в России корабле, ркп. соч., выписка из книги И. Стрюйса «Вояж в Москву и Персиду и в прочия страны» 63
Ведомости, газета 190, 191
Вести-куранты 13
Вестник Европы 82, 101, 179, 185
Введение в историю европейскую, соч. С. Пуффендорфа 30
Владимир Великий, трагедия Ф. Ключарева 131—135
Владимир возрожденный, поэма М. М. Хераскова 137, 226
Владимир и Ярополк, трагедия Я. Б. Княжнина 138—140
Владимир, трагедокомедия Ф. Прокоповича 126—129
Вояж в Москву и Персиду и в прочия страны, соч. И. Стрюйса 63
Врачевница душевная. Собрание наставлений и повестей XVII в. 10
Времянник русских дел и како Русская земля и князи начаша княжити 43, 44
Всемирная хроника (Kronika swiata) М. Бельского 9
Всеслав, трагедия П. А. Плавильщикова 162, 164
Всякая всячина, журнал Екатерины II 70
Выдание о добронравии (Polytyka dworske), соч. Я. Жабзыца 9
Вышеслав, трагедия А. П. Сумарокова 171

[1] Составлен Г. А. Андреевой.

Генриада, поэма Вольтера 194, 195, 206, 210, 217, 225
География генеральная, соч. Б. Варения 29
Геодезия российская последней половины XVII в. 11
Геометрические записки конца XVII в. 10
Геометрия или Геодезия, ркп. XVII в. 10
Геометрия или Геодезия с приложением вышедших по сей части указов, ркп. конца XVII в. 10, 11
Геометрия или землемерие, ркп. XVII в. 10
Грамота Александра Михайловича с новгородцами 91
Грамота в Путивль из Ярославля от Д. М. Пожарского 67
Грамота Д. М. Пожарского митрополиту Казанскому Ефрему 65
Грамота (договорная) Дмитрия Ивановича Донского с двоюродным братом Владимиром Андреевичем 91
Грамота (договорная) князя Семена Ивановича Гордого с братьями 74
Грамота духовная вел. кн. Ивана Даниловича 91
Грамота духовная вел. кн. Ивана Ивановича 91
Грамота духовная Дмитрия Ивановича Донского 91
Грамота Ивана IV 65
Грамота Михаила Ярославича Тверского с новгородцами 91
Грамота новгородцев вел. кн. Ярославу Ярославичу, изд. Н. И. Новикова 70, 71, 74, 156
Грамота новгородцев к великому князю Борису Александровичу Тверскому 1425 г. 73
Грамота о избрании на царство царевичей Петра Алексеевича и Иоанна Алексеевича 66
Грамота российских бояр к Якову Мирку 65
Грамота хана Мурата Гирея посланникам стольнику Василью Тяпкину да дьяку Никите Зотову 63
Грамота царя Ивана III Васильевича шведскому королю Иоганну 1572 г. 63
Грамоты двинские 102
Грамоты новгородские XIII—XV вв. 64, 102

Два завоеванные городы, в ней же первая персона Юлий Кесарь, пьеса XVIII в. 14
Два рода любви, стихотворение Вольтера 195
Двор цезаря турецкого, соч. С. Старовольского 9
Декамерон, соч. Дж. Боккаччо 16
Деяния Петра Великого, соч., И. И. Голикова 34
Димитрий Донской, трагедия В. А. Озерова 141, 180, 181
Димитрий Самозванец, трагедия В. Т. Нарежного 177, 178
Димитрий Самозванец, трагедия А. П. Сумарокова 171—174, 179, 182
Димитрияда, незаконченная поэма А. П. Сумарокова 170
Дипломатическое собрание дел между Российским и Польским дворами с самого оных начала по 1700 год в пяти томах, составленное Н. Н. Бантышом-Каменским 119—123
Дневник А. В. Храповицкого 84
Дневник Арсения (Верещагина) 101
Договор смоленский кн. Мстислава Давыдовича с Ригою и Готским берегом 1229 г. 108, 110
Древний летописец, ч. I и II. (Первый и второй Остермановские томы Лицевого свода XVI в.) 53, 54, 90
Древняя российская вивлиофика, изд. Н. И. Новикова 48, 52, 53, 58, 63—78, 80, 116, 123, 156, 157, 182, 219
Древняя российская идрография, изд. Н. И. Новикова 60
Древняя российская история, соч. М. В. Ломоносова 50—53, 56, 57, 95, 131, 207, 230, 231
Духовная патриарха Адриана 65
Духовная патриарха Иоакима 65
Духовный регламент (Ф. Прокоповича) 30

Евпраксия, трагедия Г. Р. Державина 180
Ежемесячные сочинения 46, 48
Епиникион, соч. Ф. Прокоповича 186, 188—191, 194, 205
Ермак, покоритель Сибири, драма П. А. Плавильщикова 164, 179

Живописец, журнал, изд. Н. И. Новикова 57, 70
Житие боярина Ртищева 65
Житие Владимира Святославича 102, 103, 108, 126, 127
Житие и преставление вел. кн. Димитрия Иоанновича Московского и всея России 56, 57
Житие княгини Ольги 140, 202
Житие муромского кн. Константина Святославича 109
Житие патриарха Никона 99
Житие протопопа Аввакума 11, 100

Житие Сергия Радонежского, изд. митрополита Платона (Левшина) 99
Житие Стефана Пермского, ркп. 99
Житие Федора Васильевича Ушакова, повесть А. Н. Радищева 11, 99, 100
Житие Филарета Милостивого, соч. А. Н. Радищева 100
Журнал военных походов Б. П. Шереметева, ркп. начала XVIII в. 24, 25
Журнал высочайшего путешествия имп. Екатерины II в полуденные страны России в 1787 г. А. В. Храповицкого 97, 98
Журнал, или Поденная записка Петра Великого 80, 211—213

Законы Ярославли см. Правда Русская
Записки для биографии его сиятельства графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина 82, 101, 106
Записки и труды Общества истории и древностей российских 110
Записки касательно Российской истории, соч. Екатерины II 71, 81, 82, 85—87, 90—97, 111, 150—152, 154—156, 160, 230
Записки некоторым обрядам, бывшим между государем и патриархом 65
Записки Общества истории и древностей российских XIX в. 122
Записки фон Розенбуша 211
Записные тетради Петра I 80
Зерцало историческое государей российских, соч. Бухарда-Адама (Никодима) Селлия 63
Зритель, журнал XVIII в. 162

Игорь, пьеса Екатерины II 144, 151, 153
Идеи для живописных картин из российской истории Ломоносова 56
Идолопоклонники, или Горислава, трагедия М. М. Хераскова 135—137, 182
Изборник 1073 г. 79
Изборник 1076 г. 79, 80
Известие об Антоне Поссевино 65
Известие о дворянах российских, соч. Г.-Ф. Миллера 48
Известие о запорожских казаках, статья Г.-Ф. Миллера 48
Изложение патриаршее о обряде в Вербную неделю 65
Изяслав и Владимир, ркп. трагедия В. Олина 181, 182
Илиада, поэма Гомера 206, 225
Иное сказание 51
Искусство поэзии, соч. Горация 188
Историческое замечание о начале и местоположении древнего российского так называемого Холонья города, изд. А. И. Мусина-Пушкина 110
Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения, соч. А. И. Мусина-Пушкина 118
Историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил из жизни Рюрика, соч. И. Н. Болтина 155
Историческое представление из жизни Рюрика, пьеса Екатерины II 94, 97, 144, 151—158
Историческое разыскание о времени крещения вел. кн. Ольги, Евгения Булгариса 110
Историческое учение, соч. конца XVII в. 9
История великого курфюрста, соч. С. Пуффендорфа 30
История в память предидущим родом Авраамия Палицына 82
История государства российского, соч. Н. М. Карамзина 18, 79, 86, 87, 102, 103, 107—109, 112, 119, 234
История государя царя Петра Великого, соч. П. Крекшина 211
История императора Петра Великого, соч. Ф. Прокоповича 35, 211
История Карла-Густава, соч. С. Пуффендорфа 30
История Карла XII, короля шведского, соч. Вольтера 69, 195
История о великом князе московском, соч. А. М. Курбского 24, 218—219, 222—225
История о взятии столичного града греческого Константинополя, изд. 1713 г., 41
История о взятии Царьграда (Повесть о Царьграде), соч. Нестора Искандера 36, 37
История о жизни молдавского господаря кн. Константина Кантемира, изд. Н. Н. Бантыша-Каменского 124
История о княжне Иорониме, соч. И. В. Шишкина 39
История о разорении Иерусалима, изд. 1713 г. 40, 41
История о Сибирском царстве 84
История о чешском королевиче Брунцвике 9, 10
История Петра Великого, соч. Прокоповича 35
История России, соч. П. Петрея 69
История России, соч. Ф. П. Поликарпова 20—30
История российская с избрания Шуйского до 1610 г. 105
История российская, соч. В. Н. Татищева 43—48, 50, 56, 57, 79, 95, 154, 155, 157, 158, 168, 182, 214, 218

История российская от древнейших времен, соч. М. М. Щербатова 64, 70—72, 75, 79—81, 106, 116, 171, 177, 182, 230
История Российской империи при Петре Великом, соч. Вольтера 198
История российского государства, соч. И. Стриттера 181
История Свейской войны, ркп. начала XVIII в. 26, 28
История Свейской войны, соч. П. П. Шафирова 211, 212
История Сибири Г.-Ф. Миллера 48, 95
История стрелецкого бунта, соч. Матвеева 211
История физическая, нравственная, гражданская и политическая новой России, соч. Леклерка 79, 214
История Царьградская, соч. И.-В. Паузе 36—41
Иудейская война, соч. И. Флавия 40

К автору сатиры, соч. Ф. Прокоповича 194
Казанская история 24, 56, 105, 201, 203, 218—222
Казанский летописец (Казанская история) 124, 218—222
Калязинская челобитная, ркп. соч. 11, 36
Камерный каталог 23, 29, 36, 50, 54, 60—63
Кенигсбергская (Радзивиловская) летопись — см. Летопись Нестора
Ключ разумения, ркп. соч. 42
Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, изд. А. И. Мусина-Пушкина 110, 163
Книга, глаголемая Мерило праведное 103
Книга, глаголемая Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути, соч. царя Алексея Михайловича, изд. Н. И. Новикова 63
Книга Есфирь, библ. 6
Книга извещение чудес о сложении триех первых перстов, ркп. соч. патриарха Иоакима 62
Книга Икона, написание всех его патриаршеских грамот, ркп. соч. патриарха Иоакима 62
Книга о скудости и богатстве, соч. И. Посошкова 62
Книга пророка Даниила, библ. 8
Книга разумения о познании сошного и вытного письма и хлебной клади... земель 105
Книга Урядник, или Новое уложение и устроение чину сокольничья при державе царя Алексия Михайловича, ркп. соч. Алексея Михайловича 63
Комедия о Богородице, ркп. соч. 16
Комедия о Дон-Яне и Дон-Педре 14
Комедия о итальянском маркграфе и о безмерной уклонности графики его, ркп. соч. 16
Комедия Олундина, ркп. соч. 16
Комедия о Петре Златых ключах, ркп. соч. 16
Комедия о прекрасной Мелюзине, ркп. соч. 16
Комедия рождеству, пьеса XVIII в. 16
Комидия притчи о блудном сыне, пьеса С. Полоцкого 8, 65
Коран (Алкоран) 9, 38
Кормчая харатейная 103
Корреспонденция И. Добровского. Переписка И. Добровского с Ф. Дурихом в 1778—1800 гг. 102
Космография (Kosmografja), соч. Г. Меркатора 9
Краткая биография Адама (Никодима) Селлия, соч. архиепископа Амвросия 63
Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 гг., изд. В. Г. Рубана 124
Краткая Московская летопись, соч. А. П. Сумарокова 171
Краткий Российский летописец с родословием, соч. М. В. Ломоносова 51—53, 56, 57, 95, 169, 186, 202, 217, 218
Краткое ведение, соч. А. И. Богданова 61—63
Краткое повествование о начале Новгорода и о происхождении Российского народа, о новогородских князьях и знатных онаго периода случаях, соч. Г.-Ф. Миллера, 95
Краткое руководство к красноречию, соч. М. В. Ломоносова (Риторика) 183, 191
Краткое топографическое описание Сибирской губернии, составленное Маленицким 66
Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова, соч. И. Н. Болтина 101, 116

Лекарь поневоле (Доктор принужденный), комедия Ж.-Б. Мольера 14
Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский В. Н. Татищева 110, 163
Лексикон треязычный Ф. П. Поликарпова 20, 29
Летописец Владимирский 102
Летописец Воскресенского монастыря, ркп. соч. 44
Летописец Двинской 67
Летописец Нижегородский, ркп. соч. 44

Летописец Новгородский, начинающийся от 1017 году и кончающийся 1352 годом 124
Летописец новый 50, 51
Летописец от 1514 до 1520 г. 83
Летописец с лицами XI века 103
Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года 124
Летописец, содержащий российскую историю от 1206 г. до 1534 г. 124
Летописец Соловецкого монастыря 124
Летописец Ярославский, ркп. соч. 44
Летописец царствования Василия Ивановича 105
Летопись царя и вел. кн. Ивана Васильевича, ркп. 218
Летописи о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей 80
Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым 66, 67
Летопись Владимирская 85, 86
Летопись Вологодско-Пермская XVI в. 107
Летопись Воскресенская XVI в. 30, 31, 50, 107, 235
Летопись Густынская 45
Летопись Иоакимовская 45, 97, 154, 155, 157
Летопись Костромская 102
Летопись Лаврентьевская 84—86, 102, 104, 108—110, 116
Летопись Нестора — Кенигсбергская (Радзивиловская) XV в. 20, 39, 40, 43, 44, 47, 49, 50, 57, 59, 69, 92—94, 116, 129, 131, 141, 154, 155, 235
Летопись Никоновская 24, 31, 52, 53, 56, 57, 87, 131, 154, 201
Летопись Никоновская с прибавлениями Повести о житии Федора Ивановича и Нового летописца 50
Летопись Никоновская (патриарший список) 31, 50, 53, 109, 203
Летопись Новгородская, ркп. соч. 44
Летопись Новгородская, ркп. соч., принадлежавшее Крекшину 44
Летопись Новгородская I 67, 112, 113
Летопись Новгородская III 31, 201
Летопись Новгородская и Псковская I 54
Летопись Новгородская пространной редакции 56
Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей, изд. М. М. Щербатова 172
Летопись Псковская 44
Летопись Псковская, ркп. соч. 55
Летопись Раскольничья, ркп. соч. 44
Летопись Ростовская 45
Летопись Русская сводная 55
Летопись Русская хронографическая и Нижегородский летописец 55
Летопись Сибирская 48
Летопись Симеоновская 31, 85, 86
Летопись Симонова 47
Летопись Софийская I 102, 108, 235
Летопись Софийская II 107
Летопись Троицкая 84
Летопись Троицкая 1408 г. 48, 82—90
Летопись XVI в., принадлежавшая кн. Ф. И. Кривоборскому 81, 100, 102, 106, 107
Лузиада, поэма Камоенса 225
Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве», соч. К. Ф. Калайдовича 118, 122

Марфа Посадница, или Покорение Новгорода, повесть Н. М. Карамзина 180, 226
Медный всадник, поэма Пушкина 28, 200, 213, 232
Меропа, трагедия Вольтера 140
Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях 47
Мстислав, трагедия А. П. Сумарокова 171
Музыкальная грамматика, соч. Н. Дылецкого 9
Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX в., соч. В. И. Срезневского 103, 108

«Навуходоносор, Мемухан, Моав», пьеса, более известная под названием «Юдифь» 65
Наказ Андрею Новикову о бытности его в Свияжске 67
Наказ до градского благочиния 67
Наталья, боярская дочь, повесть Н. М. Карамзина 180
Наука и литература в России при Петре Великом, соч. П. П. Пекарского 13
Начальное управление Олега, пьеса Екатерины II 94, 144, 151, 153—156
Нечто о врожденном свойстве душ российских, статья П. А. Плавильщикова 462
Новая повесть о преславном российском царстве 24
Новгородские судные грамоты 71—74, 102
Новые сведения о Троицком списке Несторовой летописи, погибшей в московском пожаре 1812 г., соч. архимандрита Леонида 84

О вершении дел по Уложению, печ. указ Петра I 196, 197
Ода 1741 г., соч. М. В. Ломоносова 201, 202
Ода 1747 г., соч. М. В. Ломоносова 199
Ода 1752 г., соч. М. В. Ломоносова 202
Ода Елизавете Петровне 1761 г., соч. М. В. Ломоносова 203, 231
Ода на взятие Хотина 1739 г. М. В. Ломоносова 201, 204, 216, 231
Одиссея, поэма Гомера 206, 225
Оды Екатерине II 1762 и 1763 гг., соч. М. В. Ломоносова 204
Оды Петру III 1742 и 1743 гг., соч. М. В. Ломоносова 204
О исправлении гражданского жития (De emenande republica), трактат А. Моджевского 9
О кометах, соч. С. Нивесского 9
О крепости Грубстона, в ней же первая персона Александр Македонский, пьеса XVIII в. 14
Октоих 56
О летописях, изданных от Св. Синода, соч. Д. В. Поленова 124
Ольга, трагедия Я. Б. Княжнина 140
О любви, соч. Ф. В. Ушакова 99
О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных, пьеса С. Полоцкого 8, 65
О начале древнего славенскаго народа, соч. Димитрия Ростовского 42
О начале Новгорода и происхождении российского народа, статья Г.-Ф. Миллера 48
Описание брачного сочетания царя Михаила Федоровича 1626 г. 66
Описание Патриаршей библиотеки, 1718 г. 19
Описание Сибирского царства Г.-Ф. Миллера 48
Опись библиотеки, находившейся в Москве на Воздвиженке, в доме графа Дмитрия Николаевича Шереметева до 1812 г. 164
Опись рукописей Синодального собрания, составленная М. М. Щербатовым 80, 81
О праве наказания и смертной казни, соч. Ф. В. Ушакова 99
О причинах гибели царств, трактат 9
О прусех старых и о земле их, от немцев нареченной Пруйстен 107
Опыт исторического словаря о российских писателях Н. И. Новикова 35, 60—62
Опыт Казанской истории, соч. П. И. Рычкова 218
Опыт новейшей истории о России, статья Г.-Ф. Миллера 48, 171
Опыт об эпической поэзии, трактат Вольтера 194, 210
Опыт трудов вольного российского собрания 48
О Россияде, поэме г. Хераскова, соч. П. М. Строева 221
Освобожденная Москва, поэма В. И. Майкова 227
Освобожденная Москва, поэма В. Т. Нарежного 231
Освобожденная Москва, трагедия М. М. Хераскова 174—177
Освобожденный Иерусалим, поэма Торквато Тассо 225
О случаях и характерах в российской истории Н. М. Карамзина 185
О сотном и о вытном письме, или рукопись, содержащая начала геодезии или землемерного искусства, XVII в. 10
Остен, или собрание духовещаний 1668 года, ркп. соч. патриарха Иоакима 62
Остермановские I и II томы (Лицевой свод XVI в.) — см. Древний летописец, ч. I и II
О суете мира. Сочинение философическое с разными физиологическими примечаниями о рождении человека и проч., нач. XVII в. 10
О художестве риторическом, ркп. II пол. XVII в. 10
О целости домов божиих и прочия духовные правила, ркп. соч. патриарха Адриана 62
Очерки из литературной истории Синодика, соч. Е. В. Петухова 76
Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком, кн. I 204
О Чертковской библиотеке в 1866 г. 104

Пантеон российских авторов, издание Н. М. Карамзина 180
Песнь Владимиру киевских баянов, стихотворение В. Т. Нарежного 231, 232
Петр Великий, поэма М. В. Ломоносова 199, 204, 205, 208—216, 218, 225, 227, 232
Петрида, поэма А. Кантемира 192—196, 198—200, 206
Пир Петра Первого, стихотворение Пушкина 213, 232
Писатели русской истории, соч. С. М. Соловьева 81
Письма о первой книге Гельвециева сочинения о разуме, соч. Ф. В. Ушакова 99
Пламена, трагедия М. М. Хераскова 130, 131, 182
Планетник (перевод с польского) 9

Повесть в лицах с летописанием о великих князьях 103
Повесть временных лет (Феодосия Печерского) 55, 84, 105, 127, 154, 202
Повесть (Житие) об Александре Невском 47
Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов 171—173
Повесть о безбожном Темир-Аксаке 231
Повесть о Бове-королевиче 36
Повесть о Бохеме 10
Повесть о взятии Царьграда 40
Повесть о житии и мужестве князя Александра Ярославича 204
Повесть о Куликовской битве 168—170
Повесть о начале Москвы 171
Повесть о российском кавалере Александре 39
Повесть о Скандербеге 9
Повесть о стрелецком восстании 211
Повесть об осаде Азова (об Азовском осадном сидении) 36, 51
Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии, издание Н. А. Львова 124
Пожарский, или Освобождение Москвы, трагедия Г. Р. Державина 180, 226, 227
Позорище всея вселенныя, или Атлас новый, в нем же начертания всея вселенныя и описание всех ее частей (Theatrum orbis terrarum, sive atlas novus, in quo tabulae et descriptiones omnium regium), соч. Блеу 8
Поликсена, трагедия В. А. Озерова 141
Полтава, поэма Пушкина 28, 213, 232
Портфели служебной деятельности Ломоносова А. Вельтмана 204
Послужной список старинных бояр Шереметьевых, изд. Н. И. Новикова 66
Потерянный рай (Погубленный рай), поэма Мильтона 225
Поучение Владимира Мономаха 100, 110, 111, 114, 116, 117, 119, 235
Поэма о Димитрии Донском (незаконченная) В. И. Майкова 227, 228
Поэтика, соч. Аристотеля 187
Поэтика Ф. Прокоповича 16, 126, 127, 187, 188, 192—194, 205
Правда воли монаршей... (Ф. Прокоповича) 30
Правда Русская (Воскресенский список) 112
Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, изд. 1792 г. 111—117, 119
Правда Русская (пергаменный сб. XIV в.) 102, 108—117
Правда Русская (Русская правда) 31, 45, 50, 57, 95, 96, 100, 235
Прение Живота и Смерти 36
Приключения Телемака, роман Фенелона 206
Примеры разных речей: в намерении увещания, возбуждения, прошения и проч., XVII в. 10
Приятное и полезное препровождение времени, журнал XVIII в. 228—231
Проблемата, соч. Аристотеля 9
Продолжение Древней российской вивлиофики 31, 45, 112, 113
Проект о школах для обучения юношества, ркп. соч. Я. Г. Левонидова 62
Происхождение народа и имени российского Г.-Ф. Миллера 48, 49
Прологи 44, 99, 140
Пустомеля, журнал, изд. Н. И. Новикова 57, 58, 70
Путешествие в святую землю (Peregrynacja do ziemie swiętej) Н. Радзивила 9
Путешествие в Сибирь, книга Шаппа д'Отероша 69
Путешествие из Петербурга в Москву, соч. А. Н. Радищева 96—100
Путешествие митрополита Исидора на Флорентийский собор 65
Путешествие Федора Исааковича Байкова в Китай, изд. Н. И. Новикова 67
Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 г., ч. IV 214

Разбойники, драма Ф. Шиллера 178
Разрядная книга с 1557 по 1601 г. 31, 54, 82
Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков Г.-Б. Мабли 160
Рассуждение о российской поэзии, статья М. М. Хераскова 215, 218
Реестр рукописей Синодального собрания 83—85, 87, 102, 103
Риторика («Рука риторическая»), соч. Стефана Яворского 107
Риторика, ркп. соч. П. А. Плавильщикова 163
Риторика, соч. Ф. Прокоповича 188
Риторика чистого письма XVII века 10
Родословие великих государей царей и великих князей российских, соч. Феофана Прокоповича 31—36, 144, 182, 186
Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями, соч. М. В. Ломоносова 52
Родословие Щербатовых, Мосальских, Солнцевых, Одоевских, Шаховских, изд. Н. И. Новикова 66

Родословник князей великих и удельных рода Рюрика, изд. Екатерины II 91, 111
Родословная книга (Голицынская) 55
Родословные книги XVII—нач. XVIII в. 55
Родословные книги (Родословец) 55, 103
Российская летопись по списку Софийскому Великого Новагорода 124
Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений 130, 131, 135, 136, 146, 149, 150, 157
Россияда, поэма М. М. Хераскова 216, 217, 219—226, 232
Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением имп. Академии наук СПб. 1767 156, 157, 161, 177, 178, 181, 182, 234, 235
Русская летопись с Воскресенского списка 124
Русская Правда см. Правда Русская
Русский архив, журнал 104, 219
Русский временник (Костромская летопись), изд. А. И. Мусина-Пушкина 107, 110
Рюрик, пьеса П. А. Плавильщикова 144, 161, 162, 164—166

Сам у себя под стражей (Принц Пикель-Гяринг, или Жоделетт, самый тюрьмовый заключник), русская переделка драмы Кальдерона 14
Санкт-Петербургские ведомости 70, 215
Санкт-Петербургские ученые ведомости, изд. Н. И. Новикова 67, 68, 90, 91
Сатира II (На зависть и гордость дворян своенравных) А. Кантемира 196
Сатира V А. Кантемира 198
Сатира VII (О воспитании) А. Кантемира 197
Сборник астрологических трактатов пророка Даниила 9
Сборный Времянник (Времянник, сиречь Летописец российский) 57, 59
Свадебные разряды 55
Св. Димитрий Ростовский и его время, соч. И. А. Шляпкина 41—43
Сведения о российской истории с 1224 года, выписанные из разных рукописных летописцев, от профессора Харитопа Чеботарева 87—89
Сведения о славянских пергаменных рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. архимандрита Леонида 84
Северный вестник 185
Селенография (Selenografja), соч. И. Гевелия 9
Семира, трагедия А. П. Сумарокова 149, 150
Символы и эмблемы (Symbola et emblemata) 13
Синав и Трувор, пьеса А. П. Сумарокова 144, 146—148, 182
Синодик XV в., пергам., из собрания Синодальной библиотеки, изд. Н. И. Новикова 65, 68, 74—78, 123
Синопсис 1674 г. И. Гизеля 9, 33, 56—58, 144—146, 149
Синопсис 1680 г. И. Гизеля 9, 24, 42, 179, 182—184, 218
Сказание Авраамия Палицына 24, 51
Сказание действенных чинов церкви Успения богородицы 65
Сказание како состави Кирилл Философ азбуку 65
Сказание о князьях владимирских, соч. Спиридона (Саввы) 33, 203
Сказание о Мамаевом побоище 57, 105, 168—170, 179, 181, 202
Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына 51
Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы 171
Сказка о Стеньке Разине 65
Скифская история, соч. А. И. Лызлова 9, 40
Слава печальная, пьеса Ф. Журовского 16
Слава российская, комедия XVIII в. Ф. Журовского 16
Слова и речи Ф. Прокоповича 35
Словарь достопамятных людей русской земли, соч. Д. Н. Бантыша-Каменского 124
Слово благодарственное ко господу богу о избавлении церкви от злых наветников, ркп. соч. патриарха Иоакима 62
Слово благодарственное на освящение Академии художеств, 1764 г., соч. М. В. Ломоносова 207
Слово на Никиту Пустосвята, ркп. соч. патриарха Иоакима 62
Слово о полку Игореве 5, 47, 79, 91, 100, 101, 110, 111, 117—119, 122—124, 162—164, 184, 226, 232, 235
Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами имп. Екатерины II, соч. П. Пекарского 91
Слово о полку Игореве (так называемая Екатерининская копия) 91, 110, 111, 117, 118, 123, 163, 164, 231
Слово похвальное в день рождества... вел. кн. Петра Петровича, соч. Ф. Прокоповича 32
Слово похвальное Елизавете Петровне 1749, соч. М. В. Ломоносова 202

Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, соч. Ф. Прокоповича 186, 188—191, 205
Слово похвальное Петру Великому, соч. М. В. Ломоносова 204
Служба кабаку, ркп. соч. 11
Служба св. Александру Невскому начала XVIII в., составленная Ф. Лопатинским и Г. Бужинским 186
Собеседник любителей российского слова, журнал XVIII в. 81, 85, 91, 94, 150, 156
Собрание государственных грамот и договоров 48
Собрание жалованных грамот г. Полоцку 65
Собрание от летописателей, ркп. соч. Феофана Прокоповича 34, 35
Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого трудами и иждивением Федора Туманского 19
Собрание российских древностей А. И. Мусина-Пушкина 82, 100—104, 107—109, 114, 163
Собрание русской дипломатики Г.-Ф. Миллера и Н. Н. Бантыша-Каменского 48
Собрание русской истории (Sammlung russischer Geschichte), изд. Г.-Ф. Миллера 20, 39, 47
Современный наблюдатель российской словесности, издаваемый П. Строевым 221
Созерцание краткое С. Медведева 211
Сокращенное описание дел государя Петра Великого, соч. М. В. Ломоносова 204
Сокровище российских древностей, изд. Н. И. Новикова (неопубликованное) 67, 82
Соловецкий сборник (повести о стрелецком восстании 1682 г.) 211
Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота 180, 227
Сочинения и переводы В. И. Майкова 227
Сочинения Н. М. Карамзина 84
Сочинения Я. Б. Княжнина 138—140
Сочинения В. А. Озерова, ч. 1—3, 142, 143
Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие 95, 171
Сочинения П. А. Плавильщикова, СПб., 1816 161—163
Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского 42
Список наказа о фамилии князей Волхонских, изд. Н. И. Новикова 66
Стансы, стихотворение Пушкина 213
Статейный список посольства И. И. Чемоданова в Венецию 67
Степенная книга, изд. Г.-Ф. Миллера 48, 116
Степенная книга, ркп. И.-В. Паузе 40
Степенная книга с добавлениями произведений XVII в. 21, 24, 50—54
Степенные книги 31, 36, 44, 55, 84, 117, 179, 202, 222
Страшное изображение второго пришествия, ркп. пьеса XVIII в. 15
Судебник царя Ивана Грозного 31, 45, 48, 96, 113
Сумбека, или падение Казанского царства, трагедия С. Н. Глинки 221, 222
Сферическая тригонометрия, рук. начала XVII в. 10
Сципио Африкан, пьеса С. Чиконьини 14, 15

Табель о рангах 12, 96
Тамира и Селим, трагедия М. В. Ломоносова 54, 57, 166—170, 179, 182, 202
Темный, трагедия Г. Р. Державина 180
Титулярник 1672 г. 36
Титулярник XVII—нач. XVIII в. 55
Топография святой земли (Chorografja albo topografja ziemie swiętej) 9
Травник (Herbarz) 9
Трутень, журнал, изд. Н. И. Новикова 57, 70

Увет духовный, ркп. соч. патриарха Иоакима 62
Ужасная измена сластолюбивого жития, пьеса 15, 65
«Уложение» Алексея Михайловича 96
Устав вел. кн. Ярослава Всеволодовича о мостах в Новгороде Великом 102, 108, 110
Устав Владимира I о церковных судах 102, 108, 110, 112
Устав воинский 196, 197
Устав морской 196, 197
Устав московских патриархов 66
Устав патриарха Иоакима 65

Фарсалия, поэма Лукиана Самосатского 225
Феофан Прокопович и его время, соч. И. А. Чистовича 34
Философские тетради, соч. Гегеля 18
Фингал, трагедия В. А. Озерова 141

Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград 47
Хорев, пьеса А. П. Сумарокова 144, 146, 182

Хроник, из разных рукописных и печатных книг собранный (из собрания Ломоносова) 55
Хроника Европейской Сарматии (Kronika Sarmacji europejskiej) А. Гваньини 10
Хроника королевства польского (Kronika sławnego Królestwa Polskiego), соч. Я. Длугоша 10
Хроника М. Бельского 57
Хроника Пясецкого 10
Хроника Польши, Литвы, Жмуди и всей Руси (Kronika Polska, Litewska, Żmodzka i wszystkiej Rusi) М. Стрыйковского 9, 10, 38, 145, 149
Хроника Ф. Сафоновича 9, 105
Хроника славянорусская о панствах русских, польских и литовских см. Хроника Сафановича
Хронограф редакции 1512 г. 30, 55
Хронограф редакции 1599 г. 30
Хронограф редакции 1617 г., принадлежавший А. И. Мусину-Пушкину 109
Хронограф 1679 г. 56
Хронограф XVII в. 30
Хронограф XVIII в. 30
Хронограф Дорофея Монемвасийского XVII в. 30, 41
Хронограф и в нем русская летопись до 1680 г. 105
Хронограф Спасо-Ярославского монастыря 5, 42, 101, 111, 117, 118
Хронографы XVII в. 44, 103, 117, 179
Хронологический обзор русской истории, ркп. соч. И.-В. Паузе 40
Хронология (Келейный летописец) Димитрия Ростовского 41, 42, 105

Царское сокровище, соч. Фоншредера 105
Царственная книга, изд. М. М. Щербатова 80, 218
Царственный летописец, изд. М. М. Щербатова 80
Царь, или спасенный Новгород, поэма М. М. Хераскова 161, 226
Цветы риторики 1682 г. 10
Церемония при погребении царевича Алексея Алексеевича 65
Церковные анналы (Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1196), соч. Ц. Баронция 10, 30, 36, 37, 105
Цифирная счетная мудрость другая систематическая Арифметика, ркп. 1647 г. 10

Чесмесский бой, поэма М. М. Хераскова 215, 216
Честный изменник, или Фридерико фон Поплей и Алоизия, супруга его, трагедия С. Чиконьини 14
Четьи-Минеи 44, 99
Четьи-Минеи Димитрия Ростовского 16, 41, 42, 140
Четьи-Минеи рукописные митрополита Макария 41, 140
Чин бываемый как государю служити 65
Чин поставления на царство Федора Алексеевича 66
Чин пещного действия 65
Чтения Общества истории и древностей российских 46

Щит веры против раскольников, ркп. соч. патриарха Адриана 61

Эдип в Афинах, трагедия В. А. Озерова 141
Экономика (Домостроение), соч. Аристотеля 9
Энеида, поэма Вергилия 206, 225

Ядро российской истории, соч. А. И. Манкиева, ошибочно приписываемое Г.-Ф. Миллером А. Я. Хилкову 48, 227
Ярлыки, сиречь жалованные грамоты царей Ордынских митрополитам Киевским и всея Руси 65
Ярополк и Димиза, пьеса А. П. Сумарокова 182
Ярополк и Олег, трагедия В. А. Озерова 140—144, 180, 182

Указатель имен[1]

Аввакум Петров, протопоп 7, 11, 78, 100
Август, Гай Юлий Цезарь Октавиан, первый римский император 32, 33, 146, 178
Авраамий Палицын 24, 51, 82, 227
Агафья Мстиславовна, княжна смоленская, первая жена вел. кн. владимирского Константина Всеволодовича 85
Адам Вишневецкий, польский магнат начала XVII в. 173
Адашев А. Ф. 223, 224
Адриан, патриарх московский и всея Руси 61, 65, 80
Адрианова-Перетц В. П. 17, 190, 220
Акиндинов Тимофей, московский еретик 78
Александр, византийский император 33
Александр I, император 181
Александр, российский дворянин, герой повести «О российском кавалере Александре» 39
Александр Великий, македонский царь 14, 21, 27, 28
Александр Глебович, кн. смоленский, брат Федора Ростиславича Черного 86
Александр Михайлович, вел. кн. владимирский 91
Александр Ягеллон, вел. кн. литовский и король польский, зять Ивана III 122, 123
Александр Ярославич Невский, вел. кн. киевский и новгородский 35, 47, 84, 86, 90, 156, 184, 186, 192, 204
Александров П. К. 56
Алексеев М. П. 195
Алексеев П. А. 66
Алексей I Комнин 43, 203
Алексей Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича 65
Алексей Михайлович Романов, царь 6, 10, 15, 34, 35, 49, 51, 63, 96, 97, 102, 105, 146, 172, 202, 203
Алексей Петрович, сын Петра I 26, 30—32, 49, 54, 190, 196
Алоизия, героиня трагедии «Честный изменник» Чиконьини 14
Альцеста, героиня трагедии Эврипида 154
Альшиц Д. Н. 71, 151
Амвросий (Андрей Зертис-Каменский), архиепископ московский 67
Амвросий, новгородский архиепископ 63
Амур 225
Амурат, турецкий султан 39
Анакреон, греческий поэт 195
Анастасий, патриарх византийский 39
Андрей, кн. нижегородский 87
Андрей Александрович, вел. кн. владимирский, сын Александра Невского 86
Андрей Первозванный, апостол (библ.) 35, 78, 131, 145, 232
Анна Васильевна, дочь вел. кн. Василия Дмитриевича, жена Ивана VIII Мануйловича Палеолога 33
Анна Иоанновна, имп. 50, 196
Анна Романовна, византийская царевна, жена вел. кн. киевского Владимира Святославича 231
Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, жена Генриха I, короля французского 185
Антон Поссевино (Antonio Possevino), польский иезуит 65

[1] Составлен Г. А. Андреевой. В указателе даны условные сокращения: библ. — библейский персонаж, легенд. — легендарный, лит. — литературный, мифол. — мифологический; ркп. — рукопись, св. — святой.

Антоний, архиепископ Аргангелогородский и Холмогорский 67
Антоний Знаменский, архиепископ 109
Антоний Печерский, св. 192, 225
Аод, библ. 42
Аполлодор (Apollodor), греческий писатель 13
Аполлон Феб, мифол. 37
Аракчеев А. А. 144
Аристотель 9, 27, 187
Армида, героиня поэмы «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо 225
Арсений (Верещагин), архиепископ ростовский и ярославский 101
Арсений Мацеевич, архиепископ ростовский 101
Артаксеркс, персидский царь 6
Аскольд (Оскольд), легенд. 92, 145, 149, 150, 152—155
Астинь, библ. 6
Афина Паллада, мифол. 37
Афродита (гр.), Венера (рим.), мифол. 220, 225
Ахилл (Ахиллес), герой поэмы Гомера «Илиада» 27, 208
Ахмет, турецкий султан 22

Бабкин Д. С. 95, 99
Байер Г.-З.-Т. 20, 40, 92
Байков Ф. И. 67
Балашов Н. И. 15
Бантыш-Каменский Д. Н. 124
Бантыш-Каменский Н. Н. 67, 79, 118, 119, 121—124, 235
Барков И. С. 57, 116
Бароний Цезарь (Baronius Caesar), римский кардинал 10, 30, 36, 37, 105
Барсов А. А. 91
Барсуков Н. П. 84
Басманов Петр 177, 178
Баузе Ф.-Г. 10, 11
Башилов С. 57
Бекетов П. П. 109
Белинский В. Г. 18
Бельский Мартин (Bielski Marcin) 9, 57
Берков П. Н. 63, 68, 162, 163, 171, 190, 215
Бецкой И. И. 184
Бидлоо Н. 15
Бирон Э.-И. 50
Благой Д. Д. 167
Блеу (Bley) 8
Блуд, киевский воевода при Ярополке Святославиче 128, 129
Боброва Е. И. 49
Богданов А. И. 23, 29, 36, 60—62
Богданов Ф., стольник 9
Богоявленский С. К. 15
Боккаччо Джованни 16
Болтин И. Н. 79, 101, 110—112, 115—117, 119, 155, 163, 184, 235
Борис, св. 192
Борис Александрович, вел. кн. тверской 73
Борис Владимирович, кн. ростовский, сын вел. кн. Владимира Святославича 127, 129, 130, 228—230
Борис Федорович Годунов, царь 33, 35, 96, 171—173, 178, 234
Борисов Федор 24
Бочкарев В. А. 143, 178, 230
Бояджиев Г. Н. 17
Боян, персонаж «Слова о полку Игореве» 163, 164, 184, 226, 232, 235
Бренский Михаил, оруженосец Димитрия Донского, персонаж трагедии «Димитрий Донской» В. А. Озерова 181
Брунцвик, герой повести 10
Брут Марк Юний 178
Брюс Я. В. 23, 24, 29, 43, 49, 53
Буало Н. (Boileau N.) 210
Бурхард-Адам (Никодим) Селлий 63
Бушмин А. С. 233
Быкова Т. А. 37, 40, 190

Вадим, вельможа Владимира I Святославича, персонаж трагедии «Владимир и Ярополк» Я. Б. Княжнина 138, 139
Вадим, вельможа новогородский, персонаж трагедии «Рюрик» П. А. Плавильщикова 162, 165, 166
Вадим, кн. новгородский, внук Гостомысла, легенд. 182, 234
Вадим, кн., внук Гостомысла, легенд., персонаж драмы «Историческое представление из жизни Рюрика» Екатерины II 152—156
Вадим Храбрый, воевода новгородский, персонаж трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина 157—161
Валк С. Н. 46, 112—114, 154
Вальмира, наперсница Рогнеды, персонаж трагедии «Владимир и Ярополк» Я. Б. Княжнина 138
Варений Бернард (Varenius Bernard) 29
Варяжко, воевода вел. кн. Ярополка Святославича 129
Василий, св. 232
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 21, 83, 180
Василий Дмитриевич, вел. кн. владимирский и московский, сын Д. Донского 33, 83, 84, 90, 231
Василий Дмитриевич, кн. суздальский и городецкий, сын вел. кн. Дмитрия Константиновича 83

Василий III Иванович, вел. кн. московский (в монашестве Варлаам) 20, 77, 105, 106, 224
Василий Кариотский, российский матрос, герой повести «О российском матросе Василии» 39
Василий Юрьевич Косой, кн. галицкий, брат Дмитрия Юрьевича Шемяки, кн. галицкого 106, 107
Василько (Василий) Ростиславич, кн. теребовльский, сын кн. Ростислава Владимировича 53
Вассиан (кн. Василий Иванович Патрикеев), церковно-политический деятель конца XV—начала XVI в. 224, 225
Велес, древнерусский языческий бог 184
Вельмир, начальник стражи, персонаж трагедии «Рюрик» П. А. Плавильщикова 162
Вельтман А. Ф. 204
Венера см. Афродита
Вергилий (Виргилий) Публий Маron (Virgilius Maron Publius) 28, 188, 206, 208, 225
Верещагина А. Г. 137
Вигор, советник новгородского воеводы Вадима, персонаж трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина 158, 159
Винтер Э. (Winter E.) 8, 40
Витовт, вел. кн. литовский 33
Витозар, наперсник Олега, персонаж трагедии «Семира» А. П. Сумарокова 149
Владимир II см. Владимир Всеволодович Мономах
Владимир II, персонаж трагедии «Изяслав и Владимир» В. Олина 182
Владимир Андреевич, кн. Старицкий, двоюродный брат Ивана Грозного 75
Владимир Андреевич Храбрый, кн. серпуховско-боровской, двоюродный брат Димитрия Ивановича Донского 91
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский 33, 35, 43, 98, 110, 111, 113, 114, 116, 117, 119, 146, 184, 192, 203, 235
Владимир Рюрикович, вел. кн. киевский 84
Владимир I Святославич, вел. кн. киевский 35, 43, 52, 81, 102, 103, 108, 110, 112, 126—140, 144, 182—185, 192, 202, 203, 216, 226, 228, 231, 232, 234
Владимиров П. В. 226
Владислав IV Сигизмундович 52, 175, 176, 185, 228
Возвед, «сродник» Оскольда, персонаж трагедии «Семира» А. П. Сумарокова 149, 150
Войнаровский Андрей 26
Волхонский П. М. 66
Волынский А. П. 44
Вольдемар I, король шведский 81, 84
Вольтер Аруэ Ф.-М. (Voltaire, Arouet de) 29, 69, 140, 194, 195, 198, 210, 217
Вомперский В. П. 28
Воронцов М. И. 55
Воронцов Р. И. 55, 202
Всеволод Владимирович, кн. владимиро-волынский, сын вел. кн. Владимира Святославича 130
Всеволодский-Гернгросс В. Н. 164, 165, 181
Всеслав Брячиславич, кн. полоцкий, внук кн. Рогнеды (Гориславы) от ее старшего сына Изяслава 162—164
Выбор, старший сын Гостомысла, легенд. 151, 154
Вышеслав Владимирович, кн. новгородский, сын вел. кн. Владимира Святославича 130
Вьянко, сын гетмана Жолковского, персонаж трагедии «Освобожденная Москва» М. М. Хераскова 175—177
Вяземский П. А. 225

Гавриил Бужинский 186
Гавриил, старообрядец 78
Гваньини А. (Gvagnini A.), польский историк 10
Гевелий Ян (Heweliusz Jan) 9
Гегель Г.-В.-Ф. 18
Гельвеций К. А. 99
Генрих I, король французский 185
Генрих IV, король французский 194, 210
Георгий, кн. галицкий, жених Ксении Васильевны Шуйской, персонаж трагедии «Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова 172, 174
Георгий Галицкий, персонаж трагедии «Димитрий Самозванец» В. Т. Нарежного 177, 178
Геракл (Геркулес), мифол. 14, 27
Гермоген, патриарх московский и всея Руси 185
Геродот (Herodotus) 30, 187
Гертель Х. (Härtel H.), ученый ФРГ 192
Гертука, грек 38, 40
Гершкович З. И. 193, 195
Гизель Иннокентий, духовный писатель 9, 42, 144, 182, 184, 218
Глеб, св. 192
Глеб Владимирович, кн. муромский, сын

вел. кн. Владимира Святославича 127, 129, 130
Глебовский И. Е. 91
Глинка С. Н. 185, 221
Глинские, литовские князья, родственники Ивана Грозного 223, 224
Голиков И. И. 29, 34
Голицын А. М. 184
Голицын Д. М. 44
Головин Ф. А. 21
Головкин Г. И. 100
Головкин М. Г. 50
Гольдберг А. Л. 33, 146
Гомер 27, 28, 188, 206, 208, 225
Гораций Флакк, Квинт, римский поэт 188, 195
Горгин, польский историк 10
Горохова Р. М. 225
Горский А. В. 75, 76
Гостомысл, кн. новгородский 97, 145—148, 151, 152, 154, 155, 158, 159, 165, 201
Готофред Иоганн Людовик (Gotofred I. L.) 40
Грасгофф Х. (Grasshoff Helmut), ученый ГДР 195
Грау Конрад (Grau Conrad), ученый ГДР 46
Грации, мифол. 225
Григорий, византийский патриарх 39
Грот Я. К. 180, 227
Гуковский Г. А. 13, 210
Гуревич М. М. 37, 40, 190

Даниил, пророк, библ. 8, 9
Даниил Александрович, вел. кн. московский 86, 87
Даниил Суздальский 171
Дашкова Е. Р. 119
Демин А. С. 6
Дербов Л. А. 78
Державин А. М. 41, 42
Державин Г. Р. 180, 181, 226, 227, 234
Державина О. А. 6
Дидона, героиня поэмы «Энеида» Вергилия 225
Димитрий, боярин московский, персонаж трагедии «Освобожденная Москва» М. М. Хераскова 175, 176
Димитрий, царевич, сын Ивана Грозного 34, 177, 178
Димитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 35, 56, 57, 90, 91, 166—170, 180, 181, 183, 202, 203, 227, 231
Димитрий Мануйлович Палеолог, брат византийского имп. Константина XII 39
Димитрий Ростовский (Туптало), архиепископ ростовский и ярославский 16, 41—43, 101, 102, 105, 109, 140
Димитрий Самозванец — см. Лжедимитрий I
Димитрий Тверитинов, старообрядец 80
Диодор Сицилийский (Diodorus Sikeliotēs) 30
Дионисий, митрополит 75
Дир, легенд. 92, 145, 149, 150
Длугош Ян (Długosz Jan) 10, 30
Дмитревский И. А. 181
Дмитриев Л. А. 117, 119, 168, 169
Дмитриева Р. П. 33, 203
Дмитрий Константинович, кн. суздальский, вел. кн. владимирский 87
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. галицкий, внук Дмитрия Донского 180
Добровский Йозеф (Dobrovsky Josef), чешский ученый 101, 102
Добролюбов Н. А. 81, 94
Добрынин, новгородский посадник, персонаж пьесы «Рюрик» Екатерины II 152, 155
Добрыня Никитич, воевода кн. Владимира Святославича, его дядя по матери 132, 135, 136
Долгова С. Р. 20, 67
Дон-Жуан, герой «Комедии о Доне-Яне и Доне-Педре» 14
Дон-Педро, драм. персонаж 14
Дорофей Монемвасийский — см. Псевдо-Дорофей
Дорофей, старообрядец 78
Дурих Фортунат (Durich Fortunat) 101, 102
Дылецкий Николай 9

Евгений Булгарис, архиепископ херсонский 110
Евгений, папа римский 83
Евдокия Дмитриевна, дочь вел. кн. Дмитрия Константиновича, жена Дмитрия Донского 181
Евфросиния, дочь Ярослава Владимировича Осмомысла, кн. галицкого, жена кн. Игоря Святославича 91
Едвинда (Ефанда), княжна урманская, жена Рюрика, персонаж пьесы «Рюрик» Екатерины II 152, 155
Едигей — см. Эдигей
Екатерина I, императрица 16, 35, 196
Екатерина II, императрица 5, 48, 56, 64, 66, 67, 70, 71, 73—75, 78, 80—87, 90—99, 101, 111, 140, 144, 150—158, 160, 164—166, 182, 184, 204, 211, 230, 231
Елагин И. П. 109, 110—112, 115—117, 119, 163, 184, 235
Елена, мать Константина I Великого 39
Елена, мать Константина XII Палеолога 39

Елена Васильевна, рожд. Глинская, жена вел. кн. Василия III Ивановича, мать Ивана Грозного 202, 224
Елена Ивановна, дочь Ивана III, жена вел. кн. литовского Александра Ягеллона 122, 123
Елеонора (Элеонора), дочь пастора, героиня повести «О российском кавалере Александре» 39
Елеонская А. С. 195
Елизавета Петровна, имп. 48, 49, 166, 204
Епифаний, монах Соловецкого монастыря, старообрядец 78
Епифаний Премудрый, агиограф 99
Епифаний Славинецкий, переводчик 8, 9
Еремин И. П. 16, 32, 127, 144, 187
Ермак Тимофеевич 179
Ермолаев А. И. 109
Еропкин П. М. 44
Есфирь, персидская царица, библ., лит. и драм. персонаж 6
Ефанда см. Едвинда
Ефрем, митрополит казанский 65

Жабзыц Ян (Żabczyc Jan) 9
Жеривол, персонаж трагедокомедии «Владимир» Ф. Прокоповича 127—129
Жолковский (Желковский), гетман польский 175, 176
Журовский Федор 16

Заборов П. Р. 195, 210
Завлох, князь, персонаж трагедии «Хорев» А. П. Сумарокова 146
Заида, наперсница Предславы, персонаж трагедии «Ярополк и Олег» В. А. Озерова 141, 143
Заруцкий Иван Мартынович, атаман донских казаков, сторонник Лжедимитрия II 227
Золиба, жрец, персонаж трагедии «Идолопоклонники или Горислава» М. М. Хераскова 135
Зотов Н. М., дьяк, воспитатель Петра I 19, 63
Зоя, жена византийского имп. Льва VI Мудрого 154
Зубов А. Ф., гравер 35

Иван V Алексеевич Романов, царь, сын Алексея Михайловича 34, 35, 66
Иван III Васильевич, вел. кн. московский, затем в монашестве Иона 21, 24, 35, 63, 91, 96, 98, 99, 102, 122, 123, 203, 218, 226
Иван IV Васильевич Грозный 24, 31, 35, 48, 65, 77, 83, 96, 98, 102, 107, 109, 113, 172, 201—203, 216—219, 221—226
Иван Данилович Калита, вел. кн. владимиро-московский 53, 64, 87, 91, 95
Иван Дмитриевич, кн. переяславский, сын вел. кн. владимирского Дмитрия Александровича, внук Александра Ярославича Невского 86
Иван Иванович, сын вел. кн. московского Ивана III 80, 91
Иван VIII Мануйлович Палеолог, византийский император 33
Иван Михайлович, кн. тверской 83, 90
Игнатий, архиепископ рязанский, патриарх при Лжедимитрии I 174, 178
Игнатий (Смольянин), архимандрит Спасского монастыря 47
Игорь II, персонаж трагедии «Изяслав и Владимир» В. Олина 182
Игорь Рюрикович, вел. кн. киевский 33, 92, 93, 140, 146, 148—151, 153, 154, 202, 231
Игорь Ольгович, кн. новгород-северский и вел. кн. киевский 182
Игорь Святославич, кн. новгород-северский, сын Святослава Ольговича 91, 124
Иеронима, княжна, персонаж повести И. Шишкина 39
Изборский, кн., легенд. 151
Избрана, наперсница Ксении, персонаж трагедии «Димитрий Донской» В. А. Озерова 181
Избрана, наперсница Семиры, персонаж трагедии «Семира» А. П. Сумарокова 149
Извед, тысячник войска Ярополка, персонаж трагедии «Ярополк и Олег» В. А. Озерова 141—143
Изяслав II, вел. кн. киевский, персонаж трагедии «Изяслав и Владимир» В. Олина 181, 182
Изяслав Владимирович, кн. полоцкий, сын вел. кн. киевского Владимира I Святославича и Рогнеды 52, 130, 132, 134—136, 164
Изяслав II Мстиславич, вел. кн. киевский 182
Иисус Христос, библ. 42, 83, 126
Иконников В. С. 82, 151
Ильмена, дочь Гостомысла, персонаж трагедии «Синав и Трувор» А. П. Сумарокова 146—148
Илья Муромец, фолькл. персонаж 216
Иннокентий Гизель см. Гизель
Иоаким, новгородский епископ 45
Иоаким (Иван Савелов), патриарх московский и всея Руси 62, 65, 80

Иоаникий Галятовский (Galatowski Joannicy) 9
Иоанн, боярин московский, персонаж трагедии «Освобожденная Москва» М. М. Хераскова 175
Иоганн (Яган), король шведский 63
Иосиф, архимандрит Ярославского монастыря 44
Иосиф, патриарх московский 81
Иосиф Санин, игумен Волоцкий 30
Иосиф Флавий 30, 40
Иоффе И. 13
Ираклия, флоренская королевна, героиня повести «О российском матросе Василии» 39
Ирена, гречанка, персонаж повести «История Царьградская» И.-В. Паузе 38
Ирта, персонаж трагедии «Ермак» П. А. Плавильщикова 179
Исидор, митрополит киевский и всея Руси 65, 83
Иуда, библ. 42

Калайдович К. Ф. 110, 113, 117—119, 122, 163
Калачев Н. В. 90
Калачик А. Ф. 23
Кальвизий Сет (Calvisii Sethi) 40
Кальдерон де ла Барка 14, 15
Камоенс (Камоинш) Луис (Camões Luiz de), португальский поэт эпохи Возрождения 225
Кантемир А. Д. 12, 31, 47, 192—201, 206
Кантемир Д. К., молдавский господарь, сподвижник Петра I 67, 196
Кантемир К. Д. 124
Кантемир С. Д. 67
Карамзин А. Н. 108
Карамзин В. Н. 108
Карамзин Н. М. 18, 79, 81, 83—87, 90, 102—104, 107—109, 112, 118, 119, 180, 185, 226, 234
Карл I, англ. король 9
Карл XI Густав, король шведский 30
Карл XII Густав, король шведский 69, 188, 189, 191, 195, 205, 208
Катон младший Марк Порций Утический (Cato Marcus Porcius Uticensis), римский государственный деятель 178
Кацак (Осман), казанский царевич 220
Кветницкий Федор (Феофилакт) 206
Кий, легенд. основатель Киева 35, 42, 84, 145, 146, 149
Кинвзор, вельможа, персонаж трагедии «Владимир Великий» Ф. Ключарева 134
Киприда см. Афродита
Кирилл Философ (Константин), создатель славянской азбуки 65
Кир—Лука, грек, лит. персонаж 39
Клеомена, княжна греческая, персонаж трагедии «Владимир и Ярополк» Я. Б. Княжнина 138
Клида, мамка Гориславы, персонаж трагедии «Идолопоклонники или Гориславa» М. М. Хераскова 135
Ключарев Ф. 131—135
Ключевский В. О. 125
Княжнин Я. Б. 138—140, 157—161, 165, 234
Кобленц И. Н. 60, 61, 123
Кожинов В. В. 13
Козицкий Г. В. 66, 67, 91
Козлов В. П. 104
Козлова Н. А. 104
Козодавлев О. П. 99
Константин I Великий, восточноримский император 37, 39, 81
Константин Всеволодович, вел. кн. владимирский 85
Константин IX Мономах 33, 43
Константин XII Мануйлович Палеолог, византийский император 37—39
Константин Павлович, вел. кн. 56
Константин Святославич, кн. муромский 109
Конце В. (Conze W.), ученый ГДР 46, 116
Копанев А. И. 51, 53
Коперник Н. (Kopernick M.) 8, 9
Корнелий Непот (Cornelius Nepos) 30
Корнель Томас 14
Коровин Г. М. 29, 54, 56
Кохановский Ян (Kochanowski Jan) 17
Краковчик А. (Krakowczik) 9
Крайский Порфирий (Петр) 206
Крамер А. Б. 49
Краснобаев Б. И. 8
Крашенинников В. В. 42
Крашенинников С. П. 48
Крекшин П. Н. 19, 44, 50, 82, 100, 101, 106, 211
Кривоборский Ф. И., князь 81, 100, 106, 107
Кромер Мартин (Cromer Marcin) 10, 30, 40
Ксения, дочь Василия Ивановича Шуйского, персонаж трагедии «Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова 172—174
Ксения, невеста кн. Тверского, персонаж трагедии «Димитрий Донской» В. А. Озерова 181
Ксения, персонаж трагедии «Димитрий Самозванец» В. Т. Нарежного 177
Ксенофонт 30
Кудрявцев И. М. 14

Кукушкина М. В. 47, 51, 53, 55, 75, 211
Кулакова Л. И. 17, 140, 157, 188, 191
Кулешов В. И. 217
Кулябко Е. С. 56
Кунст Иоанн 13—16
Кунцевич Г. З. 219, 222
Курбский А. М. 24, 219, 222—225
Курояд, персонаж трагедокомедии «Владимир» Ф. Прокоповича 127
Курций Руф Квинт 27
Куря, печенежский князь 93, 141
Кутайсов И. П., граф 144
Кучум, сибирский хан 179
Кушева Е. Н. 171

Лазарь, библ. 15
Лазарь, священник, старообрядец 78
Лакрецкий И. 10
Лебедева И. Н. 47, 55, 211
Лев VI Мудрый, византийский император 33, 154
Левенвольдс Р.-Г. 50
Левенгаупт А.-Л., шведский генерал 21
Левонидов Я. Г. 62
Левшин А. Е. 66
Левшин В. А. 66
Лейбниц Г.-В. (Leibniz G.-W.) 46, 116
Леклерк Никола-Габриель (Le Clerc Nicolas-Gabriel) 79, 214
Ленин В. И. 7, 18
Ленский, кн., персонаж поэмы «Россияда» М. М. Хераскова 223, 224
Леон см. Лев VI Мудрый
Леон, сын боярина Димитрия, персонаж трагедии «Освобожденная Москва» М. М. Хераскова 176
Леонид, архимандрит московский 37, 84
Лепехин И. И. 214
Лермонтов М. Ю. 234
Лефорт Ф. Я. 21
Лжедимитрий I (Григорий Отрепьев) 34, 78, 148, 171—174, 177, 178, 183, 184, 234
Лжедимитрий II (тушинский вор) 52
Лихачев Д. С. 3, 6, 11, 12, 111, 114, 116, 118, 123, 192, 200, 207, 232, 235
Лихачева О. П. 62
Лихуды Иоанникий и Софроний 20
Ломоносов М. В. 12, 17, 20, 27, 28, 29, 38, 45—59, 62, 69, 72, 79, 95, 116, 131, 154, 166—171, 179, 182—186, 191, 199, 201—218, 225—227, 229—234
Лопгинов М. Н. 95, 219
Лосенко А. П. 137
Лотман Ю. М. 95
Лукиан Самосатский (Lucianus Samosatensis), греческий писатель 225
Лужный Р. В. (Lużny R. V.) 17
Луппов С. П. 8, 30, 31, 49
Лурье Я. С. 85, 86
Лыбедь (Либедь), сестра Кия 145
Лызлов А. И. 9, 40
Львов Н. А. 124
Людбрат, отец Рюрика, Синеуса и Трувора, персонаж пьесы «Рюрик» Екатерины II 152, 153
Лют, сын воеводы Свенельда 141

Мабли Габриэль Бонно 160
Магнус (Магнуш, Magnus), король шведский XIV в., автор «Рукописания» 53
Магомет, турецкий султан 38—40
Мазепа И. С. 22, 25, 188, 189, 208
Майков В. И. 140, 227, 228
Макарий, митрополит 41, 140
Макаров А. В. 7
Макаров В. К. 26, 205
Макогоненко Г. П. 58
Мал, кн. древлянский 140
Маленицкий 66
Малиновский А. Ф. 70, 79, 118, 119, 122, 124
Мамай, хан Золотой Орды 83, 102, 105, 166—170, 181, 184, 202
Мамурза, лит. персонаж 6
Манкиев А. И. 48, 227
Мардохей, библ. драм. персонаж 6
Мария, кн., мать Константина Всеволодовича 85
Маркелл Радышевский, епископ 129
Маркович Я. А. 34
Марс, мифол. 200
Мартын, еретик 78, 81
Марфа Борецкая, жена новгородского посадника 226
Марфа Нагая, жена Ивана IV Грозного, мать царевича Димитрия 177
Масиниза, действующее лицо пьесы «Сципио Африкан» 14
Матвеев А. А. 10, 211
Махмет (Махмут)-Аминь, казанский царь 83
Медведев Сильвестр, писатель 211
Медведева И. Н. 143
Мельников Ю. Н. 107
Мелюзина, драм. персонаж 16
Мемухан, драм. персонаж 6, 65
Менгден К. 50
Меншиков А. Д. 7, 25, 34
Меркатор Герард (Merkator Gerard) 9
Миллер Г.-Ф. 20, 39, 46—50, 53, 61, 64—66, 70, 73, 79, 90, 95, 103, 116, 119, 154, 171, 172, 218, 219
Милов Л. В. 47
Милославские, родня царицы Марии Ильиничны 34

Мильтон Джон (Milton John), английский поэт XVII в. 225
Минин Козьма Захарьев (Сухорук), организатор народного ополчения против польских интервентов в 1611—1612 гг. 174, 175, 177, 184, 185, 227
Миних Б. Х. 50
Михаил, архангел, библ. 87, 194
Михаил Федорович Романов, царь 23, 24, 35, 46, 51, 52, 66, 75, 81, 177, 202, 227
Михаил Ярославич, вел. кн. тверской и московский 91
Мнишек Марина (Марианна) Юрьевна, жена Лжедимитрия I 174, 177, 178
Моав, лит. персонаж 65
Могилянский А. П. 140
Моджевский Андрей Фрич (Modrzewski Andrzej Frycz) 9
Моисеева Г. Н. 4, 5, 11, 33, 47, 55, 57, 61, 75, 79, 90, 91, 97, 101, 110, 118, 163, 220
Мольер Ж.-Б. 14, 15
Монтескье Шарль Луи (Montesquieu Ch. L.), французский просветитель XVIII в. 195
Москвичева Г. В. 164, 165
Мстислав Владимирович Храбрый, кн. тмутороканский, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 130, 131, 184
Мстислав Давыдович, кн. смоленский 102, 108
Мстислав Романович, вел. кн. смоленский 85
Мумет, татарский царь, персонаж трагедии «Тамира и Селим» М. В. Ломоносова 166, 167
Мурат Гирей, крымский хан 63
Мурзанова М. Н. 24, 49, 51, 53
Мусин-Пушкин А. И. 5, 20, 82, 83, 91, 100—104, 106—119, 122—124, 163, 184, 235
Мусин-Пушкин А. А., сын А. И. Мусина-Пушкина 104
Мусин-Пушкин А. В., внук А. И. Мусина-Пушкина 104
Мусин-Пушкин В. А., сын А. И. Мусина-Пушкина 104—107
Мусин-Пушкин И. А., сенатор Петровского времени 20, 29, 107

Навуходоносор, ассирийский царь, библ. 65
Наполеон 181
Нарежный В. Т. 177, 178, 228—232
Нарсим, персонаж трагедии «Тамира и Селим» М. В. Ломоносова 167, 169
Нартов А. А. 219
Нартов А. К. 7
Нарышкина Наталья Кирилловна, мать Петра I 202, 203
Нарышкины, родня царицы Натальи Кирилловны 34
Наталья Алексеевна, сестра Петра I 16, 49
Наурус, хан татарский 87
Невоструев К. И. 75, 76
Неврюй 86
Неплюев И. И. 7
Нестор-Искандер, писатель 36—38
Нестор, летописец, монах Киево-Печерского монастыря 42, 43, 47, 50, 57, 102, 104, 116
Неустроев А. Н. 68
Нечаева В. С. 225
Нивесский Станислав (Niewieski Stanislaw) 9
Никита Пустосвят, деятель старообрядческого движения, сподвижник протопопа Аввакума 62
Никита Суздалец, старообрядец 78
Никифоров Л. А. 7
Никольский Н. К. 19, 75, 77, 78
Никон, патриарх 7, 30, 31, 44, 80, 99, 109
Ничик В. М. 8
Новиков Андрей 67
Новиков Н. И. 35, 40, 48, 57, 58, 60—71, 73—80, 90, 116, 156, 157, 219, 235
Новосадский Н. И. 187
Ной, библ. 84, 104

Озеров В. А. 140—144, 180, 181, 183, 234
Ознобишин В. П. 66
Олег, воевода Рюрика, первый кн. киевский, легенд. 92, 93, 149—151, 153—156, 184, 185
Олег Иванович, кн. рязанский 181
Олег Святославич, кн. древлянский, сын вел. кн. Святослава Игоревича 128, 140—144, 183
Оленин А. Н. 109
Олин В. 181, 182
Олсуфьев А. В. 46
Ольга, вел. кн., жена Игоря Рюриковича 43, 57, 93, 110, 140, 151, 202
Ольгерд, вел. кн. литовский 168
Орлов А. Г. 215
Орлов Г. Г. 56
Осипов Тимофей, дьяк 178
Оскольд см. Аскольд
Оснельда, дочь князя Завлоха, персонаж трагедии «Хорев» А. П. Сумарокова 146
Оссиан 118, 235
Остерман А. И. 50, 54
Островский А. Н. 234

Павел I, император 140, 144, 226
Павленко А. И. 43

Панченко А. М. 4, 10, 11
Пармен, наперсник Димитрия Самозванца, персонаж трагедии «Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова 177
Парфения, наперсница Софии, дочери кн. Д. М. Пожарского, персонаж трагедии «Освобожденная Москва» М. М. Хераскова 175
Пассек В. В. 204
Паузе И.-В. 20, 36—40, 49
Пекарский П. П. 13, 91
Пересветов И. С. 36
Перетц В. Н. 36, 39
Переяслав, легенд. персонаж 185
Перун, слав. мифол. 183, 184, 202, 203, 231, 232
Петр I (Великий) 7, 12, 13, 15, 16, 19—21, 23—36, 40, 41, 43—45, 48, 49—51, 53, 55, 60, 63, 69, 80, 96, 100, 129, 144, 165, 186, 188, 190—202, 204—206, 208—216, 218
Петр II Алексеевич, внук Петра I 32, 66, 196
Петр Бориславич, составитель летописца XII в. 47
Петр Златых Ключей, лит. персонаж 16
Петр Петрович, сын Петра I 32
Петр III Федорович 45, 204
Петрей де Эрлесунда Петр (Petrejus de Erlesunda Petrus), шведский посланник в России 69
Петров В. А. 49, 60
Петров В. П. 206
Петухов Е. В. 76, 186
Пештич С. Л. 22, 26, 44—46, 81, 125, 211, 212
Пиар, персонаж трагедокомедии «Владимир» Ф. Прокоповича 127
Пикарт Питер, гравер 32, 35, 36
Пикель-Гяринг, драм. персонаж 14
Писарев А. А. 185
Плавильщиков А. А. 161, 164
Плавильщиков П. А. 144, 161—166
Плавт, персонаж пьесы «Амфитрион» Мольера 127
Пламена, дочь кн. Превзыда, персонаж трагедии «Пламена» М. М. Хераскова 130, 131
Пламира, дочь кн. Вадима новгородского, персонаж трагедии «Рюрик» И. А. Плавильщикова 162, 165
Платон (Левшин), митрополит московский 84, 99, 102
Плиний (Старший) Секунд Гай (C. Plinius Secundus), римский ученый 36
Плутарх (Plutarchus) 30
Позвизд, кн., сын Владимира Святославича 130, 131
Пожарский Д. М. 65, 67, 174—177, 185, 227
Покровская В. Ф. 51, 53
Полепов Д. В. 124
Поликарпов-Орлов Ф. П. 5, 20, 21, 23—30, 41, 43, 107
Полонская И. М. 65
Попов В. С. 111
Попов Н. И. 48
Посошков И. Т. 62
Потемкин Петр, стольник 104
Превзыд, кн., персонаж трагедии «Пламена» М. М. Хераскова 130, 131
Предслава, дочь вел. кн. киевского Владимира Святославича и Рогнеды 141, 142
Прекраса, княжна изборская, персонаж пьесы «Начальное управление Олега» Екатерины II 154
Пренест, советник новгородского воеводы Вадима, персонаж трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина 158—160
Прийма Ф. Я. 103, 193, 195, 235
Приселков М. Д. 84—87
Прокофьев Н. И. 47
Протасьева Т. Н. 103
Прус, легенд. 32, 33, 146
Псевдо-Дорофей 30, 41
Пугачев Емельян 67
Пуффендорф де, Самуил (S. de Puffendorf) 30
Пушкин А. С. 28, 79, 170, 174, 200, 213, 226, 232, 234
Пыпин А. Н. 85, 91, 151, 152
Пясецкий Павел (Piasecki Paweł) 10

Рагуил, посадник новгородский, персонаж пьесы «Рюрик» Екатерины II 153
Радзивил Николай Кристофор (Radziwiłł Mikołaj Krzysztof) 9, 20, 24
Радищев А. Н. 11, 94—100, 160, 233, 234
Разин С. Т. 39, 65, 78
Рамида, дочь Вадима, новгородского воеводы, персонаж трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина 158, 160
Расстрига см. Лжедимитрий I
Ремезов С. У. 48
Рижский М. И. 8
Робинсон А. Н. 4, 6, 8, 11
Рогволод (Рогволд), кн. полоцкий, отец Рогнеды 52, 131, 132, 135
Рогнеда (Горислава) Рогволодовна, дочь полоцкого кн. Рогволда, жена вел. кн. киевского Владимира I Святославича 52, 131—139, 164, 183—185, 234
Рогов А. И. 9
Розенбуш, фон, Бутенант 211
Розов Н. Н. 9
Романов-Юрьев Н. И., двоюродный брат царя Алексея Михайловича 51

Ромодановская Е. К. 6
Ростислав, сын кн. Олега, персонаж трагедии «Семира» А. П. Сумарокова 149, 150
Ртищев Ф. М., боярин московский 65
Рубан В. Г. 124
Руксалоп, боярин московский, персонаж трагедии «Освобожденная Москва» 175
Рулав, новгородский посадник, персонаж пьесы «Рюрик» Екатерины II 152, 155
Румовский С. Я. 45
Румянцев Семен, дьяк 104
Румянцевы, графы, основатели Румянцевского «музеума» 109
Рыбаков Б. А. 46, 47
Рымша А. (Rymsza A.) 9
Рысс Е. Б. 29
Рычков П. И. 218, 219
Рюрик (Рурик), кн. новгородский, легенд. родоначальник династии 24, 32, 33, 35, 36, 53, 55, 83, 84, 91, 92, 94, 97, 98, 144—146, 148—162, 164—166, 182, 234

Савва, архимандрит, автор «Указателя для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки» 76
Савватий Костромитин, крепостной, старообрядец 78
Сакулин П. Н. 12
Саллюстий Г.-К. 30
Салмина М. А. 171
Самойлович Иван, украинский гетман 25
Самуил Миславский, архиепископ ростовский 101
Сафа-Гирей (Сафакирей), казанский хан 220
Сафонович Феодосий 9, 105
Свадель, вельможа Ярополка, персонаж трагедии «Владимир и Ярополк» Я. Б. Княжнина 138—140
Свенельд (Свенальд), воевода Рюрика, а позднее Святослава и Ярополка 141—144
Светоний (Suetonius Tranquillus) 30
Святополк I Владимирович, кн. киевский, старший сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 130, 135, 136, 228, 230
Святослав Владимирович, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 130, 228
Святослав Игоревич, вел. кн. киевский 140, 141, 184, 185, 202, 203, 234
Святослав Ярославич, второй сын Ярослава Мудрого, вел. кн. киевский 79, 93, 185
Селивановский С. А. 118, 119
Селим, багдадский царевич, персонаж трагедии «Тамира и Селим» М. В. Ломоносова 54, 57, 166, 167
Селлий см. Бурхард-Адам (Никодим) Селлий
Семегар, библ. 42
Семен Иванович Гордый, вел. кн. московский 74
Семер, библ. 42
Семила, персонаж трагедии «Изяслав и Владимир» В. Олина 182
Семира, персонаж трагедии «Семира» А. П. Сумарокова 149, 150
Сергей Нижегородец, старообрядец 78
Сергий Радонежский, св. 99
Сигизмунд III, король польский 175, 228
Сигурд, боярин, приближенный кн. Владимира Святославича 134, 135
Сильвестр, протопоп московский 223, 224
Симеон Полоцкий 8, 65
Симон К. Р. 123
Симон, епископ суздальский 47
Симон, священник 105
Симон Ушаков, иконописец 7
Синеус (Синав), легенд. князь, брат Рюрика 32, 53, 98, 144—149, 152, 156, 157, 182
Скалигер Ж. (Skaliger J.), французский филолог 187
Скандербег (Скандербек), Кастриот и Георгий, военный и государственный деятель, народный герой Албании 39
Скарга Петр (Skarga Piotr) 10, 37
Скиф, брат Славяна, легенд. 151
Славян, легенд. 151
Соколов А. Н. 187, 193, 209, 210, 213
Соколов М. И. 16
Соловьев А. В. 118
Соловьев С. М. 81
Соломония Сабурова, первая жена Василия III Ивановича 224
София Витовтовна, княжна литовская, жена Василия Дмитриевича, вел. кн. московского 33
София, сестра кн. Д. М. Пожарского, персонаж трагедии «Освобожденная Москва» М. М. Хераскова 175—177
Софонизба, героиня драмы «Сципио Африкан» Чиконьини 14
Софья Алексеевна, царевна-правительница, сестра Петра I 208
Сперанский М. И. 40, 41
Спиридон (Савва), митрополит, автор «Сказания о князьях владимирских» 203
Срезневский В. И. 103, 108
Срезневский И. И. 109
Сталверьх, боярин, персонаж трагедии «Хорев» А. П. Сумарокова 146

Станислав Владимирович, кн. смоленский, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 130
Станислав, персонаж поэмы «Освобожденная Москва» В. И. Майкова 228
Старовольский С. (Starowolski Szymon) 9
Стефан Баторий, король польский 228
Стефан Пермский 99
Стефан Яворский 107
Странгурио, персонаж поэмы «Петрида» А. Кантемира 194
Стрекалов С. Ф. 157
Стриттер (Штриттер) Иван, историк 181
Строганов Г. Д. 41
Строев П. М. 108, 221
Стрыйковский М. О. (Stryjkowski) 9, 10, 30, 38, 40, 145, 149
Стрюйс Иоанн (Struys Jan-Janson) 63
Студ, боярин, персонаж трагедии «Владимир Великий» Ф. Ключарева 132—135
Судислав Владимирович, кн., сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 130
Сумароков А. П. 12, 17, 144, 146—150, 170—174, 177—180, 182—184, 199, 233, 234
Сумбека (Сююн-бике) 56, 184, 220—222, 225

Тамерлан см. Тимур
Тамира, персонаж трагедии «Тамира и Селим» М. В. Ломоносова 54, 57, 166, 167
Таршиш Н. Д. 215
Тассо Торквато (Tasso Torquato), итальянский поэт эпохи Возрождения 17, 225
Татищев В. Н. 5, 20, 24, 31, 37, 43—48, 50, 54—57, 69, 72, 79, 91, 110, 112—114, 116, 154, 155, 157, 158, 163, 168, 182, 196, 214, 218, 234
Тауберт И. И. 63
Тацит Публий Корнелий (Tacitus Publius Cornelius) 30
Творогов О. В. 123
Телемак, герой романа Фенелона 206
Тимур (Темир-Аксак), хан Золотой Орды 231
Тит Флавий Веспасиан 40
Тихомиров М. Н. 45
Тихонравов Н. С. 14, 65—67, 198
Толстой А. К. 234
Томас Антуан Леонард (Thomas Antoine Leonard), французский писатель, автор похвальных слов 218
Тохтамыш, хан Золотой Орды 83
Травников С. Н. 99, 100
Тредиаковский В. К. 48, 61, 210, 217, 233
Триян, новгородский посадник, персонаж пьесы «Рюрик» Екатерины II 152, 153, 155
Трубецкой А. Н., кн., полковой воевода 227
Трубецкой Н. Н. 219
Трубецкой Н. Ю. 197
Трубецкая П. Н. 82
Трубецкой Ю. Н. 219
Трувор, легенд. князь, брат Рюрика 32, 53, 98, 144—149, 152, 156, 157, 182
Туманский Ф. И. 19
Тяпкин В. М., московский стольник конца XVII в. 63

Уваров К. А. 222
Украинцев Е. И. 21
Уликс (гр.), Одиссей, герой поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» 188, 208
Улисс см. Уликс
Умила, дочь Гостомысла, легенд. 152, 155
Ушаков Ф. В. 99

Федор Алексеевич Романов, царь 9, 35, 66, 81, 184
Федор Иванович, царь московский 35, 51, 96, 172, 178, 228
Федор Иванович Палецкий, кн. 122
Федор Никитич Романов-Юрьев (Филарет, патриарх московский и всея Руси) 51
Федор Ростиславич Черный, кн. смоленский и ярославский, сын смоленского кн. Ростислава Мстиславича 86, 184
Фельтен, антрепренер 13
Фенелон де Салиньяк де ла Мот, Франсуа (Fenelon de Salignac de La Mothe, François), французский писатель 206
Федор, боярин московский, персонаж трагедии «Освобожденная Москва» М. М. Хераскова 175
Феодор, старообрядец 78
Феодосий, монах Печерского монастыря 84
Феодосий Печерский, св. 192
Феолог, Монах Чудова монастыря 41—43
Феофан Прокопович 5, 7, 16, 17, 26, 30—35, 40, 47, 50, 51, 53, 126—130, 144, 182, 186—196, 205, 206, 211, 232, 233
Феофилакт Лопатинский 186
Фидий, греческий скульптор, архитектор и художник 37
Филарет 100
Филарет, митрополит российский XIX в. 78
Филипповский Г. Ю. 101
Философ, персонаж трагедокомедии «Владимир» Ф. Прокоповича 129, 131

Фирс, архимандрит, настоятель Соловецкого монастыря 208, 214
Фонвизин Д. И. 94, 156
Фоншредер, барон 105
Фридерико фон Поплей, герой трагедии «Честный изменник» Чиконьини 14
Фридрих III, германский король 39
Фюрст Отто 13—15

Халев, библ. 42
Херасков М. М. 130, 131, 135—137, 161, 174—177, 183, 201, 215—226, 232, 234
Хидыр, хан татарский 87
Хилков А. Я. 48, 227
Хлебников П. К. 60, 66
Хованский В. А. 103
Хорев, брат Кия 35, 145, 146
Хоткевич (Хоткеев), гетман польский 175, 176
Храповицкий А. В. 84, 97, 98, 151

Цирцея, мифол. 220

Чеботарев Х. А. 87—91
Чемоданов И. И. 67
Черкасский И. А. 78
Чертков А. Д. 104—108
Чиконьини С. 14
Чистович И. А. 34
Чистякова Н. А. 9
Чуди Теодор-Генрих (Tschoudi Theodor Henri), французский писатель 204

Шамбинаго С. К. 45
Шапп д'Отерош Жан (Chappe d'Auteroche Jean), французский астроном 69
Шафиров П. П. 22, 26, 211
Шахматов А. А. 85
Шекспир В. (Шакеспир) 151
Шемяка В. см. Василий Юрьевич Косой
Шереметев Б. П. 21—25, 48, 81
Шереметев Д. Н. 164
Шереметьев В. Ф. 66
Шиг-Алей (Шигалей), хан 220, 221
Шиллер Ф. 178
Шишкин И. В. 39
Шлафенберг, польский издатель 9
Шлецер А.-Л. 31, 40, 46, 57, 79, 116
Шляпкин И. А. 16, 41—43
Штейн см. Штейнбок Магнус
Штейнбок (Stenbock) Магнус, шведский полководец 22, 205
Шувалов И. И. 29, 56, 166, 206, 211, 215
Шуйский Василий Иванович 172—174, 177, 178, 185, 228, 234
Шуйский Иван, кн. 173
Шхонебек Адриан, гравер 32, 205

Щеглова С. А. 16
Щек, брат Кия 35, 145
Щепкина М. В. 78, 103
Щербатов М. М. 48, 64—66, 70—75, 77, 79—81, 91, 106, 107, 116, 166, 171, 172, 177, 182, 211, 212, 218, 219, 230, 234

Эврипид (Еврипид — Euripide) 154
Эдигей (Едигей), татарский хан 83, 84
Эмин Ф. А. 182
Эней (Еней), герой поэмы «Энеида» Вергилия 188, 206, 208

Юлий Цезарь, Гай (C. Julius Caesar), римский полководец и государственный деятель 14, 30, 178
Юпитер, мифол. 14
Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий, вел. кн. киевский, сын Владимира Мономаха 185
Юрий Всеволодович, вел. кн. владимирский, сын Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо 85
Юрий Данилович, кн. московский и вел. кн. владимирский 86
Юстиниан (Июстиниан, Зустеней), византийский воевода 38

Ягайло, вел. кн. литовский и король польский 168, 169
Язон, мифол. 27
Яков Мирко 65
Яковлев Савва, владелец бумажной фабрики в Ярославле 75
Ярополк Святославич (945—980), вел. кн. киевский 126—129, 131, 132, 134—136, 138—144, 182, 232, 234
Ярослав I Владимирович Мудрый, вел. кн. киевский, сын вел. кн. Владимира Святославича 44, 50, 57, 79, 95, 96, 111, 113, 130, 162, 163, 185, 228—231
Ярослав Владимирович Осмомысл, кн. галицкий 91
Ярослав Всеволодович, кн. новгородский, затем вел. кн. владимирский 64, 108
Ярослав Ярославич, вел. кн. тверской, брат Александра Невского 71, 72, 74, 156

Оглавление

Стр.

От автора 3

Введение. От древнерусской литературы к литературе нового времени 6

Глава I. Памятники древнерусской литературы в изданиях и исторических сочинениях XVIII в. . . 19

Глава II. Трагедии XVIII в. на темы древнерусской литературы 126

Глава III. Значение древнерусской литературы в формировании эпической поэзии и торжественной лирики XVIII в. 186

Послесловие 233

Summary . 236

Список сокращений . . 238

Указатель произведений литературы 239

Указатель имен . 249

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА
МОИСЕЕВА

Древнерусская литература
в художественном сознании
и исторической мысли в России
XVIII века

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Романова*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *О. И. Буркова*, *М. Ю. Гордеева* и
Л. А. Привалова

ИБ № 9145

Сдано в набор 22.04.80. Подписано к печати 11.09.80.
М-38920. Формат 70×90 1/16. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 16 1/2.
Усл. печ. л. 19.3. Уч.-изд. л. 21.41. Тираж 5000.
Изд. № 7647. Тип. зак. 1381. Цена 2 р. 60 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»

Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:

117192 Москва В-192, Мичуринский пр., 12
магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;
197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7
магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»
или в ближайший магазин «Академкнига»,
имеющий отдел «Книга — почтой»:

480091 **Алма-Ата,** ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 **Баку,** ул. Джапаридзе, 13;
320005 **Днепропетровск,** пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе,** пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
335009 **Ереван,** ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск,** ул Лермонтова, 289;
252030 **Киев,** ул. Ленина, 42;
252030 **Киев,** ул. Пирогова, 2;
252142 **Киев,** пр. Вернадского, 79;
252030 **Киев,** ул. Пирогова, 4, («Книга — почтой);

2 р. 60 к.